С. М. БУДЕННЫЙ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ

СОЮЗА ССР

Маршал Советского Союза
С. М. БУДЕННЫЙ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1959

ОТ АВТОРА

В 1917 году капиталистический мир был потрясен гигантским событием — Великой Октябрьской социалистической революцией в России, положившей начало новой эры во всемирной истории,— эры социализма. В ожесточенной борьбе с царским самодержавием и буржуазно-помещичьим строем рабочий класс нашей страны в союзе с трудящимся крестьянством под руководством Коммунистической партии и великого Ленина ликвидировал гнет, насилие и эксплуатацию человека человеком и провозгласил Советское социалистическое государство. В огне гражданской войны, навязанной свергнутыми классами и международным империализмом, советский народ создал армию нового типа, которая отстояла великие октябрьские завоевания, покрыв свои боевые знамена неувядаемой славой.

История Октябрьской революции и защиты Советского государства насыщена выдающимися подвигами трудового народа, описание которых возможно только в десятках томов исторической и художественной литературы. Сознавая это, я не ставил себе целью освещать даже ход борьбы с контрреволюцией на всем юге России, а лишь решил поделиться с читателями воспоминаниями о событиях, непосредственным участником которых я был. Основное место в первой книге отводится созданию и боевым действиям советских кавалерийских

частей и соединений, которыми мне выпала честь командовать при разгроме белогвардейских армий генералов Краснова и Деникина. Материалом для написания книги послужили личные воспоминания и архивные документы. Выражаю глубокую благодарность моему ближайшему помощнику в работе над книгой майору Степану Николаевичу Молодых и полковнику запаса Степану Васильевичу Чернову за их большой труд по подбору и систематизации необходимых мне документов.

Я буду искренне благодарен читателям, особенно боевым соратникам по гражданской войне, за отзывы о книге и постараюсь использовать полученные замечания и пожелания в дальнейшей работе над своими воспоминаниями.

Свою скромную работу я посвящаю светлой памяти бойцов, командиров и политработников Красной Армии, павших в боях за свободу и независимость Советского государства.

С. М. БУДЕННЫЙ

28 января 1958 года.

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

I. ДО ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

1

Вскоре после отмены крепостного права мой дед, крестьянин слободы Харьковской, Бирючинского уезда, Воронежской губернии, вынужден был покинуть свои родные места: подати и выкупные платежи, которые ему приходилось платить за одну десятину полученной им земли, оказались непосильными. Бросив свое разоренное хозяйство, дед с тремя малолетними детьми — в числе их был и мой двухлетний отец — перебрался на Дон. Но и здесь, в богатом казачьем крае, для пришлых или, как их называли, иногородних крестьян, жизнь была не легче.

Вся земля на Дону издавна принадлежала казакам и помещикам. Уделом иногородних было батрачество. В поисках сезонной работы они метались по краю. Среди привилегированного казачества иногородний крестьянин-батрак был совершенно бесправным человеком. Казак мог безнаказанно избить и даже убить его. А каких только налогов не придумывали казацкие атаманы для иногородних: за землянку — налог, за окно — налог, за трубу — налог, за корову, овцу, курицу — налог.

Отец мой, Михаил Иванович, как и дед, всю жизнь работал батраком. В молодости, не имея своего собственного угла, он кочевал по Дону из станицы в станицу в поисках работы, а женившись на крестьянке из бывших крепостных слободы Большой Орловки, Меланье Никитичне Емченко, обосновался в хуторе Козюрин, недалеко от станицы Платовской. На этом хуторе я родился в 1883 году и прожил тут до 1890 года, когда нужда заставила нашу семью отправиться на Ставропольщину. В том же году мы вернулись на Дон и поселились на хуторе Литвиновке (Дальний), расположенном на пра-

вом берегу реки Маныч, в сорока километрах к западу от станицы Платовской. Здесь в девятилетнем возрасте меня определили мальчиком в магазин купца первой гильдии Яцкина, бывшего коробейника, владевшего, кроме магазина, тремя тысячами десятин земли, которую он арендовал у казаков.

Днем я был на побегушках у хозяина и приказчиков, а вечером, когда все мои однолетки уже спали, мыл грязные, затоптанные, заплеванные полы магазина. Потом — я тогда уже был подростком — хозяин послал меня работать в кузницу.

Работая в кузнице подручным кузнеца и молотобойцем от зари до зари, я не мог ходить в школу, а учиться хотелось, и я начал постигать грамоту с помощью старшего хозяйского приказчика Страусова. Он взялся научить меня читать и писать, и за это я должен был убирать его комнату, чистить обувь, мыть посуду, в общем выполнять обязанности прислуги. После работы я оставался в кузнице и при свете каганца учил заданные мне Страусовым уроки.

Трудно это было после тяжелого рабочего дня. Глаза слипались, и, чтобы не уснуть, я с букварем в руке становился коленями на наваленную в кузнице груду антрацита или окатывал себя водой.

Уже юношей я работал у того же купца Яцкина на локомобильной молотилке смазчиком, кочегаром, а потом и машинистом.

Осенью 1903 года меня призвали в армию. Я призывался в Бирючинском уезде Воронежской губернии, в той волости, откуда был родом мой дед и где мы получали паспорта. В числе новобранцев, призванных на службу в кавалерию, меня направили из г. Бирюча в Маньчжурию. Мы прибыли туда в январе 1904 года, когда уже началась русско-японская война. Где-то между Цицикаром и Харбином из нашего эшелона была отобрана партия новобранцев для пополнения 46-го казачьего полка. В этом полку, стоявшем на охране коммуникации русской армии в Маньчжурии и несшем службу летучей почты, я прослужил до конца войны, участвовал в нескольких стычках с хунхузами.

После окончания войны 46-й казачий полк отправился обратно на Дон, а нас, молодых солдат, служивших в нем, перевели в Приморский драгунский полк,

расквартированный в селе Раздольном, под Владивостоком.

Во время моей службы в Приморском драгунском полку произошла первая русская революция. Революционные выступления происходили и в воинских частях, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке, и особенно на кораблях военно-морского флота. Мы, драгуны, узнавали об этом из прокламаций, которые по утрам находили у себя в казармах. Из революционных лозунгов самую горячую поддержку среди нас, в большинстве крестьян, встречал лозунг: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает!»

В 1907 году командование полка направило меня в Петербургскую школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. Тогда в кавалерийских полках была должность наездника, обязанного вести инструкторское наблюдение за выездкой молодых лошадей. Таких вот наездников-инструкторов и готовила школа, в которую меня послали. Окончание этой школы сулило мне возможность избавиться от тяжелой доли батрака, ожидавшей меня дома после возвращения с солдатской службы: полковой наездник, отслуживший свой срок, всегда мог устроиться берейтором (тренером) на какой-нибудь конный завод.

Проучившись в школе около года, я хорошо усвоил правила работы с лошадью и на соревнованиях занял первое место по выездке молодых лошадей. Это давало мне право, пройдя второй год обучения, остаться в школе на должности инструктора-наездника. Но полку нужен был свой наездник, и, не желая терять его, командование полка поспешило отозвать меня из школы — хватит, мол, учиться, раз уже вышел при зачетах на первое место.

В школе мне присвоили звание младшего унтер-офицера. Вернувшись в полк, я занял должность наездника и вскоре получил звание старшего унтер-офицера. По должности я пользовался правами вахмистра.

Прошел срок службы, но я остался в Приморском драгунском полку как сверхсрочник. Летом 1914 года мне был дан отпуск с правом выезда в станицу Платовскую, куда к тому времени переехал отец с семьей.

Вскоре после того как я приехал домой, началась первая мировая война. Она прервала мой отпуск, но в

свой полк я уже не мог вернуться. По существовавшему тогда положению я как унтер-офицер сверхсрочной службы, находившийся в отпуску, в первый же день объявления мобилизации должен был явиться в местное воинское присутствие и получить направление в войсковую часть.

Вместе с мобилизованными из запаса меня направили в город Армавир — к месту расположения запасного драгунского кавалерийского дивизиона. Этот дивизион готовил пополнение (маршевые эскадроны) для действующих на фронте частей Кавказской кавалерийской дивизии.

Еще по пути к месту назначения некоторые мобилизованные открыто выражали свое недовольство царской политикой, втянувшей Россию в ненужную ей войну. В запасном дивизионе это недовольство резко усилилось и дошло до открытого возмущения. Поводом к нему послужил следующий случай.

Однажды утром, когда солдаты дивизиона заканчивали уборку лошадей, к коновязям подъехал в экипаже офицер маршевого эскадрона.

— Смирно! — подал команду вахмистр и пошел навстречу с рапортом.

Офицер был так пьян, что едва вылез из экипажа. Ему показалось, что вахмистр недостаточно расторопен, и он обрушился на него с грубой бранью. Разбушевавшись, офицер выхватил револьвер, ткнул им в побледневшее лицо вахмистра.

— Застрелю, сволочь!

Это взорвало солдат. В один миг все три эскадрона набросились на офицера и буквально растерзали его на месте. Возмущение на том не кончилось. Всем было известно, что в тюрьме, расположенной по соседству с дивизионом, сидят люди, открыто выступившие против империалистической войны и самодержавия. Возбужденные расправой с офицером, солдаты маршевых эскадронов бросились к тюрьме, разогнали стражу и выпустили заключенных.

К месту происшествия прибыла конная и пешая жандармерия и полиция, но они оказались не в силах усмирить солдат.

Спустя несколько дней запасный кавалерийский дивизион был оцеплен ночью крупными силами жандар-

мерии. С рассветом начались допросы. От солдат требовали выдать зачинщиков и подстрекателей. Но солдаты не выдали своих товарищей. Следствие было прекращено. Никто из солдат не понес наказания. Дело ограничилось тем, что командование поторопилось отправить маршевые эскадроны в части действующей армии.

2

В начале сентября мы прибыли на Западный фронт. Наши маршевые эскадроны были распределены по частям Кавказской кавалерийской дивизии, которая действовала западнее Варшавы, в направлении города Калиш. Дивизия была двухбригадного состава, и в нее входило четыре полка — три драгунских и один казачий. Меня назначили в 18-й Северский драгунский имени короля датского Христиана IX полк взводным унтер-офицером 5-го эскадрона. Я попал в третий взвод, которым командовал поручик Кучук Улагай, по национальности карачаевец. Командиром эскадрона был кабардинский князь ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов. Полком командовал полковник Гревс, а дивизией — генерал-лейтенант Шарпантье.

Даже мы, солдаты, вскоре убедились в полной бездарности командования дивизии, состоящего преимущественно из офицеров иностранного происхождения и кавказских князьков.

Это было в начале ноября 1914 года. Кавказская кавалерийская дивизия, продвигаясь на запад из района Конин, получила задачу овладеть местечком Бжезины. Наш 5-й эскадрон находился в головном отряде полка.

В ночь с 7 на 8 ноября командир эскадрона ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов вызвал меня к себе и приказал готовить взвод в разведку в направлении местечка Бжезины. При этом он предупредил, что так как командир взвода поручик Улагай страдает животом, или, как он сказал, «медвежьей» болезнью, то командовать взводом придется мне. Относительно болезни Улагая у нас сомнений не было: он не раз уже под различными предлогами избегал участия в бою.

В два часа ночи наш взвод выступил в указанном направлении. Справа от нас действовал такой же разъезд 17-го Нижегородского драгунского полка; слева —

разъезд 16-го Тверского драгунского полка. К утру мы достигли Бжезины и скрытно расположились на опушке леса в пятистах метрах южнее местечка. По шоссе, которое пересекает Бжезины, непрерывной лентой двигались немецкие обозы. Они состояли из больших, доверху нагруженных фургонов в упряжке из четырех лошадей цугом, как в артиллерии. На каждом фургоне, кроме ездового, сидело еще четыре вооруженных солдата.

Увидев, что обстановка благоприятствует для нападения на противника, я послал солдата с донесением к командиру эскадрона. Вернувшись, солдат передал устное распоряжение ротмистра — продолжать скрытно от противника вести наблюдение за ним.

Немецкие обозы все двигались и двигались. Свыше часа я вел наблюдение и после этого вновь послал донесение. Однако и на этот раз командир эскадрона повторил свое приказание — наблюдать за противником и ни при каких обстоятельствах не обнаруживать себя.

После двух часов наблюдения я послал к командиру эскадрона солдата с просьбой разрешить атаковать обоз силами взвода. Ротмистр вновь предупредил, что мы не должны предпринимать какие-либо действия, а когда я через некоторое время повторил свою просьбу, он категорически запретил атаку и приказал больше донесений не посылать, так как, мол, обозы противника у него на виду и он сам знает, что и когда предпринимать.

И действительно, выехав на восточную опушку леса, я увидел невдалеке на возвышенности группу офицеров и генералов во главе с начальником дивизии Шарпантье, рассматривавших в бинокли немецкий обоз.

Мне ничего не оставалось больше как вернуться к взводу и продолжать вести бесцельное наблюдение.

Часа два по шоссе шли немецкие обозы, и все это время мы стояли и наблюдали за ними — вся Кавказская дивизия во главе со своим командованием.

Обозы двигались уже не сплошной колонной, а группами с небольшими промежутками.

На свой страх и риск я решил силами взвода (33 человека) атаковать группу обоза немцев, следовавшую из Бжезины. Выдвинувшись для атаки на опушку леса, мы увидели немецкую батарею на конной тяге, двигавшуюся впереди обозов, примерно в трехстах метрах. Трое конных артиллеристов направились в нашу сторону. Это

грозило сорвать успех атаки. Однако, не доезжая леса, конные немцы повернули на шоссе и, догнав свою батарею, скрылись за поворотом. Обоз приближался. Внезапной и стремительной атакой взвод сбил головные повозки с дороги и повернул всю колонну в сторону расположения командования нашей дивизии. Оказалось, что хвост обоза прикрывала рота немецкой пехоты с двумя станковыми пулеметами. Раздумывать было некогда, и я немедленно повел драгун в атаку на прикрытие немецкого обоза. Атака была настолько неожиданной, что пехота противника не успела развернуться и открыть огонь. Побросав винтовки, немецкие солдаты сдались в плен. Два офицера оказали сопротивление и были зарублены. Мы захватили около двухсот пленных, из них два офицера, повозку с револьверами разных систем, повозку с хирургическими инструментами и тридцать пять повозок с теплым зимним обмундированием.

Подобрав двух наших солдат, убитых в этом бою, и сложив на повозки брошенное немцами оружие, мы направились с пленными в расположение своей дивизии. Но выдвинувшись на опушку леса, я увидел, что нашей дивизии нет, а на высоте, где недавно стояло командование дивизии, рвутся фугасные и шрапнельные снаряды. Огонь вела батарея противника, которую мы пережидали, чтобы атаковать обоз.

Немецкие артиллеристы обнаружили нас и перенесли огонь в нашу сторону. Стреляли они неудачно. Снаряды делали большой перелет и рвались, не причиняя нам вреда. Однако из Бжезины начала выдвигаться большая колонна пехоты противника, и нам пришлось поскорее убраться с шоссе, чтобы не попасть под ее огонь.

Прибыв со взводом к месту расположения дивизии, мы обнаружили там только брошенные эскадронные кухни и конногорную пушку с обрубленными постромками. Почему дивизия отступила, мы не поняли, но по оставленным в пути повозкам с овсом, крупой и различными продуктами видно было, что отступала она поспешно.

Догоняя дивизию, наш взвод подбирал по пути все, что было брошено ею. На одном кладбище мы с почестями похоронили своих убитых солдат. Только на третий день взвод догнал свой полк, отступивший от Бжезины почти на сто километров.

За бой под Бжезинами все солдаты взвода были награждены: одни Георгиевскими крестами, другие медалями «За храбрость». Меня наградили Георгиевским крестом 4-й степени.

Награжден был солдатским крестом и командир эскадрона ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов, хотя участие его в бою состояло только в том, что он убегал от противника. Бой произошел в Михайлов день, а ротмистра Крым-Шамхалова-Соколова, принявшего православную веру, звали Михаилом. Драгуны шутили:

— Видно неудобно было обойти именинника.

Царская военная печать, освещая события на Западном фронте, писала, что доблестная Кавказская кавалерийская дивизия лихой атакой под Бжезинами разгромила немцев, захватив большие трофеи. При этом захваченные нашим взводом трофеи были увеличены в сообщении ровно в десять раз.

Я спросил Улагая:

— Почему пишут неправду?

— Для ободрения духа,— сердито ответил поручик.— Ведь это первая победа нашей дивизии над немцами.

3

В конце ноября 1914 года Кавказскую кавалерийскую дивизию перебросили по железной дороге в район Тбилиси для боевых действий на Турецком фронте. Наш 18-й Северский драгунский полк расквартировался в немецкой колонии Александрдорф и больше месяца простоял здесь в ожидании отправки на фронт.

Это время службы в царской армии осталось в моей памяти самым мрачным.

Еще на Западном фронте офицерский состав нашей дивизии вел праздный образ жизни и мало интересовался тем, как живут солдаты. По прибытии в Тбилиси офицеры совсем разложились. На глазах солдат они пьянствовали, азартно играли в карты, развратничали. Существовавшая в царской армии система содержания войск давала офицерам возможность свободно распоряжаться деньгами, которые отпускались на содержание солдат и лошадей. Деньги офицерами пропивались и проигрывались в карты, а солдаты голодали. В Александрдорфе

дело дошло до того, что солдатам нашего полка совершенно прекратили приготавливать пищу, а лошадям выдавать фураж.

Помню, как однажды при мне вахмистр эскадрона Бондаренко обратился к ротмистру Крым-Шамхалову-Соколову с просьбой отпустить деньги на питание солдат:

— Голодают солдаты, ваше высокоблагородие.

Ротмистр нецензурно выругался, а затем выбросил из кармана три рубля и крикнул:

— На, купи им телегу дров, пусть грызут!

Вскоре после этого вахмистр Бондаренко по болезни уехал из полка, а исполняющим обязанности вахмистра остался старший унтер-офицер Хестанов. Это был унтер-пришибеев в самом худшем виде, презиравший солдат и пресмыкавшийся перед офицерами.

С первого же дня прибытия в полк Хестанов возненавидел меня за доброе отношение к солдатам и не упускал случая, чтобы чем-нибудь опорочить. Как это ни трудно было мне, но обычно я сдерживался в обращении с ним. И все-таки Хестанов довел меня до того, что я не выдержал и чуть было не поплатился за это своей головой.

Однажды во время занятий по стрелковому делу, проводившихся вблизи коновязей, солдаты задали мне вопрос, который не сходил у них с уст: когда же наконец кончатся голодовки, когда же наконец их будут кормить по-человечески?

Что я мог ответить?

Увидев подходившего к нам Хестанова, я сказал:

— Вот идет вахмистр. Поставьте этот вопрос перед ним сами. Я уже много раз говорил ему об этом, а толку нет. Только говорите не по одному, а все разом.

Солдаты так и поступили.

Когда Хестанов подошел, я скомандовал: «Встать!» Он посмотрел на людей и приказал садиться. Солдаты сели и все в один голос спросили:

— Когда нас начнут кормить?

Хестанов резко повернулся ко мне:

— Это ты научил своих солдат бунтовать?

Я ответил ему, что бунта тут никакого не вижу:

— Людей не кормят уже больше месяца, и они вправе спросить, почему это происходит.

Хестанов, посинев от злости, закричал:

— Встать смирно, ты арестован! Это тебе не армавирский погром, ты у нас давно на подозрении, мерзавец! — и он ткнул мне в лицо кулаком.

Не стерпел я обиды и, вместо того, чтобы встать «смирно», развернулся и с силой ударил Хестанова. Он упал и долго пролежал неподвижно. Поднявшись, Хестанов схватился за голову и молча ушел.

Я сказал солдатам, что если кто-нибудь из них сообщит командованию о том, что я ударил вахмистра, меня предадут полевому суду и расстреляют. Солдаты молчали, пока кто-то не предложил свалить вину на коня Испанца.

Был у нас такой конь злого нрава.

Многие уже пострадали от него: кому ухо откусил, кому — палец, кого копытом хватил. И вот-де, когда Хестанов проходил по коновязи, Испанец ударил его — дневальный по конюшне видел этот «несчастный случай».

Договорившись на этом, все солдаты поцеловали клинок шашки и дали клятву, что не выдадут меня ни при каких обстоятельствах.

Какой оборот примет дело, трудно было сказать. Драгуны по опыту прошлого считали, что если командир эскадрона вызовет меня и изобьет, то под суд отдавать не будет, а если бить не станет, то значит определенно отдаст под суд.

Я объявил перерыв для перекура. Но не успели солдаты покурить, как подошел забинтованный Хестанов, а за ним старший взводный унтер-офицер Гавреш.

Хестанов приказал построить взвод. Я построил солдат в две шеренги. Правофланговым в первой шеренге стоял дневальный по конюшне взвода Пискунов.

— Ты видел, как меня ударил Буденный? — обратился к нему Хестанов.

— Никак нет, я этого не видел,— ответил Пискунов.— Я видел, как вас ударил конь Испанец и вы упали, а затем вскочили на ноги и побежали.

Хестанов в бешенстве закричал:

— Врешь, мерзавец!

Успокоившись, он повторил вопрос, обращаясь к солдату Кузьменко, стоявшему во второй шеренге в затылок Пискунову.

Кузьменко был в нашем взводе самым неразвитым солдатом, ко всему относился безразлично. Я боялся, что он не выдержит и выдаст меня. Однако этого не случилось, Кузьменко спокойно ответил:

— Никак нет, господин вахмистр, я видел, как вас ударил конь Испанец, вы упали, а куда потом делись, не знаю.

Хестанов опросил всех солдат взвода. Все говорили одно и то же. Еще раз оглядев по очереди всех солдат, он плюнул, выругался и ушел вместе с Гаврешом.

Что доложили Хестанов и Гавреш командиру эскадрона, мы не знали, но ясно было, что Хестанов постарается отомстить мне.

Спустя два дня после происшествия меня вызвал к себе на квартиру Крым-Шамхалов-Соколов. Когда я явился к нему, он играл в карты с офицерами нашего полка.

На просьбу доложить обо мне денщик ответил:

— Обожди, ротмистр сейчас банкует.

Дверь в комнату была приоткрыта. Офицеры сидели за столом, на котором среди винных бутылок лежала куча денег. Я услышал, как Крым-Шамхалов-Соколов сказал:

— Вы слышали, господа, про этого негодяя?

Кто-то из офицеров спросил:

— Про кого?

— Да про Буденного,— ответил командир эскадрона.— Он избил вахмистра Хестанова, и вот я сейчас вызвал его.

— И что же ты — думаешь отдать его под суд?

— Обязательно.

Один из офицеров стал уговаривать Крым-Шамхалова-Соколова не предавать меня полевому суду, а ограничиться дисциплинарным взысканием. Тот промолчал и, закончив банк, вызвал меня.

— Буденный,— обратился ко мне командир эскадрона.— Ну-ка расскажи, как ты избил Хестанова?

Я ответил, что Хестанов с самого начала моего прибытия в полк почему-то относится ко мне неприязненно и на этот раз нарочно придумал, что я его избил, хотя известно, что вахмистра ударил конь Испанец — все драгуны подтвердили это.

Мое объяснение привело ротмистра в ярость, похоже было, что он сейчас начнет избивать меня. Но этого не случилось. Он ограничился грубой бранью, а потом, указав на дверь, крикнул:

— Пошел вон, подлец!

Когда я возвратился во взвод и рассказал солдатам все как было, они сделали вывод, что меня отдадут под суд.

На второй день я, будучи дежурным унтер-офицером по полку, встретил ехавшего в штаб полка командира бригады генерала Копачева. Генерал знал меня по Западному фронту. Он остановил экипаж, подозвал меня к себе и спросил:

— Что ты там сделал, голубчик, что тебя предают полевому суду?

Я ответил, что меня оклеветали.

Генерал этот был очень религиозным человеком. Он покачал головой.

— О господи, господи! Храбрый солдат, а, видно, сделал неладное. Ну что же теперь будет, что же теперь будет?

Я ответил:

— Воля ваша, ваше превосходительство.

— Раз отдают,— вздохнул генерал,— надо идти, что же поделаешь, воля божья.

И он поехал дальше.

Так я узнал, что меня предают полевому суду. Ну, а полевой суд в военное время мог вынести только один приговор — смертная казнь. Вопрос был лишь в том, повесят меня или расстреляют.

В штабе полка у меня был знакомый писарь Литвинов, служивший раньше в одном со мной взводе маршевого эскадрона. Я зашел к нему, и он подтвердил, что Крым-Шамхалов-Соколов рапортом на имя командира полка просит предать меня полевому суду, что вопрос фактически уже решен и судить меня будет полевой суд нашей дивизии.

Я задумал бежать из полка. Поделившись с Литвиновым своим намерением, я попросил его сообщить мне день, на который будет назначено заседание суда.

Вместе со мной решили бежать дружески расположенный ко мне Пискунов и еще два солдата. Готовясь к побегу, мы сумели раздобыть по 250 патронов на каж-

дого. Все было готово, мы ждали только удобного для бегства момента.

Вскоре полк выступил походным порядком на город Карс.

Первый ночлег предполагался в селении Коды. Отсюда мы и решили бежать ночью. Однако положение неожиданно изменилось.

Когда мы подходили к Коды, полку приказано было выстроиться в каре. На середину полка вынесли штандарт (полковое знамя). И вдруг я слышу команду:

— Старшему унтер-офицеру Буденному на середину полка галопом, марш!

Дав шпоры коню, я поскакал к командиру полка. Когда я подъехал к нему, была подана команда:

— Полк, смирно!

Адъютант полка зачитал приказ по дивизии, в котором говорилось, что старший унтер-офицер Буденный за совершенное им преступление подлежит преданию полевому суду и расстрелу...

В глазах у меня потемнело, стремительно пронеслась мысль: «Расстрел... конец всему...»

Но адъютант, сделав паузу, продолжал:

— ...Но, учитывая его честную и безупречную службу до совершения преступления, командование дивизии решило: под суд не отдавать, а ограничиться лишением Георгиевского креста четвертой степени.

Вздох облегчения вырвался у меня из груди.

После оглашения приказа по дивизии с меня сняли Георгиевский крест. На этом дело и закончилось. Я остался на своей должности взводного унтер-офицера 3-го взвода 5-го эскадрона 18-го Северского драгунского полка.

4

Кавказская кавалерийская дивизия продолжала свой поход на Карс, откуда ее предполагалось бросить на Эрзурум, но обстановка изменилась, и полки дивизии из Карса двинулись вдоль персидской границы, в обход озера Урмия на турецкий город Ван.

В бою за город Ван я со своим взводом, находясь в разведке, проник в глубокий тыл расположения противника, а в решающий момент боя атаковал его батарею в составе трех пушек и захватил ее. За это меня вновь на-

градили Георгиевским крестом 4-й степени. Вместе со мной были награждены и некоторые солдаты взвода.

Разгромив турецкий гарнизон в городе Ван, дивизия двинулась на Битлис, с Битлиса на Муш, а затем на Ереван, где была погружена в вагоны и переброшена в Баку, а из Баку на Украину, в город Проскуров.

Из Проскурова мы выступили в поход на Черновицы, но дошли только до местечка Гусятин. Отсюда нас вернули в Проскуров, а из Проскурова дивизия была переброшена по железной дороге назад в Баку. Трудно сказать, чем объяснялись все эти переброски.

В Баку нашу дивизию включили в состав экспедиционного корпуса генерала Баратова и пароходами перебросили по Каспийскому морю в Персию. Экспедиционный корпус имел задачу выйти в район Багдада и соединиться с войсками англичан для совместных действий против Турции.

13 января 1916 года, выгрузившись в Энзели (Пехлеви), дивизия двинулась на Багдад.

В районе города Менделидж она вступила в бой с турецкими войсками, в результате которого вынуждена была отойти на Керманшах, куда тем временем подошел почти весь корпус генерала Баратова. За участие в нескольких атаках под Менделиджем я был награжден Георгиевским крестом 3-й степени.

В районе Керманшаха мы около двадцати дней занимали оборону, а затем вместе со всем корпусом перешли в наступление и прорвали оборону турок.

Наша Кавказская кавалерийская дивизия быстро двигалась на Багдад, не встречая особого сопротивления войск противника. На пути встречались только отдельные конные группы курдов. Как правило, они серьезного боя не принимали, а лишь внезапными налетами тревожили наши тылы.

Мой взвод был послан в разъезд с задачей — разведать город Бекубэ и далее двигаться на Багдад. Такие же разъезды выслали вперед и другие полки дивизии.

Все разъезды благополучно достигли Бекубэ, послали донесения и продолжали движение на Багдад. Но когда мы продвинулись километров на пятнадцать от Бекубэ, посыльные, направленные с донесением к командиру эскадрона, вернулись и доложили мне, что дивизия отошла на Керманшах, а они нарвались на колонну турок,

следовавшую в направлении Ханэкин. Они сообщили также, что видели, как разъезды наших соседних полков, скрытно от противника, отходили обратно.

Пришлось и нам в связи с изменившейся обстановкой повернуть назад. Подойдя к Ханэкину, мы увидели караваны выюченных верблюдов. Это были турецкие обозы. Выбрав подходящий момент, взвод атаковал два каравана верблюдов, вьюки которых были загружены мукой, сухарями, галетами, хурмой и изюмом. От пленных выяснили, что впереди обозов движутся турецкие войска, для которых и подвозилось продовольствие. Нам стало ясно, что идти на соединение со своим полком по большой дороге нельзя — надо отклониться в сторону и прорываться где-то в другом месте. Двигаясь проселочными дорогами, взвод достиг селения Хирави. Отсюда мы начали вести разведку с целью нащупать слабые места в расположении противника.

После длительного наблюдения за турками взвод прорвался через их фронт и в селении Вариле присоединился к своей дивизии. При прорыве мы захватили в плен сторожевую заставу турок и доставили пленных в полк. В эскадроне обрадовались и очень удивились нашему возвращению. Все думали, что мы уже не вернемся: был приказ по полку, которым личный состав взвода исключался из списков части, как без вести пропавший.

Мы действовали в тылу противника двадцать два дня. За эти действия солдаты взвода получили награды. Награжден был и я Георгиевским крестом 2-й степени.

Под Керманшахом Кавказская кавалерийская дивизия и весь экспедиционный корпус генерала Баратова вновь перешли к обороне и занимали ее в этом районе более трех месяцев.

Однажды вахмистр нашего эскадрона Бондаренко, вернувшийся из госпиталя после излечения, вызвал к себе взводных унтер-офицеров и сообщил, что командир полка приказал каждому эскадрону достать «языка», то есть захватить в плен турецкого солдата или офицера. Бондаренко, конечно, имел право каждому из нас приказать идти в разведку. Но он почему-то предложил собравшимся взводным унтер-офицерам тянуть жребий — кому идти за «языком». Жребий вытянул я. Со мной должны были пойти четыре солдата. Я решил, что лучше самому отобрать людей из числа добровольцев, чем полагаться

на жребий. И мне было предоставлено право выбора по одному от взвода.

Из одного взвода взять всех четырех нельзя было, так как в результате боев и болезней в подразделениях осталось мало людей. Например, у меня во взводе было всего тринадцать человек.

Выбрав из добровольцев самых надежных, я повел их на разведку обороны противника. Находясь со своим взводом продолжительное время в сторожевом охранении, я достаточно изучил турецкую оборону, состоящую из трех линий окопов, с проволочными заграждениями в три ряда перед каждой линией. Но надо было еще раз вместе с солдатами осмотреть передний край обороны противника и выбрать участок, где легче будет захватить пленного. В результате разведки мы наметили направление движения и место, где сравнительно не трудно было проникнуть в расположение противника.

Возвратившись из дневной разведки, мы тщательно приготовились к ночным действиям. Без шпор и шашек, вооруженные винтовками и тесаками, мы глубокой ночью прибыли в расположение сторожевого охранения полка и, оставив здесь коноводов, пошли пешком. Шли осторожно, а приблизившись к линии турецкой обороны, начали продвигаться вперед ползком. Пробрались к первой линии окопов, но противника не обнаружили. Двинулись ко второй линии — и там никого нет. Подползли к третьей линии — здесь много турецких солдат: сидят и чай варят. Из окопов дым валит, как из трубы.

Притаившись, ждем, но напрасно: ни один турок из окопов не вылезает. Огорченные неудачей, возвращаемся обратно, время от времени замираем, прислушиваемся. Вдруг до нас доносится издали разговор. Знаками подаю команду двигаться в ту сторону. Ползем, и вдруг перед нашими глазами оказываются винтовки, составленные в «козлы». Вокруг винтовок спят турки. Ясно, что это — полевой караул противника. Разговор, который мы слышали, видимо, вели часовой и подчасок, высланные от этого караула. Решаю, что действовать надо быстро и тихо, так как неподалеку должна быть сторожевая застава. Посылаю трех солдат схватить часового и подчаска. Они бесшумно обезоруживают часовых, не встречая никакого сопротивления. После этого очередь доходит до полевого караула. Я забираю винтовки спя-

щих турок, передаю их своим солдатам, а затем громко на турецком языке командую: «Встать, руки вверх!» Турки вскакивают и послушно исполняют мой приказ.

В наших руках оказалось шесть солдат и один старший унтер-офицер противника.

За смелые и успешные действия солдаты, ходившие со мной в разведку, были награждены Георгиевскими крестами. Я был награжден Георгиевским крестом 1-й степени и таким образом стал обладателем полного банта георгиевского кавалера.

5

В конце марта 1917 года Кавказская кавалерийская дивизия сосредоточилась в персидском порту Энзели (Пехлеви) для отправки в Россию.

При погрузке полка на пароходы один из младших офицеров, недавно прибывших в наш полк, сообщил мне «по секрету», что в России произошла революция, в результате которой царь лишился престола и страна объявлена республикой. Этот «секрет» скоро стал достоянием всех солдат, их главной темой в разговорах. Солдаты и унтер-офицеры собирались группами и оживленно обсуждали дошедшие до них новости из России. Были еще солдаты, считавшие, что император — «ставленник божий». Они удивлялись: «Как это царя можно лишить престола?» «Тут что-то непонятно»,— говорили эти солдаты. Но сомнениям их скоро пришел конец. После погрузки лошадей, вооружения и имущества полка на пароходы командир нашего эскадрона подполковник Нестерович, сменивший под Керманшахом ротмистра Крым-

Шамхалова-Соколова, убывшего в отпуск, собрал солдат эскадрона и официально сообщил, что царь отрекся от престола и создано Временное правительство, которое будет управлять страной до созыва Учредительного собрания.

Нестерович говорил, что наступило тяжелое для России время, что немцы наводнили нашу страну шпионами и подстрекателями, чтобы сеять смуту и тем облегчить себе захват русской земли.

Он призывал солдат не вмешиваться в революцию и сохранять полное повиновение своим командирам с тем, чтобы довести войну с немцами до победного конца.

— Независимо от того,— говорил он,— какое правительство будет стоять у власти, мы все свои силы должны направить на выполнение святого солдатского долга.

Вся его речь сводилась к тому, что наше дело защищать страну от врага, а революция нас не касается. Однако всю дорогу на пароходе из Персии до Баку солдаты только и толковали о том, что раз царя уже нет, значит, и войне скоро конец.

Родина встречала нас штормом. Волны с грохотом ударялись о борт парохода. Он вздрагивал всем корпусом, скрипел, тяжело переваливался с боку на бок. Солдаты, не испытавшие в своей жизни морской качки, болезненно переживали ее. Многих тошнило, набожные крестились и шептали молитвы. Лошади волновались, при ударах волн приседали, всхрапывали и били копытами.

В трюме было темно, сыро и нестерпимо душно. Я открыл люк и выбрался наверх. Бурные потоки воды с шумом катились по палубе, ветер пронзительно свистел в снастях. Судно вдруг резко накренилось. Огромная волна, обрушившаяся на палубу, сшибла меня с ног и захлопнула люк трюма. Не знаю, каким чудом я не оказался за бортом парохода. Перевернувшись несколько раз, я как-то успел ухватиться за толстый пеньковый канат, натянутый по краю палубы, и укрыться за палубной надстройкой.

Нам было известно, что в Баку полк пробудет суток трое. Однако, когда пароход вошел в порт, объявили, что в этот же день будем грузиться в вагоны. Такая поспешность, очевидно, была вызвана желанием командования изолировать солдат от народа. В городе проходили демонстрации и митинги. Мы видели шествия большой

массы людей с красными флагами и различными лозунгами.

Выкрики ораторов, гудки пароходов, свистки маневровых паровозов и лязганье буферов вагонов — все это создавало невообразимый шум, сопровождавший выгрузку полка в Баку.

Какой-то оратор, пробравшись к нашему пароходу, собрал вокруг себя солдат и обратился к ним с речью. Он ратовал за поддержку Временного правительства и так же, как Нестерович, призывал довести войну с Германией до победного конца.

Я прогнал оратора и велел солдатам заниматься своим делом. Прогнал я его, конечно, не потому, что он меньшевик или эсер — тогда я еще не мог различить, к какой партии принадлежит оратор,— а просто потому, что торопился с выгрузкой лошадей с парохода и погрузкой их в вагоны.

Поздно вечером весь наш полк погрузился в эшелоны. Мы ждали отправления. Я присел отдохнуть у приоткрытых дверей вагона на тюк прессованного сена. Возле соседнего классного вагона собрались офицеры полка. Они делились впечатлениями о событиях в России. Вокруг было тихо, и я отчетливо слышал весь их разговор.

— Да,— сказал один из них,— монархия в России канула в вечность. Толпе развязали руки. Видели, господа, что делается! Весь этот необузданный сброд с крамольными лозунгами и криками бродит по улицам, попирает все на свете... Нет, нынешней Россией царь и особенно такой безвольный пьянчужка, выродок дома Романовых управлять не может. России нужен диктатор, который бы твердой рукой навел порядок и посадил каждого на свое место.

— Ну, а пока этого нет,— заговорил другой офицер,— мы должны присягать на верность Временному правительству, присягать фабрикантам и заводчикам, для которых нет ничего выше, как стремление к наживе. За барыши они готовы продать все что угодно — честь, совесть, армию и Россию. Как присягать этим болтунам и демагогам? Как, господа, присягать правительству, которому не веришь, которое уже сейчас разлагает армию, хотя и пустозвонит о войне до победы?.. Введение так называемых солдатских комитетов подорвет всякую дисциплину и превратит армию в сброд, подобный тому, кото-

рый мы видим на улицах Баку. Офицера по существу лишают права командовать и превращают в пешку в руках солдатского комитета.

— А что значит отмена титулов? — вмешался третий офицер.— Это же неслыханное надругательство над честью дворянина! Теперь солдата я должен называть господином. Да, помилуйте, какой же он к черту господин! Он был и останется свинопасом, не больше, чем сознательной скотиной! Обратитесь к солдату на «вы» — да он просто не поймет вас. Господин генерал, господин офицер, господин солдат — это позор, а не реформа, как преподносят нам временщики!

Этот случайно услышанный мною разговор глубоко задел меня, особенно возмутили меня офицерские рассуждения о свинопасах.

Ненависть батрака вспыхнула во мне ко всем этим чванливым благородиям, дармоедам, пиявкам на теле народа. Видите ли, я для них лишь скотина.

Презрительное отношение офицерства к простым труженикам я воспринял не только как оскорбление трудового народа, но и как личную обиду.

Вскоре эшелоны двинулись к месту новой дислокации дивизии — в район города Тбилиси.

Наш 18-й Северский драгунский полк расквартировался в Екатеринофельде, в сорока пяти километрах от Тбилиси. Здесь полк был приведен к присяге Временному правительству и здесь же были проведены выборы в эскадронные, полковые и дивизионные солдатские комитеты. Меня избрали председателем эскадронного и членом полкового комитетов.

Прошло несколько дней, как мы вернулись в Россию. Солдаты уже начали разбираться в происходящих на родине событиях. Напрасно наш командир эскадрона подполковник Нестерович убеждал солдат, что Ленин — шпион, завербованный немцами и засланный ими в Россию в опломбированном вагоне для руководства смутьянами и подстрекателями. Напрасно клеветали на Ленина и меньшевики, и эсеры, и кадеты. Мы рассуждали так: раз все мироеды клевещут на Ленина, значит, он против них, значит, он наш. Солдаты расходились только в одном: некоторые считали, что Ленин из рабочих, другие утверждали, что он крестьянин, а третьи — их было

много — говорили, что Ленин унтер-офицер, артиллерист, лейб-гвардеец.

Во время выборов в солдатские комитеты к нам приехал старый большевик Филипп Махарадзе. От него мы узнали правду о Ленине, как о вожде рабочих и крестьян.

Махарадзе призвал солдат посылать в свои комитеты людей, готовых бороться против войны. Высмеивая лозунг, который проповедовали наши офицеры — «Армия вне политики»,— он обращался к нам, к рабочим и крестьянам, переодетым в солдатские шинели, и спрашивал: может ли крестьян не интересовать вопрос о земле — дадут им землю или нет, может ли рабочих не интересовать вопрос о том, кому будут принадлежать фабрики и заводы?

Между прочим Махарадзе заявил нам, что командование нашего полка творит беззаконие, требуя, чтобы солдаты, как и прежде, титуловали офицеров и генералов благородиями, высокоблагородиями и превосходительствами. Мы знали, что во всех полках дивизии уже изданы приказы об отмене титулования, только наше командование упорствовало, и это очень возмущало солдат.

В этот день вечером в помещении офицерского собрания командование полка устроило бал по случаю возвращения в Россию из Персии. На бал были вызваны трубачи и хоры песенников от каждого эскадрона. В числе гостей командования полка были князья и княгини, приехавшие из Тбилиси, офицеры и генералы нашей дивизии, а также других воинских частей и соединений.

Возмущенные солдаты в разгар бала явились толпой в офицерское собрание и потребовали, чтобы командование полка немедленно издало приказ об отмене титулов. Офицеры встретили солдат грубой руганью и зуботычинами. Разгорелся кулачный бой, во время которого какой-то офицер убил одного солдата выстрелом из револьвера. В ответ на этот выстрел солдаты дали залп по офицерскому собранию. Один офицер был убит и несколько ранено.

Расследование этого происшествия не проводилось, а приказ по полку об отмене титулов был издан на следующий же день.

В Екатеринофельде наш полк, как и все части Кавказской дивизии, пополнялся людьми, лошадьми, вооружением, занимался строевой и боевой подготовкой до первых чисел июля 1917 года, когда дивизия в полном составе была переброшена по железной дороге в город Минск.

6

По прибытии дивизии в Минск начались перевыборы солдатских комитетов. Я был избран председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного комитета. Фактически мне пришлось исполнять обязанности председателя дивизионного комитета, так как избранный на этот пост солдат Горбатов был болен туберкулезом и вскоре после перевыборов убыл в госпиталь на лечение.

К этому времени, несмотря на то, что правительство Керенского, захватив всю власть в свои руки, начало преследование большевиков, большевистская партия развернула большую работу среди солдат на фронте и в тылу по созданию своих военных организаций, которые направляли бы деятельность солдатских комитетов.

Деятельность солдатского комитета Кавказской кавалерийской дивизии в Минске, и в частности моя как исполняющего обязанности председателя комитета, проходила под руководством военной организации большевиков Западного фронта и Минской городской парторганизации. Лично я был связан с М. В. Фрунзе, известным тогда у нас под фамилией Михайлова, который в то время был председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, членом Исполкома Минского Горсовета и членом фронтового комитета армий Западного фронта, а затем, во время корниловского мятежа, начальником штаба революционных войск Минского района. Помогал мне и большевик Александр Мясников. Фрунзе и Мясников связали меня с Минским горкомом партии, приглашали на заседания Минского большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов. Я повседневно чувствовал их заботу о повышении моей политической сознательности. Они помогали мне глубже понять политику большевистской партии и разглядеть буржуазное нутро всех партий, враждебных большевикам.

Работа под руководством Фрунзе и Мясникова была моей первой настоящей большевистской школой, хотя я в это время и был беспартийным.

Около 20 августа комендант города Гомеля донес по начальству, что солдаты и унтер-офицеры команд выздоравливающих, расположенных в городе, бунтуют, и просил прислать для их усмирения воинские части. Для этой цели из Минска в Гомель была направлена по железной дороге наша 1-я бригада Кавказской кавалерийской дивизии.

Накануне погрузки бригады в вагоны М. В. Фрунзе сообщил мне, что никакого бунта в Гомеле нет, а просто солдаты возмущены тем, что комендант посылает на окопные работы больных, не желает выполнить их законного требования о создании медицинских комиссий для определения трудоспособности и вообще ведет себя с солдатами вызывающе грубо.

Фрунзе сказал, что посылка бригады в Гомель ничем не оправдывается, но раз командование посылает ее, то и я, как председатель дивизионного солдатского комитета, обязательно должен ехать, чтобы предотвратить кровопролитие и добиться удовлетворения требований гомельских солдат.

— Больше того, генеральной линией здесь нужно считать роспуск солдат по домам,— заключил Михаил Васильевич свое напутствие.

В Гомеле, когда наши эшелоны остановились на товарной станции, помня напутствие Фрунзе, я заявил командованию, что прежде, чем выгружать полки, нужно побывать в городе и выяснить, чем вызвано волнение среди солдат. Командир бригады генерал Копачев, боявшийся кровопролития и поэтому не хотевший обострять положение в городе, охотно согласился со мною.

Я поехал в местный солдатский комитет. Председатель комитета подтвердил все, что говорил Фрунзе о причинах, вызвавших волнение в гарнизоне. Оказалось, что восемьдесят процентов солдат по состоянию здоровья не могут выполнять тяжелых окопных работ, однако комендант упорно отказывается послать их на медицинскую комиссию, не желает считаться с солдатским комитетом и всем своим поведением вызывает возмущение солдат. Конечно, нежелание солдат выходить на окопные работы объяснялось и антивоенными настроениями: сол-

даты и унтер-офицеры не хотели содействовать продолжению войны, которая принесла им только увечия и страдания.

Посоветовав солдатскому комитету завтра же созвать общее собрание солдат и решительно потребовать создания медицинской комиссии, условившись о времени начала собрания и порядке его проведения, я вернулся в бригаду. Генерал Копачев собрал командиров полков и эскадронов и в их присутствии выслушал мою информацию о положении в Гомельском гарнизоне. Я сообщил о назначенном на завтра собрании и сказал, что комитет считает возможным присутствие на этом собрании офицеров нашей бригады, однако он решительно возражает против вступления драгунских полков в город.

На общесолдатское собрание, происходившее на другой день, приехал комендант города. Очевидно, надеясь на помощь прибывшей бригады, он выступил с раздраженной, пересыпанной бранью и угрозами речью. Она кончилась тем, что возмущенные солдаты схватили коменданта и тут же на собрании убили его.

Председатель Гомельского солдатского комитета, выступивший затем на собрании с поддержкой требований солдат, вместе с тем осудил их расправу с комендантом. Потом слово предоставили мне. И я присоединился к осуждению учиненного солдатами самосуда.

В своем выступлении я руководствовался указаниями Фрунзе. Я сказал, что командование прислало в Гомель драгунские полки, но солдатские комитеты присланных полков считают, что нет никаких оснований для вмешательства драгун в дела гомельских солдат, что требование о создании медицинской комиссии для определения годности к службе — законное. Нельзя же на глаз определить — может ли раненый солдат выполнять окопные работы или нет. Это может сделать только специальная комиссия, в которую должны войти наряду с медицинскими работниками и представители от солдат. Возможно, она решит, что вообще всех получивших увечия надо распустить по домам. Я подчеркнул, что нет никакой необходимости держать в армии людей, негодных к службе.

Вернувшись на товарную станцию, где стояли наши эшелоны, я информировал командира бригады о солдатском собрании. Мое сообщение о расправе солдат с ко-

Михаил Васильевич Фрунзе
(1917 г.)

Станица Платовская

Семья Буденных (слева направо): отец — Михаил Иванович; мать — Меланья Никитична; стоят (слева направо): братья — Леонид, Денис, Емельян.

мендантом удручающе подействовало на офицеров бригады. Особенно был удручен генерал Копачев. Он даже перекрестился.

Ссылаясь на боевые традиции полков, защищавших Родину, а не занимавшихся жандармскими делами, я настаивал на том, чтобы бригада немедля отправилась обратно к месту своей постоянной дислокации — в Минск. Напуганное убийством коменданта города, командование бригады вынуждено было согласиться на это.

Перед отходом эшелонов бригады из Гомеля ко мне прибыл товарищ от М. В. Фрунзе и сообщил, что большевистская организация Западного фронта получила сведения о том, что на Оршу по железной дороге двигается «дикая» дивизия, которую генерал Корнилов в числе других войск пытался использовать для ликвидации Советов в Петрограде и установления в стране военной диктатуры. Эту дивизию, двигавшуюся на Петроград, революционные рабочие и солдаты задержали на станции Дно и повернули обратно. Теперь корниловцы решили направить эту дивизию в Москву через Оршу.

Товарищ, прибывший от Фрунзе, сказал, что большевистская организация Западного фронта признала необходимым задержать и разоружить «дикую» дивизию и что эта задача возлагается на дивизионный комитет Кавказской кавалерийской дивизии, в частности на меня. Я сейчас же известил о предстоящей задаче полковые комитеты и заручился их полной поддержкой.

Когда бригада прибыла в Могилев, ко мне в вагон вошел сам Фрунзе. Он повторил то, что было уже сказано мне его посланцем, и предупредил, что нужно принять все возможные меры к тому, чтобы преградить путь «дикой» дивизии на Москву, а если потребуется, не останавливаться и перед применением оружия, но прежде всего следует разъяснить солдатам, чем вызвана необходимость разоружения дивизии. Фрунзе сказал, что по прибытии в Оршу я должен немедленно связаться с местным Ревкомом железнодорожников и действовать совместно с ним. Оршанские товарищи уже поставлены в известность о поставленной вам задаче, и нужно только информировать их о готовности бригады к выполнению ее.

— Все ясно,— ответил я Фрунзе.— Но вот в чем дело... Не трудно подготовить солдат бригады к разору-

жению «дикой» дивизии, но как отнесется к этому командование бригады? Оно определенно будет против разоружения горской дивизии: во-первых, потому, что не имеет на сей счет никаких установок вышестоящего командования, и, во-вторых, из-за опасения, что разоружение может привести к кровопролитию.

Фрунзе рекомендовал мне занять твердую позицию в отношении командования бригады и во что бы то ни стало добиться на основании решений солдатских комитетов дивизии и фронта частичной или полной выгрузки бригады в Орше. Из Могилева Фрунзе уехал в Москву.

Проведя с помощью полковых комитетов соответствующую подготовку солдат к предстоящей задаче, я с первым эшелоном Нижегородского полка прибыл в Оршу, где и началась выгрузка. Командир бригады генерал Копачев запротестовал, заявив, что у него нет указаний о выгрузке и бригада должна следовать в Минск.

— Не дай бог, голубчик, что случится! Кто будет отвечать?

Я ответил генералу, что мы получили указания с фронта и не можем не выполнить их; по-видимому, и он получит такие же указания, а ответственность за последствия берут на себя дивизионный и полковые комитеты.

— Солдаты единодушно поддерживают свои комитеты и твердо намерены задержать «дикую» дивизию,— сказал я.

В конце концов генерал Копачев, командиры полков и весь офицерский состав бригады отступили, заявив, что они снимают с себя ответственность за действия солдатских комитетов. Больше они не вмешивались в дела, связанные с разоружением дивизии горцев. Офицеры, и прежде всего генерал Копачев, опасались, что, встав на путь противодействия солдатам, они рискуют разделить участь коменданта Гомеля.

На вооружении бригады имелось шесть станковых пулеметов и одна конно-горная батарея, которые немедленно были выдвинуты на огневые позиции.

«Дикая» дивизия приближалась к Орше. Ревком железнодорожников внимательно следил за прохождением каждого эшелона. Мы условились принимать эшелоны в Оршу через определенное время с тем, чтобы иметь возможность разоружать горцев поэшелонно.

Горцы сопротивления не оказали. Может быть, они

приняли требование о разоружении как приказание свыше, а, может быть, пулеметы и орудия, приведенные в боевое положение, оказали свое внушающее действие.

Солдаты первых двух эшелонов «дикой» дивизии, после того как они сдали все огнестрельное оружие, были выгружены из вагонов и направлены в г. Быхов пешим порядком. Остальные подразделения дивизии направлялись также в Быхов, но по железной дороге.

Выполнив в Орше указание Фрунзе, наша бригада погрузилась в вагоны и отбыла в Минск.

Начальник дивизии генерал Карницкий, узнав о событиях в Орше, был страшно возмущен, он потребовал предать меня военно-полевому суду. Однако это требование натолкнулось на решительное солдатское «нет!», и вопрос о предании меня суду отпал.

В сентябре — октябре 1917 года большевистская партия, руководствуясь решением VI съезда РСДРП(б), через свои организации на Западном фронте развернула активную работу по завоеванию солдатских масс и подготовке их к социалистической революции.

Эта работа совпала с такими крупными политическими кампаниями, как выборы в местные Советы и подготовка к выборам в Учредительное собрание. В выступлениях перед солдатами, через солдатские комитеты и фронтовую печать большевики повели борьбу против своих основных противников — меньшевиков и эсеров, поддерживавших во всем Временное правительство. Большевики призывали солдат требовать прекращения антинародной войны и заключения демократического мира, добиваться отмены смертной казни на фронте, бороться за передачу земли крестьянам и введение 8-часового рабочего дня с правом контроля рабочих над производством.

На одном из заседаний нашего дивизионного комитета в эти дни выступил А. Ф. Мясников. Призывая утроить усилия по привлечению солдат на сторону большевиков, он выразил уверенность в том, что скоро придет конец эсеро-меньшевистскому обману народа. В Петрограде, Москве и других пролетарских центрах, сказал Мясников, нарастает революционный взрыв, который сметет контрреволюционное Временное правительство и передаст власть в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Выступление А. Ф. Мясникова,

являвшегося тогда председателем Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), произвело на нас исключительно глубокое впечатление.

25 октября (7 ноября) 1917 года до нас дошла радостная весть о победе вооруженного восстания в Петрограде. На следующий день в Минске вся власть перешла в руки большевистского городского Совета. Боевым штабом революционной власти в городе становится Военно-революционный комитет во главе с А. Ф. Мясниковым. Меньшевики и эсеры, а вместе с ними кадеты, октябристы, белорусские, литовские и еврейские буржуазные националисты, сплотившись вокруг контрреволюционной ставки Верховного Главнокомандующего и штаба Западного фронта, пытались разогнать Минский Совет. Однако большевики, опираясь на революционные части, сорвали эти попытки.

Вскоре состоялись выборы в Учредительное собрание. Все драгунские полки Кавказской кавалерийской дивизии голосовали за большевистских представителей. 1-й Хоперский Кубанский казачий полк голосовал за эсеров. Влияние эсеров на солдат было еще большое. Так, солдаты частей крупного Молодечненского гарнизона полностью голосовали за эсеров. Когда стало известно об этом, секретарь Минского горкома РСДРП(б) Кузнецов, которого я знал как стойкого революционера и прекрасной души человека, прислал мне записку с просьбой направить к нему надежные подразделения, объясняя, что существует опасность нападения на горком молодечненских контрреволюционных частей. К горкому был направлен эскадрон Тверского драгунского полка, с которым поехал и я.

С победой большевистских Советов в Минске, Могилеве, Гомеле и других городах Белоруссии казачьи части, голосовавшие за эсеров и меньшевиков, стали уходить в полном составе на Дон и Кубань. Ушел на Кубань и Хоперский казачий полк нашей дивизии. С ним отправились и монархически настроенные офицеры и генералы. Часть командного состава Кавказской кавалерийской дивизии бежала в контрреволюционный Польский корпус, сформированный при Временном правительстве на территории Белоруссии. Командовал этим корпусом ставленник Корнилова генерал Довбор-Мусницкий.

Уже тогда было видно, что враги не смирились с Советской властью и готовятся к лютой борьбе против нее, собирая казачьи полки и другие находящиеся под их влиянием вооруженные силы.

В предчувствии предстоящей на Дону борьбы с реакционным казачеством солдатские комитеты по моему предложению предприняли попытки увести Северский, Тверской и Нижегородский драгунские полки в Сальские степи. Мы рассчитывали использовать там эти большевистски настроенные полки для организации и защиты Советской власти, разместив их по помещичьим экономиям округа, где можно было обеспечить солдат продовольствием, а конский состав фуражом за счет запасов помещиков и коннозаводчиков.

Задавшись этой целью, мы разъясняли солдатам, что казаки ушли не демобилизовываться, а драться за царя и что нам ввиду этого надо не расходиться по домам, а готовиться к борьбе за Советскую власть.

Однако наши попытки не увенчались успехом: слишком велика была тяга солдат к миру, к земле. Все хотели скорее вернуться домой, чтобы получить землю и строить новую, советскую жизнь.

В соответствии с этим общим желанием было принято решение о демобилизации. Дивизионный и полковые солдатские комитеты постановили выдать солдатам оружие, по комплекту обмундирования, в том числе валенки, полушубки, теплое белье, и раздать все оставшиеся на полковых и дивизионных складах продукты: хлеб, сахар, крупу и т. д. После завершения этой работы солдатские комитеты нашей дивизии прекратили свою деятельность, и я уехал на родину, в станицу Платовскую Донской области, захватив с собой оружие и седло, чтобы там, на месте, бороться за власть Советов.

☆

★

II. САЛЬСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

1

Нелегко было добраться из Минска до станицы Платовской. Поезда ходили нерегулярно, и для того, чтобы сесть в вагон, нужна была большая изворотливость. Не успевал поезд остановиться, как на него со всех сторон набрасывались пассажиры — лезли на крыши, цеплялись и висли на подножках и буферах вагонов. Поезд долго не отправлялся. Пассажиры подымали шум, и наконец выяснялось, что паровозная бригада отказывается вести поезд дальше, так как уже несколько суток работает без смены.

Солдаты собирались группами и сами принимались формировать эшелоны. Одни разыскивали вагоны, другие — паровозы и машинистов, третьи добывали топливо и воду, а затем все размахивали перед железнодорожниками револьверами и винтовками, требуя отправки их эшелонов.

С трудом сев на поезд в Минске, я доехал до Бахмача и оттуда пешком отправился на Конотоп. Здесь мне снова удалось сесть на поезд, и после длительного путешествия через Воронеж и Царицын во второй половине ноября 1917 года я добрался до Платовской.

Как известно, первые месяцы после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Москве и других крупных промышленных центрах России Советская власть распространялась по стране «сплошным триумфальным шествием».

Советы, руководимые партией большевиков, энергично осуществляли революционные меры по конфискации

фабрик и заводов, по передаче крестьянам помещичьей земли. Свергнутая буржуазия частью бежала за границу, частью укрылась в окраинных районах страны, и главным образом в казачьих областях, издавна служивших опорой царского самодержавия и эксплуататорских классов.

На Дону, как и во всех казачьих областях, существовали так называемые войсковые правительства, созданные после Февральской революции и занимавшие автономную позицию по отношению к Временному правительству и резко враждебную к Советам. После образования Советского правительства в России Донское «войсковое правительство» атамана Каледина начало контрреволюционную войну против Советов. Война эта особенно разгорелась, когда на Дон бежали генералы и офицеры, участники корниловского мятежа, а также главари буржуазной партии кадетов, которую В. И. Ленин называл всероссийским штабом контрреволюции.

Действуя в контакте с Украинской контрреволюционной Центральной Радой, пользуясь финансовой и военной помощью империалистов Антанты, Каледин устанавливал также взаимодействие с другими казачествами, в частности с Оренбургским, Уральским, Сибирским, Астраханским, Терским, Кубанским, куда командировал группы своих офицеров и генералов.

Контрреволюция не случайно выбрала себе в качестве плацдарма Донскую казачью область. Указывая на социальные основы донской контрреволюции, В. И. Ленин писал: «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи» [1].

Донское казачество было самым многочисленным да, пожалуй, и самым реакционным из всех казачеств, имевшихся в России. Наличие в Донской области запасов угля, хлеба и мяса, сравнительно небольшая удаленность от других казачеств и от Москвы, а также удобные выходы к Азовскому и Черному морям делали ее исключи-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 15.

тельно выгодным плацдармом для нападения на Советскую республику.

Именно такое военно-стратегическое значение отводили Дону белогвардейцы и империалисты Антанты. Генерал Алексеев, бывший начальник штаба главнокомандующего русскими войсками, писал руководителю французской военной миссии в Киеве: «...Я предполагал, что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления порядка в России... Я рассматривал Дон как базу для действия против большевиков» [1].

На первых порах борьба, начатая атаманом Калединым и его сподвижниками против Советской власти, протекала не безуспешно для них. Калединцы нанесли ощутительный удар Советской России, запретив вывоз из области донецкого угля, донского и кубанского хлеба. Затем калединцы разгромили Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов и в то же время ввели в Таганрог казачью дивизию. Эти контрреволюционные действия Каледина были согласованы с мятежом атамана Дутова на Урале. Сосредоточение контрреволюционных сил на Дону создавало для Советской власти большую угрозу. «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию», — так ставил вопрос В. И. Ленин [2].

Советское правительство приняло решительные меры против мятежников. Районы контрреволюционных мятежей были объявлены на осадном положении.

Для борьбы с Калединым были посланы советские войска и добровольческие красногвардейские отряды рабочих Петрограда, Москвы, Харькова, Донбасса, Царицына, Воронежа. В стан мятежников направлены агитаторы из казачьих революционных частей.

Контрреволюционные главари, чтобы склонить на свою сторону рядовых казаков, запугивали их тем, что Советы хотят лишить их земли. В ответ на это Совнарком в воззвании от 10 декабря 1917 года «Ко всему трудовому казачеству», подписанном В. И. Лениным, заявил, что «Рабочее и Крестьянское Правительство ставит своей

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I. Партиздат, 1941, стр. 46.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 393.

ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе Советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах» [1].

Это воззвание Совнаркома, а также деятельность большевистских подпольных комитетов в Ростове-на-Дону, Таганроге, Миллерово и других промышленных районах области сильно способствовали отрыву трудового казачества от Каледина. Некоторые казачьи части под воздействием большевистской агитации отказывались подчиняться ему. Особенно активно выступали против Каледина казаки-фронтовики.

Большую роль в борьбе с калединщиной сыграл съезд революционных казаков, состоявшийся 8 января 1918 года в станице Каменской. На этом съезде присутствовали и ростовские большевики, эвакуировавшиеся в Воронеж после занятия Ростова белоказаками. Съезд в станице Каменской избрал Военно-революционный комитет, который предъявил Каледину ультиматум с требованием сложить свои полномочия. Председателем казачьего Военно-революционного комитета был избран казак-фронтовик подхорунжий казачьей батареи Ф. Г. Подтелков, пользовавшийся большим авторитетом среди трудовых казаков за свой прямой и открытый характер и за свои смелые революционные выступления. Секретарем комитета избрали молодого энергичного прапорщика 28-го Донского казачьего полка М. В. Кривошлыкова.

Эти мужественные люди в борьбе за Советскую власть на Дону привлекли на сторону большевиков много донских казаков.

Усилиями советских войск и красногвардейских отрядов, а также рабочих, крестьян и революционных казаков в самой Донской области в начале 1918 года мятежная калединщина была разгромлена. Атаман Каледин накануне краха своей контрреволюционной авантюры застрелился.

Вернувшись на родину, в станицу Платовскую, я застал там много солдат, рядовых казаков и унтер-офицеров фронтовиков, вернувшихся из старой армии раньше

---

[1] Декреты Октябрьской революции. Партиздат, 1933, стр. 261, 262.

меня. Среди них был Т. Н. Никифоров, служивший в одной дивизии со мной, член нашего дивизионного солдатского комитета, по происхождению коренной донской крестьянин Сальского округа. На фронте он проявил себя храбрым солдатом, и теперь это был молодцеватый подпрапорщик с тремя Георгиевскими крестами на груди.

Еще до моего приезда в станице состоялась сходка сторонников Советской власти, и на этой сходке Т. Н. Никифоров, знавший о моей связи с Фрунзе, с Минским городским Советом и Минским комитетом большевиков, предложил подождать меня, чтобы решить, как и с чего начинать организацию Советской власти в станице.

В день моего приезда в Платовскую у нас в доме собралась вторая сходка сторонников Советской власти. Пришли Никифоров, Городовиков, братья Сорокины, Сердечный, Долгополов, Новиков, Лобиков, мой брат Емельян, вернувшийся из армии старшим унтер-офицером, и другие.

Рядом с Никифоровым сидел очень скромный на вид человек, с которым в дальнейшем меня близко связала общая судьба в борьбе против белогвардейщины. Это был калмык Ока Иванович Городовиков. Изрядно потрепанная форма казачьего урядника туго обтягивала его небольшую, но плотно сбитую фигуру. Строгое, с бронзовым отливом лицо Оки Ивановича выражало сосредоточенную задумчивость.

Мне было известно, что Городовиков после действительной службы был инструктором при Станичном правлении — обучал молодых казаков искусству езды на лошади и владению холодным и огнестрельным оружием.

Около Городовикова стоял рыжеватый осанистый старший унтер-офицер пехоты Сердечный. В стороне сидели очень похожие друг на друга братья Сорокины. Младший молчал, а старший — по профессии бондарь, бедняк, славившийся в станице своей добротой, — время от времени задавал вопросы. Богатырь Новиков и степенный русобородый Долгополов переговаривались вполголоса, все время поглядывая на меня. Крутолобый начальник почты Лобиков прохаживался по комнате, приглаживая свои небольшие черные усики. Больше всех говорили Никифоров, Сердечный и я.

Речь шла о том, как избираются и работают Советы. Я поделился известным мне немного опытом Минского

Совета, а потом стал расспрашивать о положении в станице и округе.

На этом небольшом совещании наша инициативная группа выбрала комитет по подготовке общего собрания населения станицы и приписанных к ней хуторов, которое должно было провозгласить Советскую власть и избрать станичный Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Так как половину двенадцатитысячного населения станицы и хуторов составляли калмыки, решено было выбрать в станичный Совет пропорционально шесть человек от русских и шесть от калмыков, исходя из нормы — от каждой тысячи жителей одного депутата.

Вся подготовительная работа была проделана за несколько дней, и 12 января 1918 года состоялось общее собрание населения станицы Платовской и близлежащих хуторов. Выступали многие наши активисты, выступал и я — рассказывал, что такое Советская власть. Зажиточные казаки пытались помешать собранию, но им это не удалось. Собрание провозгласило в станице Советскую власть и предложило станичному атаману убираться вон.

Сейчас же после собрания начальник почты Лобиков и солдат Долгополов, ставший потом начальником милиции, сорвали вывеску «Станичное правление» и прикрепили красное полотнище с надписью «Станичный Совет рабоче-крестьянских, казачьих и солдатских депутатов».

Таким образом, станица Платовская одна из первых в Сальском округе твердо встала за Советы, когда в окружной станице Великокняжеской еще сидел атаман. Станичный Совет избрал своим председателем старшего Сорокина, меня — заместителем председателя, Никифорова — народным военным комиссаром, Сердечного — его заместителем по формированиям, младшего Сорокина — народным комиссаром по продовольствию и конфискации помещичьего имущества.

После избрания станичного Совета я, по решению Исполкома Совета, поехал на хутора призывать людей на нашу сторону. Выступать на сходах приходилось осторожно, продумывая каждое слово. В хуторах были и сторонники и противники Советской власти. Одно случайно сорвавшееся слово могло привести к неприятным осложнениям, а то и к драке между противниками. Особенно

упирались зажиточные калмыки. Следует сказать, что калмыки Сальского округа за активную помощь в подавлении восстания Степана Разина царским самодержавием были пожалованы в донские казаки и пользовались всеми правами казачества. Больше того, учитывая их кочевой образ жизни и главное занятие — скотоводство, царизм наделял землей не только калмыцких мужчин, но и женщин.

Калмыки не хотели поступиться своими крупными наделами земли и поэтому в большинстве своем выступали против Советской власти.

Некоторые казаки, как только речь заходила о наделе иногородних землей, говорили:

— Мы не против Советов, а земельку нашу не трожь — не вами дадена.

— Зачем нам трогать вашу землю,— отвечали мы им,— земли много у помещиков и коннозаводчиков. Их землю и нужно отдать крестьянам и беднейшим казакам.

Очень повлияло на неимущих крестьян и казаков в смысле привлечения их на сторону Советской власти бегство помещиков и буржуазии из центральных областей России на юг — в понизовье Дона и казачьи округа Кубани и Терека. Часто можно было услышать такие разговоры: раз богачи бегут от Советов — значит Советы за нас, за бедноту.

13 февраля, когда я находился в одном из прилегавших к станице хуторов, ко мне прискакал гонец с запиской от Сорокина, просившего меня срочно вернуться в станицу ввиду неотложного дела. Вечером, приехав в Платовскую, я узнал в станичном Совете, что получено извещение от группы уполномоченных по созыву окружного съезда Советов в станице Великокняжеской. Съезд назначался на 14 февраля. Каждому станичному Совету предоставлялось право прислать в Великокняжескую своих делегатов по норме — одного от двух тысяч человек. Нам предстояло послать шесть делегатов. Для созыва общего собрания уже не оставалось времени, и поэтому решено было послать на окружной съезд членов станичного Совета. Послали на съезд в Великокняжескую и меня.

Съезд проходил четыре дня и весьма бурно. Противники Советской власти предпринимали на съезде энергичные вылазки, но успеха не имели. В Сальском округе была провозглашена Советская власть и избран окруж-

ной Совет рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов в составе двадцати девяти человек. 18 февраля окружной Совет на своем заседании избрал президиум. Председателем был избран коммунист Кучеренко. Меня избрали членом президиума и заведующим окружным земельным отделом.

2

К этому времени положение в Донской области снова осложнилось. Походный атаман войска Донского генерал Попов накануне взятия советскими войсками Новочеркасска ушел в донские степи с большим и сильно вооруженным отрядом казаков и юнкеров. С ним ушли также генералы Корнилов, Алексеев, Мамонтов, Семилетов, Гнилорыбов и другие со своими отрядами. В станице Ольгинская белогвардейцы разделились на две группы. Генералы Алексеев и Корнилов направились на Кубань — в Краснодар, а генерал Попов, возглавив отряды Мамонтова, Семилетова и Гнилорыбова, двинулся по Сальским степям. Он хотел показать населению, что войско Донское есть и оно идет, чтобы расправиться с бунтовщиками «иногородними», истребить большевиков и прочих организаторов Советской власти и привести в покорность «своевольных» казаков.

Окружной Совет принял решение для отпора белогвардейцам создать Великокняжеский, Платовский, Мартыновский, Орловский, Зимовниковский, Куберлевский, Гашунский и другие краснопартизанские отряды.

Вместо начатого мною укомплектования окружного земельного отдела мне пришлось с помощью группы товарищей заняться сбором оружия и патронов и снабжением ими отрядов.

Занимаясь этим, в станице Великокняжеской я проживал в комнатке сестры, работавшей горничной у торговца Андрианова.

21 февраля рано утром, как обычно, я отправился в окружной Совет. Вхожу в помещение Совета и не пойму, что случилось — тишина, во всех комнатах пусто — ни единой души. В комнате председателя исполкома на столе лежат два снарядных лотка; один из них пустой, а во втором — три снаряда, Выхожу на улицу и вдруг слышу — в ремесленном училище, расположенном напро-

тив, поют «Боже, царя храни». Оглядываюсь по сторонам и вижу: по улице едет разъезд юнкеров.

Все стало ясно — в станицу вступают белые. Я быстро пошел на рынок в надежде разыскать там кого-нибудь из земляков-станичников, кто довез бы меня до Платовской. И действительно, я нашел одного своего станичника — Кулешева, привозившего на мельницу зерно и заехавшего на рынок купить что-то.

— Давай-ка, браток, удирать, в станице белые, и если мы задержимся, то попадем к ним в лапы! — сказал я ему.

Выезжая из Великокняжеской, мы увидели большой отряд белых, вступавших в станицу. Впереди верхом на лошадях ехали генералы.

Уже возле Платовской мы услышали артиллерийскую стрельбу, доносившуюся со стороны реки Маныч.

Я поспешил в станичный Совет к Сорокину, чтобы узнать обстановку. Сорокин сообщил, что белые крупными силами наступают на Платовскую и Никифоров со своим отрядом численностью свыше семисот человек, из них сто двадцать конных, защищает брод через Маныч у хутора Соленый.

Хорошо, что за день до того мы успели отправить Никифорову из Великокняжеской около четырехсот винтовок, два пулемета и двенадцать тысяч патронов.

Вскоре к станичному Совету прискакал всадник. Это был Филипп Новиков — гонец с донесением от Никифорова. В донесении сообщалось, что на отряд наседают крупные силы белых под командованием генерала Гнилорыбова и что шестьдесят калмыков, находившихся в Платовском отряде, изменили, перебежали на сторону противника и совместно с белогвардейцами атакуют партизан. Создавшаяся обстановка заставляет отряд, минуя Платовскую, отступать к Большой Орловке на соединение с Орловским отрядом Ковалева, а затем и с Мартыновским отрядом Ситникова, писал Никифоров, и просил предупредить всех станичников, принимавших участие в организации Советской власти, чтобы они своевременно скрылись, так как белогвардейцы жестоко расправляются с Советами.

Меня удивило решение Никифорова оставить без боя родную станицу, в которой мы только что создали собственными руками Советскую власть. «Кажется, должно

быть понятно, что силы отряда в станице могли бы удвоиться: на защиту своего дома стал бы всякий, кто может держать оружие», — думал я. Однако действий Никифорова открыто не осуждал, полагая, что решение принято, вероятно, им не без основания.

Сорокин стал обсуждать со мной создавшееся положение. Мы хорошо знали, какая глубокая социальная рознь и взаимная ненависть издавна существовали между владевшими большими наделами земли казаками и калмыками, с одной стороны, и безземельными иногородними, с другой. Гражданская война обострила эту рознь. Поэтому у нас не было никакого сомнения, что белоказаки жестоко расправятся со сторонниками Советской власти, особенно с иногородними. Тяжело было оставлять станицу, родных, друзей, но у нас другого выхода не было, и мы решили оповестить советских активистов о надвигающейся опасности и рекомендовать им сегодня же скрыться.

Придя домой, я неожиданно для себя встретил второго своего брата Дениса, только что вернувшегося из Нахичевани, где он проходил службу в 252-м запасном пехотном полку. Денис сказал, что их полк разбежался, а ему пришлось пешком добираться домой, рискуя попасть в руки белоказаков.

— Хватают казаки солдат, отбирают оружие, а потом и расстреливают, — говорил Денис.

Сообщив своим родителям и ближайшим соседям об опасности, я посоветовал им уехать из станицы. Сам же оседлал лошадь тем седлом, которое привез с собой из старой армии, и поехал на хутор Козюрин, рассчитывая встретиться с отходящим на Б. Орловку отрядом Никифорова. Со мной отправился Денис, где-то раздобывший себе хорошую лошадь. Когда мы выехали на окраину Платовской, к нам присоединились пять всадников: Ф. М. Морозов, Н. К. Баранников, Ф. К. Новиков, Ф. Л. Прасолов, П. А. Батеенко. Это были мои первые боевые товарищи в вооруженной борьбе против белогвардейщины. Каждый из них имел винтовку и четыре патрона. Я был вооружен шашкой и револьвером.

На рассвете 22 февраля наша группа уже была в хуторе Козюрин. Через два часа к хутору подошел отряд Никифорова. От Никифорова я узнал о ходе боя на р. Маныче. Белые силами свыше двух тысяч конных ка-

заков, юнкеров и калмыков при восьми пулеметах и шести орудиях завязали бой за брод. В решительный момент шестьдесят калмыков перебежали от Никифорова к Гнилорыбову, помогли белогвардейцам форсировать брод в безопасном месте и совместно с ними атаковали Платовский отряд. Платовцы дрались храбро, но силы были неравные. Построив отряд в каре, Никифоров в течение нескольких часов отбивался от наседавших белогвардейцев, отступая на хутор Козюрин. Отряд потерял семь человек убитыми, четырнадцать бойцов были ранены. Подобрав всех убитых и раненых, платовцы отступили.

Я спросил Никифорова, что он намерен делать дальше. Он сказал, что твердо придерживается своего решения идти на соединение с Орловским и Мартыновским отрядами. Понимая, что его решение правильное, я все-таки предложил сделать сначала ночной налет на Платовскую, ссылаясь на то, что раз наша станица первая встала на сторону Советской власти, то белые будут расправляться с ее населением особенно жестоко, и надо спасти людей от гибели. Никифоров не принял моего предложения, заявив, что не хочет зря класть головы своих бойцов и что белых можно разгромить только объединенными усилиями всех отрядов. Тогда я попросил Никифорова подчинить мне часть всадников отряда с тем, чтобы иметь возможность если и не атаковать противника в Платовской, то держать его под постоянным наблюдением, захватывать разъезды и отдельные группы белых и таким образом быть в курсе всех их намерений. Однако и на это Никифоров не согласился.

— Не могу, Семен Михайлович, дать тебе людей, — ответил он и левой рукой провел по своей пышной светлой шевелюре, что он делал всегда, когда хотел сказать, что решение его непоколебимо. — Не пущу даже твоего брата Емельяна Михайловича.

— Тогда я спрошу добровольцев.

— Напрасно. У нас уговор: кто из отряда отлучится — тому расстрел.

Отряд Никифорова двинулся дальше в направлении Б. Орловки, а наша группа в семь человек осталась в хуторе Козюрине. Решив ограничить свои действия скрытой разведкой, мы поставили себе целью, минуя разъезды и заставы белых, добраться до Платовской, выяснить обстановку в станице и наличие в ней белогвардейских сил.

Ночь наша группа провела в хуторе со всеми мерами предосторожности, а с рассветом 23 февраля двинулась в направлении калмыцкого поселения Шара-Булук. Не доезжая его примерно пяти километров, мы обнаружили разъезд белогвардейцев в составе тринадцати человек. Белые тоже заметили нас. Спешившись, они открыли огонь. Мы повернули на восток в направлении Платовской. Разъезд противника не преследовал нас. Продвинувшись километров двенадцать, мы вновь натолкнулись на белых. Противник нас обстрелял. Не приняв боя, мы уклонились несколько к северу.

К трем часам дня наша группа подъехала к небольшому хутору Тавричанскому. Посоветовавшись между собой, мы решили, что надо побывать на хуторе — покормить лошадей, да и разузнать обстановку. Въехав в хутор, мы заметили коней, привязанных к частоколу. Спрашиваем местных жителей: «Чьи это лошади?» Они отвечают: «Белогвардейцев». Оказалось, что в хуторе остановился разъезд белых казаков и юнкеров, человек пятнадцать, и все они разбрелись по домам и мародерствуют. Мы спешились, укрыли лошадей и без шума переловили белогвардейцев. В этом нам активно помогли жители хутора. За счет белогвардейцев бойцы, имевшие только винтовки, вооружились еще и шашками, а также пополнили свои скудные запасы патронов.

В хуторе Тавричанском нас ожидал еще один сюрприз: тут скрывались люди, бежавшие от белых из станицы Платовской. Услыхав, что в хутор ворвались красные и обезоружили белогвардейцев, они немедленно же явились к нам и стали упрашивать взять их в отряд. Мы согласились на это и распределили между новыми бойцами захваченных лошадей, оружие и боеприпасы. Бежавшие из Платовской рассказали, что в станице идет кровавая расправа белогвардейцев со сторонниками Советов: одни крестьяне уже расстреляны, другие ждут расстрела, станичное правление забито арестованными.

К вечеру наша группа, уже численностью в двадцать четыре человека, двинулась в направлении Платовской. Сделав по пути привал, мы обсудили создавшееся положение и решили сформировать отряд. Командиром отряда избрали меня, а заместителем моим Н. К. Баранникова. Не доехав до станицы километров шесть, я остановил отряд в балке Малая Бургуста и предложил бойцам

следующий план действий: с наступлением темноты двинуться в Платовскую, минуя дороги, на которых могут быть расставлены заставы белых, пробраться к станичному правлению, бесшумно истребить находящихся там белогвардейцев, освободить заключенных и, вооружив последних захваченным оружием, очистить станицу от противника. Бойцы одобрили мой план. Я предупредил всех, что мы идем на очень рискованное дело, так как не знаем сил противника; соблюдая все меры предосторожности, действовать надо смело и решительно; каждый должен драться храбро, не щадя себя; если же кто чувствует в себе неуверенность или, больше того, трусит, тому лучше не ходить с отрядом в налет. Все бойцы в один голос заявили, что готовы драться с белогвардейцами до самой смерти. Чувствовалось, что они говорили правду. У некоторых из них родные или близкие уже были схвачены белыми и, если еще не расстреляны, то ждали расстрела.

С наступлением темноты поднялся сильный ветер и заморосил холодный дождь. Мы продвигались к Платовской степным бездорожьем. Вот и наша родная станица. Лишь кое-где видны огоньки. Слышны отдельные выстрелы и тревожный лай собак. Мы пересекли небольшую рощицу и вышли к станичному правлению.

Фонарь, раскачиваемый ветром, освещал вход в станичное правление и выстроенную возле него группу конных калмыков — человек двадцать пять. Всадники сердито покрикивали на коней и, защищаясь от порывистого ветра, пригибались к их гривам. У стены здания стояли две пушки и четыре станковых пулемета.

На наших глазах дверь станичного правления распахнулась. Выскочили два калмыка с плетями в руках и прижались к косякам двери. Из станичного правления кто-то выталкивал связанных между собой людей. Ясно было, что этих людей гнали на расстрел. Стоявшие у двери калмыки злобно кричали на обреченных и били их плетьми.

— Давай, давай! — кричал какой-то конный, вероятно, старший из конвоиров. — Гони эту сволочь к Куцой Балке!

Мне трудно было сдержать гнев своих товарищей, видевших, как зверствуют белобандиты.

— Семен Михайлович, — прохрипел Федор Прасолов. — Командуй залп — чего ждешь?

— Ни в коем случае! Шума не поднимать. Винтовки приготовить к бою, но не стрелять, а рубить шашками. «Ура» не кричать. Действовать только по моей команде.

Когда всех связанных веревками людей вывели из станичного правления, я вполголоса приказал своим бойцам: «Всем только рубить, а стрелять буду я». В темноте, не замеченный белогвардейцами, я внезапно ворвался к ним в ряды и начал расстреливать их в упор. Бойцы молча навалились на противника и отчаянно рубили.

Наше нападение было для белых как снег на голову. Они начали метаться из стороны в сторону и всюду попадали под наши удары.

Связанным пленникам я крикнул: «Мы свои, красные! Хватайте, бейте всех этих подлецов, не давайте им уходить живыми!» В один миг они распутали веревки, которыми были связаны, и стали бить своих палачей чем попало.

С группой бойцов я бросился внутрь двора станичного правления, к казармам, имея в виду, что там могут быть белые. Действительно, в казармах оказалась сотня расположившихся на ночлег белогвардейцев — калмыков. Они были захвачены нами врасплох. Пока мы и их обезоруживали, мой заместитель Баранников с остальными бойцами освободил всех заключенных. Их оказалось свыше четырехсот человек — жителей станицы Платовской и окрестных хуторов, а также солдат, возвращавшихся из армии по демобилизации и схваченных белыми.

Все освобожденные выразили горячее желание сейчас же принять участие в борьбе против белогвардейцев, еще находившихся в станице. Не теряя времени, я разбил людей по сотням, вооружил всех трофейным оружием и назначил командиров.

С разных концов станицы доносилась стрельба. Это казаки и юнкеры, еще не знавшие, что произошло у станичного правления, расправлялись с непокорным населением, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей.

Дав каждой сотне освобожденных людей направление, я поставил им общую задачу: разоружать белогвар-

дейцев и посылать их под конвоем в станичный Совет, а всех сопротивляющихся уничтожать на месте.

Всю ночь продолжалась борьба с белогвардейцами, и большая часть их была уничтожена на месте совершенных ими преступлений. В станицу приезжали казаки из белогвардейских застав, расположенных по дорогам вокруг Платовской, и те из них, которые отказывались сложить оружие, тоже уничтожались.

За ночь в ряды нашего отряда влилось много новых людей, и мы вооружили их отобранным у белогвардейцев оружием. Кому не хватило его, сами раздобывали себе пики, штыки, вилы и все прочее, что могло служить оружием.

К утру 24 февраля станица Платовская, в которой до нападения нашего отряда находилось три сотни калмыков, сотня казаков и сотня юнкеров, была полностью очищена от белых. Мы уничтожили около трехсот пятидесяти белогвардейцев, захватили семьсот винтовок, около трехсот шашек, два конногорных орудия, триста снарядов, четыре пулемета, шестьдесят тысяч патронов и двести семьдесят лошадей с седлами.

Пленные белогвардейцы были посажены туда, где еще совсем недавно сидели наши обреченные на смерть люди.

После освобождения станицы жители рассказывали нам о том, как белогвардейцы расправлялись со сторонниками Советов и вообще с людьми, отказавшимися выступить на их стороне, или с заподозренными в связях с красными партизанами. За те два дня, что белые находились в станице, ими было убито триста шестьдесят пять человек, в том числе женщины, старики и дети. Среди расстрелянных оказались председатель станичного Совета Сорокин и другие, не успевшие скрыться активисты. Начальника почты Лобикова и начальника милиции Долгополова, которые при объявлении в станице Советской власти сорвали вывеску станичного атамана и прикрепили вместо нее вывеску станичного Совета, белогвардейцы связали, обложили пучками сена, облили керосином и сожгли на станичной площади. При этом зверском акте присутствовали генерал Гнилорыбов, офицеры казачьих сотен и их жены.

Мне передали, что белые увели на расстрел и моего

отца, однако среди убитых в Куцой Балке мы его не нашли. Судьба его пока оставалась невыясненной.

24 февраля мы с почестями хоронили жителей станицы, замученных и расстрелянных белогвардейцами. В этот же день были убраны и трупы белых.

Нам было известно, что некоторым белогвардейцам удалось бежать из станицы и, следовательно, сообщить в свою ставку о событиях в Платовской. А это значило, что нужно было со дня на день ожидать нового нападения противника. Предвидя это, мы начали подготовку к защите станицы и послали к Никифорову гонца с донесением, в котором сообщали ему о разгроме белогвардейцев в Платовской и просили вернуться с отрядом в станицу.

К утру 24 февраля в отряде насчитывалось уже пятьсот двадцать человек, из них сто двадцать всадников. Всадников я выделил в конный эскадрон, командиром которого назначил своего заместителя Н. К. Баранникова. Из остальных людей были созданы стрелковые роты.

Установили наблюдение и охранение. Основной наблюдательный пункт был выбран на колокольне церкви, откуда обеспечивался круговой обзор местности. Все взрослое население было привлечено к оборудованию оборонительных позиций, в первую очередь со стороны станицы Великокняжеской, откуда появление противника мы считали наиболее вероятным.

25 февраля в 12 часов дня наблюдатели, находившиеся на колокольне, доложили мне, что со стороны Великокняжеской идет большой отряд войск. Я поднялся на колокольню и увидел, что действительно по дороге из Великокняжеской движется колонна конницы и пехоты с обозом. Я объявил тревогу и вызвал командиров подразделений. Через некоторое время отряд занял позиции на окраине станицы. Я заявил бойцам, что силы приближающегося противника крупные и мы сможем победить только в результате упорной борьбы, а если не верим в свои силы, то лучше не принимать боя и оставить станицу. Все заявили, что не уйдут и будут защищать станицу, пока живы.

Колонна противника приближалась. В голове колонны шли веером конные дозоры, в каждом по три всадника. Я принял решение — скрытно, по балке, подъ-

ехать поближе к дозорам, чтобы выяснить, что это за колонна и куда она следует. В случае необходимости я решил уничтожить дозор или захватить его в плен. Объявив о своем решении Баранникову, я взял еще двух всадников и направился по балке навстречу приближавшейся колонне. Когда один из дозоров спустился в балку, мы увидели, что это советские бойцы: на шапках у каждого были нашиты красные ленточки. Они сказали, что к нам в станицу следует отряд Степанова — авангард краснопартизанских сил Царицына и Котельниковского. Этот отряд с бронепоездом собственного изготовления действовал вдоль железной дороги и день назад совершил внезапный налет на станицу Великокняжескую.

Вместе с отрядом Степанова вернулся мой пропавший без вести отец. Оказалось, что в первый же день пребывания белогвардейцев в Платовской его вместе с Сорокиным, Новиковым и другими, бежавшими из станицы, схватили в хуторе Коврине и доставили в Платовское станичное правление. Вечером отца повели с очередной партией на расстрел, но по дороге знакомый калмык из конвоя отпустил его, сказав: «Беги, Михайло». Отец бежал в станицу Великокняжескую, надеясь укрыться там у своего старшего брата, но при входе в станицу снова был схвачен белыми и брошен в тюрьму со смертниками. Из тюрьмы его освободили партизаны Степанова.

Радушно встретили отряд Степанова жители станицы Платовской: всех бойцов разместили по домам, в доме торговца Мокрицкого организовали столовую.

На следующий день, 26 февраля, отряд Степанова ушел из Платовской, а 27 февраля в станицу прибыли отряд Т. Н. Никифорова и отряды И. С. Ковалева из Большой Орловки и С. А. Ситникова из Большой Мартыновки.

Никифоров давно добивался объединения этих отрядов, но объединения фактически не произошло. Они находились в одном месте и пытались действовать согласованно, но это было лишь условное объединение, так как отряды не имели единого командования и штаба. У них была общая задача — разоружить калмыков, вставших на сторону белых. Однако с этой задачей полностью справиться они не сумели. Калмыки успевали скрываться до прихода краснопартизанских отрядов в их станицы.

Они увозили с собой все оружие и прятались в балках. Не принимая открытого боя, калмыцкие конные отряды всегда уходили от преследования, используя свою подвижность.

Белые энергично мобилизовывали силы для борьбы с Советской властью. Во время похода отряда Никифорова по калмыцким станицам в станице Батлаевской, в калмыцком хуруле (церкви), был схвачен крупный белогвардеец Митрофан Багаевский. После самоубийства генерала Каледина Багаевский исполнял обязанности наказного атамана. Затем он скрылся, и о нем ничего не было слышно. И вот оказалось, что он — у калмыков, ведет тайную мобилизацию их в белогвардейские отряды.

Багаевский не случайно оказался именно в калмыцких станицах: здесь он нашел благодатную почву для своей работы. Калмыки Сальского округа, владевшие крупными земельными наделами, стадами овец и табунами лошадей, охотно становились на сторону белогвардейцев, особенно тех, кто открыто ратовал за восстановление монархии. Если принять во внимание, что Багаевский пользовался доверием зажиточного казачества, то станет ясным, какую опасность представляла эта персона.

Красные партизаны, схватившие Багаевского, хотели расправиться с ним на месте, но воздержались от этого, решив, что такого маститого монархиста должны судить представители народа по прибытии всех краснопартизанских отрядов в станицу Платовскую. Об аресте Багаевского было послано донесение Ростовскому Военно-революционному комитету. Вскоре из Ростова была получена телеграмма за подписью Подтелкова, в которой говорилось, что Багаевского необходимо срочно направить в Ростов-на-Дону под личной охраной войскового старшины Голубева. Кто такой Голубев? Почему Голубеву доверяли Подтелков и Кривошлыков? Об этом следует сказать.

Войсковой старшина Голубев был эсером. После победы Великой Октябрьской социалистической революции он со своими сторонниками объявил Каледина, бывшего тогда наказным атаманом войска Донского, вне закона и многих его сторонников арестовал. Когда Каледин застрелился, а Багаевский скрылся у калмыков и к власти в войске Донском пришел генерал Попов, Го-

лубев выступил и против Попова. Вскоре после того как Попов двинулся из Новочеркасска по казачьим округам Донской области, чтобы навести «порядок», Голубев с тремя сотнями казаков-фронтовиков начал преследование его отрядов. Действительно ли войсковой старшина Голубев боролся за Советскую власть и всерьез ли он преследовал генерала Попова, я в то время знать не мог.

Отряд Голубева вступил в Платовскую на второй день после прибытия в станицу отрядов Никифорова, Ковалева и Ситникова. В этот же день Голубев согласно распоряжению Донского ревкома убыл с арестованным Багаевским в Ростов, оставив за себя начальника штаба отряда Пучкова.

Для организации успешного преследования белогвардейских частей генерала Попова настоятельно требовалось объединить силы всех краснопартизанских отрядов и создать единое командование. Этот вопрос стоял и раньше, но, как я уже говорил, решить его не удавалось. Каждый отряд считал себя самостоятельным, и каждый командир отряда претендовал на руководящую роль в случае объединения. Наконец после длительных прений на совещании командиров отрядов в станице Платовской было принято решение, что координировать боевые действия отрядов будет Ситников и ему в оперативном отношении будут подчиняться командиры всех отрядов.

Наш отряд, созданный при освобождении от белогвардейцев станицы Платовской, был влит в реорганизованный отряд Никифорова. При реорганизации этого отряда был создан кавалерийский эскадрон из четырех взводов по тридцать всадников. Командиры эскадронов и командиры взводов тогда не назначались, а избирались. Командиром эскадрона избрали меня, командирами взводов: Городовикова, Баранникова, Морозова, Усенко. Эскадрону были приданы два станковых пулемета как огневые средства командира эскадрона. Кроме кавалерийского эскадрона, в отряде Никифорова были созданы три стрелковых батальона, каждый трехротного состава. Организация роты была аналогична организации кавалерийского эскадрона, только командиры рот не имели в своем распоряжении станковых пулеметов. Четыре станковых пулемета (не включая двух пулеметов кавэскадрона) и два конногорных орудия, захваченных в Платов-

ской, являлись огневыми средствами командира отряда, которые он мог передавать во временное подчинение батальонам или ротам.

Командиром реорганизованного Платовского отряда был избран Никифоров, начальником штаба — Крутей.

Вскоре после отправки арестованного Митрофана Багаевского в Ростов-на-Дону краснопартизанские отряды выступили из Платовской для преследования частей генерала Попова, которые двигались через так называемое Восточное коннозаводство в направлении ст. Ремонтной. Отряд Голубева под командованием Пучкова дальше Великокняжеской не пошел. Остальные отряды преследовали Попова, однако это преследование ограничивалось лишь стычками разъездов. Попов уклонялся от боя, он явно стремился увеличить свои силы, чтобы после этого ударить по нашим объединенным отрядам. С этой целью из района ст. Ремонтной он резко повернул на северо-запад в направлении станицы Романовской, переправился через Дон и начал поднимать на борьбу против Советской власти казачьи станицы правобережья Дона. В связи с тем, что к этому времени большинство станиц по правому берегу Дона восстали против Советской власти, краснопартизанские отряды прекратили преследование Попова и направились по своим станицам.

Когда наш отряд вернулся в Платовскую, тут была получена телеграмма Подтелкова, предписывающая немедленно арестовать Пучкова — начальника штаба отряда Голубева и командиров сотен, а всех казаков отряда обезоружить и распустить по домам. О предательстве Голубева еще не было известно, и в телеграмме ничего об этом не сообщалось, поэтому Никифоров не проявил решительности в выполнении предписания Подтелкова. Кроме того, он считал, что три сотни казаков-фронтовиков отряда Голубева — серьезная сила, способная причинить нам много хлопот. На собранном по этому случаю совещании Никифоров сказал, что арест Пучкова и разоружение его отряда — дело весьма рискованное, и он был очень удивлен, когда я выразил свое согласие выполнить указание Подтелкова и предложил свой план ареста Пучкова. Согласно этому плану нужно было от имени Голубева составить Пучкову телеграмму с предписанием срочно прибыть с отрядом в Платовскую, куда он, Голубев, вскоре вернется из Ростова. Эту теле-

грамму, запечатанную в конверте, я доставлю Пучкову в Великокняжескую, и он, конечно, если еще не знает о распоряжении арестовать его, немедленно прибудет с отрядом в Платовскую. К этому времени в Платовской должны быть подготовлены места для расквартирования казаков и сделано все, чтобы их в нужный момент обезоружить отдельными группами, либо всех сразу. Пучкова же и командиров сотен по прибытии в Платовскую пригласить в штаб отряда на совещание и арестовать.

В том случае, если телеграмма вызовет у Пучкова подозрения, я предполагал сразу употребить силу и для этой цели взять с собой в Великокняжескую кавалерийский эскадрон.

Мой план был одобрен, и мы начали действовать. Прежде всего я вызвал командиров взводов и информировал их о существе дела. Было условлено, что бойцам о распоряжении Подтелкова не говорить, сказать только, что с казаками нужно быть осторожными, так как у них есть люди, готовые перебежать на сторону белых.

С наступлением вечера эскадрон выступил на Великокняжескую, и к рассвету мы уже были в окружной станице. Казаки безмятежно спали, и не было бы большого труда обезоружить их на месте. Однако я твердо придерживался намеченного плана. Когда я нашел квартиру Пучкова и вошел к нему, он еще был в постели. Я подал ему пакет и присел на стул. Пучков прочитал телеграмму и сообщил мне о ее содержании. Я сказал ему, что, видно, что-то намечается, скорее всего совещание по вопросам, которые рассматриваются в Ростове. Чтобы у Пучкова не оставалось никаких подозрений, я сказал ему, что время теперь тревожное, поэтому я привез пакет под охраной эскадрона.

— Это правильно, — сказал Пучков. — А когда мне ехать?

— Дело ваше, — ответил я. — Моя миссия выполнена, и я могу отправляться обратно.

— Подожди, — сказал Пучков, — я сейчас оденусь, перекусим и поедем вместе.

Через некоторое время наш эскадрон и три сотни казаков Пучкова выступили из Великокняжеской. Во второй половине дня мы уже вошли в станицу Платовскую. Как было условлено, казакам указали их место расположения, а Пучкова и командиров казачьих сотен пригла-

сили в штаб отряда. Все люди нашего эскадрона сутки не спали, но когда Никифоров посоветовал нам идти отдохнуть, это меня очень удивило. Пучкову и командирам казачьих сотен он тоже порекомендовал прежде всего отдохнуть. Казалось, что теперь, когда Пучков был в наших руках, Никифоров не знал, что с ним делать. Я, конечно, не мог сам решить этот вопрос и, считая свою задачу выполненной, ушел домой отдыхать.

Дома я пообедал и немедленно уснул. Не прошло и часа, как меня разбудил отец.

— Вставай, сынок, в станице шум, стрельба, видно, что-то случилось, — сказал он.

Я выбежал из дому, вскочил на коня и помчался к штабу отряда. По дороге к хутору Шара-Булук и в сторону Маныча на галопе группами и в одиночку уходили казаки Пучкова. Их преследовали, стреляя на ходу, бойцы эскадрона. Очевидно, странное поведение Никифорова навело Пучкова на подозрение, и он поднял своих казаков, чтобы увести их из Платовской, а это в свою очередь всполошило наших людей. Вначале Пучков пытался руководить отходом своего отряда, но, убедившись в бесполезности этого, бросил казаков и один с ординарцем поскакал к Манычу. Я с группой бойцов кинулся за ним. В ходе погони был убит ординарец Пучкова. Сам он, подскакав к реке, бросился в воду и поплыл к противоположному берегу, уцепившись за гриву коня. Подоспевшие бойцы вместе со мной открыли по нему огонь. Не доплыв до левого берега Маныча несколько метров, Пучков вместе с лошадью стал тонуть. Однако я заметил в бинокль, что он все-таки выбрался из реки и уполз в камыши.

3

Как уже было сказано, походный атаман войска Донского генерал Попов поднимал станицы по правому берегу Дона на борьбу против Советской власти. В своих обращениях Попов говорил, что он выступает не только против Советов, но и вообще против всякой власти, противостоящей монархии.

Преданная монархии верхушка казачества всегда была враждебна любой революционной или даже либеральной партии. Но если главари казачества презирали либералов, меньшевиков, эсеров, то большевиков они не-

навидели. Они всячески старались внушить казакам, что земельная программа большевиков несет казачеству разорение и лишение всех прав, предоставленных ему царем. «За счет кого большевики хотят дать крестьянам землю?» — вопрошали белогвардейцы и отвечали: «За счет казаков». Далее, конечно, говорилось, что казаки владеют землей, завоеванной своей кровью, и что раздел этой земли означает ограбление казачества.

В марте 1918 года в станице Константиновской состоялся Войсковой круг, избравший атаманом войска Донского генерала Краснова. Войсковой круг обратился ко всем казакам с «воззванием». В этом «воззвании» говорилось, что Советская власть якобы стремится превратить казака в самого захудалого мужика и именно с этой целью натравливает иногороднее крестьянство и рабочих на казачество.

Красновское «воззвание» призывало покончить распри между казаками-фронтовиками и старыми казаками, сторонниками царя, и объединить все силы для решительной борьбы против Советской власти.

Чтобы привлечь на свою сторону крестьянство, белогвардейцы обещали дать права казаков всем иногородним, если они активно, с оружием в руках, выступят против красных. Войсковой круг пытался также внушить всем, что войско Донское не собирается идти на Москву, вмешиваться в дела всей России — у него только одна задача: не пустить красных на Дон.

Чтобы широко распространить свое «воззвание» среди казаков Донской области и на основе его повести агитацию за формирование белогвардейских частей, Войсковой круг создал многочисленные агитационные группы и под прикрытием разъездов в десять — пятнадцать всадников направил их в казачьи станицы и хутора. Волна контрреволюционного движения прошла по всей Донской области и покатилась дальше на восток.

Поход генерала Попова и агитация Войскового круга привели к тому, что основная масса казачества Дона, в том числе и Сальского округа, перешла в лагерь контрреволюции. Зажиточные и среднесостоятельные казаки добровольно вступали в белые отряды. Повсюду шло формирование территориальных казачьих частей и расправа со сторонниками Советской власти.

В то время как на Дону силы контрреволюции собирал генерал Краснов, на Кубани и Тереке их собирали генералы Корнилов и Алексеев, а после гибели Корнилова — генерал Деникин. Они также поспешно формировали казачьи полки, дивизии, корпуса.

Правда, между Деникиным и Красновым с самого начала возникли противоречия. Если Деникин выступал за «единую и неделимую» Россию, за объединение всех контрреволюционных сил в борьбе против Советской республики, признавал верховным правителем Колчака и опирался на империалистов Антанты, то генерал Краснов вынашивал идею создания на юге страны казачьей федерации и рассчитывал на помощь германских империалистов. Краснов был уверен, что он и без Деникина разгромит Советы на Дону.

Уже тогда стало известно тайное соглашение Краснова с немцами о поставках казакам оружия в обмен на зерно и скот. Красновцы убеждали население, что лучше обратиться за помощью к немцам, чем допустить распространение Советской власти на Дону. «Немцы, — говорили красновцы, — придут и уйдут, в то время как красные, если допустить их на Дон, погубят казачество».

Обстановка с каждым днем накалялась. Чувствовалось, что контрреволюция готовит наступление на широком фронте.

Все правобережные станицы, а также казачьи станицы по левому берегу Дона и Маныча — такие, например, как Семикарокорская, Багаевская, Манычская, Кагальницкая, Мечетинская, Егорлыкская и другие, где преобладало казачье население, были захвачены белыми. В каждой станице, в каждом хуторе находились крупные казачьи гарнизоны.

В то же время в станицах и селах, где больше было крестьян, как коренных, так и иногородних, где был серьезный советский актив, — в этих станицах росли и крепли краснопартизанские отряды.

Оба лагеря — и революционный и контрреволюционный — находились в периоде организации и формирования, в периоде подготовки к предстоящим боям. Очень энергично действовали ревкомы, в частности, на станциях железнодорожной линии Тихорецк — Царицын. Через ревкомы и краснопартизанские отряды большевистская партия проводила огромную работу по мобилизации на-

рода на борьбу с врагами Советской власти. Партия разоблачала клевету белогвардейцев и разъясняла широким массам рабочих, крестьян и казачества, за чьи интересы борется Советская власть и чьи интересы защищают белые генералы.

Платовский отряд быстро рос. В кавалерийском эскадроне отряда, например, каждый взвод уже насчитывал свыше ста человек. Отряд занимался боевой подготовкой, готовил круговую оборону станицы, высылал по дорогам отдельные конные разъезды.

Наши разъезды время от времени встречались с разъездами белых. Первоначально эти встречи проходили относительно мирно. Противные стороны съезжались на небольшое расстояние и вступали в споры. Каждый стоял на своем, каждый доказывал свою правоту. После короткой, но довольно острой полемики и угроз противники разъезжались в разные стороны. Узнав об этом, я предупредил своих людей, что такие встречи могут кончиться плохо, особенно если в разъезде белых окажется офицер. Так в действительности и случилось. Одна из встреч разъезда Платовского отряда с разъездом белых казаков закончилась тем, что белогвардейский офицер выстрелом из револьвера убил нашего начальника разъезда и в поднявшейся суматохе скрылся.

По всему видно было, что белые вскоре перейдут к решительным боевым действиям. У них было достаточно организованных сил для борьбы с разрозненными партизанскими отрядами, и если они еще не предпринимали наступления, то, очевидно, потому, что главной своей задачей считали подготовку войск к свержению Советов не только на Дону, но и во всей стране.

Станицы и хутора Донской области, в которых еще сохранилась Советская власть и имелись свои краснопартизанские отряды, представляли собой всего лишь отдельные островки в море мятежной казачьей белогвардейщины. Следовало скорее объединяться, чтобы не быть раздавленными поодиночке, но командование отрядов не проявляло активности в этом направлении, видимо, рассчитывая отсидеться в своих станицах и хуторах.

На одном заседании станичного Совета с участием командования Платовского отряда я предложил оставить в станице небольшой гарнизон, а главными силами выступить на хутора Соленый, Сухой, Дальний, то есть

в сторону, откуда больше всего можно ждать нападения противника. Заняв эти хутора, как мне казалось, легче будет вести разведку противника и наладить взаимодействие с Великокняжеским, Орловским и Веселовским отрядами. Кроме того, я считал необходимым послать своих связных и в другие отряды. На заседании поговорили об этом, однако Никифоров и Крутей ничего реального для объединения партизанских сил не предприняли.

Период этого относительного затишья мы использовали для подготовки партизан к предстоящим боям: учили бойцов стрелять, применяться к местности, рубить шашкой. Это было крайне необходимо, так как большинство наших бойцов только впервые взяли в руки винтовки и шашки. Жители Донской области, казаки или крестьяне все равно, как правило, все были хорошими всадниками, но крестьянин, не прошедший военной службы в кавалерийских частях, не умел пользоваться шашкой. «Была бы лошадь, а рубить научусь», — так рассуждали все, стремившиеся попасть в наш эскадрон.

Желавших стать кавалеристами было много, рост эскадрона ограничивался только недостатком лошадей и отчасти шашек и седел. И вот, воспользовавшись затишьем, мы решили сделать вылазку за лошадьми в помещичьи экономии, расположенные за рекой Маныч. Взяв с собой сорок всадников, по десять от каждого взвода, я отправился за Маныч. Наши поиски были длительными. Управляющие экономиями попрятали скот, в том числе и лошадей. Все-таки в одной глубокой балке мы нашли табун хороших коней, принадлежавших экономии помещика Пешванова. Двадцати всадникам из прибывшей со мною группы я приказал гнать лошадей в Платовскую, а с остальными людьми направился в помещичью экономию, чтобы разыскать управляющего. У дома управляющего мы увидели вооруженных людей. В ответ на мой вопрос: кто такие? — эти люди сказали, что они из Веселовского краснопартизанского отряда и едут со своим командиром отряда Думенко в станицу Великокняжескую.

— А где же ваш командир?

— А вон, видишь, сидит.

Я посмотрел в окно и увидел сидящего за столом человека в офицерском мундире с погонами есаула. «Что такое — командир краснопартизанского отряда и в офи-

церских погонах? Этого не может быть!» — решил я и велел своим бойцам схватить людей, сказавших, что они из Веселовского отряда.

— Руки вверх! — приказал я офицеру, войдя в дом. Ему ничего не оставалось, как исполнить приказание. Обезоружив и обыскав офицера, я по имевшимся у него документам установил, что он Думенко Борис Клавдиевич, действительно является командиром Веселовского краснопартизанского отряда.

— Что это такое? — возмутился Думенко.

— Ничего, бывает и хуже.

Вернув Думенко оружие, документы, я посоветовал ему снять погоны, если он не хочет поплатиться за них головою. Но о погонах потом. Теперь я говорю о Думенко только в связи с тем, что встреча с ним побудила меня снова настаивать в станичном Совете на активизации наших действий.

Думенко сообщил, что белые все больше наглеют и он со своими бойцами следует в Великокняжескую, чтобы договориться о совместных действиях с Великокняжеским краснопартизанским отрядом Шевкоплясова. Думенко выразил желание наладить связь и с нашим, Платовским отрядом. Я обещал ему передать это пожелание платовскому Совету, что и сделал сейчас же по возвращении в станицу. К сожалению, мне не удалось расшевелить наше командование: и на этот раз для связи с другими партизанскими отрядами ничего не было сделано.

Беспечность Никифорова очень волновала меня. Я опасался, что белые сомнут наши заставы и нападут на станицу внезапно. И мои опасения оправдались. Однажды около двух часов ночи мы услышали в станице грохот повозок и крик людей. В комнату, где я находился, вбежал ординарец и доложил, что в станицу прибыли беженцы из хуторов Дальнего, Соленого, Сухого и других.

Беженцы сообщили, что в хутора ворвались белые казаки и учинили расправу с жителями: многих советских активистов зарубили и расстреляли, а в хуторе Хирном некоторых жителей побросали в колодцы живыми.

Подняв свой эскадрон по тревоге, я послал связных бойцов к командованию отряда. Но ни Никифорова, ни его заместителя Сердечного связные не нашли. Тогда я приказал бить в набат. Набат живо поднял на ноги насе-

Т. Н. Никифоров
(1917 г.)

К. М. Новиков
(1903 г.)

М. А. Лобиков
(1915 г.)

Ф. А. Долгополов
(1915 г.)

Григорий Пивнев
(1916 г.)

Николай Баранников
(1916 г.)

Денис Буденный
(1918 г.)

Григорий Ковалев
(1924 г.)

ление станицы. Все способные к бою стали вооружаться кто чем мог. Даже мой отец, человек по природе очень мирный, соорудил из вил рогатину.

— Возьми, отец, мою винтовку,— говорю я ему.

— Нет, отдай кому-нибудь помоложе. Мне с рогатиной сподручнее.

Набат разбудил и командование отряда. Первым прибежал заспанный начальник штаба Крутей, а за ним и Никифоров. Решили пешими подразделениями занять оборону с западной и юго-западной окраины станицы, откуда ожидалось нападение казаков, а эскадрон скрытно расположить в лощине для действий во фланг и тыл казакам.

К четырем часам утра конная разведка, высланная на Шара-Булук и Хундулай, в сторону хутора Сухого, донесла, что около полутора тысяч белых казаков в колоннах продвигаются в направлении Платовской. К пяти часам казаки подошли к станице и пытались атаковать с ходу в конном строю, но были отбиты нашими пешими подразделениями. Тогда они спешились и начали наступление. Это были по преимуществу старые, особенно охмелевшие от белогвардейской агитации казаки-бородачи.

Пехотные подразделения отряда завязали бой с казаками, а кавалерийский эскадрон, используя балку Бургуста, обошел казаков и ударил им во фланг и тыл. Это было для белогвардейцев полной неожиданностью. Не успев еще как следует развернуться, они дрогнули и начали поспешно отступать.

В этом бою нами впервые и очень удачно были использованы пулеметные тачанки. Они занимали огневые позиции перекатами. Развернувшись на фланге белых, одна пулеметная тачанка косила противника огнем, а другая тем временем переходила на новую позицию и открывала огонь прежде, чем первая прекращала его.

В течение всего дня наш эскадрон гнал казаков и выбивал их из хуторов Дальнего, Хирного, Жеребкова, Соленого и других. Бойцы сражались отчаянно, с особым азартом они преследовали убегавших казаков. Одно было плохо: бойцы эскадрона еще не надеялись на шашку, предпочитали ей винтовку. Гонится боец за казаком, нагоняет его, но вместо того, чтобы рубить, берет клинок под мышку и стреляет из винтовки, выстрелит в против-

ника и, закинув винтовку за спину, вновь размахивает шашкой только для устрашения.

Эскадрон преследовал белоказаков до хутора Верхне-Соленого и оттуда вернулся в хутор Сухой, где к этому времени сосредоточился весь отряд.

Эта победа над белыми окрылила и наших бойцов и жителей станицы Платовской, поверивших в силу своих защитников. Платовский отряд приобрел большой авторитет и у населения соседних станиц и хуторов, а также среди других отрядов, как вполне боеспособный и преданный Советской власти краснопартизанский отряд.

Расположившись затем в хуторе Соленом и приняв все меры боевого обеспечения, мы вели непрерывную разведку противника. Наши конные разъезды часто сталкивались с разъездами белых, вступали с ними в перестрелку, стараясь захватить пленных.

Как-то раз около хутора Сухого наш разъезд захватил белого казака. Пленный показал, что в хутор Таркановку прибыли из хутора Золотаревского примерно около трех сотен казаков. Располагая этими данными, мы решили сделать ночной налет на Таркановку. Глубокой ночью, без единого звука и выстрела, эскадрон подошел к Таркановке и окружил ее. Сторожевое охранение белых, расположившееся в крайних домах хутора, оказалось на редкость беспечным. Некоторые полевые караулы не выставили часовых. Когда мы, бесшумно сняв охранение, ворвались в хутор, многие казаки еще спали. До утра наши бойцы ловили и вытаскивали казаков, укрывавшихся в погребах, на чердаках, в сене и соломе. Всего эскадрон захватил свыше ста казаков с оружием и лошадьми, семнадцать было убито. Остальным удалось бежать.

Ночной налет на Таркановку позволил нам выяснить, какие силы противостоят Платовскому отряду и где они расположены. Пленные показали, что они из отряда полковника Золотарева, имеющего в своем составе тысячу двести конных казаков и семьсот пехотинцев; штаб отряда с небольшим гарнизоном находится в хуторе Золотаревском, а основные силы отряда располагаются в Моисеевских и Садковских хуторах; вооружены белогвардейцы слабо, пулеметов нет, об артиллерии пленные ничего не знали.

Чтобы более точно установить расположение противника, я с небольшой группой всадников поехал в разведку. Во время разведки мы пришли к выводу о возможности обойти противника с тыла и захватить его штаб в хуторе Золотаревском.

Никифоров одобрил этот план, и мы приступили к действиям. От каждого взвода эскадрона было выделено по пятьдесят самых лучших всадников, и таким образом был создан отряд в двести человек с двумя станковыми пулеметами на тачанках. К вечеру мы подошли к хутору Комарову, рассчитывая здесь встретить сторожевые заставы противника. Но, продолжая продвигаться между рекой Сал и хутором Комаровым, наш отряд не встретил никакого охранения белых и беспрепятственно вошел в хутор Золотаревский.

В хуторе было тихо. Часовые, стоявшие в центре хутора у трехдюймовых пушек, приняли нас за своих и сказали, где какие подразделения расположены и где находится полковник Золотарев. Приказав своему заместителю приступить к обезоруживанию казаков, расквартированных в хуторе, я с группой всадников отправился к полковнику Золотареву, который находился в доме священника. Часовые, стоявшие у этого дома, были бесшумно сняты. Я постучал в дверь. На стук вышла женщина и осведомилась, кто изволит беспокоить.

— Открывайте! Свои! Срочное донесение полковнику.

— Вы что — ошалели? Чего кричите? Господин полковник спит.

Женщина ушла, но вскоре вернулась и открыла дверь.

Я с пятью бойцами вошел в дом.

Полковник, натянув брюки, лениво потягиваясь и жмурясь от света, спросил:

— Ну что, братец, гремишь? Давай что привез...

— Хорош братец! Я — красный командир, собирайтесь да живее...

Полковник широко открыл глаза. Лицо его побледнело.

— Не может этого быть!.. А... где же мои войска?.. — забормотал он.

— Где ваши войска, сейчас увидите...

— Нет, нет, — бормотал полковник, — это же несовместимо с понятием о тактике.

— Живей, живей собирайтесь и не рассуждайте — мы не намерены повторять налет в соответствии с вашим понятием о тактике.

Одеваясь, Золотарев все твердил, что захват его в плен да еще в постели противоречит правилам войны. Руки у полковника тряслись, голос дрожал.

К тому времени, когда мы вышли на улицу с полковником Золотаревым, весь гарнизон хутора был уже обезоружен и пленен. В наши руки попали четыре трехдюймовых орудия с полными зарядными ящиками.

С пленными и с трофейными орудиями мы сейчас же двинулись обратно и уже к рассвету прибыли в хутор Соленый, в расположение основных сил Платовского отряда.

Наш удачный налет на хутор Золотаревский, пленение его гарнизона, особенно командира белогвардейского отряда полковника Золотарева, вызвали всеобщее ликование в Платовской и прилегающих к ней хуторах. Ликовали и бойцы и все население, вставшее на сторону Советской власти.

Однако допрос полковника Золотарева ничего ценного для нас не дал. Он лишь подтвердил имевшиеся у нас сведения о численности ближайших белогвардейских отрядов и намерениях белогвардейцев в скором времени начать активные действия.

Командование Платовского отряда и президиум станичного Совета приняли решение предать Золотарева всенародному суду как преступника, выступившего против народа и рабоче-крестьянской Советской власти. Суд над Золотаревым решили провести в станице Платовской, куда его и направили под строжайшей охраной. Однако судить Золотарева не пришлось. Он был убит ночью при попытке к бегству, как доложил начальник конвоя.

После налета на хутор Золотаревский Платовский отряд продолжал свою боевую жизнь, располагаясь в хуторе Соленом и в соседних с ним хуторах. Наши сторожевые заставы и посыльные поддерживали постоянную связь с Веселовским, Мартыновским и Орловским краснопартизанскими отрядами. Боевые действия некоторое время ограничивались стычками наших сторожевых застав и разведывательных групп с разъездами и отдельными подразделениями белых.

Отряд продолжал расти. В связи с этим главным для нас было формирование подразделений и обучение людей. Никифоров, Сердечный, Крутей занимались пехотой, я — кавалерией. Эскадрон отряда был реорганизован в дивизион двухэскадронного состава. Меня избрали командиром дивизиона, а Баранникова и Городовикова командирами эскадронов. Заместителями командиров эскадронов были назначены Морозов и Усенко.

Отряд пополнялся преимущественно за счет крестьян-добровольцев, большинство которых не имело самой минимальной военной подготовки. Лучшие из добровольцев, пройдя в отряде обучение, выдвигались на командные должности. И надо сказать, что они в невиданно быстрый срок становились талантливыми и искусными командирами, как, например, любимец бойцов Федор Максимович Морозов — человек удивительной храбрости, прошедший в боях путь от рядового бойца до начальника дивизии. Или Григорий Пивнев — сын бедного крестьянина. Мне вспоминается, как в первые дни вооруженной борьбы с белогвардейцами он пришел в отряд с просьбой принять его в кавалерию. Сначала я отказал ему. Нет, говорю, у тебя ни коня, ни шашки, иди в пехоту. Однако не прошло и двух дней, как Пивнев снова явился и уже на хорошей лошади, при полном вооружении.

— Ну теперь, Семен Михайлович, принимайте в кавалерию, видите конь-то у меня какой и шашка есть.

— Но это не все, — возразил я. — Рубить же ты не умеешь.

— Семен Михайлович, я ведь когда-то и кашу есть не умел. Вот увидите научусь.

Пришлось уступить, принять в кавалеристы. Однако сначала, не желая посылать Пивнева в боевое подразделение, где он по неопытности мог быстро стать жертвой любого казака-рубаки, я определил его к себе ординарцем.

Как-то раз белые выбили с хутора Дальнего нашу сторожевую заставу, державшую связь с Веселовским отрядом. Надо было немедленно восстановить положение, и я с сотней бойцов и с пулеметами поспешил на помощь отступавшей заставе. Спешившись в ложбинке, около уже выколосившейся ржи, я оставил следовавшего за мной Пивнева с лошадьми, а сам стал руководить наступаю-

щей цепью бойцов. Завязалась перестрелка с белыми. Смотрю мой ординарец что-то приседает, прячется за рожь. Чтобы ободрить Пивнева, я подзываю его и говорю:

— Что же ты, братец, прячешься под рожь? Испугался пуль? А я-то думал, что ты храбрый... Если бы знал, что ты боишься, то определенно не принял бы в отряд.

— Да нет же, Семен Михайлович, я не боюсь, но как-то само собой получается, — говорит он. — Если вы думаете, что я боюсь, то отпустите во взвод, там я в бой и в разведку пойду, обязательно докажу, что ничего не боюсь.

— Во взвод тебе еще рано, — отвечаю я, — а в разведку тем более. Отрубит тебе голову какой-нибудь казачина, и покатится она, буйная, по широкой степи. Нет, побудь еще около меня, поучись кое-чему, а потом и во взвод пойдешь.

Когда был создан кавалерийский дивизион, я определил Пивнева в эскадрон Баранникова — опытного командира и заботливого человека, поручив ему следить за молодым бойцом. Время от времени я спрашивал Баранникова о Пивневе. Осторожный в суждениях о людях и скупой на похвалы Николай Кирсанович Баранников вначале говорил неопределенно — присматриваюсь, мол. А потом как-то сказал: «Этот парень, видно, совсем лишен чувства страха, думаю, что выйдет из него неплохой командир». Спустя некоторое время в одном из боев с белогвардейцами я лощинкой подъехал к цепи бойцов спешенного эскадрона Баранникова. Смотрю лежит в цепи взвод, умело расположенный на холмистой местности, и ведет огонь по противнику. Пули белых свистят, цокают о землю, но командир взвода, в котором я узнал Пивнева, как будто не обращает на это внимания. Он спокойно ходит и дает своим бойцам какие-то указания.

— Пивнев, ты уже командуешь взводом?

— Да, командую! — и его загорелое лицо светится радостью.

— И пулям не кланяешься? — смеюсь я.

— Нет, они облетают меня, — весело отвечает Пивнев.

Он вытаскивает из кармана кисет и, продолжая беседу со мной, уже не как с командиром, а как с хорошим зна-

комым, закуривает. Вдруг я вижу, что у него по руке течет кровь.

— Пивнев, ты ранен! Беги же скорее к санитарной линейке!

А он, словно ничего не произошло, спокойно посмотрел на свою руку, потом на меня и говорит:

— Да, наверное, ранен.

Быстро росло боевое мастерство Пивнева. За короткое время он стал командиром эскадрона, а затем и командиром полка. Из среды молодых командиров он выделялся высокой дисциплинированностью и особой удалой отвагой. Его подвигами восхищались даже бывалые и известные своей храбростью командиры. Один либо во главе группы лихих конников он пробирался в стан врага, захватывал ценные документы, громил штабы и обозы белых, освобождал из тюрем советских активистов, приговоренных белогвардейцами к расстрелу, и, как правило, возвращался из смелых налетов с пленными офицерами. Слава о бесстрашных подвигах этого жизнерадостного паренька прошла по всем кавалерийским частям 10-й Красной армии.

4

Во второй половине мая 1918 года Донская казачья армия Краснова при помощи немецких оккупантов закончила период организации и формирования и начала наступление против краснопартизанских отрядов — опоры Советской власти на Дону.

На Кубани и Тереке в это время еще был период брожения, период расслоения и, я бы сказал, период развития контрреволюциии. Точно так же, как в январе — феврале 1918 года на Дону и здесь, в Кубанской и Терской казачьих областях, наиболее ревностными сторонниками монархии выступали казаки-старики.

Основные опорные пункты Советской власти на Северном Кавказе были в Ставрополье. Однако возникшие там в начале 1918 года краснопартизанские отряды так же, как в Донской области, были слабые и в основном потому, что стояли на местнических позициях, действовали вразнобой, не помогая друг другу. Местнические настроения в отрядах насаждались прежде всего командирами отрядов. Они избегали совместных действий и уклонялись от объединения только потому, что боялись

попасть в чье-либо подчинение. Индивидуализм некоторых партизанских командиров приводил к тому, что их отряды становились добычей организованных и объединенных в части белогвардейцев.

Говоря об обстановке, сложившейся в этот период на Дону, Кубани, Тереке и на Северном Кавказе, следует сказать также об отношении к Советской власти многочисленных кавказских народностей. Горцы: осетины, дагестанцы, кабардинцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши и другие в этот период не проявляли особой активности. Правда, зажиточная часть горцев во главе со своими князьками стала на сторону белых, однако таких людей было немного. Основная же часть горцев придерживалась нейтралитета, либо становилась на сторону Советов. Нужно учитывать, что беднота горских национальностей терпела двойной гнет — от своих национальных феодалов и от царского самодержавия. Бедняки-горцы ненавидели своих угнетателей, особенно царизм, но они были настолько забиты, запуганы, унижены, что часто не осмеливались поднять голос за Советскую власть.

Во второй половине мая 1918 года белогвардейцы, расположенные в станицах Егорлыкской, Манычской, Мечетинской и Кагальницкой, повели наступление против Веселовского отряда Думенко. Веселовский отряд не выдержал натиска противника и стал отходить по левому берегу реки Маныч, на станицу Великокняжескую. Великокняжеский отряд Шевкоплясова, державший связь с отрядом Думенко, вместо того чтобы выступить на поддержку и соединение с Веселовским отрядом, остался на месте, в обороне у Казенного моста через Маныч.

В связи с отступлением Веселовского отряда на станицу Великокняжескую, наш отряд вынужден был отойти с хуторов Соленого, Сухого и других в станицу Платовскую с тем, чтобы выровнять фронт и теснее связаться с Великокняжеским отрядом. На старых позициях остался только кавалерийский дивизион. Мы должны были встретить противника, войти с ним в боевое соприкосновение и в случае превосходства сил казаков, сдерживая их, отходить на Платовскую.

В Веселовском отряде отступление вызвало недовольство партизан. Люди не хотели уходить из своих насиженных мест, от своих хат и хуторов. Отступление они объясняли бездарностью Думенко. В отряде произошел

крупный инцидент, начавшийся с того, что бойцы потребовали снять с Думенко офицерские погоны. Стихийно возник митинг, на котором партизаны разделились на две группы. Одни выступали против Думенко, требуя отстранения его от командования отрядом и избрания командиром заместителя Думенко — Григория Колпакова, другие защищали Думенко. Кончился этот митинг тем, что один партизан подошел к Думенко и сорвал с него погоны, а тот в ответ ударил партизана. Спасаясь от угрожавшего ему самосуда, Думенко с помощью своих сторонников под покровом наступившей ночи бежал из отряда в станицу Платовскую.

Веселовский отряд теперь уже под командованием Колпакова продолжал с боями отходить на Великокняжескую. В первых числах июня он соединился с Великокняжеским отрядом, и общее руководство отрядами возглавил Шевкоплясов. Этот объединенный отряд завязал упорные бои с белоказаками у Казенного моста на Маныче. В самое напряженное время боев в отряде произошло крупное предательство. Казачий конный полк Сметанина Великокняжеского отряда, состоящий из казаков Орловской и Великокняжеской станиц, вошел в связь с белоказаками, изменил своим и атаковал отряд Шевкоплясова с тыла при одновременной атаке белых с фронта. Отбиваясь от казаков, отряд Шевкоплясова начал отход на станцию Куберле.

Через некоторое время после отхода основных сил отряда Никифорова в Платовскую кавдивизион был атакован белыми казаками станиц Багаевской, Семикаракорской и Золотаревской. Отбивая атаки казаков, я послал в Платовскую двух бойцов с донесением о создавшемся положении. Вернувшись, бойцы доложили, что станица занята белыми. Куда, в каком направлении отошел отряд Никифорова, выяснить не удалось. В связи с изменившейся обстановкой я принял решение: с наступлением темноты оставить хутор Соленый, за ночь подойти к станице Платовской и атаковать белых. На рассвете кавдивизион ворвался в Платовскую и разогнал полторы сотни белоказаков, главным образом калмыков. Подавляющее большинство жителей станицы ушло с отрядом. Остались лишь глубокие старики и малые дети. Отправились в далекий и тяжелый путь и мои отец, мать, сестры. Младший братишка Леонид раздобыл винтовку

и упросил Никифорова взять его в отряд. От стариков я узнал, что Никифоров направился с отрядом к станции Куберле на соединение с другими краснопартизанскими отрядами, и решил, не задерживаясь в Платовской, догонять отряд.

На своем пути кавдивизион встретился с сотней казаков из полка Сметанина, который, находясь в отряде Шевкоплясова, изменил красным и перешел на сторону белогвардейцев. В результате стремительной атаки кавдивизиона большая часть казаков была зарублена, часть захвачена в плен. Изменники получили должное за предательство.

Юго-западнее Куберле мы натолкнулись на учебный лагерь белых. Находившееся в этом лагере небольшое учебное подразделение белоказаков с несколькими офицерами-преподавателями было взято в плен. Ночью кавдивизион с захваченными по пути пленными подошел к станции Куберле.

При подходе к станции кто-то обстрелял нас. Мы прекратили продвижение и для выяснения обстановки выслали вперед конный разъезд. Однако и разъезд был обстрелян. Бойцы кричали, подавали сигналы, что они свои, красные, но все было напрасно. Их к станции не подпустили. Кто же в Куберле: красные или белые? Свои сомнения я разрешил конной атакой, для которой дивизион был расчленен на большие дистанции между эскадронами, а бойцы разомкнуты на большие интервалы. И только в ходе атаки выяснилось, что в Куберле свои. Жертв, к счастью, не было, если не считать двух раненых лошадей.

В то время как большинство наших партизанских отрядов собиралось на станции Куберле, чтобы совместно отбиваться от белых и при необходимости отходить к Царицыну, Орловский отряд Ковалева вел тяжелые бои с белоказаками левобережных станиц Дона. Соседний с ним Мартыновский отряд стоял в слободе Большой Мартыновке, не думая помогать попавшему в беду соседу. Под давлением белых отряд Ковалева вынужден был отступить в Большую Мартыновку. Здесь отряды объединились в один Мартыно-Орловский отряд под командованием Ковалева. Однако и после объединения отряд остался на чисто местнических позициях. Партизаны не хотели уходить из родных мест на соединение с другими

отрядами. Они считали своим долгом драться только за свои села, за свои хаты и не изменили этому принципу даже после того, как руководители краснопартизанских отрядов, собравшихся в Куберле, предупредили их о надвигающейся опасности и рекомендовали отступить на Куберле или в Зимовники. Мартыно-Орловский отряд остался в Большой Мартыновке, где вскоре был окружен плотным кольцом белоказаков.

В Куберле все краснопартизанские отряды объединились в один отряд под командованием Шевкоплясова. Наш кавалерийский дивизион был пополнен конницей из других отрядов. Командиром дивизиона Шевкоплясов назначил Думенко, а меня его заместителем.

III. ОТ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ К РЕГУЛЯРНЫМ ЧАСТЯМ

1

В эти тревожные и бурные на Дону дни, когда краснопартизанские отряды, собравшиеся на станции Куберле, наконец объединились под общим командованием, все взоры наши были обращены к Царицыну.

При поддержке империалистических держав быстро росли силы контрреволюции, но одновременно росли и вооруженные силы пролетарской революции. На юго-востоке России они сосредоточивались в основном у Царицына.

Из Донбасса через область войска Донского, по железной дороге от станции Лихой на Царицын пробивалась 5-я Украинская Красная армия, возглавляемая К. Е. Ворошиловым. К ней присоединились части 3-й Украинской армии, а также партизанские отряды и население, спасавшееся от кровавого террора белогвардейцев.

Этот семисоткилометровый поход через область, представлявшую собой сплошной вооруженный лагерь контрреволюции, был воистину героическим подвигом. Части Ворошилова, связанные тысячами беженцев, прикованные к железной дороге, по которой медленно двигались десятки эшелонов с грузами и людьми, день и ночь отбивались от противника, нападающего и с фронта, и с тыла, и с флангов.

«Целых три месяца, — писал К. Е. Ворошилов, — окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст

снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины»[1].

В исключительно трудное и опасное положение попали части Ворошилова, когда они подошли к Дону и оказалось, что мост через реку взорван. Белые, усиливая нажим, грозили им уничтожением. Заняв круговую оборону, части Ворошилова вступили в жестокую схватку с белоказаками. Одновременно беженцы и свободные от боя бойцы и командиры не покладая рук трудились над восстановлением моста. Камни, булыжник, земля, кирпич — все, что только можно было найти под руками, сбрасывалось в Дон, а потом из шпал возводились временные фермы и прокладывались рельсы. Только благодаря сверхчеловеческим усилиям удалось восстановить мост и переправить эшелоны на левый берег Дона, под Царицын.

В Царицыне положение в то время было крайне неблагополучным. У руководства местными советскими, партийными и военными органами находились люди либо нерешительные и неспособные, либо провокаторы из эсеро-меньшевистского охвостья. С. К. Минин, возглавляющий Советскую власть в городе и царицынские партизанские силы, не всегда правильно разбирался в сложной обстановке, а в ряде вопросов занимал вредную для общего дела позицию. Он недружелюбно относился ко всем пришлым, нецарицынским. Ему хорошо было известно о движении частей К. Е. Ворошилова к Царицыну. Однако он не выступил на помощь им и даже не организовал надежную охрану моста через Дон, что уже граничило с преступлением.

Положение изменилось, когда в июне по решению Центрального Комитета партии в Царицын прибыл И. В. Сталин в качестве чрезвычайного уполномоченного по продовольствию.

Как известно, выполняя свою задачу, ему пришлось провести коренную перестройку работы не только гражданских, но и военных учреждений и фактически возглавить оборону города.

Из частей 5-й и 3-й Украинских армий, краснопартизанских отрядов Донбасса и Донской казачьей области, отошедших к Царицыну, была создана группа Вороши-

[1] «Красный Флот» № 28(682) от 4.2.41 г.

лова, впоследствии (в октябре 1918 года) переименованная в 10-ю Красную армию.

В состав этой армии влились и партизанские отряды Сальского округа, из которых во второй половине июня, когда наш объединенный отряд из Куберле отошел в Зимовники, была сформирована 1-я Донская советская стрелковая дивизия. Начальником дивизии назначили Шевкоплясова. При формировании ее был создан 1-й социалистический кавалерийский полк, основой которого явился Платовский кавалерийский дивизион, пополненный еще в Куберле за счет кавалерии других отрядов. Командиром кавалерийского полка назначили Думенко, а меня его заместителем.

В Зимовниках 1-я Донская стрелковая дивизия оборонялась недолго. Белые, используя численное превосходство и маневренность своих кавалерийских частей, охватывали наши фланги, стремясь полностью окружить и уничтожить дивизию, и это заставило ее начать общий отход на Дубовское.

Это был исключительно тяжелый отход. Вместе с частями дивизии, под их охраной продвигалось к Царицыну около шестидесяти тысяч беженцев. Семьями, на подводах и пешком уходили они из родных мест, чтобы не попасть в руки озверевших белобандитов. И части дивизии и беженцы терпели неимоверные лишения. Не хватало продовольствия, воды, медикаментов. Люди задыхались от жары, гибли от солнечных ударов и безводья. Свирепствовали инфекционные болезни, вплоть до холеры.

Белогвардейцы сковывали дивизию боями с фронта и одновременно врывались с флангов, стремясь создать панику среди беженцев и этим дезорганизовать отход наших частей.

На кавалерийский полк, как на единственную подвижную часть, выпала весьма трудная задача — ликвидировать прорывы противника на фронте и на флангах, не допускать выхода его в тыл дивизии и в голову колонны беженцев.

Полк с полным напряжением сил совместно со стрелковыми частями отражал атаки белоказаков, десятки раз на день переходил в контратаки, ликвидировал прорывы противника, восстанавливал порядок и спокойствие в колоннах беженцев.

Благодаря мужеству бойцов и командиров дивизии отход к Царицыну в условиях невероятных невзгод и лишений проходил организованно. Из трудоспособных беженцев создавались отряды по сбору, обмолоту и помолу зерна, по выпечке и распределению хлеба, по ремонту дорог и мостов, по розыску источников воды. При участии беженцев в дивизии были созданы санитарные и ветеринарные лазареты.

Выйдя в район станции Ремонтная (пос. Дубовское), 1-я Донская дивизия заняла оборону по правому берегу реки Сал.

Общая обстановка на Дону становилась все более напряженной. Генерал Краснов, закончив в основном формирование Донской белоказачьей армии, перешел в решительное наступление в общем направлении на Царицын.

На юге, в районе Зимовники — Ремонтная, против нашей 1-й Донской стрелковой дивизии и примкнувших к ней партизанских отрядов (Сальская группа советских войск) действовала так называемая степная группа белых войск генерала Попова. Западнее Царицына, в районе чирских станиц на Дону, вдоль железной дороги Лихая — Царицын против группы войск Ворошилова действовала группа войск генерала Мамонтова. Северо-западнее Царицына наступали войска генерала Фицхелаурова.

Стремясь к Царицыну, Краснов хотел отрезать советские части, действующие на Северном Кавказе, оставить их «на съедение» алексеево-корниловской «Добрармии». В дальнейшем он надеялся соединиться с наступающими из Сибири колчаковскими полчищами. Но стремление Краснова к Царицыну объяснялось не только его чисто военно-стратегическими целями. Царицын являлся крупным военно-промышленным городом и важным узлом железнодорожных и водных путей. Могучая Волга связывала Царицын с Астраханью, Красноводском и Баку, а Баку — это нефть, Красноводск—среднеазиатский хлопок, Астрахань — рыба. Через Владикавказскую железную дорогу Царицын связывался с Ставропольщиной, Кубанью, Северным Кавказом, богатыми хлебом, скотом, шерстью.

Краснов стремился овладеть Царицыном и потому, что этот город был центром сбора южных краснопартизанских сил. Красные партизаны тянулись к Царицыну, так как в лице царицынского пролетариата видели своего боевого союзника в жестокой борьбе с объединенными

силами белогвардейцев. Кроме того, партизаны знали, что Царицын — это арсенал оружия, патронов, снарядов. Не было тогда на юге России города, равнозначного Царицыну. Знали это и красные и белые, знали и стремились во что бы то ни стало — одни удержать его, а другие овладеть им.

Но если к тому времени, о котором идет сейчас речь, красновская армия была уже в основном сформирована, то 10-я Красная армия, прикрывавшая подступы к Царицыну, еще только формировалась. К. Е. Ворошилову, возглавившему командование армией, и И. В. Сталину, вошедшему в состав Реввоенсовета армии, приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях объединять мелкие партизанские группы и отряды, в ходе боев переформировывать их в регулярные воинские части, ломать партизанские привычки и методы работы командного состава, внедрять строгую воинскую дисциплину и порядок, обеспечивать войска оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием.

2

В районе станции Ремонтной (поселок Дубовское) 1-я Донская стрелковая дивизия упорно оборонялась, используя такую водную преграду, как река Сал.

Как-то в эти дни — это было в первой половине июля — ко мне на хутор Ильинка, где расположился наш кавалерийский полк, явился некий Ищенко, с которым я ранее встречался в штабе Куберлевского отряда. Он заявил, что в Дубовском состоится совещание и на это совещание надо выделить из полка активистов.

Я встретил Ищенко недружелюбно, и к тому у меня были основания. Он принадлежал к числу тех обознопартизанских деятелей, которые называли себя пропагандистами и агитаторами, а в действительности были просто болтунами, или, как говорили о них бойцы, бузотерами — любителями говорить, заседать, поучать, но только не воевать. Их было немного, но они очень настойчиво требовали создания солдатских комитетов, таких же, какие были созданы в русской армии после Февральской революции. Они утверждали, что солдатские комитеты необходимы и в Красной Армии — для установления политического ока над командным составом, а то, мол, в среду командиров проникают чуждые революции эле-

менты. В разговоре со мною Ищенко то и дело подчеркивал, что вопросу создания солдатских комитетов придается большое значение и это видно хотя бы из того, что на совещании будут присутствовать прибывшие в дивизию руководители 10-й армии: член Центрального Комитета партии Нарком Сталин и крупный военный специалист бывший генерал Снесарев.

Ищенко рассчитывал заполучить на совещание подобных себе болтунов, но я его предупредил, что приду с бойцами и командирами, которые сознательно борются с врагами Республики и хорошо знают по своему опыту, что такое Рабоче-Крестьянская Красная Армия и чем она отличается от старой русской армии.

Совещание происходило в небольшом железнодорожном флигельке. Когда я вошел в него с прибывшими со мной бойцами и командирами, тут уже не было ни одного свободного места. Оглядывая присутствующих, я искал Сталина, но, не найдя никого, кто бы своим видом выделялся, как мне казалось должен был выделяться Сталин, я мысленно выругал Ищенко и его компанию — вот ведь действительно бузотеры: на обман пошли, чтобы заманить людей на это никому не нужное совещание.

Выслушав нескольких ораторов, я попросил слово. В своем выступлении я старался как можно убедительней доказать, что время солдатских комитетов отошло, что они нужны были в свою пору для разложения старой русской армии, но теперь они совершенно не нужны нам, поскольку мы должны не разрушать свою армию, а укреплять ее. Я говорил, что бойцы Красной Армии в подавляющем большинстве своем рабочие и крестьяне, добровольно выступившие на защиту Советской власти, сами из своей среды выдвинули командиров, ничего общего не имеющих с офицерским составом старой армии, и, следовательно, нет оснований не доверять им — они способны и без опеки солдатских комитетов поддерживать в частях сознательную революционную дисциплину. Возражая против солдатских комитетов, я предложил выдвигать политбойцов, которые будут проводить разъяснительную работу среди красноармейцев. В заключение своего выступления я сказал, что расцениваю инициаторов создания солдатских комитетов как людей, сознательно подрывающих дисциплину в Красной Армии, и предложил снять с повестки дня этот ненужный

и даже вредный для дела вопрос, а инициаторов создания комитетов арестовать и направить в Царицын в распоряжение Реввоенсовета армии.

Многие меня поддержали. Поднялся шум. Когда шум умолк, председательствующий сказал:

— Слово предоставляется товарищу Сталину.

Со стула, поставленного в уголке помещения, поднялся смуглый, худощавый, среднего роста человек. Одет он был в кожаную куртку, на голове — кожаная фуражка, утопающая в черных волосах. Черные усы, прямой нос, черные чуть-чуть прищуренные глаза.

Сталин начал свою речь с того, что назвал мое выступление в основном правильным. Говорил он спокойно, неторопливо, с заметным кавказским акцентом, но очень четко и доходчиво. Он сказал, что солдатские комитеты действительно оказали неоценимую услугу социалистической революции: помогли большевистской партии внести сознание в революционное движение солдатских масс, поставить большинство солдат на сторону Советской власти и подорвать авторитет реакционного офицерства.

Подчеркнув роль, которую сыграли солдатские комитеты в старой армии, Сталин затем полностью поддержал меня в том, что в Красной Армии создавать солдатские комитеты не нужно — это может посеять недоверие к командирам и расшатать дисциплину в частях. Одобрительно отнесся он и к моему предложению о политбойцах. Он сказал, что, по его мнению, обстановка требует создания института политкомов подразделений, частей и соединений, которые должны обеспечивать своей политической работой выполнение задач, поставленных перед войсками, и руководить воспитанием бойцов в духе преданности Советской власти.

Предложение арестовать инициаторов этого совещания Сталин отверг. Он сказал, что если поднимается какой-нибудь вопрос, то его надо обсуждать, хорошее принять, плохое отклонить.

Кончая, Сталин попросил участников совещания высказаться о целесообразности введения института политкомов. Все высказались за политкомов и предложили тут же принять решение в этом духе, но Сталин сказал, что на совещании конкретного решения принимать не следует, и заверил нас, что Реввоенсовет учтет высказанные нами пожелания. На этом совещание окончилось.

Когда все вышли на улицу, Сталин подозвал меня к себе и стал расспрашивать: кто я по социальному происхождению, какой частью или подразделением командую, какое имею образование. Когда я ответил на эти вопросы, Сталин попросил меня рассказать о том, что я делал после Февральской революции. Я доложил все, что его интересовало.

— Ну вот теперь мы с вами хорошо знакомы, — сказал Сталин и пожал мне руку.

Присутствующий при нашем разговоре бывший генерал-лейтенант старой армии Снесарев — он состоял при Сталине в качестве военного специалиста — обратился ко мне с вопросом:

— В каких случаях вы можете идти в атаку в конном строю на пехоту противника?

Это, очевидно, была проверка моих военных знаний.

Я ответил:

— Во-первых, когда боевые порядки пехоты расстроены, во-вторых, при преследовании противника и, в-третьих, при внезапном нападении.

Снесарев сказал:

— Правильно, — и, обращаясь к Сталину, заметил, — службу знает.

После этого я подал прибывшим со мною бойцам и командирам команду:

— По коням!

Люди, прибывшие со мною в Дубовское, были все как на подбор, подтянутые, лихие всадники, на хороших лошадях. Заметив, что Сталин с интересом смотрит на моих конников, я подъехал к нему. Он еще раз пожал мне руку и сказал, что бойцы и командиры-кавалеристы произвели на него хорошее впечатление.

Мы направились в свой полк, а Сталин со Снесаревым в сопровождении Шевкоплясова и других командиров пошел к себе в вагон, стоявший на станции.

Так состоялась моя первая встреча с И. В. Сталиным.

3

К концу июля 1918 года белоказаки расположили свои части по правому берегу Дона, заняв исходное положение для наступления на Царицын по линии Калач, Нижне-Чирская, Верхне-Курмоярская. С юга, из района Великокняжеской, против Сальской группы красных

войск приготовился к наступлению отряд белых полковника Полякова. Группа войск, непосредственно защищавшая Царицын, к этому времени занимала оборону по линии населенных пунктов: Качалино, Карповка, Кривомузгинская, Громославка. Далее на юг от Царицына вдоль Владикавказской железной дороги располагалась отдельными гарнизонами, главным образом на станциях, Сальская группа красных войск. 1-я Донская стрелковая дивизия обороняла пос. Дубовское (ст. Ремонтная). Наш кавалерийский полк стоял в селе Ильинка.

В этом селе произошла моя первая встреча с К. Е. Ворошиловым. О его прибытии в дивизию, на ст. Ремонтную, я не знал, так как только что вернулся из глубокой разведки в расположение белых. Послав донесение начдиву, я занялся выездкой молодой лошади. За этим делом, которое я никогда не оставлял, отдавая ему свободное от боевых действий время, К. Е. Ворошилов и застал меня, приехав в наш полк.

Приезд к нам Климента Ефремовича был вызван его особым интересом к кавалерии: в 10-й армии кавалерийских частей было еще мало, и он думал о том, как их наиболее эффективно использовать против многочисленной конницы белогвардейцев.

Ворошилов произвел на меня глубокое впечатление. Я видел перед собой революционера-большевика с большим политическим кругозором и твердой верой в победу революции, которой он посвятил себя всего без остатка. Все в нем: и убедительная логика в суждениях, и прямой открытый взгляд, и плотно сбитая фигура, и энергичные жесты — все в нем было как-то в ладу.

Это расположение к Ворошилову сразу же толкнуло меня на мысль попросить его выступить перед бойцами. Климент Ефремович охотно согласился. Я тут же отдал приказание собрать полк. Полк быстро собрался, и Климент Ефремович поднялся на окруженную бойцами пулеметную тачанку. Речь его была короткой, простой, но очень убедительной. Он говорил, что такое Советская власть и как ее надо защищать, каждым своим словом внушая уверенность в силы рабоче-крестьянской власти.

После выступления Ворошилова я от имени всех бойцов поблагодарил его за добрые слова и дал обещание, что все мы будем защищать Советскую республику до последнего удара сердца.

На состоявшемся затем совещании командования нашей дивизии Климент Ефремович поставил вопрос о помощи Мартыно-Орловскому партизанскому отряду, который все еще находился в окружении белоказаков.

Шевкоплясов, начальник штаба дивизии Крутей, а за ними и Думенко тотчас же стали доказывать, что в условиях активизации белых и при недостатке боеприпасов в дивизии она не сможет выручить мартыно-орловских партизан: не хватает сил даже отбиваться от белых — куда уже тут выручать!

— А дивизии двигаться на выручку партизан и не следует,— ответил Климент Ефремович.— С этой задачей может справиться один кавалерийский полк. Как вы, товарищ Буденный, смотрите на это дело? — спросил он меня.

Я ответил, что с его предложением полностью согласен — надо спасти наших людей, истекающих кровью и гибнущих от голода, и попросил разрешить кавалерийскому полку двинуться на выручку Мартыно-Орловского отряда.

Климент Ефремович сказал, что сам поедет с полком, и велел готовить полк к рейду. Видимо, почувствовав, что кое-кто из командования дивизии не склонен придерживаться боевого закона: «Сам умирай, а товарища выручай», Ворошилов напомнил всем, что большевики не бросают друзей в беде. После этого Думенко сказал, что хотя он и больной, но в рейд поедет на тачанке.

Подготовка к рейду не представляла сложности, так как наш полк всегда находился в боевой готовности. Надо было только, учитывая предстоящие действия в тылу противника, взять с собой достаточный запас боеприпасов, а также дополнительные санитарные линейки и медикаменты в расчете на обслуживание Мартыно-Орловского отряда.

Докладывая Ворошилову о готовности полка к рейду, я изложил и свой план действий. Он заключался в следующем. Ночью полк в заранее разведанном месте двумя колоннами переходит линию фронта противника и следует в направлении Большой Мартыновки; дивизион Баранникова двигается по правому берегу реки Сал в направлении хутора Рубашкин, а главные силы полка идут через Кутейниково, Иловайская на хутора Кегичев и Арбузов, расположенные южнее Большой Мартыновки.

Обе колонны должны подойти к Большой Мартыновке одновременно и внезапно атаковать противника.

Командующий армией одобрил предложенный мною план. Чтобы облегчить действия кавалерийского полка, он приказал стрелковым частям дивизии выдвинуться на рубеж реки Куберле в район Зимовников и приковать к себе внимание белых.

В час ночи 29 июля полк выступил в рейд. Климент Ефремович следовал с полком.

Местность мне была хорошо знакома, поэтому я, не заходя в хутора, где могло быть сторожевое охранение противника, повел полк на Кутейниково. В Кутейниково и Иловайской мы внезапно атаковали находящиеся там три сотни казаков. Часть белогвардейцев была зарублена, а часть поспешно отошла на запад.

В 7 часов вечера главные силы полка ворвались в хутора южнее Большой Мартыновки. К этому же часу дивизион Баранникова, двигавшийся по правому берегу Сала, перехватывая встречавшиеся на пути разъезды белых, занял хутор Рубашкин и приготовился к атаке (схема 1).

По общему сигналу полк стремительно атаковал противника. Белоказаки укрылись в окопах и открыли сильный огонь.

Мартыно-орловцы, почувствовав помощь, перешли в наступление. Их кавалерийский дивизион атаковал противника из Большой Мартыновки навстречу нашим атакующим эскадронам. Началась жестокая схватка. Натерпевшиеся от белоказаков мартыно-орловцы дрались с отчаянной храбростью.

Атакованные с севера и юга, белые были разгромлены. Захватив у противника несколько пушек и много лошадей, полк вступил в Большую Мартыновку. Голодные, изнуренные тридцатисемидневной осадой героические бойцы Мартыно-Орловского отряда и жители села со всех сторон бросались к нашим конникам. Безмерна была радость освобожденных. Они обнимали и целовали своих освободителей и их боевых коней. Огромная толпа окружила Ворошилова, измученные люди тянулись к нему со слезами счастья на глазах.

За время осады Большая Мартыновка сильно пострадала. Хорошо снабженные немцами белогвардейцы имели достаточно боеприпасов. Они выпустили по Большой Мар-

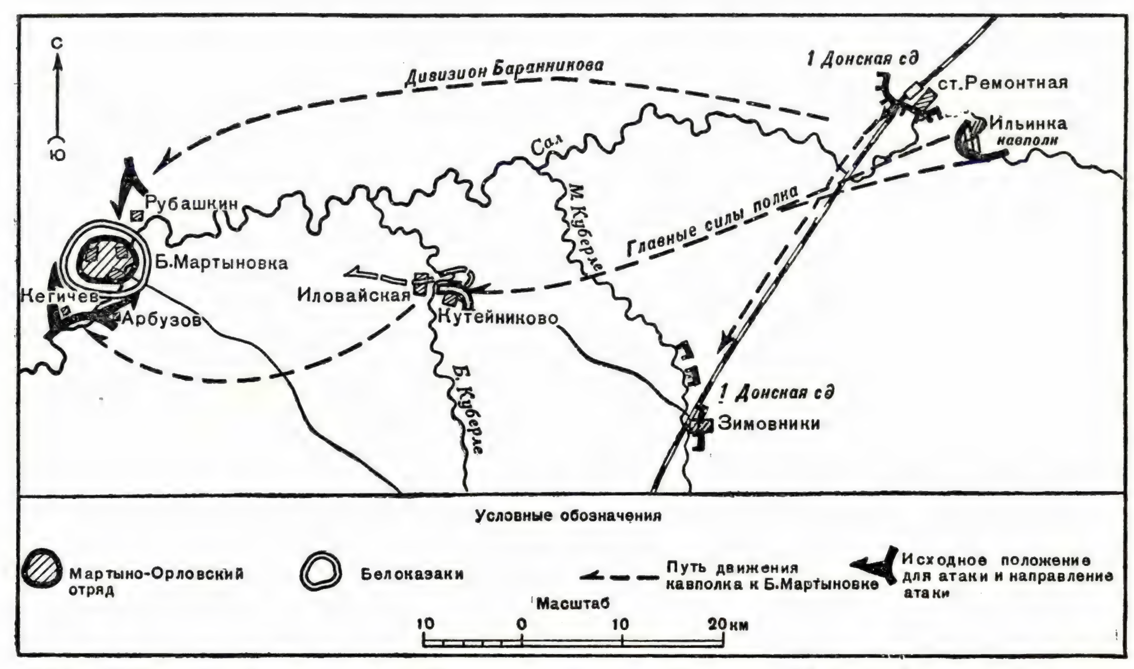

Схема 1. Боевые действия кавалерийского полка по освобождению Мартыно-Орловского красно-партизанского отряда.

тыновке тысячи снарядов и непрерывно поливали осажденных ружейно-пулеметным огнем. Мартыно-орловцы были плохо вооружены, и их скудные боеприпасы стали быстро иссякать.

Десятки раненых бойцов и жителей нуждались в лечении, а медикаментов не было. Положение отряда казалось безвыходным, однако мартыно-орловцы верили, что Советская власть, за которую они проливали кровь, не забудет их, придет на помощь. Они неоднократно посылали своих бойцов для установления связи с 10-й Красной армией, но они неизменно попадали в руки белогвардейцев. И вот все же Красная Армия пришла к ним на помощь и разгромила противника, державшего их в осаде.

Трудно было переоценить победу под Большой Мартыновкой. Она имела исключительно важное значение для подъема боевого духа частей 10-й армии. Последнее время, непрерывно теснимые белогвардейцами, они отступали, не имея значительных побед, и это, конечно, не могло не сказаться на моральном состоянии бойцов. А теперь они увидели, что, несмотря на превосходство белых и в вооружении и в численности, их можно успешно бить.

В приказе по 10-й Красной армии К. Е. Ворошилов поблагодарил бойцов и командиров кавалерийского полка за блестящий успех в операции по освобождению Мартыно-Орловского партизанского отряда и поставил полк в пример всем частям армии.

7 августа Мартыно-Орловский отряд совместно с нашим кавалерийским полком отошел в район станции Зимовники, куда к этому времени вышли наши стрелковые части, и здесь был реорганизован в Мартыно-Орловский стрелковый полк 1-й Донской стрелковой дивизии. Это был шестой и самый большой по численности полк дивизии. Здесь же наш кавалерийский полк развернулся в кавалерийскую бригаду в составе двух кавалерийских полков, Особого резервного кавалерийского дивизиона и четырехбатарейного дивизиона артиллерии.

В каждый полк входило пять эскадронов, в эскадрон — четыре сабельных взвода с одним станковым пулеметом на тачанке. Особый резервный кавалерийский дивизион состоял из трех эскадронов. Полки бригады имели

свои санитарные и ветеринарные подразделения, а также обозы первого и второго разрядов.

Санитарную службу бригады возглавил замечательный хирург Петров. В нем сочетались качества искусного специалиста — медика и храброго бойца. Руководить лазаретом было поручено Н. И. Буденной.

4

4 августа белые перешли в наступление на Царицын. На нашем участке, развивая наступление, противник форсировал Дон южнее Курмоярской и, продвигаясь на восток, захватил ст. Ремонтную. Таким образом, 1-й Донской стрелковой дивизии, оставшейся на оборонительном рубеже в Зимовниках, путь движения на север для соединения с частями 10-й армии был отрезан. К 11 августа противник, продолжая наступление, занял ст. Кривомузгинскую, Иловлю, Качалино. Войска 10-й армии отошли на Котлубань, Басаргино, Тингута. В этих условиях 1-я Донская стрелковая дивизия начала движение на север вдоль железной дороги, чтобы с боем пробиться к основным силам 10-й армии. Это был трудный, но имея в виду связывающие нас железнодорожные эшелоны, единственный путь спасения дивизии.

Как уже было сказано, с 1-й Донской стрелковой дивизией на восток к Царицыну двигались тысячи беженцев. С освобождением Мартыно-Орловского отряда число беженцев возросло до восьмидесяти тысяч. Эта громадная масса людей двигалась пешком, на подводах, в железнодорожных эшелонах. Люди везли с собой свое скудное имущество, гнали скот.

Стояла жара, сохла растительность, над дорогами висли тучи едкой пыли. В районе между Зимовниками и Котельниковским нет хорошей пресной воды, озера и речки здесь, за редким исключением, горько-соленые. Люди и животные страдали от мучительной жары и жажды, задыхались от пыли, изнемогали от голода. Слабые не выдерживали, падали и умирали либо от голода и жажды, либо от широко распространившихся инфекционных болезней. Страшно было смотреть, как измученные люди вместе с животными припадали к грязным, кишащим всякой гнусью лужам, возле которых лежали умирающие. Ко всему этому беженцы находились в постоянном страхе попасть под пули, снаряды и сабли

белогвардейцев. Этот страх неизмеримо возрос, когда беженцы совместно с охранявшей их дивизией попали в полное окружение.

И все-таки надо было двигаться вперед, пробиваться через фронт белых на соединение с 10-й армией. Другого выхода не было. Остаться на месте значило погибнуть от голода, безводья, жары и болезней или быть истребленными белогвардейцами. Путь к спасению лежал на восток, к Царицыну, через Дубовское, занятое белогвардейцами.

Дивизия сомкнула свое кольцо вокруг беженцев и начала движение в направлении Дубовского (ст. Ремонтная). Можно себе представить все трудности обороны громады беззащитных людей. Беженцы связывали дивизию по рукам и ногам, лишали ее маневра, ослабляли боеспособность. Положение дивизии было бы почти безвыходным, если бы она не располагала такой подвижной, закаленной в боях силой, как кавалерийская бригада. Бригада беспрерывно находилась в боях, маневрируя с одного направления на другое, отражая атаки противника, стремившегося истребить дивизию и беженцев.

К середине августа дивизия подошла к станции Ремонтной, занятой белыми. Кавалерийская бригада ночью форсировала реку Сал и со стороны Андреевской внезапно атаковала противника в Дубовском. Белые, не выдержав натиска бригады, в беспорядке отступили на северо-запад, бросая на пути своего отхода оружие и убитых. Однако противнику удалось взорвать железнодорожный мост через реку Сал и тем задержать движение наших стрелковых частей и беженцев.

Мост пришлось восстанавливать под воздействием противника, наступающего с флангов и тыла. Кроме бойцов дивизии, в работе участвовали все трудоспособные беженцы, даже женщины и дети. В основном работы проводились ночью, а днем под прикрытием дымовой завесы отражались атаки яростно наседавших белогвардейцев. Наконец мост был восстановлен. Первыми переправились на восточный берег реки Сал беженцы, а затем уже части дивизии.

Из Ремонтной и Дубовского под нажимом частей полковника Полякова мы двинулись дальше на Котельниковский, рассчитывая там соединиться с Котельниковской стрелковой дивизией Штейгера. Однако при подходе

к Котельниковскому наша разведка установила, что станция и село заняты белой конницей. Оказалось, что, продолжая наступление, противник почти вплотную подошел к Царицыну, а Котельниковская дивизия отступила на рубеж реки Аксай Есауловский.

К 19 августа положение изменилось. Части 10-й армии отбросили противника от Царицына и перешли в наступление. На юге от Царицына Котельниковская дивизия начала теснить пехоту белых.

Ночью 19 августа наша кавалерийская бригада с ходу атаковала белоказаков в Котельниковском. После короткого и ожесточенного боя казаки, потеряв много убитыми и пленными, отошли в направлении станицы Потемкинской. Не задерживаясь в Котельниковском, бригада устремилась на тылы казачьих частей, наступавших на Котельниковскую стрелковую дивизию. Ошеломленные внезапным ударом, казаки прекратили наступление и, преследуемые нашими конниками, в беспорядке отступали к Дону.

В результате этого боя 1-я Донская стрелковая дивизия вышла из окружения противника и спасла тысячи беженцев.

5

Первая попытка белогвардейцев овладеть Царицыном закончилась для них провалом. Но к 10 сентября противник, сосредоточив крупные силы, вновь перешел в наступление на Царицын. Главный удар противником наносился с юго-запада в направлении Тингута — Абганерово. К 2 октября белые захватили Гнилоаксайскую, Абганерово и вновь отрезали от Царицына южную (Сальскую) группу войск 10-й Красной армии.

Развивая наступление, белогвардейцы к 17 октября вторично окружили Царицын, заняв все подступы к нему по берегу Волги, от Пичуги на севере до Сарепты на юге. Одновременно противник стремился полностью окружить и уничтожить Сальскую группу войск. С этой целью белые предприняли наступление с севера, из района станции Жутово, и с юга, из района станции Куберле. Но наши части перешли в контрнаступление и 20 октября овладели станцией Жутово, а затем захватили Абганерово.

В это же время на ближайших подступах к Царицыну,

сосредоточив большие силы, белогвардейцы начали яростный штурм города. Волна за волной с гиком и свистом, как тучи саранчи, катились белоказачьи полки на позиции наших поредевших частей. Героические защитники Царицына переживали критические минуты. Казалось, что превосходящие силы врага сомнут жидкие цепи нашей пехоты и хлынут в город. Но этого не случилось. Царицынский пролетариат грудью встал на защиту родного города. Самоотверженным трудом рабочих были подготовлены и оснащены артиллерией несколько бронепоездов. Эти бронепоезда и умело сосредоточенная Реввоенсоветом 10-й армии артиллерия стрелковых частей стали героями сражения. В решающий момент они открыли ураганный огонь. В течение продолжительного времени на центральном участке обороны Царицына стоял потрясающий грохот. Тучи дыма и земли вздымались к небу, закрывая солнце. И когда дым рассеялся, а земля осела, защитники города увидели беспорядочно удиравшие толпы белоказаков.

Неожиданно началось бегство белогвардейцев и на южном участке обороны. Оказалось, что подошедшая с Северного Кавказа стрелковая дивизия Жлобы нанесла противнику внезапный удар в тыл у Сарепты. Воспользовавшись успехом бронепоездов, артиллерии и дивизии Жлобы, стрелковые части 10-й армии, напрягая все свои физические и моральные силы, перешли в контрнаступление и, отбросив противника к Дону, 22 октября заняли Вертячий, Карповку и Тингуту.

Однако, оправившись от поражения, белые, располагая крупными конными массами, перегруппировались и вновь активизировали свои действия. На юге в районе Котельниковского против Котельниковской, 1-й Донской стрелковых дивизий и кавалерийской бригады, занимавших оборону в Абганерово и по реке Мышковка, сосредоточивалась группа генерала Попова. Используя подвижность своих конных частей, противник стремился овладеть инициативой и начать новое наступление.

В ночь на 2 ноября конница белых предприняла набег на Абганерово. Абганерово обороняли части 1-й Донской стрелковой дивизии, занимая позиции по окраине села. В самом селе располагалась кавалерийская бригада, составляя резерв дивизии. Воспользовавшись беспечностью боевого охранения и прикрываясь сильным туманом, про-

тивник в пять часов утра подошел вплотную к Абганерово и атаковал нашу оборонявшуюся пехоту. Удар был не столько сильным, сколько неожиданным. Некоторые стрелковые подразделения бросили оборонительный рубеж и дали возможность передовым конным группам противника ворваться в Абганерово.

Кавбригада тоже фактически была застигнута белогвардейцами врасплох. Однако мужественные и уже закаленные в боях бойцы и командиры бригады не поддались панике. Бойцы, первыми заметившие белых, сразу же, не ожидая команды, встретили их огнем. Отдельные командиры подразделений, построив своих бойцов, уже организованно наносили удары передовым группам противника. А тем временем кавбригада, успевшая собраться по тревоге в ранее установленном месте, перешла в контратаку. Авангардные части противника все еще пытались, хотя и робко, атаковать Абганерово, но, встретив нашу стремительную контратаку, отошли, оставив на поле боя батарею четырехорудийного состава и шесть пулеметов.

К 7 часам утра туман начал рассеиваться и на подступах к Абганерово показались главные силы белогвардейцев. Кавбригада немедленно перешла в атаку, смяла передовые подразделения противника, а затем атаковала его главные силы. Противник не выдержал удара и стал поспешно отходить в южном направлении, разделившись при этом на две группы. Первая группа белых в составе не менее четырех полков отходила в направлении хутора Самохин, а вторая в составе трех полков — на хутор Жутов второй. Оценив создавшуюся обстановку, я отдал распоряжение, которое сводилось к следующему: 1-му кавалерийскому полку Городовикова с эскадроном 2-го кавполка преследовать группу противника, отступающую в направлении хутора Жутов второй, разгромить ее и к исходу дня сосредоточиться в этом хуторе. Трем эскадронам 2-го кавполка Маслакова и Особому резервному кавдивизиону преследовать противника, отступающего на хутор Самохин.

Преследование велось весь день. Белогвардейцы в панике бежали по степи, бросая на своем пути оружие, лошадей, обозы, санитарные линейки.

С наступлением темноты Маслаков со своей группой прекратил преследование противника и вместе с захваченными трофеями и пленными возвратился на ночлег

в хутор Самохин, где к этому времени расположился штаб бригады.

Узнав в Самохине, что связь с Городовиковым потеряна, я решил лично проехать в хутор Жутов второй, так как совершенно не сомневался, что Городовиков именно там. Предупредив об этом командира 2-го кавполка Маслакова, я сел на коня и вместе со своим ординарцем Николаем Кравченко поскакал к хутору Жутов второй.

Когда мы подъехали к хутору, там царила тишина. Несмотря на темную ночь, по некоторым признакам мы сразу определили, что на хуторе расположилась кавалерия, и въехали в крайний двор, чтобы узнать, где остановился Городовиков. Ординарец заботливо закрыл за собой ворота. Мы спешились. И вдруг я вижу, что во дворе — белые казаки. Их можно было отличить от красных бойцов даже в темноте: казачьи лошади имели длинные хвосты, а красные кавалеристы подрезали хвосты своих лошадей по скакательный сустав. Кроме того, казаки носили винтовку через правое плечо, а красные бойцы через левое. Все знали, что если у бойца ствол винтовки виден из-за левого плеча — это красный, если же из-за правого — белый.

Так неожиданно мы оказались в ловушке. Выскочить со двора, не вызывая подозрения, уже невозможно было: казаки — их находилось во дворе человек двенадцать — сразу обратили бы на нас внимание. Только хладнокровие могло спасти нас. Тихонько предупредив ординарца, что мы попали к белым, и приказав ему называть меня станичником, я обратился к казакам.

— Скажите, станичники, вы не из семьдесят второго полка?

Я назвал номер белогвардейского полка, потрепанного нами за хутором Самохиным.

— Нет, — отвечают казаки.

— Вот беда, — сокрушаюсь я, — путаемся, путаемся, так и к красным угодить можно.

— Постой, постой! А почему, станичники, у ваших лошадей хвосты подрезанные? — спрашивают казаки.

— Э, братуха, тут такая каша заварилась, что и сам стриженый будешь. Убили наших лошадей в бою. А куда казак без лошади! Хорошо еще, что захватили лошадей у красных.

— Да, бывает, — подтвердили казаки. — Ваш полк отступил правее, должно быть, там его и нужно искать.

Ну думаю: винтовок у нас с ординарцем нет, лишь шашки и револьверы, следовательно, второй признак, по которому нас могут признать как красных, — отпадает.

— Так мы, станичники, если вы не против, останемся здесь ночевать, а утром поедем искать свой полк. Ночью и в беду попасть не трудно.

— Это верно, — согласились казаки. — Оставайтесь, места хватит. Ставьте лошадей да идемте в хату. Хозяйка у нас хорошая — молоко и сало приготовила.

— Спасибо, — ответил я, — это будет не лишне. Вот мой приятель что-то заболел бедняга — пусть полежит, а я лошадей пока уберу.

— Да это у него с перепугу, — засмеялись казаки. — Добре, видно, красные прижали, коли свой полк потеряли.

Все как будто обходилось благополучно. Но одного еще я опасался: а вдруг среди белых окажутся казаки из Великокняжеской или из хуторов Дальнего и Жеребкова? Там почти все знали меня в лицо. К счастью, эти опасения оказались напрасными.

Казаки, больше не обращая на нас внимания, оживленно обсуждали результаты дневного боя. Прислушавшись к их разговору, я понял, почему в хуторе белые, а не Городовиков со своим полком.

События развивались так.

Полк Городовикова преследовал конницу противника до хутора Жутов второй. Пластунский батальон белых, оборонявший этот хутор, пропустил через свои цепи отступающую конницу белых и открыл огонь по эскадронам Городовикова. Этот внезапный и сильный огонь смешал их боевые порядки и остановил наступление полка. Казаки этим немедленно воспользовались и перешли в контратаку. Городовиков поспешно отступил и ушел в Абганерово.

Потолковав о бое, казаки замолчали, а потом один из них начал рассказывать, как при преследовании красных он чуть было не захватил в плен Буденного.

— Как только мы стали преследовать красных, — рассказывал казак, — я сторонкой, сторонкой да вперед... Конь вы знаете, станичники, у меня добрый, резвости

не занимать... Прижимаю этак я и вижу: скачет Буденный!

— Врешь, — говорит другой казак. — Откуда ты знаешь Буденного?

— Э, братуха, да как же не знать! Усы черные вразлет, сам вроде не так уж велик, но плотный. Да хотя бы не знал раньше, но как увидел коня — буланый с черным ремнем по спине, на лбу звездочка, хвост черный, а грива, что тебе ворона крыло,— так и подумал: это он, а не кто другой.

— У кого хвост и грива черные? У Буденного нешто?

— Да тю ты! Я же сказал, что у коня его. Не перебивай, братуха... Так вот, станичники, увидел я Буденного и думаю: пан или пропал. Сгину или пымаю его, чертяку. Жму что есть духу. Он вроде бы подпустил меня к себе. А потом как прижмет, прижмет, да куда там — как не бывало... Смотрю, он опять предо мною и к тому же смеется леший. Ну думаю: я тоже не кислым молоком мазанный. Ударил за ним снова. Кажется, не скачу, а лечу. Зло берет, а догнать не могу. Верь или не верь, братуха, — обращается рассказчик к рядом стоящему казаку, — все равно что ты бы уходил галопом, а я стоял на месте. Вот это конь — сколько живу, но таких не видел. Гнался я, гнался, оглядываюсь, а наших нет. Плюнул, выругался и вернулся.

— Так и не пымал Буденного?

— Не пымал, — сокрушенно ответил рассказчик. — До сих пор не пойму: или Буденный колдун, или конь его сатана, — заключил он.

Казак складно врал — душу отводил, но надо отдать ему должное — масть моего коня он знал во всех подробностях... Трудненько было бы нам с ординарцем, если бы мы приехали в хутор засветло.

Вскоре казаки пошли со двора в хату ужинать. Мы решили, что нам надо уходить подобру-поздорову. Но только мы собрались выехать за ворота, как во двор ввалилось человек двадцать казаков во главе со старшим урядником. Из разговора казаков я понял, что их взвод назначен в сторожевую заставу. Недолго думая я подошел к уряднику, сказал ему, что мы из 72-го полка, и попросил разрешения вернуться в свою часть.

— Чего здесь путаетесь? — буркнул он и, не став ждать ответа, сообщил мне пропуск.

Командир полка
П. Я. Стрепухов
(1926 г.)

Командир бригады
Г. М. Мироненко
(1917 г.)

Командир полка
К. С. Гончаров
(1918 г.)

Командир бригады
А. А. Чебатарев
(1914 г.)

Командир бригады
В. И. Книга
(1936 г.)

Комиссар бригады
Ф. А. Мокрицкий
(1920 г.)

Начальник автоотряда
И. Х. Аргир
(1920 г.)

Начальник разведки полка
Ф. К. Новиков
(1918 г.)

Приехав в хутор Самохин, я поднял полк Маслакова по тревоге и приказал ему под покровом ночи подойти к хутору Жутову, окружить расположенного там противника и стремительной атакой со всех четырех сторон разгромить его. Для захвата полевых караулов белых была выделена специальная группа разведчиков, которой я сообщил полученный от урядника пропуск. Пропуск был превосходно использован нашими разведчиками. Благодаря ему они без выстрела сняли полевые караулы белогвардейцев.

В четыре утра полк Маслакова обрушился на спящего противника. Оказать серьезное сопротивление он, конечно, не мог, хотя в Жутове располагались три полка кавалерии и пехота белых. Лишь небольшая часть белогвардейцев вырвалась из хутора и в панике убежала в степь. Остальные были пленены, те, кто оказал сопротивление, зарублены. Все пленные были построены на северной окраине хутора. Я подъехал к ним и поздоровался:

— Здравствуйте, станичники!

Пленные в один голос гаркнули:

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

В ответ на это грянул хохот стоявших за мной бойцов.

— Вот сукины дети беляки — вспомнили превосходительство! — смеялись наши бойцы.

Я обратился к пленным:

— Кто, станичники, ночевал сегодня со мной в Жутове, выходи!

Никто не выходит, все молчат. Я говорю им, в каком именно доме был ночью, но и это не помогает.

— Так что же, выходит, я не был вашим гостем? Хорошо. Тогда кто же из вас рассказывал, как он ловил Буденного?

Еще одна минута молчания, а потом, смотрю, выходит из строя чубатый казак.

— То я так... брехал, — робко озираясь, говорит он.

— Здорово, казак, врешь. А откуда же ты все-таки знаешь мою лошадь?

— Да мне тут один станичник рассказывал, — отвечает он.

Пленные не могли поверить, что я действительно был у них на хуторе.

— А когда же вы от нас уехали? — спрашивали они.

— Тогда, станичники, когда вы ели сало и пили молоко, — ответил я.

— Да не может этого быть! — не верили казаки.

В заключение я сказал:

— Вас обманули лживой агитацией и заставили воевать против своих братьев по труду. А чтобы вы не сдавались в плен, вам говорят, что красные расстреливают всех пленных. Это ложь! Мы гарантируем вам жизнь, и вы можете сейчас же написать об этом своим родным и соседям.

После того как я это сказал, пленные почувствовали себя непринужденно. Начались оживленные разговоры. Один из пленных, на вид бравый казак, спросил меня:

— А правда, что вас пуля и сабля не берет и что вы наперед знаете, о чем думает наш командир полка, и все делаете наоборот?

Я посмеялся и стал рассказывать, за что мы воюем и почему победа будет за нами.

Тут же, приспособив бумагу на коленях, пленные казаки принялись писать письма. Потом они выбрали из своей среды девять человек, которым было поручено пойти в тыл белых — разнести письма родным и передать станичникам наказы своих товарищей, оставшихся в плену.

Пленные офицеры — двадцать семь человек — были выстроены отдельно, и я сообщил им, что офицеров мы тоже не расстреливаем, если они честно отказываются от продолжения борьбы с Советской властью.

В донесении, отправленном командованию, я просил рассмотреть вопрос о дальнейшей судьбе пленных и предлагал повести решительную борьбу с расстрелами пленных, которые в тот начальный период гражданской войны в некоторых партизанских отрядах практиковались как ответ на террор белых.

У белогвардейцев массовые расстрелы пленных красноармейцев и населения, сочувствующего Советской власти, были введены в систему. Они пытались этим запугать народ, заставить его под страхом смерти служить их интересам.

Но расстрелы приводили к обратному: красноармейцы в плен не сдавались, а трудящееся население бежало от белых на советскую территорию.

Вместе с тем белогвардейская пропаганда неустанно твердила о красном терроре: «Не пойдешь сражаться с красными антихристами — они придут к тебе в дом, убьют и тебя и твою семью; сдашься им в плен — расстреляют. Значит, один выход — бороться против красных до полной победы».

И надо сказать, что на некоторых солдат и особенно казаков эта пропаганда белых действовала. Попав в плен, они считали себя обреченными на смерть и никак не могли поверить, что их оставят живыми или, как это порой бывало, возьмут слово, что больше не будут подымать оружия против Советской власти и отпустят домой.

Между тем в частях белых было много обманутых и насильно мобилизованных крестьян и неимущих казаков, которых легко было бы привлечь на свою сторону. И среди командного состава белогвардейцев находились люди, начинавшие понимать, что бороться против Советской власти — это значит бороться против народа, люди, по своим взглядам не имевшие ничего общего с верхушкой белогвардейщины, но до поры до времени не решавшиеся открыто выступить против нее и перейти на сторону красных.

6

В результате боев под Абганерово, в хуторах Самохин и Жутов второй частям генерала Попова было нанесено серьезное поражение. Обстановка диктовала необходимость преследования белых до полного разгрома. Но кавбригада не могла отрываться от своих стрелковых частей, так как это лишило бы нашу оборону на южном участке фронта 10-й армии ее единственной подвижной силы.

Кавбригада снова сосредоточилась в Абганерово как резерв 1-й Донской стрелковой дивизии, которая вместе с Котельниковской дивизией заняла оборону по реке Мышковке, расположив основные силы для обороны населенных пунктов: Громославка, Капкинский, Шелестов. Штаб 1-й Донской дивизии располагался в Абганерово.

Оправившись от удара нашей бригады, белые вновь предприняли наступление. Однако все атаки противника были отбиты с серьезными для него потерями. Потерпев неудачу в попытке прорвать оборону наших частей на южном участке фронта 10-й армии, белогвардейцы оста-

вили перед фронтом 1-й Донской дивизии Астраханскую пехотную дивизию генерала Виноградова и кавалерийские части генерала Голубинцева, а остальные части перебросили в район Ляпичев, Карповка, Котлубань для использования на центральном участке фронта.

Во второй половине ноября, в период обороны дивизии на реке Мышковка, я решил лично провести глубокую разведку противника в направлении населенного пункта Аксай, где, по имеющимся данным, располагались крупные силы белых. С этой целью я отобрал семь лучших бойцов и одел их в казачью форму с погонами. Мы выехали ночью, а на рассвете уже свободно разъезжали по селу Аксай. Охранение у противника было организовано плохо, благодаря чему нам без особого труда удалось выяснить расположение, численность и вооружение его. Оказалось, что боевой порядок пехотной дивизии генерала Виноградова построен в один эшелон и что оборона белых в районе Гнилоаксайской не имеет ни траншей, ни окопов на подразделения. Солдаты занимают наспех отрытые одиночные окопы. Разведкой было установлено также, что штаб генерала Виноградова располагается на станции Гнилоаксайской, а в селе Аксай находится штаб генерала Голубинцева, под командой которого пять кавалерийских полков, расположенных в Аксае.

В результате разведки у меня созрел план разгрома Астраханской пехотной дивизии белых. В основном план сводился к следующему: кавалерийская бригада ночью внезапно атакует конницу Голубинцева, расположенную в Аксае, отбросит ее на юг, а затем, частью сил прикрывшись от конницы белых, быстро выйдет на тылы Астраханской дивизии Виноградова и атакует ее одновременно с 1-й Донской стрелковой дивизией, которая будет наступать с фронта.

Этот простой по замыслу план не требовал длительной подготовки к операции и был легко осуществим.

Утром, вернувшись в расположение бригады, я нанес свое решение на карту, составил к нему пояснительную записку и направился в штаб дивизии.

В штабе дивизии я застал Шевкоплясова, Думенко и командира Котельниковской дивизии Штейгера. Неожиданно для меня тут находился и командарм 10 Ворошилов.

Климент Ефремович сидел, остальные стояли. Шел бурный разговор. Я поздоровался, присел на стул и стал внимательно прислушиваться к говорившим. Речь шла, как я сразу понял, о том, что надо наступать. К. Е. Ворошилов убеждал, что при создавшихся условиях оборона наших частей должна быть активной и что ударом по противнику на некоторых участках можно изменить обстановку в нашу пользу.

Шевкоплясов, Штейгер, а за ними и Думенко пытались доказать, что мы не в состоянии наступать. Противник, заявляли они, окопался и хорошо вооружен, а наши дивизии растянуты на широком фронте и почти не имеют боеприпасов.

— Хорошо еще, если мы сможем удержать занимаемые позиции, — говорил хриплым простуженным голосом Шевкоплясов, поминутно приглаживая свои жидкие рыжие усы.

Но Климент Ефремович все же продолжал настаивать на наступлении. Обращаясь к Шевкоплясову, он сказал, что тот, кто сидит сложа руки, никогда не дождется победы. Говоря о том, что 1-я Донская дивизия, имеющая в своем составе кавбригаду, обладает всеми возможностями нанести удар белым, Ворошилов сказал, что, по его мнению, удар наиболее целесообразно нанести на Аксай и Гнилоаксайскую кавалерией с тыла, а пехотой с фронта. Выразив полную уверенность, что эта операция будет успешной и создаст благоприятные условия для дальнейшего наступления, Ворошилов обернулся ко мне.

— Как вы смотрите, товарищ Буденный? — спросил он.

Вместо ответа я вынул свою карту с планом намеченной операции и положил ее перед Ворошиловым. Климент Ефремович внимательно изучал мой план, а я тем временем докладывал все подробности его.

— Вот видите, — сказал Ворошилов, — я же с человеком не сговорился, а предлагаем мы с ним одно и то же. И это потому, что такая операция в ваших условиях сама напрашивается. Она действительно проста по замыслу, как сказал товарищ Буденный, и реальна по выполнению.

Выслушав мнение начдивов, К. Е. Ворошилов тут же приказал готовиться к операции и добавил, что он не

уедет из Абганерово, пока пехотная дивизия генерала Виноградова не будет разбита.

25 ноября вечером бригада выступила из Абганерово в направлении Аксай и, ночью скрытно подойдя к нему, заняла исходное положение для атаки. В расположении белых было тихо, очевидно, они совершенно не подозревали о нависшей угрозе (схема 2).

Схема 2. Разгром Астраханской пехотной дивизии белогвардейцев в Гнилоаксайской.

По моему сигналу бригада стремительно ворвалась в Аксай, смяла растерявшуюся от внезапного удара конницу противника и отбросила ее на юг, к хутору Перегрузному. Оставив заслон перед белоказаками силою в два эскадрона и захватив с собой брошенные белыми двенадцать пулеметов и шесть конногорных орудий, бригада всеми силами обрушилась с тыла на Астраханскую пехотную дивизию генерала Виноградова. Разгорелся исключительный по своему ожесточению бой. В составе

Астраханской пехотной дивизии преобладали офицеры-добровольцы, действовавшие в качестве солдат. Они дрались исключительно упорно: раненые не выпускали оружия из рук, пока в силах были держать его.

Руководя боем, я натолкнулся на трех раненых офицеров. Обнявшись, они тяжело шагали и из последних сил тянули за собой пулемет «кольт». Увидев меня, они упали на землю, и один из них, раненный в живот, судорожно припал к пулемету. Он успел открыть огонь и убить лошадей подо мной и под моим ординарцем. Но мы с ординарцем бросились на белогвардейцев, и развязка произошла очень быстро.

Пока внезапно атакованный с тыла противник отчаянно отбивался от нас, 1-я Донская стрелковая дивизия перешла в наступление и атаковала его с фронта. Двойным ударом, с тыла и с фронта, Астраханская дивизия, несмотря на ожесточенное сопротивление, была разгромлена. Мы захватили пленных, в том числе много офицеров. В наших руках оказались двенадцать орудий, двадцать один пулемет и весь штаб дивизии во главе с его начальником. Генералу Виноградову, к нашему сожалению, удалось скрыться.

К. Е. Ворошилов, осуществлявший общее руководство операцией, высоко оценил действия кавалерийской бригады. В приказе по войскам 10-й армии от 27 ноября 1918 года он отметил боевую доблесть красных кавалеристов. Многие бойцы и командиры были предоставлены к наградам. Наградили орденом Красного Знамени и меня. Кроме того, Реввоенсовет 10-й армии наградил меня почетным боевым оружием — шашкой, которая теперь хранится в музее обороны Сталинграда (Царицына).

В бою под Гнилоаксайской я впервые встретился с 1-м Крымским конногвардейским советским полком, находившимся в составе наших войск, оборонявших Царицын. В разгаре боя с Астраханской дивизией Виноградова я выскочил на правый фланг бригады. Вдруг в стороне сквозь начавшуюся снежную метель показалась колонна конницы. «Белые»,— подумал я, но, подъехав ближе, увидел, что это красные конники.

— Что за часть? — спросил я.

— Крымский советский полк. Сбились с направления.

Разговаривать времени не было.

— Вон видите хутор? Там белые. Отрезать им путь отхода и разгромить!

Через несколько минут полк вступил в бой. Бойцы полка под руководством своего командира С. К. Тимошенко дрались с врагом отважно. Они отрезали путь отхода противнику, находившемуся в хуторе Хлебном. После боя я ближе познакомился с полком. В его состав входили эскадроны бывшего Крымского полка старой русской армии и Сербский кавалерийский дивизион. Командовал дивизионом выдающийся боец-интернационалист серб Данило Сердич.

На всю жизнь у меня и у всех, кто знал Сердича, останется образ этого замечательного товарища — человека большой выдержки и скромности, прекрасного друга, храброго и талантливого командира, посвятившего свою жизнь борьбе за Советскую власть вдали от своей родной Сербии. Все сербы, сражавшиеся под командованием Сердича, были людьми, готовыми к самопожертвованию ради победы пролетарской революции.

Выступая перед своими бойцами, я говорил:

— Вот видите этих людей — сербов. У них нет в России родных, никого у них нет тут, а как храбро дерутся они. Это настоящие интернациональные бойцы, революционеры.

То же самое я могу сказать и о хорватах, черногорцах, славенцах, венграх, чехах, словаках, поляках, немцах, болгарах и других интернациональных бойцах, которые в наших рядах мужественно сражались за первое в мире рабоче-крестьянское государство.

Успешные действия кавалерийской бригады против казачьих частей в районе Абганерово, Аксай, Гнилоаксайская, Самохин, Жутов второй убедительно доказывали высокую боеспособность красных кавалерийских частей. Эти бои позволяли сделать вывод, что если бы Красная Армия смогла противопоставить многочисленной белой коннице свои крупные кавалерийские массы, инициатива была бы вырвана из рук противника.

Так считали К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин и другие руководители 10-й армии, но иначе думал Наркомвоенмор Троцкий, приехавший в Царицын перед боями в районе Гнилоаксайской. Нам было известно, что он присутствовал на заседании Реввоенсовета 10-й армии и устроил «разнос» нашему командованию за пассивные

действия армии. В ответ на это Реввоенсоветом был представлен отчет, раскрывающий соотношение сил наших и противника. Особенно «бледно» выглядели мы в соотношении сил конницы. Противнику, располагавшему многими конными корпусами, мы могли противопоставить, кроме стрелковых дивизий, одну кавалерийскую бригаду и несколько малочисленных частей войсковой конницы.

В Абганерово наша кавбригада была представлена Троцкому. Осмотрев бригаду, он выступил перед бойцами с речью, в которой назвал бригаду «примой в общем ансамбле боя».

Воспользовавшись случаем, я обратился к Троцкому — попросил его разрешить высказать свое мнение относительно создания в нашей Красной Армии крупных кавалерийских соединений.

— А в чем оно заключается? — спросил он.

— Учитывая большой размах войны, принявшей маневренный характер, и то, что у противника главную роль играет массовая казачья конница, нам бы нужно создать свою массовую кавалерию, сведенную в дивизии и корпуса...

— Товарищ Буденный, — прервал меня Троцкий,— отдаете ли вы отчет в своих словах? Вы не понимаете природы кавалерии. Это же аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. И незачем нам с мужицким лаптем соваться в калашный ряд.

Были ли это собственные взгляды Наркомвоенмора? Скорее всего, ответ Троцкого отражал мнение окружавших его военспецов, которые всячески тормозили создание советской кавалерии — одни сознательно, работая в интересах врага, другие, «добросовестно» заблуждаясь в определении роли кавалерии в гражданской войне. Но те и другие так или иначе действовали на руку Деникину.

Ведь в чем заключался секрет успеха белых в то время?

Гражданская война сразу же приняла маневренный характер. Это была война на широких просторах с весьма условной линией фронта; бои велись за наиболее важные города, железнодорожные узлы, села; всегда существовала возможность обхода, охвата, удара по флангам и тылам. Совершенно очевидно, что в такой войне маневр должен был приобрести решающее значение, а носитель-

ницей маневра был наиболее подвижный в то время род войск — кавалерия.

Располагая преимущественно кавалерийскими частями и соединениями, белые быстро производили нужную им перегруппировку войск и превосходящими силами наносили удар по наиболее слабому месту нашего фронта. В случае неудачи в бою они оставляли перед нашими войсками небольшой конный заслон, а основными силами уходили, чтобы создать необходимую группировку и нанести новый удар в более опасном для нас направлении. Наши же стрелковые части, ограниченные в маневре, не могли своевременно сосредоточиться на угрожаемом участке фронта, либо быстро уйти из-под удара белой конницы. Даже выиграв бой, мы часто не могли добиться полной победы, так как наша малоподвижная пехота была не в состоянии вести эффективное преследование конницы с целью окружения ее и уничтожения. Для выполнения этих задач нам нужна была своя массовая конница, то есть не отдельные конные части, входящие в состав стрелковых дивизий, решающие задачи в их интересах, а крупные соединения стратегической конницы, способные решать любые задачи как самостоятельно, так и во взаимодействии с пехотой, в интересах армии и фронта.

Опыт начала гражданской войны убеждал меня, что массированное применение конницы, особенно для развития успеха пехоты и ударов во фланг и тыл, часто приводит к полному разгрому противника. Белые, в частности на Южном фронте, добивались успеха именно потому, что их войска состояли преимущественно из крупных конных казачьих соединений. Надо было лишить врага этого козыря.

Обстановка властно требовала создания крупных кавалерийских соединений, однако это было сопряжено с большими трудностями.

Красная Армия создавалась в боях, времени на организацию ее было очень мало. Объединение партизанских отрядов и реорганизация их в регулярные части и соединения происходили, что называется, на ходу.

Кроме того, после Октябрьской революции почти весь офицерский состав кавалерии старой армии оказался в контрреволюционном лагере. А наши командиры, вышедшие из масс трудового народа, в большинстве своем недостаточно знали военное дело. Многие из них оказались

талантливыми организаторами, но искусству воевать им впервые пришлось учиться уже на поле боя. На первых порах некоторые наши командиры, даже старшие, не всегда правильно разбирались в принципах использования в бою родов войск, в частности кавалерии. Были и такие, которые сознательно или несознательно препятствовали организации частей и соединений кавалерии.

В то время, будучи заместителем командира кавалерийской бригады, я мог ставить вопрос об организации кавалерийских соединений только через своих непосредственных начальников — Думенко и Шевкоплясова. Но эти люди, занимавшие значительные командные посты, не только не содействовали, но в меру своих сил препятствовали развитию кавалерии.

Однако и после неудачной попытки обратиться по этому вопросу к Троцкому мысль о создании крупных кавалерийских соединений, хотя бы для начала кавдивизии, не оставляла меня. И вот в конце ноября, когда белогвардейцы на всем фронте 10-й армии были отброшены за Дон и наша бригада, выведенная в резерв армии, сосредоточилась в районе Дубовый овраг, Большие и Малые Чапурники, поблизости с Реввоенсоветом армии, я решил при удобном случае доложить по этому вопросу Сталину и Ворошилову. Высокая оценка ими роли кавалерии 1-й Донской стрелковой дивизии позволяла надеяться, что вопрос будет решен положительно. Случайная встреча с конницей стрелковой дивизии Жлобы побудила меня поскорее осуществить свое намерение.

Как-то, проезжая по линии фронта, я увидел такую картину: в одиночных окопах сидят бойцы, и каждый сидящий в окопе держит за повод лошадь. Далеко, насколько может охватить глаз, тянется линия одиночных окопов и одиноко маячат за ними лошади. Подъезжаю к бойцам и спрашиваю:

— Что же вы, товарищи, здесь делаете?

— Как что? — удивляются бойцы. — Нечто не видишь — обороняемся.

— Как же это вы обороняетесь?

— Да так вот и обороняемся. Шо пытаешь? Видишь, не галушки варемо,— кидая на меня сердитый взгляд, говорит боец украинец.

— Так вы что — кавалеристы или пехота?

— Да ты ослеп чи шо? — сердится боец и как бы в

подтверждение, что он кавалерист, дергает свою лошадь за повод.

— Ну вижу, что кавалерист, — примирительно говорю. — Я тоже кавалерист, однако еще не встречал такой обороны кавалерии. Перебьют ваших лошадей белые, и придется вам скакать верхом на палочке.

— Це не наше дило, — заключает украинец.

Это и была кавалерия стрелковой дивизии Жлобы, недавно прибывшей с Северного Кавказа. Странная оборона, которую она занимала, называлась «обороной кавалерии на широком фронте».

Доложив об этом Реввоенсовету 10-й армии, я высказал свои соображения об организации кавдивизии.

Вероятно, мой доклад сыграл какую-то роль, так как вскоре руководители обороны Царицына приняли решение о создании кавалерийской дивизии.

28 ноября кавбригада была реорганизована в сводную кавалерийскую дивизию двухбригадного состава. 2-я бригада сформировалась за счет трех полков кавалерии дивизии Жлобы и 1-го Крымского полка.

Начдивом назначили Думенко, меня — начальником штаба, потому что по организационной структуре заместитель или помощник начдива не полагался. Однако Думенко вскоре заболел тифом, и командовать дивизией пришлось мне.

Командирами бригад были назначены: 1-й — Городовиков (помощником его — Маслаков), 2-й — Тимошенко (помощником его — Сердич).

Командирами полков: 1-го — Стрепухов, 2-го — Гончаров, 3-го (основой которого был Крымский кавполк) — Вербин, 4-го — Степанов.

В составе кавалерийского полка по-прежнему осталось пять эскадронов, в эскадроне по четыре взвода. Состав взвода определен в пятьдесят кавалеристов с одним станковым пулеметом на тачанке.

Дивизия имела артиллерийский дивизион четырехбатарейного состава (в батарее четыре пушки) с тем, чтобы каждому кавполку можно было придать по батарее. Артиллерия являлась огневым средством начдива. Кроме того, в распоряжении начдива имелся Особый резервный кавалерийский дивизион трехэскадронного состава (эскадроны того же состава, что и в полках).

Созданием сводной кавалерийской дивизии было по существу положено начало создания стратегической конницы в Красной Армии. Если кавалерийские полки и бригады, входившие в состав стрелковых дивизий, выполняли задачи в интересах своей дивизии, то сводная кавалерийская дивизия должна была выполнять задачи командующего армией в интересах армии и фронта.

IV. РАЗГРОМ БЕЛОЙ АРМИИ КРАСНОВА

1

К началу 1919 года в связи с революцией в Германии и отводом немецких войск с Украины и из западной части Донской области левый фланг красновской контрреволюционной армии оказался обнаженным. Создавалась реальная возможность удара советских войск на Донбасс и выхода их на тылы белых войск, действовавших в направлении Царицына. Предвидя эту опасность, Краснов в качестве контрмеры усилил нажим на Царицын. Воспользовавшись отходом 9-й Красной армии на север, белые вышли на правый фланг 10-й армии и сосредоточили крупные конные массы к северо-западу от Царицына.

Уже в первой половине января 1919 года положение на фронте 10-й армии стало очень тяжелым. Противник перешел в наступление и, отбросив наши части на севере от Царицына, вышел к Волге, захватив Дубовку. С захватом Дубовки белые отрезали от общего фронта 10-й армии Камышинский боевой участок и завершили полуокружение Царицына. Одновременно противник активизировал свои действия и против центрального участка обороны 10-й армии.

Положение на фронте осложнялось с каждым часом.

К этому времени командование 10-й армии сменилось. Ворошилов и Сталин были отозваны Центральным Комитетом партии на другую работу. Командующим армией назначили Егорова, членами Реввоенсовета — Сомова, Леграна и Ефремова.

В ночь на 10 января А. И. Егоров созвал совещание командиров дивизии и начальников боевых участков[1].

[1] Боевой участок представлял определенное направление — западное, южное и т. д. Начальнику боевого участка подчинялись две—три дивизии.

Я также присутствовал на этом совещании как исполняющий обязанности начальника кавалерийской дивизии.

Совещание было коротким. Командующий изложил общую политическую и боевую обстановку и потребовал от командиров всех степеней самых энергичных действий. Несколько человек выступили и заверили Реввоенсовет армии в твердой воле бойцов и командиров стоять насмерть и не допустить врага в Царицын.

Затем перед частями, соединениями и боевыми участками были поставлены конкретные задачи. Когда очередь дошла до нашей кавдивизии, командующий пригласил меня поближе к себе и поставил следующую задачу: 1-й кавбригаде под моим командованием возможно быстрее погрузиться в вагоны на станции Сарепта и по железной дороге направиться в Гумрак; в Гумраке выгрузиться и, действуя через Городище в направлении Орловка, Ерзовка, Пичуга, овладеть Дубовкой. Главная цель в этой операции — уничтожить противника в Дубовке, овладеть ею и тем самым восстановить положение на северо-востоке от Царицына, соединив Камышинский боевой участок с общим фронтом обороны армии.

2-я бригада кавдивизии и отдельный кавполк Попова 1-й Донской стрелковой дивизии временно сводились в конную группу южного боевого участка. Командира этой конной группой Егоров приказал мне назначить по своему усмотрению.

Поставив задачу, командующий спросил меня, все ли мне понятно. Я ответил, что артиллерия противника обстреливает железнодорожное полотно, в связи с чем считаю переброску кавбригады по железной дороге рискованной. Кроме того, погрузка и выгрузка кавбригады займут много времени.

По этим соображениям, сказал я, считал бы наиболее целесообразным двинуться кавбригаде из Больших и Малых Чапурников на Гумрак походным порядком, под прикрытием темноты. Я заверил командующего, что кавбригада, двигаясь походным порядком, к исходу ночи будет в Гумраке и приступит к выполнению поставленной ей задачи.

Егоров вначале не соглашался со мной, а потом сказал:

— Хорошо, действуйте, да только не медлите ни ми-

нуты. Положение на нашем правом фланге очень тяжелое.

На рассвете 10 января, вернувшись в расположение дивизии, я вызвал к себе на совещание командиров бригад, полков, их заместителей, военкомов частей и начальников штабов, информировал их об обстановке и о той общей задаче, которую Реввоенсовет поставил перед всеми частями армии,— во что бы то ни стало сорвать новое наступление противника на Царицын. Я сказал, что все присутствовавшие на совещании в Реввоенсовете от имени подчиненных им бойцов и командиров дали обещание стоять под Царицыном насмерть.

Далее я изложил суть поставленной командармом задачи нашей дивизии и дал указания о подготовке 1-й бригады к операции.

Командиры частей заявили, что они приложат все силы для успешного выполнения боевой задачи. Вместе с тем некоторые высказали беспокойство по поводу упорных слухов, что командующий 10-й армией Егоров — бывший царский генерал и что с ним в Царицын прибыло сто восемьдесят бывших офицеров — теперь, мол, жди предательства.

В ответ на это я сказал, что слухи о каких-то царских офицерах, приехавших с Егоровым, — ложь, и тех, кто ее распространяет, нужно судить как агентов врага, и рассказал все, что узнал в Царицыне о новом командующем армии: бывший полковник, в 1907 году уволен из армии за революционные высказывания и принадлежность к партии эсеров, потом работал в разных местах, даже в театре артистом. Он, несомненно, пользуется доверием партии, если в такой напряженный период борьбы с белогвардейцами направлен в Царицын командующим армией.

— Лично мне, — сказал я, — Егоров понравился. Правда, строгий, но, видно, дело знает хорошо. Говорят, что воевал против Колчака и не плохо.

— Строгий — это хорошо,— вставил Ока Иванович Городовиков.— Нашего брата тоже в руках держать надо.

— Вот именно,— добавил я.— А то куда это годится: некоторые командиры бросили свои подразделения в окопах, а сами помчались в Царицын поглядеть, нет ли генеральских лампасов на брюках Егорова.

Высказанное товарищами беспокойство в связи со

сменой командования армией и ложными слухами о прибытии в армейский аппарат бывших офицеров мне было понятно. Подавляющее большинство наших командиров, в прошлом унтер-офицеров, фельдфебелей, а то и рядовых солдат, имело более чем достаточно оснований относиться к бывшим офицерам с такой же классовой враждебностью, с какой они, выходцы из среды рабочих и крестьян, относились к помещикам и капиталистам: ведь офицеры в царской армии были для нас представителями тех же помещиков и капиталистов.

Не удивительно, что враги Советской власти решили воспользоваться полковничьим званием Егорова для распространения слухов, с помощью которых они рассчитывали расшатать революционную дисциплину и вывести красные части из подчинения их командованию. Но как ни волновали эти слухи многих бойцов и командиров, вражеский маневр не удался: влияние партии в частях 10-й армии в то время было достаточно сильным, чтобы противостоять контрреволюционной пропаганде.

2

Выполняя задачу, поставленную командующим армией, я отдал приказ, согласно которому 1-я кавбригада и Особый резервный кавдивизион с двумя батареями и обозами 1-го разряда должны были с наступлением темноты 11 января двинуться в район Гумрак походным порядком для действий в направлении Дубовки, а обозы второго разряда — по железной дороге с тем, чтобы, выгрузившись в Гумраке, присоединиться к бригаде.

Командовать сводной конной группой на левом фланге армии — 2-я кавбригада и отдельный кавполк Попова — было приказано Городовикову, как наиболее подготовленному для самостоятельных действий командиру.

В ночь с 11 на 12 января все части дивизии приступили к выполнению поставленных задач. К этому времени белые развернули наступление по всему фронту. Наши стрелковые части и сводная конная группа, оставшаяся в районе Дубового оврага, не выдержали натиска противника и начали отходить к Царицыну. К 11 января к югу от Царицына белые вышли в район Чапурников. Севернее Царицына, в районе Давыдовки, успешно действовала казачья группа генерала Голубинцева. Казачья

дивизия под командой генерала Кравцова в составе трех конных полков, занимавшая Лозное, 12 января вышла в район Дубовки и отбросила наши стрелковые части за Волгу. Царицыну грозила опасность полного окружения.

К рассвету 12 января наша 1-я кавбригада и Особый резервный дивизион, форсированным маршем перейдя за ночь с южного участка обороны Царицына на западный, вступили в Гумрак и в 8 часов утра повели наступление по правому берегу Волги в направлении Дубовки через Городище, Орловка, Ерзовка. В районе Пичуги, в 12 километрах юго-западнее Дубовки, части бригады встретили сопротивление около двух полков кавалерии белых. Кавбригада с ходу атаковала противника, смяла его боевые порядки и обратила белогвардейцев в бегство. Конница противника бежала в направлении Дубовки, стремясь уйти под защиту своей пехоты, которая силой двух полков занимала оборону между Пичугой и Дубовкой. Но это ей не удалось. На плечах конницы белых наша кавбригада ворвалась в оборону его пехоты. В течение сорока минут продолжался бой с пехотой и кавалерией противника.

Упорство, с которым сражались белые, стало понятно, когда выяснилось, что в числе взятых нами пленных есть офицеры, действовавшие в качестве рядовых солдат. Это были офицеры, бежавшие на юг, чтобы вместе с казачьими частями принять участие в походе на Москву. Белогвардейское командование сводило офицеров в отдельные роты и батальоны и использовало их в качестве карательных отрядов в войсках. Подразделения солдат, насильно мобилизованных в белую армию, как в обороне так и в наступлении располагались впереди офицерских подразделений. Таким образом, солдаты принимали на себя первый удар красных частей и даже при самом безнадежном положении не могли отступать, так как офицерские подразделения на месте расстреливали отступавших солдат.

Генерал Кравцов, располагавшийся со своим штабом в Дубовке, как только ему стало известно, что созданная белыми оборона перед Дубовкой трещит, выступил на помощь с частями кавалерии и пехоты. Но он опоздал со своей помощью: помогать уже некому было. Разгромив оборону противника, бригада совместно с резервным дивизионом контратаковала белогвардейцев, которые шли на

нее в атаку из Дубовки. Стремительный удар наших частей, воодушевленных уже одержанным успехом, опрокинул противника, смешал его боевые порядки. Бой был скоротечным, но исключительно напряженным, а закончился он тем, что остатки белогвардейцев, бросая оружие, лошадей и обозы, бежали в район Прямой Балки, откуда на помощь им выступали свежие части.

В связи с наступлением темноты бригада и резервный дивизион прекратили дальнейшее преследование противника и расположились на ночлег в Дубовке, выставив сторожевое охранение в Песковатке и Тишанке и ведя разведку в направлении Давыдовки.

В бою между Пичугой и Дубовкой были разгромлены четыре кавалерийских и два пехотных полка противника и взяты большие трофеи, в частности, много лошадей. Белые потеряли сотни убитыми и ранеными. Сам генерал Кравцов был зарублен на поле боя. Среди пленных оказалось много офицеров, действующих в качестве рядовых. Этими боями начался рейд кавбригады, а затем кавдивизии на север от Царицына (схема 3).

13 января наши части приводили себя в порядок и готовились к боевым действиям в направлении Давыдовки против конницы генерала Голубинцева. Получив данные о численности и расположении ее, я решил на рассвете 14 января атаковать части Голубинцева и овладеть Давыдовкой. В пять часов утра бригада перешла в наступление и к 12 часам овладела Давыдовкой. Но белые, получив подкрепление, перешли в контрнаступление. Тяжелые бои с противником продолжались в течение 14—15 января.

В ходе этих боев наши части под натиском белогвардейцев вынуждены были отходить. 16 января они отошли на Песковатку и расположились на ночлег. Здесь мне стало известно, что в селе Рахинка, на левом берегу Волги, расположилась Доно-Ставропольская кавалерийская бригада Булаткина, отброшенная противником из Дубовки и потерявшая в бою почти весь свой конский состав. Эта бригада совместно с нашей бригадой должна была образовать конный ударный кулак на правом фланге 10-й армии. Сложившаяся обстановка привела меня к мысли просить командующего армией немедленно объединить наши кавалерийские бригады в дивизию, то есть вновь создать крупное кавалерийское соединение,

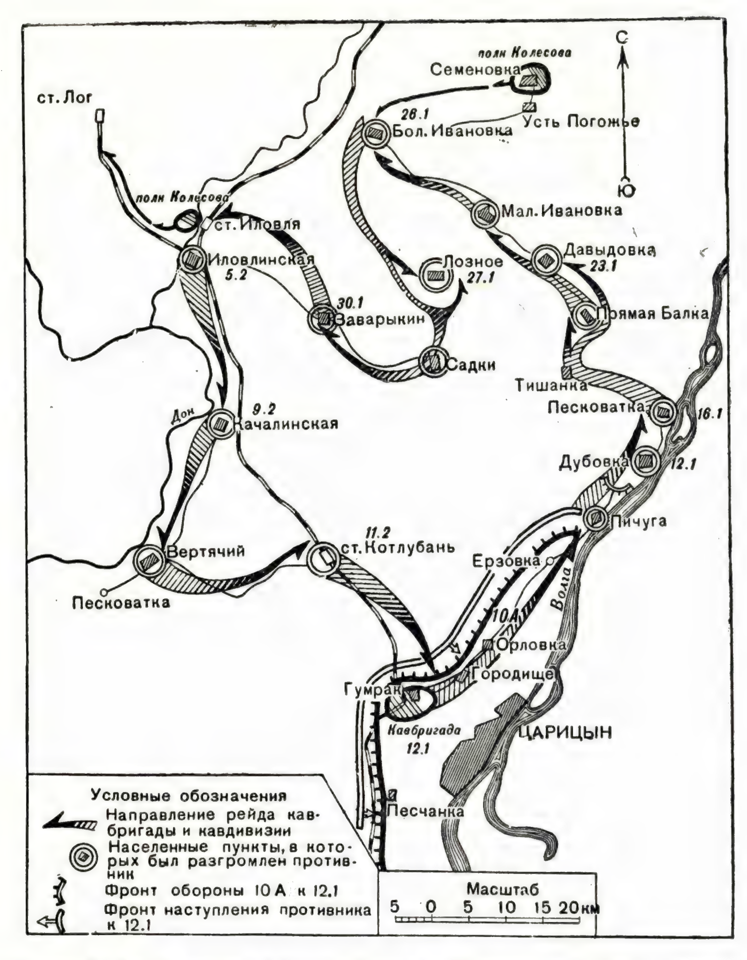

Схема 3. Рейд кавбригады и Особой кавдивизии по тылам противника в январе — феврале 1919 года.

фактически распавшееся после выделения 2-й бригады сводной кавдивизии в самостоятельную группу Городовикова. На мой телеграфный запрос командарм в тот же день ответил согласием и, кроме того, послал из Царицына в наше распоряжение бронеотряд Александра Войткевича в составе двух бронемашин.

Бригада Булаткина была пополнена за счет излишков людей Особого резервного кавдивизиона, а также добровольцев из пленных и посажена на лошадей, захваченных у противника в бою под Дубовкой.

20 января вновь образованная дивизия, названная Особой кавалерийской дивизией, построилась в Дубовке. После смотра частей дивизии было созвано совещание командиров бригад и полков. На этом совещании, в частности, был решен вопрос об образовании политотдела дивизии и утверждены кандидаты на должности начальника политотдела и военкомов полков, а также определены задачи политической работы в частях.

Начальником политотдела мы утвердили Мусина, рабочего из Царицына.

В связи с тем, что разгромом противника в Дубовке не было обеспечено соединение Камышинского боевого участка с общим фронтом обороны 10-й армии, я предложил А. И. Егорову план дальнейших действий нашей дивизии.

Существо этого плана заключалось в следующем: разгромить противника в районе Прямой Балки — Давыдовки и, обеспечив соединение Камышинского боевого участка с фронтом обороны 10-й армии, нанести дивизией удар по тылам противника в общем направлении на Карповку. Этот план был Егоровым одобрен, и мы приступили к действиям.

Положение на фронте 10-й армии с каждым часом ухудшалось. Армия Краснова продолжала сжимать кольцо окружения Царицына. Южнее города ей удалось выйти к Волге и овладеть Сарептой. На центральном участке белые заняли станции Воропоново и Гумрак и готовились к решительному штурму Царицына.

В соответствии с принятым решением мною был отдан приказ на наступление дивизии в направлении Прямой Балки, где, по сведениям нашей разведки, сосредоточились пять полков конницы и полк пехоты противника.

Выступление было назначено на 3 часа ночи 23 января.

Ночью разразилась пурга. Сильный ветер с воем и свистом носил тучи снега. Мороз достигал двадцати градусов. Все живое попряталось. Меня беспокоило, как отнесутся бойцы и командиры к решению выступить в такую пургу. На 1-ю бригаду я мог положиться — знал, что

она пойдёт в любую погоду и при любых обстоятельствах. А вот как бригада Булаткина? Люди для меня новые. А вдруг среди них окажутся провокаторы, которые попытаются посеять недоверие к командованию дивизии? Нет, решил я, бойцы поймут необходимость наступления.

Конечно, наступать в пургу и мороз трудно, но зато погода дает возможность скрытно подойти к Прямой Балке, ворваться в расположение врага и истребить белогвардейцев с наименьшими для нас потерями.

Пурга обеспечивала нам внезапность, а это наполовину решало исход боя в нашу пользу.

Ровно в 3 часа ночи я прибыл на площадь в поселке Дубовка, где к этому времени была построена дивизия. Проверив, уяснили ли командиры частей боевые задачи и порядок взаимодействия в бою, я объехал строй дивизии и подал команду: «Вперед, за мной, шагом марш!»

Сильный ветер хлестал в лицо, снег бил в глаза, мороз пробирался под одежду, леденил руки и ноги. Но красные кавалеристы упорно пробивались вперед. Труднее всего было артиллерии. Орудия глубоко оседали в снег и, несмотря на усиленные упряжки лошадей, продвигались медленно. Бронеавтомобили часто буксовали, и пришлось выделить каждому бронеавтомобилю по четыре уноса артиллерийских лошадей. В дальнейшем артиллерийские лошади при броневиках были постоянно. В непогоду, а часто и в целях сохранения дефицитного горючего они тянули автоброневики так же, как и пушки.

Перед рассветом у балки Сухой, между Прямой Балкой и колонией Тишанка, наши разъезды захватили в плен разъезд белых. Показания пленных позволили нам уточнить расположение сил противника. Установив, что главные силы его находятся в Прямой Балке, я приказал двигаться туда и указал исходные позиции для атаки. В сторону колонии Тишанка, для прикрытия действий дивизии от находившегося там противника, был выставлен заслон.

Мороз и буран загнали белогвардейцев в дома. Они никак не предполагали, что в такую непогоду красные решатся наступать. Они даже не выставили сторожевого охранения на окраины села. Пользуясь беспечностью белых, дивизия окружила село и установила свою артиллерию на наиболее вероятных путях отхода противника.

По сигналу атаки автоброневики и пулеметные тачанки под прикрытием кавалерийских эскадронов ворвались в Прямую Балку. Белогвардейцы с ужасом в глазах выскакивали из домов и попадали под ураганный огонь наших пулеметов. Бой с каждой минутой разгорался и быстро принял ожесточенный характер. Я видел, как офицеры-белогвардейцы, действовавшие в качестве рядовых солдат, с винтовками наперевес бросались на наших кавалеристов, кололи штыками их лошадей, как белые казаки ошалело бросались в конном строю на бронеавтомобили и пулеметные тачанки и тут же валились, как скошенная трава.

Пехота противника оказала сильное сопротивление, но после сорокаминутного боя она была полностью разгромлена. Конница белых бросалась в разные стороны, но везде наталкивалась на наши атакующие части. Все же некоторые подразделения казаков вырвались из Прямой Балки и бросились бежать в направлении Давыдовки. Это было паническое, еще не виданное за всю мою боевую жизнь бегство. Казаки на ходу скидывали с себя все лишнее. Они бросали даже боевые пики и винтовки; некоторые на полном карьере, проявляя чудеса изворотливости, сбрасывали и седла, скакали, уцепившись за гривы своих коней. Кое-кто, пытаясь скрыться, соскакивал с лошадей, но немногим удалось спастись от клинков наших кавалеристов и ударов копыт их коней. Преследуя бегущего противника, части дивизии стремительно ворвались в Давыдовку и захватили обозы белогвардейцев. Преследование продолжалось вплоть до Малой Ивановки. Остатки разгромленного противника бежали в Большую Ивановку.

К исходу 23 января, пройдя с боями пятьдесят пять километров и успешно выполнив поставленную задачу, дивизия расположилась на отдых и ночлег побригадно: 1-я кавбригада — в Малой Ивановке, 2-я кавбригада — в Давыдовке.

В результате боя в Прямой Балке и Давыдовке белогвардейцы потеряли только убитыми, главным образом зарубленными, до тысячи солдат и офицеров. Мы взяли много пленных, в том числе офицеров, действовавших в качестве рядовых солдат, захватили тринадцать орудий, тридцать пулеметов, все обозы и боеприпасы, а также много лошадей.

Наши потери оказались сравнительно невелики, главным образом ранеными. В числе легкораненых был и я.

На другой день после отправки пленных в Дубовку значительная часть насильно мобилизованных белыми солдат обратилась к нам с просьбой принять их в нашу дивизию.

Мы продолжали преследовать противника, который отошел в Большую Ивановку.

Командир разведки 2-го полка Филипп Новиков, посланной 25 января на Семеновку, вернувшись, доложил, что Семеновка занята 1-м Иловлинским красным казачьим полком Колесова, входящим в состав Камышинского боевого участка, которым тогда временно командовал Базилевич. Таким образом, связь 10-й армии с ее Камышинским боевым участком была восстановлена, и, следовательно, задача, поставленная дивизии командующим 10-й армией, успешно выполнена.

Теперь мы должны были начать рейд по тылам противника, сосредоточенного перед правым флангом 10-й армии.

К этому времени связь с командующим армией была прервана, и получить от него какие-либо дополнительные указания не представлялось возможным. Мы должны были самостоятельно принимать решения. Несмотря на всю сложность действий в тылу противника, я был твердо уверен в нашем успехе. Уже в бою под Дубовкой я убедился, что кавалерийская бригада представляет собой серьезную ударную силу, которая может во многом изменить в нашу пользу обстановку на фронте к северу от Царицына. Теперь же у нас была кавалерийская дивизия, вырвавшая на участке своих боевых действий инициативу из рук белогвардейцев. Как показали бои в Прямой Балке и Давыдовке, наша конница, сведенная в кавалерийскую дивизию, стала грозным противником для казачьей кавалерии — той самой кавалерии, ударов которой боялась наша пехота, да и слабые, недостаточно организованные части нашей войсковой конницы. Вновь созданная кавалерийская дивизия превосходила кавалерийские соединения белых и в огне и в четкости организации, и в тактических приемах, но основное ее преимущество состояло в высокой сознательности бойцов и командиров, в их неудержимом наступательном порыве. Воодушевленные первыми победами, они почувствовали свою силу и

рвались в бой. Нужно было использовать эти благоприятные факторы и развивать успех, не останавливаясь на полпути.

Следует сказать несколько слов о нашем превосходстве в огне над противником. Речь в данном случае идет о вооружении конницы, а не всех белогвардейских войск. В целом армии белых были вооружены немецкими империалистами, а затем Антантой сильнее, чем была вооружена Красная Армия. Но наши кавалерийские части и соединения, как правило действовавшие в авангарде пехоты, первыми использовали богатые трофеи и за счет их имели возможность добиться превосходства над противником в пулеметах, артиллерии, револьверах, винтовках.

Это превосходство достигалось неимоверно упорными усилиями наших командиров. Особенно стремились они к тому, чтобы в их подразделениях было побольше пулеметов, которые мы ставили на тачанки. Такое новшество давало нам возможность маневрировать огнем, создавать превосходство в огне на нужных участках. К тому же многие наши кавалеристы ранее прошли службу в пехоте и владели стрелковым оружием лучше, чем казаки, сила которых была в умении владеть холодным оружием.

3

Пурга к ночи стихла. В домике, почти по крышу занесенном снегом, мы с командирами бригад обдумывали порядок дальнейших действий дивизии. Прежде всего решили связаться с нашим соседом Колесовым, наладить с его полком взаимодействие, а затем наступать на Большую Ивановку.

На рассвете, взяв с собой взвод ординарцев, я поехал верхом в штаб 1-го Иловлинского казачьего полка. По сведениям он должен был находиться в Семеновке, однако мы натолкнулись на Колесова, еще не доехав до Семеновки. Штаб полка расположился у высокой скирды сена. На вершине ее мы увидели широкого в плечах человека в белой барашковой папахе. Не отрывая глаз от бинокля, он неуклюже, по-медвежьи, двигался вперед и что есть мочи кричал:

— Держи, держи, да правее же держи, сатана!

А потом вдруг резко остановился и начал пятиться назад. При этом он грозил кому-то кулаком, топал ногой и кричал:

— Руби, от же паразиты, руби я вам говорю!

Кому он приказывал рубить, я не видел. Но он, должно быть, видел в бинокль кого-то, кто должен был рубить, но не рубил. Командуя, он увлекся и забыл, что находится на вершине скирды. Допятившись до края ее, он вскинул руки и полетел вниз. Человек, видимо, серьезно ушибся, однако я и мои ординарцы не могли удержаться от смеха.

Подъехав к группе командиров, стоявших у скирды, я поздоровался и спросил, где могу видеть командира полка Колесова. Мне указали на упавшего. Я спешился и подошел к нему. Он встал, отряхнулся, и мы представились друг другу.

Из информации Колесова я понял, что 1-й Иловлинский полк обороняет Усть-Погожье и Семеновку.

— Противник за последние дни не ведет активного наступления, — сказал Колесов. — Происходят только стычки разъездов, — добавил он, показывая в ту сторону, куда только что смотрел в бинокль.

— А какие перед полком силы белогвардейцев? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Колесов. — Я их не считал.

Заговорив о необходимости взаимодействия, я начал с того, что предложил Колесову совместно разгромить части противника, сосредоточенные в Большой Ивановке:

— Наша дивизия нанесет главный удар со стороны Малой Ивановки, а 1-й Иловлинский казачий полк одновременно атакует противника с северо-востока, после чего будем вместе наступать на Лозное.

Колесов не только охотно согласился с моим предложением, но даже попросил включить его полк в состав дивизии. Я ответил, что самостоятельно решить этот вопрос не могу: необходимо решение командующего армией. Он, вероятно, подумал, что это только отговорка, и начал горячо доказывать, что присоединение его полка к нашей дивизии крайне необходимо для дела.

— Мой полк, — говорил Колесов, — является единственной кавалерийской частью на Камышинском боевом участке. Противник у нас маневренный и часто прорывает

нашу оборону. Поэтому полк все время бросают с одного направления на другое и нередко для выполнения задач, которые должна выполнять пехота. Кроме того, чуть ли не каждый день полк переподчиняют новым начальникам. Все требуют активных действий, но никто не желает помочь боеприпасами, оружием и всем другим, необходимым для жизни и боя.

Но как он ни убеждал меня, я все-таки не согласился без ведома начальника Камышинского боевого участка и решения командующего 10-й армией включить его полк в состав своей дивизии. Мы договорились на том, что вернемся к этому вопросу после взятия Большой Ивановки. Кстати, подумал я, и присмотрюсь в бою к его казакам.

В тот же день вечером — это было 26 января — кавалерийская дивизия совместно с полком Колесова атаковала белогвардейцев в Большой Ивановке. Противник в беспорядке отошел и рассеялся в степи.

1-й Иловлинский полк во главе со своим командиром действовал в этом бою хорошо. После боя он расположился на ночлег вместе с дивизией в Большой Ивановке. Я попытался связаться с командующим армией и с начальником Камышинского боевого участка, но сделать это не удалось. Приходилось действовать самостоятельно. Обстановка требовала неотложного решения вопроса о включении полка Колесова в состав кавдивизии, и я отдал приказ об этом, считая, что в дальнейшем он будет подтвержден командующим армией. Организационное построение полка Колесова было строго выдержано по схеме всех остальных полков дивизии, однако он не входил в состав какой-либо бригады, а значился особым полком.

27 января дивизия, уже в составе пяти полков, повела наступление на Лозное. По данным разведки и показаниям пленных, в районе Лозного и Садков располагались три полка пехоты и два полка кавалерии белых, входившие в состав казачьей бригады полковника Яковлева.

Пехота белогвардейцев, занимавшая линию обороны по реке Лозной, а также по южным и восточным скатам высоты близ Лозного, не успела принять боя, как оказалась в плену. Кавалерийские полки белых, расположенные в самом Лозном, панически устремились в поселок

Садки, где находились три полка пехоты белых. В Садках поднялась паника. Полковник Яковлев, спасая свою жизнь, бросил бригаду и с небольшой группой всадников скрылся в сторону хутора Заварыкин.

Предвидя бегство белогвардейцев из Садков, я приказал своим частям перехватить пути их отхода. В результате стремительного броска частей кавдивизии пути отхода противнику были отрезаны. Пехота белогвардейцев, оказавшись окруженной, воткнув штыки в землю, сдалась в плен. Конные казаки тоже были настолько деморализованы, что не оказали никакого сопротивления и, бросив оружие, сдались.

На этом закончилась операция по разгрому белогвардейцев в Лозном и Садках. В общем итоге боев за 26 и 27 января в Большой Ивановке, Лозном и Садках Особая кавалерийская дивизия разгромила четыре полка кавалерии и шесть полков пехоты противника. Было взято в плен семь тысяч триста солдат и офицеров, захвачено восемнадцать орудий, сорок пулеметов, тысяча триста лошадей с седлами, большой обоз с боеприпасами и различным военным имуществом. В этих же районах у белых было отбито пять тысяч голов скота. Часть этого скота мы раздали крестьянам, а часть оставили для нужд дивизии.

К исходу 28 января дивизия расположилась на ночлег в Садках. Прежде всего необходимо было решить вопрос, что делать с пленными и обозами. Они становились помехой для дивизии, тормозили ее продвижение и отвлекали значительное число бойцов для конвоя. Однако все наши попытки связаться с нашими стрелковыми частями, чтобы передать им пленных и весь лишний груз для последующей отправки в армейский тыл, оказались безуспешными. Поэтому все это осталось при дивизии.

Связи со штабом армии по-прежнему не было. Лично допросив нескольких пленных офицеров, я установил, что противник занимает Котлубань, Гумрак, Песчанку, Большие и Малые Чапурники, Райгород.

Положение 10-й армии становилось исключительно тяжелым. Если на северном участке ее обороны противник в результате действий нашей кавалерийской дивизии был отброшен от Волги на запад, то в центре — на западном участке — и на юге — на левом фланге армии — нависла

угроза прорыва противника, а следовательно, разгрома 10-й армии и падения Царицына. Передо мной встал вопрос — куда в этих условиях направить удары дивизии?

Посоветовавшись с командирами бригад и полков и исполняющим обязанности начальника штаба дивизии Григорием Хоперским — бывшим офицером Донского казачества, человеком трезвого ума, храбрым и преданным революции, я принял следующее решение: наступая из района Садки через Заварыкин, овладеть станцией Иловля и, перерезав железнодорожное сообщение белых, нанести удар по станице Иловлинской, где, по сведениям, полученным от пленных, был расположен штаб корпуса генерала Радко-Дмитриева; из Иловлинской развить наступление вдоль железной дороги на станицу Качалинскую и далее по железной дороге в направлении Царицына. Для обеспечения безопасности тыла дивизии Особый Иловлинский казачий полк Колесова должен был нанести удар вдоль железной дороги на север по станции Лог.

30 января дивизия начала наступление. В Заварыкине, куда кавдивизия вступила почти без боя, оказалось несколько тысяч человек, мобилизованных белыми для укомплектования своих новых формирований. Здесь же была захвачена группа офицеров, занимавшаяся организацией и обучением белогвардейских частей, и большой обоз.

1 февраля, выступив из Заварыкина, кавдивизия продолжала движение в направлении станции Иловля. Мы с начальником штаба дивизии Григорием Хоперским находились с головным разъездом. Не доезжая станции Иловля метров пятьсот, я остановил разъезд, выехал на высоту и стал рассматривать в бинокль пристанционные постройки. Тем временем к разъезду, с которым мы находились, подъехали еще два наших разъезда. Вдруг со стороны вокзала станции Иловля раздался одиночный выстрел. В этот же миг мне обожгло ногу ниже бедра. Не ощущая еще сильной боли, я выхватил шашку из ножен и повел разъезды в атаку на станцию. Молниеносно ворвавшись на станцию, мы без боя захватили в плен триста белогвардейцев, паровоз с вагонами, приспособленными под бронепоезд, и шесть эшелонов с паровозами под парами. Эшелоны были забиты продовольствием и различным имуществом, в том числе и военным.

Тем временем к станции подошла вся дивизия. Полк Колесова повернул на север и повел наступление на станцию Лог.

С подходом дивизии я вызвал к себе командиров бригад и полков, коротко информировал их о противнике, расположенном в станице Иловлинской, изложил свое решение и поставил задачу каждому полку. Суть решения состояла в том, чтобы сначала окружить станицу, а затем атаковать расположенного в ней противника. Главный удар дивизия должна была нанести с юга, отрезать белых от Дона и уничтожить или пленить их непосредственно в станице.

После получения задач части дивизии сейчас же начали выдвигаться к Иловлинской в указанных им направлениях, охватывая ее со всех сторон.

Белогвардейцы спохватились, когда красные кавалеристы уже карьером неслись на станицу и мощное «ура» гремело со всех сторон — с юга и севера, с востока и запада. Артиллерия белых открыла огонь, однако скоро замолчала, атакованная эскадронами первого эшелона. Бой был скоротечным, но ожесточенным. Пехота противника упорно сопротивлялась, но в конце концов под бурным натиском наших частей начала разбегаться и сдаваться в плен. Упорнее и дольше всех дрались гвардейцы личной охраны генерала Радко-Дмитриева, защищая штаб корпуса и своего генерала. В плен они не сдавались, каждый дрался, пока мог держать в руках оружие. Все они были вырублены, в числе убитых, по донесению командира 20 кавполка Гончарова, оказались генерал Радко-Дмитриев и его начальник штаба.

Во время боя я попал на участок, обстреливаемый артиллерией противника, и был ранен в правую руку картечью. Картечь не перебила кость руки, но нанесла очень сильный ушиб у запястья и повредила мышцу.

К вечеру, когда были отданы последние распоряжения по дивизии, расположившейся на ночлег в Иловлинской, когда прекратилась возбужденная сутолока, неизбежная после горячего боя, и наступила неизменно следовавшая за ней тишина, я вошел в домик, облюбованный для меня ординарцами. Днем, захваченный боем, находясь непрерывно в движении, я как-то мало ощущал ранения в ногу и руку. Теперь же, в тишине крестьянской хаты, ранения сразу дали сильно почувст-

вовать себя. Ноющая боль левой ноги передавалась по всему телу, правая рука опухла и отяжелела, пальцы руки посинели. Раненая нога тоже опухла. С большим трудом я стянул с нее сапог, из сапога выпали сгустки крови. Так как у меня не было под рукой ни бинта, ни иода, я попросил хозяйку сходить за ними в аптеку. Посылать за санитарами я не хотел — разнесут весть, что я ранен, и это, учитывая, что мы находимся в тылу белых, может нехорошо повлиять на бойцов.

Хозяйка не успела еще уйти, как вошел Гриша Хоперский. Поглядев на мою раненую ногу, он встревожился и сказал, что сам возьмется за лечение.

— Только чтобы никто не знал, — сказал я.

Гриша кивнул мне и ушел. Вскоре он вернулся с флаконом в руке.

— Вот, — говорит, — искал, искал и все-таки нашел лекарство.

Хозяйка дала чистое белье, Гриша тут же его располосовал и, оперируя, как бывалая медсестра, сделал мне перевязку руки и ноги. Боль несколько утихла, но лечь спать я не мог. Лягу на правый бок — мешает раненая рука. Лягу на левый бок — усиливается боль раненой ноги. Попробовал было лечь на спину, но и на спине тоже было больно. Наконец я нашел наиболее удобное положение: сел за стол, на стол положил подушку, на подушку — больную руку и так отдыхал. Кружилась голова, подташнивало и вообще чувствовал себя скверно.

4

Иловлинский казачий полк Колесова занял станцию Лог и одноименный поселок и после короткого отдыха в соответствии с полученным распоряжением выступил на соединение с дивизией.

Таким образом, на правом фланге обороны 10-й армии противник был разбит. Мы перерезали единственную железнодорожную магистраль, связывавшую белоказаков, наступавших на Царицын, с войсками Краснова, которые действовали против нашей 9-й армии, и установили связь с последней. Теперь, выполняя ранее принятое решение, дивизия должна была повернуть на Царицын, чтобы ударить с тыла по войскам противника, продолжавшим упорные атаки на центральном и южном участках обороны 10-й армии.

9 февраля в четыре часа утра дивизия выступила из Иловлинской на Качалинскую.

Каждый шаг, каждое движение причиняли мне нестерпимую боль. С большим трудом сел я на лошадь и поехал. В пути несколько поразмялся, и раны уже меньше мучили меня.

При подходе к Качалинской дивизия развернулась для боя, но вошла в станицу, не встретив ощутимого сопротивления белых. Тут у них был только штаб формирования. При нем находилось двести пятьдесят офицеров и полторы тысячи мобилизованных крестьян и казаков.

В Качалинской дивизия расположилась на ночлег. Ночью подошел сюда и полк Колесова. Я уже ложился спать, когда мне доложили, что на одной из сторожевых застав дивизии задержан человек и этот человек заявил, что имеет особое поручение к Буденному. Я приказал привести задержанного. Это был офицер в чине есаула по фамилии Аксенов, взятый в плен нашей дивизией в Прямой Балке. По пути из Прямой Балки в Дубовку, куда мы отправили пленных, он убежал и, добравшись до Качалинской, где ранее жил, снова угодил к нам в плен, не зная, что в Качалинской красные, как он сам откровенно признался.

Попросив меня выслушать его, Аксенов стал рассказывать, как казаки-старики заставили его вступить в белую армию, хотя после тяжелого ранения под Перемышлем он вернулся с германского фронта непригодным к строевой службе.

Конечно, никакого поручения у него ко мне не было. Аксенов выдумал его. И вот для чего: он боялся, что его расстреляют — поэтому и убежал из плена, а вторично попав в плен, решил, что у него теперь одна надежда — добраться до самого Буденного.

— Ходит слух, что Буденный относится к пленным великодушно и не расстреливает их, — сказал он. — Поэтому я и просил доставить меня к вам, надеясь на вашу справедливость. Я рассказал вам все как есть и заявляю, что если останусь жив, то служить у белых не буду. Если вы сочтете возможным, то сохраните мне жизнь и разрешите служить у вас там, где я могу принести пользу.

Конный корпус под Воронежем
(октябрь 1919 г.)

Слева направо: начальник штаба Конного корпуса
В. А. Погребов; командир корпуса С. М. Буденный; стоит
начальник снабжения корпуса Г. К. Сиденко
(г. Воронеж, октябрь 1919 г.)

Я приказал отпустить Аксенова домой, считая, что там он больше всего принесет нам пользы — пусть расскажет казакам, как красные поступают с пленными.

Только увели от меня этого офицера, как с другой сторожевой заставы привели еще одного задержанного, который оказался командиром батальона 3-й бригады 39-й стрелковой дивизии нашей армии. Он сообщил, что его бригада, занимавшая оборону в районе станции Котлубань, 20 января была атакована и пленена конницей генерала Попова; ему удалось бежать, но в темноте он сбился с пути и оказался в Качалинской.

По сведениям, полученным от пленных, я знал, что группа генерала Попова состоит из казачьей дивизии четырехполкового состава, отдельной кавалерийской бригады трехполкового состава и двух пехотных полков генерала Маркова. По численности эта группа превосходила нашу кавдивизию, но мы находились в выгодном положении для нанесения удара по ней.

В три часа ночи дивизия, поднятая по тревоге, форсированным маршем двинулась на хутор Вертячий с целью отрезать противника, занявшего Котлубань, от его тылов, освободить взятую им в плен бригаду 39-й стрелковой дивизии и внезапно атаковать группу генерала Попова с тыла.

В хуторе Вертячем и соседнем с ним хуторе Песковатка дивизия захватила обозы частей генерала Попова и после этого резко повернула на восток, в направлении на Котлубань. По пути между Вертячим и Котлубанью наш 4-й полк встретил конвоируемую белогвардейцами 3-ю бригаду 39-й стрелковой дивизии.

Она двигалась тремя колоннами, в хвосте которых конвойные везли на санях сложенное бригадой оружие. За санями артиллерийские уносы тянули пушки, захваченные противником у бригады.

Конвой сдался в плен без выстрела. Радости освобожденных красноармейцев не было предела. Всем бойцам и командирам тут же было возвращено их оружие, выданы боеприпасы. Таким образом, 3-я бригада 39-й стрелковой дивизии была вновь восстановлена в полном составе, за исключением некоторых политработников, которых белые расстреляли в Котлубани.

Выручениая из плена бригада двинулась вслед за нами в бой.

При подходе к станции Котлубань наши части развернулись и атаковали противника с тыла. Атака конников была поддержана мощным огнем артиллерии и пулеметов с тачанок, двигавшихся на флангах атакующих частей. Мощное «ура» гремело кругом. Стремительно неслись полки. Казалось, что, если бы противник и ожидал атаки с тыла, он все равно не выдержал бы такого ураганного натиска. Но он не ожидал. Дикая паника охватила белогвардейцев. Они метались, как в огне. Видно, только одна мысль владела ими: бежать, спасаться любым способом. Некоторые подразделения противника пытались прорваться на флангах наших частей, но все они попадали под огонь станковых пулеметов и сабельные удары красных полков.

Под ливнем пулеметного огня, преследуемые нашими частями, белогвардейцы бежали из Котлубани по большой дороге на юго-восток, к Царицыну. Масса кавалерии вырвалась на простор заснеженной степи и лавиной покатилась на Городище, обороняемое нашими стрелковыми частями. Впереди, насколько позволяла резвость лошадей, мчалась казачья конница Попова. Позади белогвардейцев, ощетинившись сотнями сверкающих клинков, вихрем летела красная конница. Каждый чуть приотставший казак попадал под удары наших клинков.

Красная пехота, занявшая оборону у Городище, увидев огромную массу несущейся на нее конницы, начала было отходить. Однако пулеметные подразделения остались на месте и открыли сильный огонь. Белогвардейцы не могли повернуть назад, так как на хвост их конной толпы неудержимо нажимала наша дивизия. Попав под пулеметный огонь, они повернули резко на юг и помчались вдоль линии обороны нашей пехоты, подставив под удар нашей дивизии свой правый фланг. Части дивизии еще глубже врезались в конную массу противника. Спасаясь от гибели, белогвардейцы хлынули к Гумраку, где стояли два наших бронепоезда. Бронепоезда открыли по ним ураганный огонь. Белогвардейцы отпрянули назад и лицом к лицу столкнулись с полками кавдивизии.

Все перемешалось, началась отчаянная рубка. Кавалерия закружилась, как в бурном водовороте. Противники группами и в одиночку сшибались и рубились, одни молча, другие с криком и бранью, бешено крутились, гонялись друг за другом. Падает с лошади красный боец,

и в тот же миг два — три белогвардейца под ударами шашек наших конников валятся под копыта коней. Звон клинков, топот, храп и ржание лошадей, злая брань, стоны и крики раненых — все это слилось в один разноголосый шум сражения.

Бой продолжался под неослабевающим огнем бронепоездов. Сначала белогвардейцы стеной отгораживали нас от него, но потом, когда в бою все перемешалось, огонь наших бронепоездов стал одинаково опасен как для противника, так и для нас.

Во избежание лишних потерь я с ординарцем стал пробиваться вперед, чтобы остановить огонь бронепоездов и дать целеуказания. И вдруг вижу: скачет командир полка Рябышев за казаком, стремится достать его и зарубить, да так увлекся погоней, что не замечает, как два белогвардейца приспосабливаются ударить по нему шашками. Я бросился Рябышеву на помощь и буквально над его головой отбил шашки казаков. Рябышев оглянулся, зарубил одного из преследователей и проговорил:

— Вот черт, совсем не заметил, что смерть на спине сидит.

Я порекомендовал ему не увлекаться так, если он еще хочет воевать и тем более командовать.

Наконец, мы с ординарцем выскочили из гущи сражения и карьером помчались к бронепоездам, размахивая шапками. Там, вероятно, поняли, что мы хотим что-то сказать и прекратили огонь. Я влез на бронепоезд и спросил командира. Мне указали на матроса, сидевшего с биноклем у трубы бронепоезда.

— Что же ты, брат, бьешь и чужих и своих? — набросился я на него.

— Да я никак не пойму, где свои и где чужие, и стреляю-то только так, для острастки,— ответил он.

К этому времени наша пехота, занимавшая оборону в районе Городище, поняла, что происходит перед ее фронтом. По всей линии обороны поднялись тысячи бойцов и командиров пехотинцев, и раскатистое несмолкаемое «ура» покатилось по степи. Бойцы размахивали винтовками, кидали вверх шапки, бурно приветствуя своих славных братьев по оружию — красных кавалеристов, которые на их глазах громили конницу белых.

Из Гумрака я соединился по телефону с командующим армией. Наконец-то я имел возможность доложить

ему о действиях дивизии. Но Егоров так обрадовался, когда услышал мой голос, что не стал слушать доклада по телефону, а приказал немедленно на бронепоезде следовать к нему в Царицын. Я попросил разрешения задержаться до окончания боя и сбора дивизии. Егоров разрешил.

— Только скорее, не медли. Моя машина будет ждать тебя на вокзале, а мы в Реввоенсовете, — сказал он.

Бой закончился полным разгромом группы генерала Попова. Сам Попов и его начальник штаба полковник Калин были убиты. Этим боем и завершилась рейдовая операция Особой кавалерийской дивизии.

...По дорогам к Царицыну строились колонны пленных, тянулись бесчисленные подводы с трофеями — оружием, боеприпасами, продовольствием и различным военным имуществом, в частности перевязочными средствами и медикаментами, в которых мы испытывали особый недостаток.

Приказав дивизии расположиться в Котлубани на отдых и ночлег, я поехал на бронепоезде в Царицын.

Командующий Егоров и члены Реввоенсовета Сомов и Легран встретили меня с распростертыми объятиями и засыпали вопросами:

— Где вы были?

— Почему не давали знать о себе столько времени?

— Какую это пехоту привели с собой?

— А знаете, до нас доходили слухи, что вы ушли в девятую армию и не думаете к нам возвращаться. И еще более невероятное — что вы перешли на сторону белых и действуете на севере против частей Красной Армии.

— Ну докладывайте, что вы натворили, — сказал Егоров.

— Да, пожалуйста, со всеми подробностями, — добавил Легран.

Я сообщил, как была потеряна связь с нашими стрелковыми частями, а затем доложил о боевых действиях за период рейда, в результате которого дивизия разгромила десять полков пехоты и тринадцать полков кавалерии противника, прошла с боями около четырехсот километров, очистив от противника фронт протяженностью в сто пятьдесят километров; частями дивизии взято в плен свыше пятнадцати тысяч солдат и офицеров, захвачено семьдесят два орудия, сто шестнадцать пулеметов «мак-

сим», много пулеметов иностранных систем, около трех тысяч подвод с боеприпасами, продовольствием, снаряжением и различным военным имуществом, много лошадей с седлами, десять тысяч голов рогатого скота и овец.

В заключение я доложил, что дивизия вышла из рейда окрепшей во всех отношениях — возросло боевое мастерство бойцов и командиров, повысилась их уверенность в нашей окончательной победе.

— Да, добре ты, батенька мой, потрепал беляков, — сказал Сомов. — А казаки говорили про вас — рваная кавалерия! — Он засмеялся: — Вот вам и рваная: побила хваленых казаков, да и как!

— Нет, подумайте, товарищи, — воскликнул Легран, — какой политический эффект! Белогвардейцы кричат о слабости Красной Армии и непобедимости своих казачьих корпусов. А на проверку вышло совсем наоборот.

Егоров, говоря о результатах рейда Особой кавалерийской дивизии, подчеркнул, что этот рейд должен быть началом большого дела.

— Мы обязаны воспользоваться успехом кавдивизии, чтобы перейти в общее наступление по всему фронту, — заявил он и стал рассказывать мне о положении на фронте под Царицыном к моменту выхода нашей дивизии к Котлубани.

— Прямо скажу, — говорил он, — положение было критическим. Резервы вышли. Последние двести человек послал в тридцать восьмую стрелковую дивизию, на участок которой белые особо нажимали. Кавалерийская группа Городовикова на южном участке после тяжелых боев фактически перестала существовать. Тяжелое положение было и на центральном участке обороны армии. После того как два полка тридцать девятой стрелковой дивизии полностью попали в плен к белым, оборона тут держалась в основном бронепоездами... В общем вовремя вы подоспели. Трудно сказать, устоял бы Царицын или нет, окажись вы у Гумрака на сутки позже.

Впоследствии, оценивая этот рейд Особой кавалерийской дивизии под Царицыном, А. И. Егоров писал:

«Февраль месяц 1919 года. Наша линия обороны под Царицыном имела в радиусе в среднем не более 10 километров. Внутри этого кольца обороны был зажат героический Царицын. Это кольцо обороны было разорвано

только благодаря доблестным действиям славной конницы Буденного... Результатом действий его конницы явился полный разгром противника перед фронтом всего северного участка и центра 10-й армии... Результатом этого рейда нашей конницы явилась полная возможность начать общее наступление. Это было предпринято на следующий же день.

...Наша армия, окрыленная боевыми успехами конницы Буденного, с повышенным настроением рванулась вперед, преследуя отступавшего противника на Маныч» [1].

Таким образом, задача, выполненная кавдивизией в рейде, вышла за рамки задачи оперативно-тактического характера. Результаты рейда имели стратегическое значение. Это было начало разгрома армии Краснова.

Советская республика высоко оценила боевые успехи Особой кавалерийской дивизии, наградив ее Почетным революционным знаменем. Ряд бойцов и командиров, в числе их Булаткин и я, получили ордена Красного Знамени. Многие были награждены боевыми подарками.

5

Заседание Реввоенсовета закончилось поздно вечером. Нужно было торопиться с возвращением в дивизию, так как на завтра, 12 февраля, командующий армией поставил нам новую боевую задачу: овладеть Карповкой, а затем, разгромив противостоящего противника, занять станцию Ляпичев. В дальнейшем дивизии предстояло наступать по левому берегу Дона вниз по течению, в общем направлении на станицу Романовскую.

Решив отправиться в Котлубань бронепоездом, я обратился к командующему армией за разрешением отбыть в дивизию.

— Да, пожалуйста, — сказал Егоров. — Только поезжай не бронепоездом, а на машине Реввоенсовета. Ты заслужил, — добавил он шутливо, — ездить не общественным, а персональным транспортом.

— Ночь на дворе, да и вообще по ряду соображений я все-таки предпочитаю бронепоезд, — ответил я Егорову.

---

[1] Оборона Царицына. Истпартиздат Сталинградского крайкома ВКП(б), 1937 г., стр. 155—157.

— Нет, нет, Семен Михайлович, отправляйся машиной, — стоял на своем командующий.

Не верил я автотранспорту, которым мы тогда располагали, и поэтому с большой неохотой сел в машину, поданную к подъезду здания, занимаемого Реввоенсоветом армии.

Машина была английского производства, изрядно потрепанная, похожая на помятый, ржавый железный сундук. Шофер долго крутил заводную ручку, мотор пыхтел, чихал, но работать отказывался. Наконец мотор завелся, шофер, тяжело дыша, ввалился в кабину, и машина со скрежетом и заунывным воем двинулась.

Когда мы выехали из Царицына, повалил густой снег. Машину бросало на ухабах, и она так скрипела и стонала, что казалось вот-вот развалится. Влажный снег залеплял стекла кабины, и шофер то и дело останавливался, чтобы очистить их. Фары не могли осветить и десятка метров дороги. Перед нами стояла плотная пелена густого снега. Шофер поминутно сбивался с дороги, машина буксовала, попадая в ямы и мелкие воронки от снарядов. Где-то около Городище мы ввалились в стрелковый окоп, и на этом мое путешествие на персональном транспорте закончилось, так как наши попытки вытащить машину из окопа при помощи бревна не увенчались успехом. Опасаясь опоздать к началу наступления дивизии, я послал шофера в Городище, а сам вышел к железной дороге и зашагал в Котлубань по шпалам.

Первые три — четыре километра я прошел сравнительно легко, а потом почувствовал, что железнодорожное полотно вовсе не приспособлено для хождения по нему — шпалы лежали на разном расстоянии одна от другой, и приходилось идти то по-гусиному, то прыгать по-козлиному. Так я передвигался к Котлубани всю ночь.

В ложбинах и выемках, особенно под железнодорожными мостами, могли прятаться от непогоды мелкие группы разгромленных накануне белогвардейцев или же дезертиры. Поэтому я вытащил из кобуры револьвер и держал его наготове. Но все обошлось благополучно. В 7.30 утра уже возле станции Котлубань меня остановил полевой караул нашей дивизии. Начальник караула подал мне лошадь, и через полчаса я приехал в штаб дивизии.

К утру снегопад прекратился. Небо расчистилось от облаков. Поднялось яркое, совсем весеннее, необычно теплое для февраля солнце. Под его лучами буквально на глазах снег превращался в потоки воды, и она заполняла собою ложбины и овраги, окопы и канавы, тысячами ручейков вливалась в речки.

В 9 часов утра дивизия выступила на Карповку.

На подступах к Карповке передовые части дивизии, встретив белоказаков, развернулись и пошли в атаку. Однако противник, не приняв боя, оставил Карповку. Увидев, что он быстро отходит в направлении Бузиновки, я приказал ослабить нажим с фронта, а подразделениям, действующим на флангах дивизии, стремительным броском вперед охватить фланги противника. Белогвардейцы оказались зажатыми в полукольцо, а путь отхода им преградила разлившаяся река Карповка.

Грозно надвигались наши атакующие эскадроны, мощное «ура» гремело на всю долину. Казалось, что белые не устоят, бросят оружие, сдадутся в плен. Но нет! Перед нами были казаки-старики, всегда предпочитавшие плену смерть в бою. Повернувшись лицом к атакующим, они встретили красных кавалеристов в шашки. Бой был свирепым и по-кавалерийски скоротечным. Казаки-старики рубились до тех пор, пока могли держаться на лошадях.

Спаслась, бежав в Бузиновку, только та часть белоказаков, которая не была окружена. Но и мы понесли большие потери.

Интересно отметить, что место жестокого боя в районе Карповки теперь стало дном Карповского водохранилища. Думали ли наши бойцы и командиры под Карповкой, что место, на котором они сражались за Советскую власть, проливали кровь и умирали, начнет свою новую историю с победой Советской власти? Да, красные бойцы и командиры не только думали о великом будущем своей Отчизны, но и видели его. Именно поэтому они храбро сражались с силами, стоящими на пути советского будущего, именно поэтому они умирали, сраженные в бою, без вздохов сожаления за свою жизнь. А им, конечно, жизнь была дорога и не только потому, что жизнь дорога каждому человеку, но и потому, что они хотели собственными руками строить коммунистическое завтра.

После разгрома противника под Карповкой Особая кавалерийская дивизия расположилась в Карповке и Мариновке. Непрерывные боевые действия измотали бойцов. Требовался отдых. Кроме того, настоятельно необходимо было навести порядок в частях с учетом людей, лошадей, вооружения, снаряжения и различного военного имущества.

С 12 по 16 февраля дивизия отдыхала и приводила свои части в порядок. В это время к нам присоединились остатки 2-й бригады бывшей сводной кавалерийской дивизии, действовавшей южнее Царицына в составе конной группы Городовикова.

Информация о действиях и состоянии этой группы, полученная мною в Реввоенсовете армии, полностью подтвердилась.

Ока Иванович привез также горькую весть о гибели моего отца Михаила Ивановича. Из рассказа Городовикова, которому это поведала моя мать Меланья Никитична, я узнал следующее.

Мои родители вместе со всеми беженцами Сальского округа под охраной 1-й Донской стрелковой дивизии ушли из Платовской на восток, к Волге. В пути отец заболел возвратным тифом. Мать привезла его тяжело больным в приволжское село Светлый Яр. Там собралось много беженцев. Они считали себя здесь в безопасности, так как фронт проходил еще далеко от Волги. Но фронт в то время был не сплошной, белоказаки часто проникали в промежутки между нашими частями, и однажды ночью они ворвались в Светлый Яр. Среди беженцев началась паника. Услышав, что среди ворвавшихся в село казаков есть его земляки из Сальского округа, отец, несмотря на то, что он был еще болен, решил уходить за Волгу. Мать не пускала, но он поднялся, надел шубу, взял палку и пошел по волжскому льду. Тяжело было идти больному, ослабевшему старику — ноги подкашивались, дрожали, но он шел: остановится, отдышится, утрет рукавом взмокший лоб — и дальше. Когда силы совсем покидали его, он садился на лед и, отдохнув, снова шагал.

Мучила жажда, но, напившись холодной воды из полыньи, он почувствовал себя еще хуже, понял, что ему не добраться до левого берега и повернул обратно к Светлому Яру.

Вскоре его догнали заволжские кулаки, ехавшие на санях навстречу к белогвардейцам. Отец не знал, что это за люди, попросил их подвезти его и рассказал, почему он хотел уйти за Волгу. Вместо помощи кулаки зверски избили его. Несколько часов он без сознания лежал у дороги через Волгу. Его волосы, пропитанные пóтом и кровью, примерзли ко льду. Не появись у места, где лежал отец, заволжские крестьяне-бедняки, он, больной и избитый, скончался бы на льду реки.

Его привезли к матери в Светлый Яр едва живого. От холодной воды, которой он напился из полыньи, и от того, что долго пролежал на льду, к тифу добавилось воспаление легких. Отец не выдюжил. Через десять дней — 19 января 1919 года — он скончался. Отца похоронили в селе Покровка, Капустино-Яровского района, Астраханской области.

Городовикову было приказано приступить к исполнению обязанностей командира 1-й бригады, а Тимошенко — к формированию 3-й бригады из остатков той бригады, с которыми он вернулся, внештатных подразделений 1-й и 2-й бригад и добровольцев.

Во всех трех бригадах дивизии было упорядочено организационное строение взводов, эскадронов, батарей и полков. Численность взвода доведена до пятидесяти, эскадрона — двухсот человек.

Кроме пяти сабельных эскадронов, имевших в каждом взводе по пулемету на тачанке, в полках были созданы специальные пулеметные команды, которые являлись огневым средством командиров полков, а также команды разведчиков, каждая такой же численности, как и сабельный эскадрон. Мы могли бы значительно увеличить свою артиллерию, но это привело бы к снижению подвижности дивизии. Поэтому в каждой бригаде осталась по-прежнему одна четырехорудийная батарея, а в дивизии — конноартиллерийский дивизион четырехбатарейного состава. У нас остался также автоброневотряд Александра Войткевича в составе двух бронеавтомобилей и двух грузовых автомашин для подвоза горючего и запчастей.

В эти дни в дивизию был назначен комиссаром замечательный коммунист, прошедший царские тюремные застенки, Сигизмунд Новицкий. С приездом к нам этого опытного политического руководителя в эскадронах и

полках начали создаваться партийные ячейки и партийная работа приняла организованные формы.

Ранняя, теплая весна растопила обильные снега и сделала дороги, луга и поля почти непроходимыми для колесного транспорта. Это очень затруднило ведение боевых действий.

Используя временное затишье на фронте для подготовки дивизии к новым серьезным испытаниям, я лично проверял выполнение отданных указаний по реорганизации частей и наведению в них порядка, так как знал уже по опыту, что четкая организация и твердый порядок во многом предопределяют успех действий подразделений, частей и соединения в целом.

В середине февраля талая вода пошла на спад. Но теплая солнечная погода распарила землю, принесла густые туманы, плотной завесой стоявшие ежедневно почти до полудня. Казалось, что распутица и непроглядные туманы исключают боевые действия с обеих сторон. Белогвардейские генералы были уверены в этом. Но мы считали, что распутица, дождь и туман нам на руку так же, как снежная пурга и ночь, когда противник меньше всего ожидает нападения.

16 февраля наша дивизионная разведка донесла, что на участке Калач, Кумовка, Ляпичев занял оборону 7-й Донской корпус генерала Толкушкина. Этот генерал, видно, решил серьезно сопротивляться. Доказательством тому были развернутые им у Ляпичева полевые фортификационные работы. На протяжении пяти — шести километров вокруг Ляпичева возводились проволочные заграждения в три ряда, они упирались флангами в Дон и прикрывались артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем.

Наша разведка установила, что в состав корпуса генерала Толкушкина входят четыре пехотных полка и казачья бригада в составе трех конных полков. Получив эти данные о противнике и оценив обстановку, я принял решение овладеть Ляпичевым и в ночь на 17 февраля объявил свое решение командирам частей. Дивизии предстояло на рассвете перейти в наступление, прорвать оборону противника у Ляпичева и разгромить корпус генерала Толкушкина.

— Куда там наступать! — зашумели некоторые товарищи. — Кругом луга и лощины, балки и овраги, затоп-

ленные водой. На дорогах и там, где воды нет, непролазная грязь. Повозки и орудия засасывает по ступицу колес.

— А мы не возьмем с собой ни орудий, ни пулеметных тачанок, ни обоза... — сказал я.

Еще больше зашумели командиры.

— Как же наступать на подготовленную оборону противника без пулеметчиков и артиллеристов?

— А мы пулеметчиков и артиллеристов возьмем,— успокоил я товарищей.— Посадим их верхом на лошадей, а стрелять они будут из орудий и пулеметов, которые мы захватим у противника.

Мой спокойный, уверенный тон подействовал — все замолкли. Ока Иванович с обычной своей невозмутимостью сказал:

— Правильно. Устроим белым небольшую панику, и ихние пушки будут наши.

Рано утром 17 февраля дивизия под прикрытием тумана перешла в наступление, оставив свою артиллерию и пулеметы в Карповке под охраной кавалерийского полка Литунова.

Белогвардейцы, как я и рассчитывал, не ожидали нашего наступления. Их сторожевое охранение, расположенное в хуторе Ново-Петровском, подпустило к себе наши передовые части почти вплотную и, когда вдруг увидело их, в панике бросилось бежать в Ляпичев.

С подходом главных сил дивизии к Ляпичеву выдвинутые белыми два конных полка пытались развернуться для боя, но стремительной атакой дивизия смяла их и обратила в бегство. Белогвардейцы кинулись в один из проходов в проволочном заграждении и наши части на плечах противника ворвались в его оборону.

События развертывались с поразительной быстротой. В первые же минуты боя в наших руках оказались артиллерийская батарея и несколько станковых пулеметов противника. Артиллеристы и пулеметчики немедленно использовали захваченное оружие. Белогвардейцы как угорелые выскакивали из домов и метались по улицам, стараясь найти выход из своей круговой обороны, ставшей теперь для них ловушкой.

В самом начале боя были захвачены и два бронепоезда белых. Подъезжаю к одному из них и вижу: бе-

лые солдаты летят из бронированных кабин так, будто бы кто-то их выбрасывает оттуда.

— А ну-ка посмотри, в чем дело, — сказал я своему ординарцу.

Не успел ординарец спрыгнуть с коня, как из люка бронепоезда показался Тарасенко — человек здоровенного телосложения, занимавший должность помощника командира полка по снабжению.

— Что же ты, брат, здесь делаешь? — спрашиваю его.

Он спрыгнул с бронепоезда, отряхнулся, как будто бы бросал мешки с мукой, и ответил:

— Так что трофеев-то по моей части не было, вот я и решил разгрузить цю машину...

Подъехали наши артиллеристы, я приказал им заняться артиллерией бронепоезда, а сам поскакал дальше и вдруг увидел мчавшегося по направлению к Дону всадника на хорошем сером коне. Всадник прижимался к шее коня, мундир его был расстегнут, волосы растрепаны.

— Генерал, генерал! — закричали пленные солдаты, стоявшие у бронепоезда.

Это был генерал Толкушкин. Я помчался за ним. Между мной и Толкушкиным было метров пятьдесят — шестьдесят. Я взвел курок револьвера, но стрелять воздерживался: боялся, что убью лошадь — уж очень она мне понравилась. Толкушкин мчался прямо на сплошную стену высокого кустарника, забитого почерневшим снегом. Его конь оторвался от земли и птицей перелетел через кусты. Я прыгнул следом за генералом, но не совсем удачно. Моя лошадь после прыжка споткнулась и чуть было не упала. Эта небольшая заминка дала возможность Толкушкину несколько оторваться от меня. Он подскакал к Дону, бросил лошадь и побежал по льду к противоположному берегу. Я подъехал к реке и с коня стал стрелять по убегавшему генералу. Огонь открыли также и догнавшие меня бойцы. Добежав до противоположного берега, генерал упал и пополз в кусты. Был ли он ранен или просто упал, спасаясь от пуль,— трудно сказать. Бойцы очень жалели, что им не удалось поймать такую крупную птицу. Я успокоил их, высказав уверенность, что во второй раз Толкушкину от нас уйти не удастся.

— Ну, а пока поймайте генеральского коня, — сказал я бойцам, — и передайте его товарищу Мирошниченко.

Мирошниченко был помощником командира полка и тоже принимал участие в погоне за генералом. Лошадь у него была плохая, и он, разумеется, обрадовался такому подарку.

Подобные картины панического бегства белых у Ляпичева следовали одна за другой. Не успели мы отъехать от берега Дона, как увидели мчавшуюся полным карьером тройку хороших лошадей, запряженных в экипаж. Кучер-казак с огромным чубом зычным криком и свистом подгонял бешено скачущих коней. В открытом экипаже сидели, прижавшись друг к другу, две дамы, пышно разодетые, в роскошных широкополых шляпах. Не знаю, был ли кучер пьян или же обезумел в панике, но он гнал лошадей прямо к обрывистому берегу Дона. Лошади на всем скаку сорвались с обрыва, и экипаж с дамами грохнулся на лед. Оттаявший у берега лед с треском расступился, и Дон поглотил этот экипаж с нарядными дамами.

В течение нескольких часов корпус генерала Толкушкина был разгромлен. Дивизия взяла в плен свыше двух тысяч солдат и офицеров, захватила один бронеавтомобиль, два бронепоезда, девятнадцать орудий, из них два шестидюймовых, и сорок станковых пулеметов.

Разгром белогвардейцев в Ляпичеве имел исключительно большое значение в борьбе против Донской армии генерала Краснова. Ляпичев являлся одним из основных опорных пунктов красновских войск. Под прикрытием его донская контрреволюция рассчитывала привести в порядок свои части, потрепанные 10-й Красной армией.

После разгрома корпуса генерала Толкушкина в Ляпичеве красновские войска уже перестали представлять собой организованную силу, способную оказывать серьезное сопротивление. Противник потерял не только общее руководство своими войсками, но даже какую-либо прочную связь между отдельными частями Донской армии. Область войска Донского — лагерь контрреволюции, крупнейший источник армейских резервов белогвардейцев — фактически была парализована.

☆

V. БОИ НА РЕКЕ МАНЫЧ

1

10-я Красная армия, несмотря на распутицу, перешла в наступление по всему фронту от Дона до Волги, имея задачей выйти на рубеж реки Маныч.

Особая кавалерийская дивизия развивала наступление вдоль Дона, очищая от белых войск левобережные станицы и хутора.

Противник особого сопротивления не оказывал и чаще всего при появлении наших головных подразделений уходил без боя, прикрываясь тыльными заставами на широком фронте.

Сведения о противнике поступали непрерывно и не только от разведки, но и от жителей хуторов и станиц, расположенных на пути движения дивизии. Обстановка в Донской области все больше благоприятствовала нашему наступлению. Беднейшие казаки почувствовали себя виновными в том, что сразу не стали на сторону советских войск и даже стыдились уже, что они казаки. Настроение железнодорожных и других рабочих, служащих и иногородних крестьян было исключительно приподнятое. Они чем могли помогали наступлению советских войск и с энтузиазмом участвовали в восстановлении местных органов Советской власти. С каждым днем увеличивался приток в Красную Армию добровольцев из рабочих, крестьян и беднейших казаков. Особенно характерным явлением для этого времени был переход на нашу сторону молодых казаков. Они переходили одиночками, группами и целыми сотнями при полном вооружении. Пришлось создать в дивизии специальную комиссию по формированию, которая отбирала из добровольцев наибо-

лее надежных людей, учитывая их социальное положение.

Чем больше переходило на нашу сторону трудового народа Дона, тем свирепее становились казаки-старики — опора донской контрреволюции. Проклиная молодых за то, что те якобы «продали Тихий Дон и казачью честь», они поголовно, включая девяностолетних, вступали в карательные отряды инквизиторского типа. Особую злобу эти «гвардейцы» контрреволюции питали к иногородним крестьянам. Они врывались в станицы и хутора, рубили, резали, сжигали на кострах и расстреливали ни в чем не повинных людей, не щадили ни детей, ни женщин. Хутора, где жили одни иногородние, сжигались этими озверевшими людьми дотла. Частыми стали случаи, когда в бою сталкивались отцы и сыновья, братья и другие близкие родственники. Сын кричал:

— Сдавайся, отец!

А отец с налитыми кровью глазами бросался на сына с криком:

— Не сомневайся, собака, я тебя первым зарублю!

Так командир полка Николай Алаухов из 3-й кавбригады в одной из атак встретился с отцом. Он упрашивал отца сдаться, но тот бешено, с бранью бросился на сына. Уговоры не помогли, и Алаухов зарубил отца.

В борьбе с нашими частями казаки-старики шли на самые подлые приемы.

При наступлении дивизии на станицу Нагавскую на нашу сторону без боя перешла сотня казаков — жителей этой станицы. Их привел старший урядник Кузнецов, который попал в плен к нам в хуторе Жутове втором, вблизи Аксая, и был отпущен домой с письмами к казакам и солдатам. Когда Кузнецов пришел домой, белые снова мобилизовали его. Находясь в Нагавской, Кузнецов узнал, что на станицу наступает дивизия под моим командованием, и уговорил молодых казаков перейти на нашу сторону. Они привезли с собой два станковых пулемета, а Кузнецов привел мне в подарок коня под кличкой Казбек, на котором я провоевал до конца гражданской войны.

В станице Нагавской осталось около четырехсот казаков-стариков. Дрались они остервенело. И вдруг в разгар ожесточенного боя часть этих бородачей подняла руки вверх. Однако, когда командиры наших полков, Баран-

ников и Мирошниченко, поверившие, что казаки сдаются в плен, подскакали к ним, казаки расстреляли их в упор. Гнев наших бойцов был беспредельным, и они справедливо покарали злодеев.

Погибли два наших замечательных человека, память о которых не изгладится временем. По характерам это были люди, противоположные друг другу: всегда спокойный, молчаливый, расчетливый в бою Баранников и на редкость подвижный, шумный, сказочно смелый в бою Мирошниченко. Бойцы любили Баранникова как умного и опытного командира, как заботливого отца. А кто не восхищался храбростью, молодецкой отвагой Мирошниченко, кто не подражал этому лихому богатырю, который водил своих удальцов в атаку, не считаясь с численностью врага.

Разгромив противника в станице Нагавской, Особая кавалерийская дивизия продолжала наступление. Вслед за дивизией наступали стрелковые соединения нашей 10-й армии. Нужно отдать должное героическому упорству наших пехотинцев и артиллеристов — в непролазную грязь, почти разутые, мокрые, голодные, уставшие, они шли вперед и помогали выбившимся из сил лошадям тянуть пулеметы, пушки, повозки, несли на себе раненых и больных. Однако весенняя распутица все же тормозила продвижение нашей пехоты. Бойцы изматывали свои силы, обозы с боеприпасами отставали, нарушалось питание частей всем необходимым для боя и жизни.

На подступах к станице Романовской наша дивизия встретилась с частями конной группы генерала Мамонтова. В его группу входили ранее потрепанные 10-й армией части генералов Секретева, Голубинцева, Чернецова. По данным разведки и показаниям пленных и перебежчиков, по рассказам жителей мы знали, что группа Мамонтова по численности в три с лишним раза превосходит нашу дивизию. Однако мы знали также, что части, входящие в эту группу, потеряли в боях свое тяжелое вооружение — пулеметы и артиллерию, что они измучены тяжелым отступлением и поэтому вряд ли способны упорно сражаться. Нам было известно также, что некоторые дивизии и полки противника только именовались дивизиями и полками, а фактически же представляли собой слабо сколоченные сводные группы разных подразделений. Ко всему тому Мамонтов был дезинформирован.

Он не имел точных разведывательных данных ни о нашей численности, ни о вооружении.

Следует заметить, что не только Мамонтов и другие генералы, командовавшие соединениями белых, но и сам атаман войска Донского генерал Краснов и Войсковой круг не имели достаточно достоверной информации о своем противнике, в частности, и о нашей дивизии. К нам в руки попадали разведывательные и оперативные сводки белых. Они были полны хвастливого вранья. Лгали атаману Краснову, лгали, и еще более красочно, Войсковому кругу.

Если состояние частей противника свидетельствовало о их слабой боеспособности, то мы, наоборот, имели все основания считать, что теперь в нашем распоряжении находится такое полнокровное, хорошо вооруженное и сильное своим боевым духом кавалерийское соединение, какого у нас еще никогда не было.

И это несмотря на то, что 3-я кавбригада Тимошенко находилась еще в процессе формирования. И без нее у нас было пять кавполков, полностью укомплектованных и обеспеченных всем необходимым для боя, и, кроме того, — Особый резервный дивизион, состоявший из бойцов и командиров, отличавшихся особой храбростью и преданностью делу революции.

Все это позволило мне смело бросить дивизию на превосходящие нас по численности силы Мамонтова и не сомневаться в том, что мы выиграем бой. Выйдя в исходное положение для атаки, дивизия всеми силами обрушилась на противника. Белогвардейцы пытались оказать сопротивление, но не выдержали удара и начали отходить. Части дивизии немедленно перешли в преследование. Лишь за Большой Мартыновкой противнику удалось оторваться от наших частей и, переправившись через реку Сал, занять оборону. Однако Мамонтов совершил здесь грубую ошибку. Вместо того чтобы организовать оборону на наиболее вероятных направлениях действий наших войск, он расположил свои слабые части на широком фронте (до 160 километров) на линии населенных пунктов Сусатский, Золотарев, Новоселовка, Арбузов, Кутейниково, Романов.

Эта ошибка противника позволила нам без особого труда прорвать его оборону и нанести ему глубокий удар. 16 марта Особая кавалерийская дивизия заняла Боль-

шую Мартыновку. В этот же день было принято решение произвести налет на станицу Великокняжескую через Платовскую. Целью налета ставилось: захват штаба генерала Мамонтова, освобождение политических заключенных из Великокняжеской тюрьмы и расстройство ближайших тылов белогвардейских войск. Кроме того, в Великокняжеской были четыре самолета белых, которые мне хотелось захватить.

Налет на Великокняжескую был для нас заманчивой, но вместе с тем и очень рискованной операцией, так как от этой станицы нас отделяла река Сал, а наступал самый разгар половодья. Как сказали нам местные жители, река через два—три дня выйдет из берегов, и мост придется снять. А я хорошо знал, каким бывает Сал в половодье. В этом районе разлив реки достигал семи — десяти километров. Следовательно, если нам не удастся завершить задуманную операцию через два — три дня, дивизия окажется отрезанной рекой от остальных частей 10-й Красной армии, которые находились в нескольких переходах от Большой Мартыновки.

И все-таки, несмотря на большой риск, было принято решение о налете на Великокняжескую. В нем принимали участие четыре кавалерийских полка и Особый резервный кавдивизион. Одному кавалерийскому полку и 3-й кавалерийской бригаде было приказано оставаться в Большой Мартыновке в качестве прикрытия дивизионных тылов. Отдав приказ, я послал донесение командующему армией Егорову, в котором подробно доложил о действиях дивизии, начиная с Ляпичевской операции и до занятия Большой Мартыновки. В донесении также указывались время и цель предполагаемого налета на станицу Великокняжескую.

2

В ночь на 17 марта части дивизии выступили на Великокняжескую, выслав вперед разведку и походное охранение. Темная весенняя ночь скрывала движение наших полков. Тревожную тишину нарушали лишь гулкая поступь лошадей да отдаленное эхо выстрелов белогвардейских сторожевых застав.

Когда дивизия находилась между станицей Батлаевской и хутором Потаповским, походное охранение донесло, что навстречу нам движутся две сотни казаков.

Как потом выяснилось, это было сторожевое охранение, высланное белыми в хутор Потаповский.

Я приказал командиру головного полка остановиться, и двумя эскадронами обойти казаков справа и слева. Казаки приняли наши части за свои и спокойно въехали в приготовленную им ловушку. Когда кольцо окружения было замкнуто, казакам было предложено сложить оружие. Они были так перепуганы, что оружие у них само валилось из рук.

В 12 часов ночи части дивизии вступили в Платовскую. Я снова был в родной станице. Почти одновременно с нами в станицу вошло белогвардейское подразделение. Мы взяли его в плен без единого выстрела. Это был недавно сформированный артиллерийский дивизион. Он имел на вооружении лишь одну пушку, а остальные должен был получить в Ельмутских хуторах, куда и следовал. Допросив пленных, мы установили, что в Ельмутских хуторах расположились обозы двух корпусов белых.

Получив эти сведения, я решил сделать в Платовской часовой привал дивизии, а затем двинуться в Ельмутские хутора, чтобы захватить обозы противника. Это было нам почти по пути в Великокняжескую.

Только было отдано распоряжение расположить дивизию на привал, как ко мне подъехал начальник связи дивизии Селезнев и доложил, что он на почте включился в связь белых между станицей Великокняжеской и Новочеркасском, и считает полезным, чтобы я поговорил с белогвардейцами. Я согласился с тем, что поговорить с противником действительно полезно, и тотчас же мы поехали на почту. В ожидании, когда Селезнев позовет меня к аппарату, я, присев к столу, стал рассматривать различные почтовые распоряжения и указания и среди них увидел список членов нового Войскового круга. Из списка я узнал, что председателем Войскового круга избран генерал Сидорин.

Тем временем Селезнев попросил меня к аппарату. Из станицы Великокняжеской офицер штаба группы Мамонтова добивался дежурного по Войсковому кругу. Я сказал, что слушает дежурный офицер Войскового круга поручик Рождественский. Офицер штаба Мамонтова, вероятно в качестве проверки, спросил меня, на месте ли председатель Войскового круга? Я ответил, что генерала Сидорина в Войсковом круге нет. Услышав фа-

милию председателя Войскового круга, офицер успокоился и попросил принять оперсводку. В сводке сообщалось: в районе станции Ремонтной красные, пытавшиеся перейти в наступление, отброшены стремительной атакой доблестных войск генерала Мамонтова и с большими потерями отошли за реку Сал. В районе Большой Мартыновки авиаразведкой обнаружено крупное скопление кавалерии красных, пытавшейся переправиться через реку Сал. Принятыми мерами переправа красных сорвана, а отдельные их переправившиеся подразделения изрублены или же отброшены на правый берег Сала. На других участках фронта красные активных действий не предпринимали.

Я поблагодарил за сводку и обещал немедленно доставить ее генералу Сидорину.

Вскоре позвонил какой-то полковник из Мечетинской. Я ответил, что у телефона начальник штаба группы Мамонтова Кельчевский. Полковник без всяких предварительных расспросов попросил указать, куда ему двигаться с обозами — в Торговую или только до станции Целина, а потом пожаловался, что до сих пор не имеет указаний, куда направлять молодых казаков для пополнения конной группы генерала Мамонтова.

Я ответил полковнику, что эти вопросы уже согласованы с генералом Мамонтовым. Все боеприпасы, находящиеся в эшелонах или на складах от Батайска до станции Торговой, немедленно направить в Батайск, а пополнение распустить по станицам и не собирать до особого распоряжения.

Полковник был обрадован четкими указаниями и, сказав «слушаюсь», закончил разговор.

— Ну вот, — сказал я Селезневу, — пусть полковник действует. Он, видно, исполнительный офицер и, если никто не помешает, окажет нам добрую услугу...

Разговоры с белогвардейцами меня заинтересовали.

— Попробуй-ка соединить меня со штабом Мамонтова, — попросил я Селезнева.

— Один момент, — ответил он.

И через минуту я разговаривал с тем же дежурным офицером из Великокняжеской, который передал мне оперативную сводку. Я приветствовал его от имени поручика Рождественского и сказал, что генерал Сидорин приказал доложить, какие задачи поставлены перед войсками гене-

рала Мамонтова на завтра и где находится сам генерал. Дежурный ответил, что задачи на 18 марта разрабатывает оперативный отдел группы и что о них будет доложено несколько позже, а генерал Мамонтов еще утром 16 марта выехал на станцию Торговая с экспедиционной группой казаков для усмирения взбунтовавшихся мобилизованных солдат. И он пояснил, что в районе станции Торговая около четырех тысяч мобилизованных, получив оружие, перебили своих офицеров, заняли оборону в селе Екатериновка и ведут бой с казачьими частями.

На этот раз разговор между нами был продолжительным и достаточно откровенным со стороны дежурного офицера штаба Мамонтова. Я спросил его, как используются аэропланы. Дежурный ответил, что днем они ведут разведку противника, а ночью находятся в селе Бараники. Затем я спросил его, обеспечена ли надлежащая защита аэропланов в Бараниках. Офицер ответил мне, что в Бараниках находятся войска генерала Деникина. Три кубанских полка из состава этих войск 17 марта должны быть в Великокняжеской.

Поблагодарив дежурного за информацию, я просил его, во-первых, передать командованию группы, чтобы донесения о положении дел не задерживались, и, во-вторых, пообстоятельнее донести о причинах бунта солдат в районе Торговой.

Я уже собирался уходить — надо было поторопиться с выступлением частей дивизии из Платовской, но Селезнев вновь пригласил меня к аппарату. Звонила жена полковника Лукьянцева из Ростова.

— Я получила прискорбное извещение о геройской гибели мужа и буду очень признательна вам за услугу— послать гроб с телом полковника Лукьянцева в Ростов,— сказала она.

Я ответил, что, к сожалению, мы не можем выполнить эту просьбу, так как полковник погребен и могила его находится уже на территории, занятой красными. Поторопившись закончить этот мало интересный для меня разговор, я поехал в штаб дивизии.

Дивизия выступила на Ельмутские хутора. Показания пленных артиллеристов оказались точными. В хуторах действительно располагались обозы третьего разряда и тыловые подразделения двух корпусов группы Мамон-

това, которые были захвачены дивизией без особого труда.

Начался рассвет. Небольшой туман быстро рассеялся, и в 7 часов утра 18 марта полки дивизии на галопе ворвались в станицу Великокняжескую. Застигнутые врасплох белогвардейцы бросились из станицы в разные стороны, не оказав никакого сопротивления.

Немедленно же была арестована охрана тюрьмы и выпущены заключенные. Заключенных оказалось около пяти тысяч, среди них были и члены президиума Великокняжеского Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов — Анохин и другие, которые сидели в тюрьме уже около года.

Штаб группы генерала Мамонтова и полковника Кильчевского захватить, к сожалению, не удалось. Штаб размещался в бронепоезде, который при первых выстрелах артиллерии поднял пары и ушел за реку Маныч.

В Великокняжеской было взято в плен свыше тысячи недавно мобилизованных солдат, находившихся на учебных пунктах. Пленных отправили в Платовскую. Туда же были направлены захваченные в Ельмутских хуторах и в Великокняжеской обозы противника с походными кузницами, артмастерскими, обмундированием английского производства и прочим военным имуществом.

При допросе пленных, взятых в Великокняжеской, мы выяснили, что на станции Зимовники находятся два бронепоезда белых, и я немедленно приказал своим связистам соединить меня с Зимовниками. Связь была налажена по железнодорожному проводу. От имени полковника Кильчевского я вызвал один бронепоезд на станцию Великокняжескую, а своим артиллеристам поручил, как только бронепоезд подойдет к Великокняжеской, разобрать железнодорожное полотно спереди и сзади. Артиллеристы с точностью выполнили мое указание и, отрезав бронепоезду пути отхода, принудили его команду сдаться.

Заполучив бронепоезд, мы решили переночевать в Великокняжеской, а с рассветом начать движение через Куберле по железной дороге, но произошла неприятность, которая заставила изменить этот план. На бронепоезде стояла большая дальнобойная морская пушка «Конэ». Из нее можно было стрелять только параллельно бронепоезду или под острым углом. Наши же артиллеристы, не зная этого, произвели выстрел из пушки, когда

ее ствол находился под углом в девяносто градусов к платформе бронепоезда. В результате при откате ствола произошел сильный боковой толчок и бронепоезд опрокинулся.

После этого мы тотчас же начали готовиться к выступлению на Платовскую. С наступлением темноты дивизия двинулась из Великокняжеской. Но не успели мы выйти из станицы, как в нее ворвались конные казаки. Это были те три казачьих кубанских полка, о которых мне говорил ночью офицер штаба группы Мамонтова.

Передовые подразделения белоказаков натолкнулись на наш арьергард, который под командой находившегося там начальника штаба дивизии Григория Хоперского принял бой.

Я был в это время в голове колонны дивизии. Узнав о нападении белоказаков с тыла, я приказал контратаковать их. Полки быстро повернули назад и контратаковали противника, смяли его и, преследуя казаков, выскочили к железной дороге. И тут вдруг из-за железнодорожного полотна в ночном сумраке вырос целый лес штыков пехоты противника. Пехота, стоя на месте, открыла залповый огонь. Не останавливаясь, наши полки с ходу атаковали белогвардейцев, охватывая фланги. Видя, что судьба ее предрешена, белая пехота, бросив оружие, сдалась в плен. Это были части пехоты, которые формировались белыми в станице Орловской. Белогвардейцы бросили ее на Великокняжескую, когда узнали, что станица в наших руках.

Захватив с собой пленных, части дивизии снова двинулись на Платовскую.

В штабе дивизии меня ожидала печальная весть: в бою с кубанскими белоказаками пал смертью храбрых начальник штаба Григорий Хоперский. По старому воинскому обычаю я снял шапку и почтил память этого замечательного командира — бывшего казачьего офицера, с первых дней революции твердо вставшего на сторону Советской власти и честно служившего народу до последней минуты своей жизни. Человек высокой культуры и кристальной честности, отлично знавший военное дело и обладающий незаурядными военными способностями, он перешел на сторону революции по глубокому убеждению в правоте ее дела и отлично понимал дух революционного

времени. Он был не только моим боевым соратником, но и другом.

Минуя Платовскую, дивизия вышла к реке Сал. Предсказания местных старожилов о разливе реки оправдались. Сал уже начинал выходить из берегов, пора было снимать мост, но жители Большой Мартыновки не снимали его, ожидая возвращения наших частей.

Переправившись через Сал, части дивизии очистили от белых примартыновские хутора и расположились на отдых в Большой Мартыновке. Пленные и трофеи были направлены на станцию Ремонтная, в расположение 37-й стрелковой дивизии.

Так закончился наш налет на Великокняжескую. Результаты его превзошли наши ожидания. Дивизия не только освободила тысячи советских людей, обреченных на смерть в застенках белогвардейцев, потрепала отдельные части белых, захватила много пленных и богатые трофеи, но и расстроила планы обороны белогвардейцев по рубежу реки Сал, внесла путаницу и неразбериху в положение белых частей на фронте перед 10-й Красной армией. Высшее белогвардейское командование потеряло ориентировку — оно не знало, где проходит линия фронта и что можно ожидать завтра. Мамонтов сидел в Торговой, опасаясь приблизиться к Салу, он считал, что рубеж по реке Сал прочно занят красными. Это способствовало выдвижению к Салу стрелковых соединений нашей армии.

В Большой Мартыновке Особая кавалерийская дивизия находилась, приводя свои части в порядок, семь дней. Здесь было закончено формирование 3-й бригады дивизии. К этому времени стрелковые соединения армии подошли к Салу и при полном бездействии белых начали переправу в различных пунктах.

26 марта мною был получен приказ о переименовании Особой кавалерийской дивизии в 4-ю кавалерийскую дивизию. В состав ее вошли шесть кавалерийских полков, объединенных в три бригады. Полки получили номера: 19, 20, 21, 22, 23 и 24-й. Иловлинский казачий полк Колесова, влившийся в дивизию в период рейда на севере от Царицына, по-прежнему остался в непосредственном подчинении начдива, так же, как и Особый резервный кавалерийский и артиллерийский дивизионы.

3

В начале апреля был получен приказ Реввоенсовета 10-й Красной армии, в котором передовым частям армии ставилась задача выйти на рубеж реки Маныч и, захватив плацдарм на левом берегу, обеспечить форсирование реки всеми войсками армии.

4-й кавалерийской дивизии приказывалось нанести удар противнику в общем направлении на Батайск и, заняв левобережные станицы и хутора понизовья, отрезать белым пути отступления через Дон у Ростова.

Во исполнение этого приказа 4-я кавдивизия повела наступление из Большой Мартыновки на Большую Орловку, а затем по левому берегу реки Сал на хутора Павлов, Золотарев, Кузнецовка, Сусатский, Ажинов, Кудинов, станицу Багаевская, хутор Федулов.

В хуторе Золотарев дивизия столкнулась с пятью полками кавалерии, которыми командовал генерал Попов — тот самый Попов, что зимой 1918 года вел борьбу с краснопартизанскими отрядами в Сальском округе.

Встретив сопротивление белоказаков, дивизия с ходу развернулась в боевой порядок и атаковала противника. Бой был горячим, но непродолжительным. Противник, заметив, что части дивизии начинают охватывать его фланги, начал отступать меньшей частью своих сил в направлении хутора Верхне-Соленый, а большей частью к хуторам Кузнецовка и Сусатский. Мы преследовали главным образом основную группу белых, отступавшую на хутор Кузнецовка. Двигаясь со штабом дивизии, я въехал в Кузнецовку, когда наши передовые подразделения еще вылавливали не успевших убежать белогвардейцев. В разных концах хутора слышались одиночные выстрелы и шум преследования убегавших белоказаков. Я собирался было соскочить с коня, чтобы выпить воды в какой-нибудь хате, как вдруг мимо меня промчался на прекрасном коне донской породы в длинной романовской шубе босой всадник. Я дал шпоры своей лошади и в несколько секунд нагнал удиравшего. Он припал к шее коня и, дико озираясь на меня, что-то шептал. Я пытался схватить его за воротник шубы, но все как-то не получалось. Тогда я вытащил из кобуры револьвер и выстрелил. Всадник, вскинув руки вверх, свалился с седла. Убитым оказался полковник Калинин. Под шубой у него ничего

не было, кроме нательного белья. Я передал коня полковника своему ординарцу, приказав оставить его при штабе дивизии под мое седло.

На ночь дивизия расположилась в Кузнецовке, выставив сторожевое охранение в хуторе Балабин и на юг в сторону хутора Верхне-Соленый. Поздно вечером мы хоронили двух бойцов, убитых в бою за хутор Золотарев. Я приказал на похоронах исполнить Интернационал, понадеявшись на трубачей, захваченных нами в Великокняжеской у Мамонтова. Но оказалось, что Интернационал они исполнять не умеют.

— Ну тогда давайте, что знаете. Только, чтобы было торжественно, — сказал я. И они грянули похоронный марш.

Вскоре после похорон к нам в Кузнецовку прибыл неожиданный гость — командующий 10-й Красной армией Егоров. Он рассчитывал застать нас в Большой Мартыновке, но опоздал, и ему пришлось догонять дивизию.

— Подъезжая к Кузнецовке,—рассказывал Егоров,— я услышал похоронный марш и ружейные залпы. Ну, думаю, белые... надо убираться обратно, пока не наскочили. Не уехал потому, что у вас вдруг все стихло, да и у меня в машине бензин кончился.

Командующий уточнил задачу дивизии, а также информировал меня о том, что главной задачей 10-й армии является выход на линию хутор Жеребков, Приютное по рубежу Маныча и что правее нас наступает 9-я Красная армия, получившая задачу выйти на линию Таганрог, Ростов, Новочеркасск, Багаевская, хутор Маныч-Балабинский.

На другой день, 4 апреля, рано утром Егоров уехал, пожелав нам новых боевых удач.

Проводив командующего, мы продолжали наступление в направлении станицы Багаевской через хутор Сусатский. Я ехал верхом на коне убитого в Кузнецовке полковника Калинина. Трофейный конь приводил в восторг моего молоденького ординарца, считавшего себя большим знатоком лошадей. Он разбирал коня по всем статьям и огорчался лишь тем, что клички у него нет.

— Что лошадь без клички? Это все равно, что человек без имени! — вздыхал он.

В хуторе Сусатском наши подразделения завязали огневой бой с отступавшими белогвардейцами. Огонь

их сдерживал наступление дивизии. Я спешился, отдал повод коня ординарцу и поднялся на высотку, чтобы наблюдать в бинокль за ходом боя. Сопротивление оказывали подразделения противника, прикрывавшие его отход. Отступая, противник довольно удачно использовал огонь своей артиллерии. Решив развернуть полки и атаковать белогвардейцев в направлении хуторов Карповка, Ажинов, Кудинов, я послал ординарцев с приказанием к командирам головных полков, а сам стал спускаться с высотки, чтобы сесть на лошадь и ехать дальше. Вдруг между мной и ординарцем, державшим в поводу мою лошадь, разорвался снаряд. Когда поднятая разрывом земля осела, я увидел, что коня моего нет, а ординарец смущенно разводит руками. Оказывается, в испуге конь прыгнул в сторону и, вырвав повод из рук бойца, убежал в направлении хутора Сусатский — туда, где был взят. Я обругал коня дезертиром. Его поймали, и с кличкой Дезертир он ходил под моим седлом второй лошадью на всех фронтах.

В хуторах Ажинов, Кудинов и Федулов противник особого сопротивления не оказал. Оставив в этих пунктах заслоном Иловлинский казачий полк Колесова, я повернул дивизию на хутора Верхне- и Нижне-Соленый, в районе которых вновь сосредоточились части конной группы Мамонтова.

На подступах к хутору Нижне-Соленый завязался бой. Белогвардейцы, имея численное превосходство, оказали упорное сопротивление. Они не переходили в контратаки, но цеплялись за каждую высотку, за каждую хату. Атаки полков нашей дивизии следовали одна за другой. Чтобы сломить упорство белогвардейцев, я решил провести свой проверенный и излюбленный маневр — охват противника с флангов и тыла. Два полка стали охватывать правый фланг белогвардейцев со стороны Маныч, а один — левый фланг их. Белогвардейцы, заметив наш маневр, начали быстро перебрасывать огневые средства на фланги. Воспользовавшись этим, я приказал основным силам дивизии немедленно атаковать противника с фронта. И в результате этой атаки белые начали поспешно отходить на хутор Маныч-Балабинский и далее на Веселый, бросая обозы и даже артиллерию. Белые спешили к переправам через Маныч, но так как в связи с половодьем мосты были сняты, им пришлось повернуть к хутору Жеребкову.

Противник старался оторваться от преследовавших его частей дивизии, но это уже было невозможно. Наше преследование переросло в погоню. Через хутор Жеребков кавалерия белых и красных прошла на полном карьере. Белых подгонял панический страх, а красных — боевой дух преследования врага. Бросая все, что им мешало, белые мчались к броду, находившемуся недалеко от хутора Дальнего. С половодьем глубина брода значительно возросла. Лошади то и дело теряли под копытами дно реки. О переправе артиллерии и обозов противник и думать не мог. Наши полки, врезавшись в конные массы белоказаков, на их плечах перешли Маныч. Противник устремился в направлении станицы Хомутовской. Погоня за ним продолжалась до позднего вечера. Она велась на протяжении ста двадцати километров. Многие белоказаки, не выдерживая бешеной скачки, бросали лошадей и поднимали руки вверх, некоторым приходилось сдаваться в плен потому, что их загнанные лошади падали.

Однако наша кавалерия тоже была не из железа. Чтобы сохранить силы людей и лошадей, я приказал прекратить погоню. Собрав трофеи, части дивизии сосредоточились на ночлег в хуторе Камышеваха, выставив сторожевое охранение в сторону станицы Хомутовской. В сторожевое охранение были назначены подразделения 19-го кавалерийского полка. Я вызвал к себе командира полка Петра Стрепухова и подчеркнул особую ответственность, которая сегодня ложится на сторожевое охранение в связи с тем, что люди исключительно утомлены. Я боялся, что, если не будет строжайшего контроля, бойцы охранения уснут, сами того не желая. Могло ослабить бдительность их и то обстоятельство, что белогвардейцы еле унесли ноги.

На Стрепухова, одного из лучших наших командиров, человека, не знавшего устали и страха, можно было положиться в любых условиях. Однако мы с комиссаром дивизии Кузнецовым, сменившим Новицкого, который убыл по болезни, не спали всю ночь. Это была ночь на 26 апреля.

Дивизия, стремительно преследуя противника, слишком оторвалась от 10-й армии и вышла в районы, контролируемые крупными силами белогвардейцев. Полки белых, которые дивизия преследовала днем, были лишь частью сил группы генерала Мамонтова. Где находились

его остальные силы, мы не знали, но надо было предполагать, что они близко, может быть даже в районе станицы Хомутовской. Кроме того, следовало думать, что в ближайших районах сосредоточены крупные силы «Добровольческой» армии генерала Деникина, предвестником которых были три кубанских казачьих полка, появившихся в станице Великокняжеской. Перспектива оказаться между двух огней была незавидной. Сведения о противнике, полученные от пленных и местных жителей, ясной картины не давали. Долго мы изучали по карте район действий дивизии и пришли к выводу, что если в ближайшее время обстановка не прояснится, то придется отойти за Маныч.

Рано утром я вышел на крыльцо домика, в котором провел эту бессонную ночь. Стоявшие у дверей часовые из резервного кавалерийского дивизиона молча расступились, пропуская меня. Хотелось подышать свежим воздухом и ощутить всем телом утреннюю прохладу. Пройдясь по двору, я поднялся на крылечко, чтобы поговорить с часовыми. Но поговорить не удалось. По дороге, пересекающей хутор с севера на юг, медленно ехал всадник. Боец верхом на лошади в расположении дивизии — явление обычное, и поэтому я сначала посмотрел на всадника почти безразлично, но потом заметил, что он не похож на бойца нашей дивизии, и это меня насторожило. Я подошел к калитке и стал рассматривать спокойно приближавшегося всадника. Он был одет строго по форме кубанского казака (кубанка, бурка, черкеска). Чувствовалось, что он и его лошадь утомлены дальней дорогой.

Когда казак поравнялся со мной, я окликнул его и спросил, куда он едет. Он устало посмотрел на меня и ответил, что ищет штаб генерала Покровского.

— Ну, заезжай сюда, приехал по назначению.

— Слава богу, — ответил казак и, подъехав ко мне, слез с лошади.

— Зачем тебе, станичник, штаб Покровского? — спросил я.

— А затем, что привез донесение.

— Давай донесение мне, а сам отдыхай.

Я взял донесение и глазами указал часовым на казака. Те поняли меня без слов и мигом обезоружили его.

В донесении, которое привез этот казак, сообщалось, что 37-я стрелковая дивизия красных форсировала Маныч и повела наступление на Торговую, но была атакована конными корпусами генералов Шатилова и Улагая, которые в результате боя захватили семьсот пленных и семь орудий. Далее сообщалось, что указанные корпуса ведут успешное преследование красных. Обо всем этом подписавший донесение начальник штаба корпуса Шатилова просил генерала Покровского довести до сведения личного состава подчиненных ему частей, дабы поднять боевой дух казаков.

Не успел я еще раз внимательно прочесть донесение, как услышал ружейно-пулеметную стрельбу на линии нашего сторожевого охранения. Ясно было, что если где-то рядом с дивизией расположен корпус генерала Покровского, то, вероятно, части этого корпуса и ввязались в бой с нашим сторожевым охранением.

Дивизия немедленно была построена по тревоге.

Через несколько минут Стрепухов прислал донесение, в котором докладывал, что его полк, вступивший в бой с крупными силами противника, отходит с линии сторожевого охранения и что, по словам одного взятого в плен белогвардейца, наступление ведет 2-я Терская дивизия корпуса генерала Улагая, находящаяся во временном подчинении генерала Покровского.

Ознакомившись с донесением Стрепухова, я приказал 20-му полку выступить из хутора и совместно с 19-м полком атаковать противника. Решительной контратакой бригада остановила противника, а затем принудила его к отходу. Наши части перешли в преследование белогвардейцев. Неотступно за 1-й бригадой продвигались 2-я и 3-я бригады дивизии. Находясь в передовых подразделениях 19-го полка, я выскочил на высотку перед Хомутовской, чтобы посмотреть, что делается в станице, и увидел в бинокль следующую картину: на восточной окраине станицы Хомутовской развернутым фронтом построена огромная масса кавалерии. Как потом выяснилось, это был Кубанский корпус генерала Покровского в составе трех казачьих дивизий. На левом фланге колонны пристроились донские казаки из группы генерала Мамонтова.

Генерал Покровский объезжал свои дивизии и здоровался с казаками. Это был очень подходящий момент для

того, чтобы установить на высотке артиллерию и обрушить ее огонь на кавалерию противника. Однако еще более заманчивым было на плечах 2-й Терской дивизии врезаться в корпус Покровского в конном строю. Я остановился на втором решении, но оказалось, что несколько переоценил возможности 1-й бригады и недооценил силы противника. Бригада врезалась в корпус Покровского, но казаки не дрогнули, а взяли шашки к бою и перешли в контратаку. Поняв, что опрокинуть противника не удастся, я приказал 1-й бригаде броском отскочить и перейти к обороне. 2-я и 3-я бригады и Особый резервный кавалерийский дивизион к этому времени вышли на правый фланг 1-й бригады, спешились и вступили в бой. Бойцы частью лежа или с колена, частью стоя открыли дружный залповый огонь по белоказакам. Эскадроны, залегшие вблизи противника, забрасывали его ручными гранатами. Пулеметные тачанки вышли на фланги частей и расстреливали белых в упор. Артиллерия дивизии, занявшая огневые позиции на высотах, засыпала противника картечью. Боевые порядки белых смешались. С их стороны велась лишь беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба. Артиллерия противника сначала бездействовала, а потом в суматохе, не разобравшись в обстановке, дала залп по своим войскам. Это было для нас большой помощью. Под ударами нашей и своей артиллерии, под ураганным ружейно-пулеметным огнем противник дрогнул и наконец побежал. Дивизия, перейдя к преследованию, заняла станицу Хомутовскую и гнала белогвардейцев до станции Злодейской (схема 4). Дальнейшее преследование противника оказалось невозможным, так как со стороны станций Злодейской и Кагальник вышли бронепоезда белых и стали обстреливать дивизию перекрестным артиллерийским и пулеметным огнем. В связи с этим наши части вынуждены были отойти к Камышевахе и, заняв расположенные западнее ее высоты, подготовиться к обороне.

Не успела еще дивизия как следует укрепиться на оборонительном рубеже, как противник повел энергичное наступление. Завязался упорный огневой бой, в котором принимали участие все огневые средства обеих сторон. Треск пулеметов, залпы из винтовок, гул артиллерии не прекращались ни на минуту до конца дня. Огневые налеты противника чередовались с бесчисленными атаками

Командир полка
Ф. М. Морозов
(1918 г.)

Командир полка
Ф. М. Литунов
(1920 г.)

Командир бригады
Данило Сердич
(1934 г.)

Командир полка
Олеко Дундич
(1920 г.)

в конном строю. Особенно нажимали белогвардейцы на наши фланги, стремясь охватить дивизию и выйти нам в тыл.

В связи с этим я вынужден был выделить на оба фланга дивизии по два сабельных эскадрона с пулеметными тачанками. В течение всего дня кипел этот жестокий бой. Сколько раз мне приходилось лично водить части в контратаки! Несмотря на свое отчаянное упорство, белогвардейцы не смогли сломить нашей обороны.

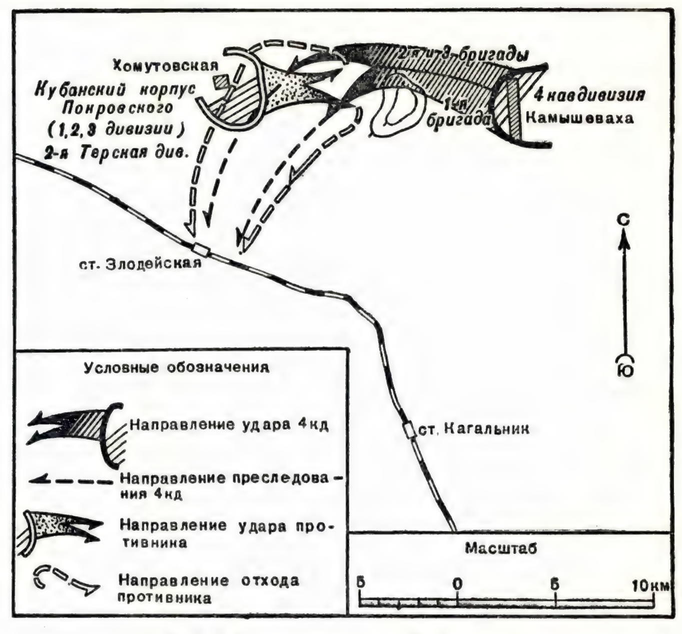

Схема 4. Бой 4-й кавдивизии с Кубанским корпусом белогвардейцев под станицей Хомутовской.

С наступлением темноты бой прекратился и дивизия расположилась на ночь в хуторе Камышеваха.

Сражение под Камышевахой осталось у меня в памяти как одно из самых тяжелых. Не только противник, но и мы понесли большие потери, пожалуй, самые большие за все операции 1919 года. В числе раненых были командир бригады Городовиков, комиссар дивизии Кузнецов и командир полка Стрепухов.

Однако, несмотря на исключительно тяжелую обстановку, мы выиграли бой. Противник, ведя фронтальные атаки на узком участке, несомненно, допускал грубейшую тактическую ошибку. Мы не смогли бы устоять, если бы белые наступали с глубоким охватом флангов. В этом случае дивизия вынуждена была бы отступить к Манычу и сражаться там, будучи прижатой к широко разлившейся реке.

Ночью в штабе дивизии, мысленно ставя себя на место противника и тщательно разбираясь во всех возможных вариантах его действий, я пришел к выводу, что генерал Покровский завтра с утра атакует дивизию на широком фронте с глубоким охватом флангов. Из анализа обстановки было очевидно, что обороняться в Камышевахе против превосходящих сил противника бессмысленно: крупные массы конницы белых окружат дивизию и подавят ее своей численностью. Посоветовавшись с командирами бригад, я принял решение произвести скрытный ночной маневр с выходом в хутор Раково-Таврический.

Основной замысел этого маневра состоял в том, что дивизия выходила из-под удара центральной группировки противника и сосредоточивалась против правого фланга белогвардейцев. Утром, когда белые главными силами поведут наступление на Камышеваху, мы должны нанести удар по его правофланговой группировке, затем уже по центральной и левофланговой. Таким образом, основой замысла был разгром противника по частям.

В 2 часа ночи дивизия выступила из хутора Камышеваха, оставив здесь в качестве заслона один эскадрон. На марше было строжайше запрещено вести громкие разговоры, зажигать спички или курить, приказано не допускать звона металлических частей амуниции и оружия.

С рассветом 27 апреля, когда дивизия уже сосредоточилась в хуторе Раково-Таврический, начальник сторожевой заставы донес, что к нашему расположению приближается большая колонна конницы противника; белогвардейцы едут в колонне по три, на ходу дремлют — очевидно, и не подозревают, что в хуторе Раково-Таврический красные.

Я приказал приготовиться к атаке. В это время вражеская колонна уже перешла ручей, протекавший на западной окраине хутора. Подпустив белогвардейцев еще

ближе, дивизия перешла в атаку. Внезапность была полная, противник заметался из стороны в сторону и, сбитый передовыми подразделениями наших полков, бросился бежать в направлении хутора Родники.

В Родники дивизия ворвалась на плечах белогвардейцев и захватила их артиллерию. Растерявшимся артиллеристам противника было приказано повернуть пушки в сторону своих удиравших во весь опор казаков и открыть огонь, что они тотчас же послушно и сделали. Здесь же, в Родниках, был захвачен приказ генерала Покровского, раскрывший для нас группировку и замысел белых. Из приказа мы узнали, что наша дивизия громила 2-ю Кубанскую и 2-ю Терскую казачьи дивизии, составлявшие правофланговую группу войск противника, которой была поставлена задача нанести нам удар по левому флангу. 1-я и 3-я Кубанские казачьи дивизии белых наступали в центре на хутор Камышеваха, а группа донских казаков продвигалась левее на Малую Западенку.

Выделив для преследования бегущих казаков 2-й Терской и 2-й Кубанской дивизий один полк, я повернул дивизию в тыл 1-й и 3-й Кубанских дивизий, составляющих центральную группировку белогвардейцев. При подходе к противнику было установлено, что один спешенный казачий полк ведет перестрелку с эскадроном, оставленным в качестве заслона в хуторе Камышеваха. Остальные части 1-й и 3-й Кубанских дивизий расположились на отдых в балках и причем настолько беспечно, что даже не выставили сторожевого охранения.

Когда дивизия скрытно подошла к расположению противника, белогвардейцы преспокойно спали или бродили полуодетые. Некоторые грелись на солнце, а кони их паслись на зазеленевших лугах. Развернувшись в боевой порядок, дивизия атаковала противника.

Застигнутые врасплох белогвардейцы, кто пешком, кто верхом, многие без шапок и сапог, а некоторые в одних нижних рубашках, пытались уйти из-под удара красных кавалеристов.

1-я бригада перешла в преследование панически отступавшего противника, а остальные две бригады повернули в тыл полка белоказаков, который наступал в пешем строю на хутор Камышеваха. Увидев атаку своих бригад в тылу белых, наш эскадрон, сдерживавший наступление спешенного казачьего полка, контратаковал

его в конном строю. В результате удара с фронта и тыла белоказачий полк был почти полностью уничтожен.

Оставалась еще конная группа донских казаков, посланная генералом Покровским в район Малой Западенки с целью выхода в тыл нашей дивизии. Я вновь объединил дивизию и форсированным маршем нагнал белоказаков. Не ожидавшие нашего появления в своем тылу и уже напуганные нами ранее, белоказаки начали поспешно уходить (схема 5).

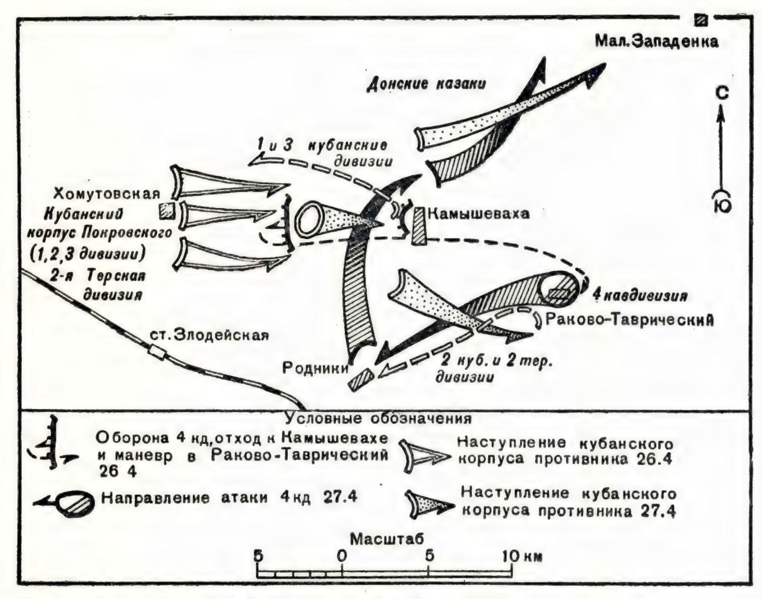

Схема 5. Разгром 4-й кавдивизией Кубанского корпуса белогвардейцев под хутором Камышеваха.

В итоге двухдневного боя под Камышевахой дивизия нанесла тяжелое поражение корпусу генерала Покровского. Мы захватили много пленных, свыше тысячи лошадей с седлами, тридцать восемь орудий, восемьдесят пулеметов, два автоброневика, автомастерскую и много всякого иного военного имущества.

Жестокие бои последних дней сильно измотали бойцов и лошадей. Люди несколько суток почти не спали и непрерывно находились в нервном напряжении. Лошади

едва передвигали ноги. В связи с этим было решено расположиться в хуторе Камышеваха на отдых — привести части в порядок, отправить в тыл пленных и трофеи.

В Камышевахе дивизия отдыхала и приводила себя в порядок три дня. За это время были похоронены с отданием воинских почестей бойцы и командиры, погибшие в боях под Камышевахой и Хомутовской, эвакуированы в тыл раненые люди и лошади. Пленные и трофеи были направлены на станцию Куберле.

В хуторе Камышеваха был получен приказ командующего 10-й армией не позже 4 мая сосредоточить 4-ю дивизию на станции Ельмут, северо-восточнее станицы Великокняжеская.

Дивизия уже отдохнула и была готова к выполнению поставленной задачи. Следовало только передать в хутор Федулов командиру Иловлинского казачьего полка Колесову, чтобы он немедленно выступил на соединение с дивизией и по пути захватил с собой наши трофеи и обозы, оставленные под прикрытием бронеотряда в хуторе Жеребков во время преследования частей донских казаков группы генерала Мамонтова.

До хутора Федулова было километров сорок, и нас отделял от него разлившийся Маныч, через который надо было переправляться на лодках. Послав туда разъезд с распоряжением Колесову присоединиться к дивизии в районе хутора Дальнего, на пути нашего движения к станции Ельмут, я отдал приказ на форсированный марш.

В 5 часов утра 3 мая дивизия выступила из Камышевахи. Полк Колесова, а вместе с ним и обозы с трофеями присоединились к нам, как было условлено, в хуторе Дальнем. В 21 час 3 мая дивизия в полном составе сосредоточилась на станции Ельмут, пройдя от Камышевахи сто двадцать километров за шестнадцать часов.

Эта переброска была вызвана тем, что противник сосредоточил крупные силы на левом берегу Маныча, против боевого участка 37-й дивизии, расположенной в Великокняжеской. На следующий день, после завершения нашего марша и сосредоточения дивизии в районе станции Ельмут, конные корпуса генералов Улагая и Шатилова форсировали Маныч против Великокняжеской и начали охватывать фланги 37-й стрелковой дивизии с запада и востока.

Нам приказано было во взаимодействии с 37-й стрелковой дивизией контратаковать противника и отбросить его за Ма́ныч. Выполняя этот приказ, дивизия в конном строю атаковала корпус генерала Шатилова северо-восточнее станицы Великокняжеской. Разгорелся жаркий кавалерийский бой, в результате которого противник, потеряв до четырехсот зарубленных казаков, дрогнул и начал отходить. Дивизия немедленно перешла в преследование и отбросила белых за Маныч в направлении Бараников (восточнее станции Торговой). При преследовании белогвардейцев дивизия пленила в полном составе пластунский кубанский батальон численностью до трехсот человек, захватила два автоброневика и семь орудий, брошенных противником на берегу Маныча.

Генерал Улагай — человек трусливый, в чем я мог хорошо убедиться еще в империалистическую войну. Это был тот самый Кучук Улагай, бывший мой непосредственный начальник — командир взвода 18-го Северского драгунского полка, часто страдавший «медвежьей» болезнью. Узнав о поражении корпуса генерала Шатилова, он немедленно отступил за реку Маныч.

Поставленная нам задача была полностью выполнена. 37-я стрелковая дивизия выдвинулась к Манычу и заняла оборону по его правому берегу, а наша дивизия отошла в район станицы Орловской и хуторов Курмоярский, Кундрючинский, Романов. Штаб дивизии расположился в хуторе Луганском.

Противник после боя у станицы Великокняжеской особой активности не проявлял. Наступившее затишье мы использовали для приведения в порядок частей, особенно обозов, которые за последнее время слишком разбухли. Было приказано все излишние подводы, а также лошадей, упряжь, трофейное имущество и оружие сдать в распоряжение трофейной комиссии 10-й армии.

6 мая утром я вышел из домика, занятого штабом дивизии, с намерением поехать в полк, расположенный в хуторе Курмоярском. На улице я увидел скачущую группу всадников во главе с командиром в форме кубанского казака. То, что это командир, видно было и по его отличной лошади, и по осанке, с какой он держался в седле, и по тому, как почтительно следовали за ним остальные всадники, очевидно, ординарцы.

Подъехав к штабу дивизии, командир лихо осадил лошадь и, красиво подбоченясь, спросил:

— Где тут помещается начдив?

Я не сразу ответил, потому что заинтересовался широкой красной лентой, облегавшей его грудь через правое плечо. На ленте крупными белыми буквами были нашиты белой тесьмой слова: «Депутату Ставропольского Губернского Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов тов. Апанасенко».

Пока я разбирался в надписи и соображал, что она означает, всадник, украшенный лентой, нетерпеливо и более строго повторил свой вопрос:

— Где тут начдив?

Я ответил, что он здесь.

— Можно ли мне его видеть?

— Можно. Слезайте с лошади и поговорим.

Апанасенко подозрительно посмотрел на меня и спросил:

— А вы кто будете?

— Начдив четыре.

— Так вот что, — сказал Апанасенко, — с сегодняшнего дня вы подчиняетесь в оперативном отношении мне и все распоряжения будете получать от меня лично.

Я пригласил Апанасенко в штаб дивизии и, когда мы сели за стол, спросил:

— А вы кто будете?

Апанасенко с достоинством ответил, что он является начальником 1-й Ставропольской рабоче-крестьянской кавалерийской дивизии.

— Хорошо, — сказал я. — Если вы, товарищ Апанасенко, человек военный и притом начдив, то, очевидно, должны знать, что подчинение частей или соединений производится старшим начальником. На станции Двойная находится командующий 10-й Красной армией, которому я подчиняюсь непосредственно. Если командарм прикажет мне подчиниться вам в оперативном или в любом отношении, это приказание будет выполнено. А теперь прошу вас информировать меня о вашей дивизии.

Апанасенко сказал мне, что его дивизия состоит из шести кавалерийских полков, объединенных в три бригады, и артдивизиона из трех пушек. Общая численность дивизии, включая обозы, составляет две тысячи человек.

— Маловато и слабовато, — с улыбкой заметил я.

— Ну что вы, маловато... — обиженно сказал Апанасенко.

— Пожалуй, любая наша бригада будет покрепче всей вашей дивизии.

Я сообщил Апанасенко о составе 4-й дивизии, и после этого он заметно притих, видимо, поняв, что такое соединение ему не подчинить себе.

— Однако, — сказал я, — у нас с вами одна задача — бить белогвардейцев так, чтобы им тошно было на этом свете. Поэтому предлагаю вам действовать с нами совместно. О появлении вашей дивизии на нашем боевом участке я донесу командующему армией и буду просить его в интересах успешной борьбы с противником об организации из 4-й и 1-й Ставропольской кавалерийских дивизий конного корпуса. А временно, до решения командующего, мне кажется, 1-й Ставропольской дивизии целесообразно войти в оперативное подчинение 4-й кавалерийской дивизии.

Неожиданно для меня Апанасенко охотно согласился с этим и попросил не медлить с решением вопроса об образовании Конного корпуса.

Я указал Апанасенко пункты, в которых должна расположиться его дивизия (штаб в хуторе Курмоярском) и отдал ему письменное распоряжение об этом.

В тот же день я отправился на станцию Двойная к командующему армией и доложил ему свои соображения о создании Конного корпуса.

Егоров одобрил мое предложение и приказал взять на себя командование корпусом.

— Официальный приказ об организации корпуса отдадим позже, когда я буду в штабе армии, — сказал командующий. — А пока действуйте. На должность начальника 4-й кавалерийской дивизии выделите одного из лучших командиров бригад. Конный корпус нужен нам теперь, как никогда раньше. Белые, видно, не сегодня, так завтра перейдут в наступление конными корпусами Кавказской армии Врангеля. Им мы противопоставим вместе со стрелковыми дивизиями и ваш конный корпус.

В связи с тем, что 1-я Ставропольская дивизия была малочисленной, я попросил Егорова разрешить мне взять на укомплектование ее кавалерийский полк Лысенко из состава 32-й стрелковой дивизии. Он разрешил

и добавил, что нужно срочно использовать все возможности для того, чтобы сколотить сильный корпус.

Поздно ночью я возвратился от командарма и тотчас же ознакомил с его решением Апанасенко. Здесь же мы наметили меры по укомплектованию Ставропольской дивизии, с тем, чтобы в ближайшее время сравнять ее в численности с 4-й кавалерийской дивизией.

1-я Ставропольская дивизия вскоре была переименована в 6-ю кавалерийскую дивизию, полки ее получили номера: 31, 32, 33, 34, 35 и 36-й.

Начдивом четвертой по моему предложению был назначен О. И. Городовиков, но до возвращения его из госпиталя эту должность исполнял я сам. Начальником штаба корпуса утвердили В. А. Погребова, бывшего офицера, присланного к нам из штаба армии на должность начальника штаба 4-й дивизии. У этого умного, исполнительного работника был один недостаток — любил выпить. Его прислали к нам на исправление, и мы помогали ему взять себя в руки. Оперативный отдел штаба корпуса возглавил С. А. Зотов.

Степан Андреевич Зотов — донской казак. После окончания войны с Германией он вернулся в родной хутор Песковатка и принял здесь участие в организации Советской власти. В период красновского мятежа на Дону Зотов создал крупный краснопартизанский отряд из беднейших казаков и иногородних крестьян, который в дальнейшем влился в регулярные части Красной Армии.

Отличительной особенностью Зотова была его неутомимая работоспособность. Казалось, ничего на свете для него не существовало, кроме работы, которой он посвящал всего себя без остатка. «Когда же он спит?», — часто думал я, поглядывая на Зотова, склонившегося над ворохом служебных бумаг. Он сам готовил проекты приказов, составлял оперативные сводки, часами анализировал разведывательные данные. Большой заслугой его была постоянная помощь работникам штабов дивизий и даже полков. Назначенный в дальнейшем начальником полевого штаба Первой Конной армии, С. А. Зотов своим упорным трудом помог нам подготовить много хороших штабных работников, которых нам так не хватало.

Начальником штаба 4-й дивизии вместо Погребова в связи с его переходом в корпус был назначен адъютант

Иловлинского казачьего полка И. Д. Косогов, бывший учитель, человек большой выдержки, быстро сработавшийся с Городовиковым. Руководство 4-й дивизии дополнил потом комиссар дивизии Александр Митрофанович Детистов, в прошлом народный учитель, быстро завоевавший любовь бойцов и командиров своей высокой культурой поведения и неустанной работой по воспитанию у них благородных качеств нового, советского человека.

VI. КОННЫЙ КОРПУС В БОЯХ ЗА ЦАРИЦЫН

1

На юге России к этому времени развернул свои войска новый ставленник Антанты генерал Деникин. Наводненные иностранными военными миссиями, советниками и экспертами, вооруженные до зубов империалистами Англии и Америки войска Деникина двинулись с Кубани по трем основным направлениям: в сторону Крыма и Левобережной Украины, на Донбасс и через Донскую казачью область на Царицын. Поредевшие в период зимне-весеннего наступления, не имевшие достаточно оружия, боеприпасов, продовольствия армии Южного фронта не выдержали натиск деникинских полчищ и начали отход. Над Советской республикой вновь нависла смертельная опасность. Страна задыхалась в тисках голода, людские и материальные ресурсы были на исходе, промышленность и транспорт, разрушенные долгой войной и лишенные топлива, замирали, сельское хозяйство пришло в упадок.

Чтобы спасти революцию и страну от гибели, партия большевиков послала на фронт около половины всего состава коммунистов и ввела в стране систему военного коммунизма.

Эта система включала в себя ряд мероприятий, вызванных исключительно трудными условиями борьбы с врагами. Как известно, одним из таких мероприятий была продразверстка, введенная с целью учета и сбора излишков зерна у крестьян и распределения его по всей стране, главным образом по крупным промышленным центрам. По продразверстке излишки хлеба изымались у всех крестьян и в первую очередь у зажиточных и кулаков.

Для того чтобы понять, какую роль играла продразверстка в развитии событий на Южном фронте, в частности, в Донской казачьей области, надо иметь в виду отличие экономического состояния не только казачества, но и крестьянства Дона от положения крестьян в центральных Российских губерниях.

Крестьяне центральных губерний страны вечно страдали от безземелья и неурожайности. Подавляющее большинство их находилось в кабале у помещиков и кулаков и своих хлебных запасов не имело. В казачьих же областях было достаточно плодородной земли. Здесь средний крестьянин, владевший земельным наделом или арендовавший землю у казаков по сходной цене, сплошь и рядом становился экономически вровень с кулаком центральных областей России. Он имел возможность рассчитаться за аренду земли, накопить у себя запасы хлеба и продавать излишки на рынке.

Не удивительно, что на Дону, Кубани, в Поволжье и на Северном Кавказе в 1919 году было много излишков зерна не только у кулаков, но и у среднего крестьянства. И поэтому-то, если в центральных губерниях продразверстка воспринималась крестьянством, как необходимая мера по борьбе с голодом в стране, а также и как мера экономической борьбы с кулаком, то крестьянство в казачьих областях под воздействием контрреволюционной агитации восприняло продразверстку как меру экономической и политической борьбы Советской власти не только против кулака, но и против всего крестьянства. Кроме того, нужно учитывать и то обстоятельство, что части Красной Армии, действующие на Дону, не имели централизованного продовольственного и фуражного снабжения, а снабжались за счет ресурсов крестьян, что тоже вызывало у них недовольство.

Используя все это в своих целях, донская контрреволюция подняла мятеж казаков, кулаков и отчасти середняков-крестьян в тылу Красной Армии. Мятеж охватил главным образом казачьи станицы и хутора верховья Дона и рек Медведицы и Хопер. В станицах Сухой Донец, Казанская, Мигулинская, Вешенская, Усть-Хоперская, Кумылжинская, Арчадинская, Клетская и других мятежники беспощадно расправлялись со сторонниками Советской власти и спешно создавали контрреволюционные повстанческие отряды. Созданием этих отрядов, пре-

образованных впоследствии в воинские части, занимались офицеры и генералы войска Донского под руководством Мамонтова и Сидорина. Войсковой круг донского казачества после разгрома армии генерала Краснова, остатки которой вошли в подчинение штаба генерала Деникина, оставшийся без войск, снова развил бурную деятельность по сколачиванию вооруженных сил контрреволюции. Главари белого казачества теперь уже окончательно отбросили прочь прежний лозунг защиты Тихого Дона от большевиков и открыто повели агитацию за уничтожение всей Советской республики. С этой целью они налаживали тесные связи с Деникиным, устанавливали взаимодействие с войсками его так называемой «Добровольческой» армии. Связь донских мятежников с Деникиным представляла исключительную опасность для наших войск.

Уже бои в районе Хомутовской и Камышевахи и под Великокняжеской показали нам, что «Добровольческая» армия Деникина закончила свое формирование и перешла в наступление.

Деникин особенно форсировал наступление своей армии против 8-й и 9-й Красных армий, в тылах которых действовали мятежники. Он бросил против них конные корпуса генералов Шкуро и Науменко, пехотные корпуса генералов Май-Маевского, Кутепова и Слащева, а также ряд отдельных пехотных дивизий.

Положение 8-й и 9-й Красных армий стало чрезвычайно тяжелым. С фронта наступали хорошо вооруженные части деникинцев, а в тылу действовали донские мятежники. Ко всему этому Троцкий, являясь в то время председателем Реввоенсовета Республики, развалил работу по руководству боевыми действиями армий Южного фронта. Между армиями фактически отсутствовало взаимодействие, в результате чего 8-я и 9-я армии не сумели воспользоваться успешным наступлением 10-й Красной армии, затянули свое продвижение и не выполнили задачу по захвату Ростова — очага контрреволюции на юге страны. Неорганизованность и медлительность в наступлении 8-й и 9-й армий дали Деникину возможность отмобилизовать свои войска и перейти в наступление. Под ударами деникинских войск с фронта и повстанцев с тыла 8-я и 9-я армии к концу апреля вынуждены были начать тяжелый отход.

Положение 10-й Красной армии было иным. На ее фронте инициатива находилась в руках наших войск. Части и соединения армии были достаточно боеспособными для дальнейшего наступления. В состав армии входило крупное маневренное соединение — конный корпус, способный противостоять коннице белогвардейцев. Тылы армии непосредственно не подвергались воздействию мятежников. Однако, несмотря на все эти преимущества, 10-я армия была вынуждена не только приостановить наступление, но и начать отход. Этот отход диктовался обстановкой, сложившейся в связи с отступлением 9-й армии. Командование нашей армии должно было иметь в виду, что Деникин, используя свое преимущество в подвижных частях и соединениях, может легко выйти на растянутые, незащищенные фланги армии и нанести удар с тыла.

Как показали дальнейшие события, противник так именно и стремился поступить. Против 10-й армии Деникин бросил в наступление группу войск под общим командованием генерала Врангеля. В состав этой группы, именуемой Кавказской армией, входили: конные казачьи корпуса трехдивизионного состава генералов Улагая и Покровского, смешанный корпус генерала Шатилова, вновь восстановленная пехотная дивизия генерала Виноградова и другие отдельные пехотные части и соединения. Уже в начале своего наступления противник конным корпусом генерала Улагая предпринял глубокий маневр в район станицы Граббевской с целью обойти левый фланг 10-й армии, захватить станцию Ремонтную и выйти, таким образом, в тыл наших войск.

Действиями корпуса генерала Улагая противник рассчитывал не только перерезать железнодорожную магистраль Царицын — Тихорецк, на которую опиралась 10-я Красная армия, но и отвлечь силы ее в этот район с тем, чтобы подготовить возможность удара на правом фланге нашей армии.

Располагая данными о намерениях противника, командарм приказал нашему конному корпусу выйти в район Граббевской и разгромить корпус генерала Улагая.

Мы выступили из Орловской 10 мая и 13 мая в 5 часов вечера на подступах к Граббевской завязали бой с двумя дивизиями противника (третьей дивизии корпуса Улагая тут не оказалось).

Появление в этом районе конницы красных было для Улагая очень неприятной неожиданностью. Дивизии его не выдержали нашего удара и начали поспешный отход. До глубокой темноты мы продолжали преследование. Противник, спасаясь от полного разгрома, в беспорядке отошел за реку Маныч в направлении села Приютное, бросая по пути отхода орудия, пулеметы, лошадей.

К ночи корпус прекратил преследование противника и расположился на ночлег в станице Граббевской. Отбросив корпус Улагая за Маныч, мы тем самым ликвидировали попытку противника захватить железнодорожную магистраль Тихорецк — Царицын и выйти в тыл 10-й армии.

15 мая Конный корпус возвращался в станицу Орловскую. Весна была в разгаре. Вокруг простиралась необозримая степь, усыпанная цветущими тюльпанами. Бойцы восхищались густой, сочной травой — сколько корма для лошадей, сколько сена можно было бы накосить! И тяжело вздыхали, осматривая своих сильно похудевших коней. Я очень хорошо понимал их, знал, как они близко к сердцу принимают заботу о лошади. Уже около месяца в корпусе не было ни сена, ни соломы. Непрерывные бои и большие форсированные переходы не позволяли выгонять лошадей на выпасы. Правда, зернофуража было достаточно, но для лошади без сена или свежей травы все равно, что для человека без горячей пищи. Кони сдали в телах, и это тревожило бойцов. Ведь лошадь в бою для кавалериста, пожалуй, не столько средство передвижения, сколько оружие. Если лошадь худая, значит, на нее так же мало надежды, как и на неисправное оружие. Хорошая, сытая, выносливая, резвая лошадь придает кавалеристу смелость в атаке и уверенность, что в трудном положении она спасет его. Вот почему наши люди беспокоились о лошадях, кормили и поили их прежде, чем сами поедят, а иной боец подчас даже делился с лошадью своим пайком. Наш боец так заботился о своем коне не только потому, что он любил его, но и потому, что он хотел во всем превосходить противника, и прежде всего в таком оружии кавалерии, как конь. Благодаря отличному состоянию лошадей мы могли совершать стремительные броски, форсированные переходы на большие расстояния и появляться там, где белые нас не ожидали, внезапно нападать, стремительно

преследовать противника и быстро отрываться от него в случае неудачного для нас исхода боя.

Вот почему, когда мы проезжали степью, поросшей высокой, сочной травой, у всех, начиная от бойца и кончая командиром дивизии, стояла в глазах безмолвная просьба — сделать привал, накормить лошадей.

К сожалению, я не мог разрешить привала. Ставя задачу на разгром корпуса генерала Улагая в Граббевской, командующий армией информировал меня о том, что 8-я и 9-я армии отступают и правый фланг нашей армии остается открытым. В связи с этим командующий высказал предположение, что 10-я армия, возможно, вынуждена будет отойти на рубеж реки Сал, и приказал корпусу, не задерживаясь в Граббевской, после выполнения задачи возвращаться в станицу Орловскую, чтобы можно было перебросить его на любой из угрожаемых флангов армии. Вот почему пришлось отказать в привале. Не исключено также и то, думал я, что корпус Улагая был брошен в Граббевскую с целью отвлечь Конный корпус с главного направления наступления белых. Не случайно же корпус Улагая оказался в составе двух, а не трех дивизий. Возможно, третья дивизия была придана на усиление какой-то группировки белогвардейцев, и Улагай заранее решил отходить, увлекая за собой наш корпус в сторону от этой группировки.

Словом, надо было спешить, так как белые могли в любой момент перейти где-то в наступление. И действительно, во время движения корпуса к Орловской в районе хутора Кондрюченского разведка донесла, что у станицы Великокняжеской противник перешел в наступление, охватил с флангов 32-ю и 37-ю стрелковые дивизии и распространяется в район станции Ельмут. Я немедленно изменил направление марша корпуса с целью нанести контрудар прорвавшемуся противнику. Удачным маневром дивизии корпуса вышли в тыл противнику и, развернувшись из походных колонн, внезапно и одновременно атаковали 1-ю Пластунскую, 4-ю и 5-ю Кубанские конные дивизии белых.

Внезапность удара корпуса предрешила исход боя. Конные дивизии противника, преследуемые частями нашего корпуса, отступили за Маныч. Положение на фронте 32-й и 37-й стрелковых дивизий было восстановлено.

В этом бою корпус разгромил 1-ю Пластунскую кубанскую дивизию, частью уничтожил, частью пленил, захватил шестнадцать орудий, два автоброневика и один грузовик. Захваченные машины были переданы автобронеотряду корпуса, в составе которого теперь уже находились шесть автоброневиков и три грузовые автомашины.

Послав донесение командующему армией о результатах боев под Граббевской и Великокняжеской, я отдал приказ о сосредоточении корпуса в хуторах севернее Великокняжеской.

2

Группировка деникинских войск, наступавшая против 8-й и 9-й Красных армий, стремилась захватить Донбасс и своим левым крылом выйти на Украину. Главной же задачей правого фланга деникинских войск был разгром 10-й Красной армии и овладение Царицыном.

Потерпев поражение под Великокняжеской, противник особой активности на левом и центральном участках фронта нашей армии не проявлял. Но в связи с тем, что 8-я и 9-я Красные армии отошли и правый фланг 10-й армии остался открытым, Егоров отдал приказ стрелковым соединениям армии отойти на рубеж реки Сал. Конному корпусу было приказано занять оборону на широком фронте по правому берегу реки Маныч и обеспечить стрелковым соединениям армии планомерный отход на новый рубеж обороны, а выполнив эту задачу, отходить вдоль железной дороги.

18 мая дивизии корпуса заняли оборону по берегу реки Маныча. Штаб корпуса расположился в Великокняжеской. В течение нескольких суток на фронте корпуса противник не предпринимал активных действий. Стрелковые соединения армии спокойно отошли и к 20 мая заняли оборону по северному берегу реки Сал. То, что белые не пытались преследовать их, вызывало у меня предположение, что они собираются нанести удар в другом направлении. С целью выяснения группировки и направления главного удара противника мы организовали разведку на широком фронте. Разведподразделениям было приказано непременно захватить пленных. По данным разведки и особенно по показаниям пленных и местных жителей, нам удалось установить, что белые, пользуясь успешным продвижением своей левофланговой

группировки, наступавшей в районе Донбасса, сгруппировали конный корпус генерала Покровского в составе трех дивизий в районе хутора Казачий Хомутец и форсировали Маныч на участке Жеребков, Дальний с задачей наступать в направлении Большая Мартыновка, Романовская, станция Котельниковская, чтобы, прикрываясь рекой Дон, обойти правый фланг 10-й армии и перерезать в районе Котельниковской железную дорогу на Царицын. Я немедленно донес командующему армией о предполагаемом намерении Покровского и вскоре получил приказание сосредоточить корпус в резерве командующего армией на северных скатах высот севернее населенных пунктов Кудинов, Тарасов, Андреевская, Плетнев.

25 мая корпус сосредоточился в указанном районе. Это был первый день, когда наши дивизии собрались в одном месте. Позади были дни и ночи упорных боев и напряженных переходов. Люди и лошади утомились. Чтобы дать корпусу хотя бы небольшой отдых, мною было приказано сделать привал и выставить сторожевое охранение. В один миг бойцы расседлали лошадей, спутали их и пустили пастись. Не прошло и десяти минут, как весь корпус погрузился в крепкий сон. Широко по степи до видневшихся вдали высот раскинулись спящие полки. Высокая трава укрывала отдыхающих бойцов. Гулко разносился их храп, заглушающий монотонное стрекотание кузнечиков. Казалось, ничто не сможет нарушить этот сон людей.

Зрелище было необыкновенное. Я стоял и любовался им. Вот они, богатыри, защитники Советской власти. Корпус представлялся мне многоликим Антеем, набиравшим силы от родной матери-земли.

Однако и меня усталость клонила ко сну. Разостлав шинель под бричкой, на которой мирно спали ординарцы и трубач, я моментально уснул. Но спать пришлось очень немного. Сквозь сон я почувствовал, как кто-то толкнул меня в ногу. Открыв глаза, я увидел командующего армией Егорова.

— Прошу прощения, — шутливо сказал он, — что нарушил твой светлый сон. Ничего не сделаешь, уж такая у меня обязанность: не давать покоя даже тем, кто его законно заслуживает... Сколько, Семен Михайлович, нужно времени, чтобы собрать и построить корпус? — И, не дожидаясь ответа, он продолжал: — Противник се-

годня форсировал реку Сал в районе хутора Плетнева, пытается переправиться на правый берег крупными силами. Надо во что бы то ни стало сорвать переправу белых и уничтожить их переправившиеся части.

Я доложил командующему, что корпус будет построен в течение двадцати минут, и приказал трубачу трубить тревогу.

По сигналу трубача корпус пришел в движение, как растревоженный муравейник. Мы с командующим стояли и наблюдали, как одиночные всадники быстро группировались в отделения, отделения во взводы, взводы в эскадроны, эскадроны в полки. Не прошло и двадцати минут, как начальник штаба корпуса доложил, что корпус построен.

— Вот это дисциплина! — сказал Егоров и попросил меня распорядиться приготовить для него хорошую верховую лошадь.

Пока готовили лошадь, мы развернули карту, и я доложил командующему свои соображения о порядке действий корпуса. 6-я дивизия наносит удар с запада, со стороны Андреевской, а 4-я — с востока, со стороны хутора Гуреева, имея целью отрезать переправившихся белогвардейцев в хуторе Плетневе и уничтожить.

— Хорошо, — сказал Егоров, — я согласен с вашим решением и шестую дивизию поведу в атаку сам.

День был уже на исходе. Гасли последние лучи заходящего солнца, когда 4-я дивизия, прикрываясь складками местности, подтягивалась к правому берегу Сала. Следуя с 4-й дивизией, я видел в бинокль, как 6-я дивизия совместно с нашей отходящей пехотой завязала бой с противником.

Уже было темно, когда 4-я дивизия подошла со стороны хутора Гуреева почти вплотную к хутору Плетневу, с ходу развернулась и нанесла удар в тыл переправившимся частям противника. Все белогвардейцы, успевшие переправиться на правый берег Сала, были истреблены или захвачены в плен. Выброшенные на фланги дивизии пулеметы на тачанках в упор уничтожали бросившихся к реке белогвардейцев. В течение часа бой был закончен, и положение наших частей, занимаемое ими до переправы противника, восстановлено.

4-я дивизия выступила к месту прежнего расположения корпуса.

На выходе из хутора Плетнева ко мне подскакали двое бойцов из походного охранения головного полка и доложили, что в четырехстах метрах западнее хутора лежит тяжело раненный командующий армией. Я сейчас же поскакал к указанному бойцами месту. Егоров был ранен в левое плечо. Я застал его лежащим рядом с убитой под ним лошадью. Два бойца пытались остановить у него сильное кровотечение. Я вытащил из кобуры седла своей лошади чистую рубаху, разорвал ее на полосы и перевязал раненое плечо командующего, а потом с помощью бойцов осторожно положил его на пулеметную тачанку. Егоров молчал. Он попросил только снять седло с убитой под ним лошади и положить его рядом с ним на тачанку.

Приказав своему начальнику штаба сосредоточить корпус в районе севернее слободы Ильинка, я повез командующего на станцию Ремонтная, где стоял его поезд. В вагоне после оказанной ему врачебной помощи Егоров почувствовал себя лучше и стал оживленно рассказывать, при каких обстоятельствах он получил ранение. Оказалось, что вместо того, чтобы обойти противника с фланга, командующий решил помочь нашей отходившей пехоте и повел 6-ю дивизию вместе с начдивом Апанасенко во фронтальную атаку, не дожидаясь наступления полной темноты. Когда дивизия подошла на расстояние четырехсот метров к хутору Плетневу, с северо-западной окраины его белые открыли ураганный огонь из станковых пулеметов. Под воздействием пулеметного, а также фланкирующего артиллерийского огня атака 6-й дивизии захлебнулась. В этой атаке и был ранен Егоров.

Поезд командующего готовился к отправке в Царицын. Прощаясь со мною, Егоров приказал мне возглавить руководство частями армии на фронте до тех пор, пока начальник штаба армии Клюев не примет обязанности командарма на себя.

К А. И. Егорову я относился с большим уважением. Я видел в нем крупного военного специалиста, преданного революционному народу, честно отдающего ему свои знания и опыт. Мне нравилось, что он держится скромно, не щеголяя своей образованностью, как это нередко делали бывшие офицеры. Особенно меня подкупала его смелость в бою, то, что он, командующий ар-

мией, когда это необходимо, ходил в атаку вместе с красноармейцами.

Проводив раненого командующего в Царицын, я неожиданно встретил на станции Федора Прасолова — своего соседа по Платовской. Он служил в 20-м кавалерийском полку 4-й дивизии, в эскадроне моего брата Дениса.

— Федор, ты что здесь делаешь? — окликнул я Прасолова.

Прасолов остановил лошадей, и я подошел к нему.

— Вот хорошо, что я вас увидел, а то никак не доберусь, проклятые кадеты дыхнуть не дают! — сказал Федор и после этого уже ответил на мой вопрос: — За патронами я приезжал.

Он снял с брички грязный рваный мешок, наполовину чем-то набитый и туго перевязанный веревкой.

— Это кожух и валенки Дениса, возьми их, Семен Михайлович, а то не ровен час стянут.

— Зачем они мне? Денису и отдай, раз его добро.

Прасолов посмотрел на меня широко открытыми, испуганными глазами и опустил голову.

Почувствовав что-то неладное, я с тревогой спросил Прасолова:

— А где же Денис? Почему он не показывается мне на глаза?

Федор молчал... А затем, заикаясь, сказал:

— Нет нашего Дениса... Я думал, вы знаете... Пропал Денис — угробили его кадеты.

Я не мог этому поверить.

— Денис погиб?! Да что ты, Федор, мелешь!.. Где? Когда?

— Да я-то там не был. Кожух с весны у меня. На, говорит, Федя, вози вместе с патронами. Кожух-то у меня не простой, батя носил, — тихо, сквозь слезы говорил Прасолов. — Слыхал, наших выручать ездил с эскадроном да напоролся на кадетов. Мать же осталась в Платовской... Побили многих, а Дениса в живот ударило. Пока трясли его на бричке, он кровью изошел...

— Где же его похоронили? — перебил я Федора.

— До похорон ли было, Семен Михайлович, когда кадеты на хвосте сидели...

Холодной тяжестью легла мне на сердце весть о гибели брата. Думая о нем, я глядел на последнее, что

от него осталось — старый, в нескольких местах протертый отцовский полушубок да изношенные, с заплатами валенки.

Худой, оборванный Федор, сняв с головы порыжевшую кубанку, все так же потупившись, стоял у вещей Дениса.

— Возьми это себе, — показал я Прасолову на полушубок и валенки. — Да оденься ты мало-мальски, на бойца не похож, ходишь, как нищий.

Прасолов взял мешок, сунул в него вещи Дениса и, сгорбившись, пошел к своей бричке. Через пять минут он уехал, сердито прикрикивая на лошадей.

Долго стоял я неподвижно, вглядываясь в полыхающие вдали зарницы артиллерийской канонады. Вся короткая боевая жизнь Дениса прошла передо мной.

Мне вспомнилось, как однажды в такой же темный вечер прискакал Денис ко мне с донесением от Городовикова. Привязав свою взмыленную лошадь к пулеметной тачанке, стоявшей у окна штаба корпуса, он ворвался в штаб и, не поздоровавшись даже, начал рассказывать об удачном бое дивизии. В его черных, чуть прищуренных глазах сверкали искры боевого задора, энергичное, загорелое лицо светилось радостью победы. Мне тогда как раз нужен был расторопный командир для поручений. Выслушав Дениса, я предложил ему остаться при мне.

— Что ты, братуха! — удивился Денис. — Больше ты ничего не придумал, как привязать меня к своему хвосту? Нет, мое место там, где рубят кадетов! — И не желая слушать моих доводов, он заторопился, сунул мне пакет с донесением и ускакал в ночную темноту. С гордостью я подумал тогда о брате: из этого выйдет хороший командир. Совсем недавно еще вручали ему боевой орден Красного Знамени, и вот его уже нет в живых!

3

После боя у хутора Плетнева противник прекратил попытки прорвать оборону 10-й армии на этом участке и перегруппировал свои силы в направлении железной дороги Тихорецк — Царицын. Но когда мы укрепили оборону железной дороги, белые сосредоточили крупные силы перед флангами нашей армии и начали переправу через Сал, угрожая охватом наших фланговых стрелко-

вых частей. Вследствие этой угрозы 10-я армия начала отход на рубеж реки Аксай — Есауловский.

1 июня корпус получил приказ прикрывать отход стрелковых соединений армии на новый рубеж обороны. Выполняя этот приказ, части корпуса заняли оборону на широком фронте по линии населенных пунктов: Романовская, Нижний Жиров, Крюков, Моисеев, Ильинка, Кудинов, Андреевская, Гуреев. Сплошного фронта наша оборона не имела. Основные усилия были направлены на оборону вышеуказанных населенных пунктов, которые занимались отдельными частями и подразделениями корпуса. Промежутки между населенными пунктами брались под наблюдение боевого охранения, выставляемого частями. В задачу частей входило ведение разведки перед фронтом своего оборонительного участка и поддержание связи с соседями.

Стремясь прорвать растянутый фронт обороны конного корпуса, противник сосредоточил крупные силы на участке Романовская, Нижний Жиров и перешел в наступление.

С каждым днем атаки белогвардейцев становились упорнее. Противник все подтягивал и подтягивал новые силы. А я не мог перебросить на этот участок значительных подкреплений, не рискуя оставить без надежного прикрытия железную дорогу.

Назревала угроза прорыва обороны корпуса на этом участке. Во избежание прорыва белых в тыл наших частей было принято решение в ночь на 3 июня вывести корпус из боя и занять оборону на более выгодном рубеже — по правому берегу реки Аксай-Курмоярский, от станицы Верхне-Курмоярская до хутора Дарганов.

На этом рубеже обороны корпус в течение пяти суток вел упорные бои с противником. Несмотря на большие потери, белогвардейцы настойчиво атаковали, вводя в бой на правом фланге нашей обороны конные корпуса генералов Покровского, Шатилова и Улагая. Сюда же спешно подтягивались и пластунские (пехотные) соединения, находившиеся в оперативном подчинении генерала Врангеля.

7 июня белые повели особо энергичное наступление, рассчитывая превосходящими силами пехоты и кавалерии сломить сопротивление корпуса. На участке 6-й дивизии весь день не смолкала ружейно-пулеметная

стрельба и артиллерийская канонада. Жаркие схватки в конном и пешем строю следовали одна за другой. 6-я дивизия и часть 4-й дивизии ни на минуту не прекращали боя. Мужественно сражались в обороне красные кавалеристы. Содействовали успеху нашей обороны и исключительно удачное расположение позиций, а также мощность огневых средств корпуса. Артиллеристы и пулеметчики умело использовали для ведения огня занимаемые ими позиции.

К концу дня, не добившись успеха на участке 6-й дивизии, противник прекратил атаки. Однако ясно было, что, перегруппировав свои силы, он завтра попытается прорвать оборону корпуса на другом участке. К этому времени соединения 10-й армии отошли и закрепились на рубеже реки Аксай-Есауловский. Таким образом, корпус выполнил поставленную ему задачу. Учитывая это, а также и то, что корпус очень утомлен непрерывными боями, я решил ночью вывести его из боя и сосредоточить на станции Гремячая, а оттуда отвести вдоль железной дороги, за оборонительные позиции наших стрелковых соединений.

Отдав распоряжение начдиву Апанасенко — с наступлением темноты снять 6-ю дивизию с обороны, я поехал к правому флангу корпуса, чтобы ознакомиться с положением на этом участке. По пути пришлось заехать к начальнику снабжения корпуса Сиденко. Отдав ему необходимые распоряжения о перемещении тылов, я собрался уезжать, но снабженцы уговорили пообедать с ними.

Сидим мы на травке, обедаем, а мимо нас проходит высокий худой казак в изрядно поношенной венгерке и рваной шапке. Одежда казака запылена, вид усталый, на плече уздечка. Я окликнул казака и пригласил его поесть борща.

— Благодарствую, — ответил казак и присел около меня. Кто-то дал ему котелок с борщом, и он начал жадно, обжигаясь, есть.

— Откуда, станичник, идешь? — спросил я его.

—Да вот лошадь ушла, искал ее, сатану, а она как в воду канула.

— Конягу его, товарищ Буденный, видно, цыган Улагаю продал! — пошутил Сиденко.

Услышав мою фамилию, казак опустил в котелок ложку и, часто моргая глазами, уставился на меня. Он даже рот открыл от удивления.

— Ну, что смотришь, не узнал?

— Да как вам сказать, шукаю я вас третий день.

Казак вскочил на ноги и растерянно посмотрел по сторонам.

— Прошу помиловать. Вот вы какой — добрым словом меня позвали и накормить приказали. А меня ведь, сукина сына, послали вас изловить или того... Но вижу — рука не подымется.

Казак вытащил из кармана револьвер и бросил его на землю.

— Нет, не подымается, можете меня стрелять.

— Коли сам признался, стрелять не буду.

— Тогда примите меня к себе, я буду честно служить у вас.

— Хорошо. Из какой ты станицы?

— Кубанский я.

— Эк занесло! Послать, что ли, его к казакам Колесова?

— Нет, я ж хочу при вас.

— Ишь ты! — и я пристально посмотрел ему в глаза.

Казак вытянулся:

— Виноват! Не вышло — стреляйте!

Я приказал Сиденко хорошенько допросить его и поехал в 4-ю дивизию.

В пути, поднявшись на одну высотку, я влез на скирду сена и стал наблюдать за селениями, занятыми противником. С этой высоты, расположенной юго-восточнее хутора Верхний Яблочный, в бинокль хорошо просматривались населенные пункты Похлебин, Майорский, Котельниковский.

Сначала незаметно было чего-либо заслуживающего внимания. Но вот около одного из этих населенных пунктов я вдруг увидел движение кавалерии. Продолжая наблюдение, я определил, что несколько конных полков белогвардейцев строятся в развернутом разомкнутом строю, один другому в затылок. Не трудно было определить, что противник строил боевой порядок в несколько эшелонов для атаки нашего корпуса в конном строю. Глубина боевого порядка обеспечивала противнику наи-

меньшие потери от артиллерийского огня, а также позволяла наращивать силы в атаке наших оборонительных позиций. Уже вечерело, значит ясно, что белые решили атаковать корпус ночью и тем самым уменьшить эффективность наших огневых средств. Они, очевидно, пришли к заключению, что бессмысленно продолжать дневные атаки наших позиций под ливнем артиллерийского и ружейно-пулеметного огня.

Белые готовили атаку на участок обороны 20-го кавалерийского полка 4-й дивизии, за позициями которого располагался 19-й полк этой же дивизии, выведенный в резерв. Больше частей на этом участке не было, и времени на переброску дополнительных сил и средств с других участков тоже уже не было. Что делать: либо обороняться либо отходить?

Отходить было уже поздно, так как белоказаки, увидев наш отход, немедленно начали бы преследование бригады, а это могло поставить ее в тяжелое положение. Поэтому я решил, что бригаде необходимо обороняться с тем, чтобы при подходе противника к нашим позициям обрушиться на него огнем всех огневых средств, расстроить его боевой порядок, а затем перейти в контратаку. 19-й и 20-й полки были одними из лучших в корпусе. Они располагали сильной артиллерией и достаточным количеством пулеметов. На эти полки можно было положиться.

Приняв это решение, я спрыгнул со скирды, сел на коня и поскакал на участок обороны 20-го полка. Ко мне навстречу уже спешил командир 1-й бригады Маслаков, который также заметил сосредоточение белогвардейцев. Я приказал Маслакову немедленно выдвинуть все пулеметы и артиллерию 19-го и 20-го полков на передний край обороны, а бригаду скрытно для противника построить для контратаки в конном строю двумя эшелонами (19-й полк в первом, а 20-й во втором эшелоне).

Такое построение боевого порядка бригады обеспечивало наращивание силы удара в ходе контратаки, а также затрудняло противнику определить силы контратакующих его частей конницы.

Вскоре Маслаков доложил, что артиллерия и пулеметы заняли указанные огневые позиции, а бригада построена для контратаки.

И вот белые начали движение. Они двигались шагом, развернутым фронтом поэшелонно, полк за полком, строго соблюдая установленные дистанции. Белогвардейцев было так много, что, казалось, в наступающих сумерках ползет туча саранчи, поглощающая собой ослабевший свет дня.

Артиллерия бригады открыла беглый огонь по противнику. Колонна противника заколыхалась. Тускло блеснули тысячи клинков, и белогвардейцы галопом перешли в атаку. Но вот дружно застучали все сорок пулеметов бригады, и первый эшелон белогвардейцев, опрокинутый метким огнем, метнулся назад, сшибаясь со следующими за ним эшелонами. Атака противника захлебнулась. Наступило время контратаки. Я приказал выбросить на фланги бригады пулеметные тачанки и подал команду: «Шашки к бою! За мной, в атаку марш, марш!» 1-я бригада с места в карьер устремилась в контратаку, заглушая треск пулеметов мощным боевым криком «ура». Лавой катилась на врага бригада. Рядом со мной на крупном гнедом коне мчался комбриг Григорий Маслаков. Это был человек огромной физической силы и отчаянной отваги. Были в его поведении крупные недостатки, но храбрость в бою, умение личным примером увлечь за собой бойцов и добиться победы искупали их.

Сблизившись с противником, бригада врезалась в его боевой порядок, действуя шашками и револьверами. Трудно описать эту отчаянную рубку в ночной темноте. Лязг клинков, выстрелы, ругань, крики и стоны раненых людей, топот и ржание лошадей, треск пулеметов и гулкое уханье пушек впереди, позади, справа, слева. В темноте нельзя было различить, где свой, а где чужой, так как все кричали и ругались на русском языке. Только чувство подсказывало, где враг. Захваченный боем, я пробивался все дальше и дальше и не заметил, что зарвался слишком далеко. Как-то вдруг стало тихо и впереди никого не видно. В стороне проскакал казак. Я прицелился, но пистолет не выстрелил. Оказалось, что в обойме кончились патроны. Повернув обратно, я остановил лошадь и прислушался. Влево, впереди слышался шум боя. Одиночные выстрелы чередовались с нестройными залпами. Я извлек из пистолета обойму и стал набивать ее патронами. Вдруг справа и слева послышался стук копыт, и в это же мгновение меня кто-то потянул

за рукава шинели. Четыре казака справа и слева, ухватившись за полы и рукава моей шинели, закричали:

— Держи, держи его, сатану! Это красный!

— Кого держи, черт бы вас побрал! — крикнул я, решив выдать себя за белогвардейского офицера.— Я вам покажу, мерзавцы, какой я красный!

— Виноваты, ваше благородие. Не признали.

— А ну, вперед, за мной — приказал я казакам и поскакал в сторону боя...

Ну, думаю, вышел из положения. Но что делать дальше? Я все больше и больше прибавлял аллюр лошади, рассчитывая оторваться от казаков. Но казаки, видно, не намерены были отставать и держались от меня метрах в тридцати.

Выглянувшая из-за облаков луна осветила своим тусклым светом степь. Это уже было совсем не в мою пользу. При лунном свете казакам не трудно будет разобраться, за кем они следуют. Я еще больше прибавил скорость лошади и повернул ее влево — в ту сторону, где на расстоянии не более четырехсот метров шел бой. 1-я бригада шагом отходила от противника и отстреливалась. Белогвардейцы также шагом наступали и с лошадей вели огонь по нашим.

Тяжелая, словно свинцовая, тучка медленно надвигалась на диск луны. Кругом лежали трупы убитых людей и лошадей, слышались крики раненых. Я уже хотел круто повернуть вправо, к флангу отступавшей бригады, и выжидал только, когда туча закроет луну, как вдруг справа, в пяти шагах от меня, поднялся во весь рост человек и закричал:

— Товарищ Буденный, помогите!

Это кричал раненый Яша Гребенников, известный мне с самого начала боев. Я круто повернул коня в сторону следовавших за мной белоказаков и стал в упор расстреливать их из пистолета. Первым выстрелом был убит один из казаков, лошадью которого быстро овладел Гребенников. Второй казак выронил из рук шашку, схватился за живот и с криком поскакал в сторону. Остальные казаки, следовавшие за мной, повернув лошадей, скрылись в темноте.

Перестрелка между 1-й бригадой и белоказаками затихала. Видно было, что у казаков отпала охота продолжать наступление и они наступали лишь потому, что их

подгоняли офицеры. Мы с Гребенниковым ехали шагом, прислушиваясь в темноте к шуму боя. Вдруг казаки внезапно прекратили стрельбу и замерли на месте. Далеко слева послышалось и все больше и больше нарастало раскатистое многоголосое «ура». Мощный боевой клич ошеломляюще подействовал на белогвардейцев, и они, прекратив стрельбу, начали отходить.

Вскоре все стало ясно: 6-я кавалерийская дивизия двигалась к Гремячей; услышав шум боя, она повернула на выстрелы и атаковала белоказаков, ведущих бой с 1-й бригадой 4-й дивизии.

4

Во время марша корпуса к станции Гремячей начдивы докладывали мне о состоянии своих соединений. Апанасенко ругался:

— Проклятая контра, лезет, как волчья стая к добыче, не дает покоя ни днем ни ночью! Ну скажи, Семен Михайлович, сколько могут люди не есть, а главное не спать? Бойцы спят на ходу, валятся сонные из седел. Надо дать отдых людям, накормить лошадей.

Нельзя было не согласиться с Апанасенко. 6-я дивизия вот уже несколько суток вела ожесточенные бои, сдерживая во много раз превосходящие силы противника на главном направлении его удара. Люди сутками не спали, некогда было поесть, покормить лошадей. Только благодаря огромному напряжению человеческой воли части корпуса могли отбивать бесчисленные атаки врага и переходить в контратаки, только беспредельная преданность революции помогала еще нашим кавалеристам держаться в седле. Но и у героев есть предел возможностей.

Сдерживая противника на рубеже реки Аксай-Курмоярский, имелось в виду дать стрелковым соединениям 10-й армии побольше времени на подготовку обороны по рекам Аксай-Есауловский и Гнилой Аксай, а затем вывести части корпуса за оборонительные позиции нашей армии на отдых. Но нажим противника оказался значительно сильнее, чем мы ожидали. В течение четырех суток не удавалось предоставить отдыха ни одной части корпуса. Отход на станцию Гремячая, до которой оставалось не менее десяти километров, тоже не обеспечивал корпусу отдых, так как несомненно было,

что противник с утра перейдет в наступление вдоль железной дороги, в направлении, по которому мы согласно приказу командующего должны были отходить.

Посоветовавшись с начальником штаба и начдивами, я решил немедленно, под покровом ночи, сделать привал, чтобы люди отдохнули и накормили лошадей. В случае, если противник будет ночью наступать вдоль железной дороги, предполагалось нанести ему на рассвете внезапный фланговый контрудар и тем самым обеспечить корпусу отход в указанном направлении. Чувствовалось, что силы людей на исходе, надо было опасаться, что даже бойцы, назначенные в сторожевое охранение, не найдут сил держаться на ногах — свалятся и уснут. Пусть отдохнет весь корпус, до рассвета времени немного, решил я.

Для привала выбрали большую балку, по дну которой протекал ручей и росла густая трава. Я вызвал начальника снабжения корпуса Сиденко, начальника артиллерии Снежко, начдивов, приказал накормить людей и всем, начиная от бойцов и кончая начдивами, ложиться спать.

— На отдых даю ровно... — Я посмотрел на часы. До рассвета оставалось не более четырех часов. Это было очень мало. Но, чтобы ободрить бойцов и показать, что им спать придется все-таки приличное время, я сказал, что даю на отдых ровно двести сорок минут.

— Да, двести сорок — это много, — проворчал Апанасенко. — Постойте, — вдруг обратился он ко мне. — Все будут спать, а кто же будет охранять корпус?

— Охранять будем мы с Ковалевым. Ему как ординарцу комкора спать нельзя, раз комкор не спит. Начдивам выделить людей в сторожевое охранение и разрешить отдыхать им, пока я не разбужу. А вы, товарищ Снежко, распорядитесь поставить вон там, у обрыва балки, пушку и зарядить ее. Когда я выстрелю из пушки, всем садиться на первую попавшуюся лошадь и действовать без промедления.

Через несколько минут весь корпус спал.

Пришел Сиденко и доложил, что во всех полках бойцы не стали есть, а как только получили команду на отдых, так и повалились к ногам лошадей.

— Где там есть... Лошадь-то не каждый в силах был спутать.

— Ну хорошо. Идите, отдыхайте, — посоветовал я огорченному начальнику снабжения.

Корпус спал. Я медленно объезжал спящих бойцов, приворачивая отбившихся в сторону лошадей. За мной, как тень, засыпая в седле и просыпаясь от резких толчков лошади, следовал ординарец Гриша Ковалев. Непривычную после горячих боев тишину изредка нарушали крики ночных птиц да всхрапывание пасущихся лошадей. Небо понемногу очищалось от облаков, становилось светлее. В глубоких низинах накапливался туман и окутывал серой пеленой спящих бойцов. Я поднялся на крутой обрыв балки, откуда просматривался весь лагерь корпуса. Все было спокойно. В сторону хутора Верхне-Яблочного отошло несколько лошадей. Я подъехал к ним и увидел по длинным хвостам, что лошади казачьи. Однако казачьи лошади в корпусе не были редкостью. Их часто захватывали в боях, и поэтому присутствию здесь казачьих лошадей я не удивился, подумал только, что бойцы не успели еще подрезать им хвосты.

Время, отведенное мною для отдыха, подходило к концу. Но как мало спали бойцы! Пока все тихо, спокойно — пусть спят еще час, то есть до полного рассвета, решил я.

Ковалев разбудил бойцов, назначенных в сторожевое охранение, а я расседлал лошадь, привязал ее на два повода, приготовил себе несложную походную постель — седло под голову и шинель, чтобы накрыться. Страшная усталость так и валила на землю. Несколько суток я не разувался. С трудом стянул сапог. Нога отекла, портянка перепрела. Я принялся было снимать второй сапог, как вдруг заметил, что к бойцу сторожевого охранения, сидевшему у чуть тлеющего костра из кизяка, подъехала группа всадников.

— Эй, станичник, дай прикурить, — крикнул один из них и наклонился, принимая тлевший кусок кизяка. Предутренний ветер раздул огонь и осветил лицо и грудь всадника. Спавшая с правого плеча бурка обнажила офицерский погон.

— Белые!

Меня как будто бы подбросило вверх. Схватив пистолет, я в два прыжка оказался около офицера и выстрелил в него в упор. Офицер, схватившись за раненое правое плечо, закричал:

— Что ты, что ты делаешь! — Он никак не мог сообразить, что находится в лагере красных.

Выстрел поднял на ноги сотни людей. В один миг вокруг разъезда белогвардейцев выросло плотное кольцо бойцов с винтовками наперевес.

— Бросай оружие! Слезай с лошадей! — приказал я потерявшим рассудок белогвардейцам.

Тут же, допрашивая раненого офицера, я установил, что офицер по национальности осетин, является начальником разъезда от 2-й Терской дивизии корпуса Улагая. Но, что было еще интереснее, так это то, что 2-я Терская дивизия расположилась на привал в той же балке, где отдыхал наш корпус. Нас от противника, который тоже отдыхал, отделяло расстояние не более шестисот метров. Теперь мне стало понятно, чьих лошадей мы с Ковалевым приняли за трофейных.

Надо было действовать немедленно.

Я вызвал к себе начдивов и приказал им бесшумно построить дивизии. Через пятнадцать минут части корпуса были готовы к выполнению боевой задачи. 6-й дивизии было приказано выйти в тыл белых, отрезать им путь отхода на хутор Верхне-Яблочный, в юго-западном направлении и совместно с 4-й дивизией, которая должна охватить противника с северо-востока, атаковать его. Дивизии быстро двинулись в указанных им направлениях, и 2-я Терская дивизия, окруженная нашим корпусом, не успела еще проснуться, как была обезоружена. Лишь незначительной части белогвардейцев удалось спастись бегством.

Быстро разделавшись с 2-й Терской казачьей дивизией белых, корпус двинулся дальше, к станции Гремячей. Небольшой отдых поднял боевой дух бойцов. Они весело смеялись, рассказывая друг другу, как ловили не очухавшихся от сна белоказаков. Я вместе с начдивами, начальником штаба корпуса Погребовым ехал в голове колонны. Мы оживленно обсуждали дальнейший план действий корпуса и пришли к заключению, что прежде всего необходим хотя бы кратковременный отдых.

А отдых был возможен лишь при условии отхода корпуса за передний край обороны стрелковых соединений. Поэтому было принято решение в бой с противником больше не ввязываться, а отходить, прикрывшись с тыла

Председатель ВЦИК РСФСР
М. И. Калинин
(1919 г.)

Председатель ЦИК УССР
Г. И. Петровский
(1919 г).

Член Реввоенсовета
Южного фронта
И. В. Сталин
(1918 г.)

Командующий
Южным фронтом
А. И. Егоров
(1920 г.)

арьергардом. Получив необходимые указания, начдивы направились в свои дивизии.

Но здесь обстановка неожиданно изменилась. Высланные на фланги и в тыл корпуса разъезды донесли, что из Котельниковского вдоль железной дороги в направлении станции Гремячая движется большая колонна пехоты противника. По определению начальников разъездов, двигалась пехотная дивизия с артиллерией и обозами. Белые не заметили наших разъездов и, видимо, не предполагали, что тут могут быть красные.

Получив эти сведения, я решил использовать выгодную для нас обстановку и внезапно атаковать противника, не дав ему развернуться в боевой порядок. Местность этому благоприятствовала. Уже совсем рассвело, стояла спокойная тишина, рассеивался утренний туман, на востоке алел горизонт, готовый брызнуть первыми лучами жаркого летнего солнца.

Пехота противника спокойно продолжала движение, совершенно не подозревая нависшей над ней угрозы. Прикрываясь возвышенностью, мы с Погребовым рассматривали в бинокль противника.

— Смотрите, Семен Михайлович, до чего же причудливо вьется лента дороги, — заметил Погребов. — Их колонна совсем как змея.

— Так вот, Виктор Андреевич,— ответил я, — нам нужно разрубить эту змею на куски и прежде всего отрезать у них артиллерию. Как видите, артиллерия у них тяжелая, и она нам может пригодиться сейчас же.

— Почему вы думаете, что у противника тяжелая артиллерия и почему именно сейчас она может нам пригодиться? — спросил Погребов.

— Потому, что везут ее на волах — это вам во-первых. А во-вторых, посмотрите на возвышенность западнее Котельниковского, и вы увидите там скопление кавалерии противника.

— Да, действительно так, — согласился Погребов. — Семен Михайлович, может быть, нам и не следует вступать в бой с этой пехотой — еще попадем под фланговый удар казаков.

— Нет, Виктор Андреевич, упускать такого случая мы не имеем права. Да и бой, как это по всему видно, будет короткий... — И я приказал начштабу скакать к начальникам дивизий и передать мое приказание — не-

медленно атаковать пехоту противника, а артиллерии, сосредоточившись на правом фланге корпуса, открыть огонь по кавалерии белых.

Погребов поскакал к начдивам. Через несколько минут корпус развернулся и перешел в атаку. Ошеломленная пехота и артиллерия белых, не оказав никакого сопротивления, бросили свое оружие и сдались в плен. Пленным артиллеристам было приказано немедленно открыть огонь по кавалерии.

— По какой кавалерии?! — удивились они.

— По казакам в Котельниковском живо, огонь!

И если стрельба легкой артиллерии корпуса не достигала цели, то захваченные у врага тяжелые шестидюймовые пушки быстро заставили белогвардейскую конницу скрыться за высоты.

Таким образом, на глазах у конницы противника была захвачена в плен его пехотная дивизия. Это была дивизия генерала Виноградова, восстановленная после того, как мы ее разгромили в Гнилоаксайской осенью 1918 года.

В итоге этого боя корпус захватил шестнадцать орудий, из них шесть шестидюймовых, семьдесят пулеметов, все обозы Астраханской пехотной дивизии и взял около пяти тысяч пленных. Здесь же был захвачен и расстрелян бойцами генерал Виноградов. Начальнику штаба корпуса, прибывшему к месту расстрела Виноградова, бойцы заявили, что этот генерал был перед ними в долгу еще с осени 1918 года, когда убежал от них из-под Гнилого Аксая.

Пленные были построены в колонны, и мы продолжали движение к станции Гремячей, выслав арьергард, способный обеспечить корпус от внезапного нападения противника с тыла. Кроме того, впереди, в тылу и на флангах, вели разведку разъезды.

Корпус начал движение, я сел в экипаж, рассчитывая в пути отдохнуть. Усталость клонила ко сну. Но вдруг поднялся шум.

— Что случилось? — спросил я ординарца.

— Да вон белый разъезд к нам заскочил, так наши хлопцы кинулись их ловить.

Я посмотрел в бинокль и увидел, что к левому флангу корпуса приближается группа всадников в белогвардейской офицерской форме, причем каждый всадник имеет

заводную (вторую) лошадь. К этой группе белых спокойно подъезжал наш разъезд. Они сблизились, не проявив друг к другу никакой враждебности, и вместе направились в нашу сторону. Оказалось, что всадники, которых мы приняли за белогвардейский разъезд, были наши бойцы, переодетые в офицерскую форму. Эти бойцы накануне, во время ночного боя, попали в плен к белым. Комендант штаба белогвардейского соединения приказал на ночь посадить пленных в кузницу и охранять, рассчитывая утром допросить их и расстрелять. Однако ночью, воспользовавшись плохой охраной, бойцы выбрались из кузницы, проникли в комендатуру, расправились там с группой спящих офицеров и, овладев их оружием, обмундированием и лошадьми, бежали.

5

К вечеру 8 июня корпус вышел за оборонительные позиции 10-й армии и сосредоточился в районе Громославка, Ивановка, Абганерово. В течение двух дней части корпуса отдыхали и приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами, сдавали пленных и лишнее трофейное имущество.

Стрелковые части 10-й армии под прикрытием нашего корпуса хорошо подготовили в инженерном отношении первую линию обороны, проходившую по правым берегам рек Аксай-Есауловский и Гнилой Аксай от станицы Потемкинской до Мал. Дербенты. Готовилась и вторая линия обороны по реке Мышковка и далее на восток — Капкинский, станция Абганерово, Плодовитое, Райгород На обоих рубежах местность позволяла выгодно расположить огневые позиции пулеметов, артиллерии и обеспечивала широкий обстрел перед фронтом обороны и на ее флангах. Кроме того, оборона 10-й армии на этих рубежах лишала противника возможности широкого маневра конницей на флангах, так как правый фланг нашей армии упирался в Дон, а левый фланг далеко уходил в почти безжизненные солончаковые степи, где не было населенных пунктов и важнейшего для конницы — хорошей питьевой воды.

Лишенный широкого маневра на флангах, противник вынужден был бы прорывать оборону 10-й армии с фронта. Но для прорыва обороны необходима пехота, которой у белых было недостаточно. Следовательно, про-

тивнику пришлось бы спешивать кавалерию, а казачьи конные части, как известно, шли на это неохотно и в пешем строю дрались плохо.

Таким образом, у 10-й армии были все условия для того, чтобы остановить наступление противника. Наличие в резерве армии Конного корпуса еще более укрепляло оборону. Корпус всегда мог быть использован на самых угрожаемых участках для контратаки и удара по флангам и тылам противника. Следовало полагать, что стрелковые соединения 10-й Красной армии прекратят, наконец, отход без выстрела, встретят противника упорной обороной и создадут условия для перехода армии в наступление.

Тем более велико было мое удивление, когда на второй день отдыха нашего корпуса был получен приказ Реввоенсовета армии на отход ее частей на новый рубеж обороны по рекам Карповка, Червленная и далее на восток по населенным пунктам Солянка, Большие и Малые Чапурники, Светлый Яр. В приказе имелась также в виду полукруговая оборона Царицына с флангами, примкнутыми к Волге, и линия этой обороны намечалась по населенным пунктам Песковатка, Садки, Заварыкин, затем по рекам Тишанка, Дон, Карповка и далее к Волге — Райгород.

Конному корпусу было приказано занять оборонительный рубеж стрелковых соединений армии по рекам Аксай-Есауловский и Гнилой Аксай и прикрывать отход 10-й армии.

Я попросил оставить на оборонительных позициях хотя бы временно 32-ю стрелковую дивизию. Но на мою просьбу последовал категорический отказ. Оставался в силе приказ — занять корпусом оборону на широком фронте и действовать в конном или пешем строю в зависимости от обстановки.

11 июня корпус занял оборону на указанном ему рубеже. Задача, поставленная корпусу — обороняться на широком фронте, была явно непосильной. Однако задержать продвижение противника до отхода 10-й армии на новый рубеж обороны надо было во что бы то ни стало. Не имея сил и средств выполнить эту задачу позиционной обороной, мы начали поиски новых форм и тактических приемов борьбы с врагом. Дивизии заняли оборону на основных направлениях движения противника с

таким расчетом, чтобы обеспечивалось постоянное взаимодействие между ними в интересах выполнения задачи корпуса. С таким же расчетом располагались и полки в полосе дивизии. Это взаимодействие уже в первые дни полностью оправдало себя и явилось началом рождения так называемой «тактики идти на выстрел», сущность которой заключалась в том, что все командиры, начиная от командира взвода, взяли себе за правило идти на помощь соседу по первому выстрелу, не дожидаясь указаний свыше. Благодаря этому мы всегда могли быстро сосредоточивать необходимые силы на угрожаемых участках и наносить эффективные внезапные удары по противнику с флангов и тыла.

Другой формой борьбы являлось ночное, заранее подготовленное нападение на отдельные части и подразделения противника, расположенные в населенных пунктах. Разведывательные органы устанавливали место расположения белых, а также систему их сторожевого охранения, и в намеченную ночь полк или бригада внезапно налетали на противника, громили его части, штабы и тылы, а к рассвету возвращались на занимаемые позиции.

Новым и неожиданным для противника явились и действия частей и соединений корпуса непосредственно за своими разведывательными подразделениями или действия полков и даже бригад в качестве разведывательных органов. Разведка белых действовала обычно мелкими подразделениями и на большом удалении от главных сил. Это позволяло нам, действуя крупными силами, уничтожать разведку противника или же на ее плечах неожиданно врываться в расположение белогвардейцев.

Таким образом, исходя из конкретно сложившейся обстановки, были найдены новые тактические приемы борьбы, позволившие корпусу выполнить, казалось бы, непосильную для него задачу.

Опыт убеждал нас, что белогвардейское командование организует действия частей и соединений по строго установленной схеме. Даже в тех случаях, когда обстановка явно требовала решения, соответствующего создавшимся условиям, белые генералы и офицеры слепо следовали шаблону. Так, например, зная, что мы хорошо изучили их организацию сторожевого охранения, они все-таки не отступали от раз навсегда установленного

порядка, продолжали нести службу охранения по-прежнему и за это жестоко расплачивались. То же самое надо сказать о привычке располагаться на ночь в населенных пунктах, от которой они никак не могли отказаться.

Уже первые бои с белыми показали, что противник, концентрируя артиллерию в одном месте, зачастую оставляет ее без надежного прикрытия. Мы учли это и стали наносить удары по артиллерии противника, рассчитанные на ее захват, и одновременно усилили охрану своей артиллерии пулеметами. В результате почти во всех боях противник терял свою артиллерию.

В то время как белые вели наступление днем, а ночью отдыхали, мы, добиваясь внезапности и стремительности нападения с флангов и тыла, часто использовали для этой цели ночь. Белым это, конечно, не нравилось, они вели боевые действия на основе положений, выработанных еще в девятнадцатом веке, и возмущались, что мы нарушаем законы войны, действуем по-партизански.

В боях Конного корпуса на рубеже реки Аксай-Есауловский и Гнилой Аксай родилось много нового в тактике активной обороны на широком фронте. Творческая инициатива нашего командного состава во многом способствовала тому, что в течение нескольких дней корпус был хозяином положения и диктовал свою волю превосходящему в силах противнику. Непрерывные налеты на занятые белыми станицы и хутора, действия частей в составе разведывательных органов по всему фронту деморализовали противника, приводили его в состояние постоянной тревоги и неуверенности.

Когда наши ночные налеты вынудили противника не спать ночью, мы начали производить налеты не только ночью, но и днем. Это привело к тому, что белогвардейцы оказались окончательно сбитыми с толку.

Придерживаясь устава, «яко слепой стенки», белогвардейское командование во всех случаях, когда мы действовали не по уставу, теряло самообладание и способность принять ответные меры. Иной раз самые простые, подсказанные обстановкой и здравым смыслом действия ставили его в тупик. В этом, пожалуй, не было ничего удивительного: сказывалась выучка у иностранцев, засилие которых в старой русской армии общеизвестно. Конечно, огромное значение имело и то, что офицерскому

составу белогвардейских войск, находившемуся в плену окостеневших представлений о войне, чуждому солдатской массе, у нас противостояли командиры из народа, рожденные революцией, воспитанные большевистской партией, учившиеся искусству войны на поле боя у самой жизни, видевшие перед собой благородные цели борьбы, люди поразительной отваги и смелой инициативы. Своей выдумкой, дерзкой военной хитростью они сбивали противника с толку, сеяли в его рядах растерянность и панику. Таковы были Городовиков, Морозов, Литунов, Тимошенко, Апанасенко, Мирошниченко, Пивнев, Баранников, Кузнецов, Мироненко, Усенко, Вербин, Алаухов, Стрепухов, Гончаров и десятки других славных героев красной кавалерии и творцов ее тактики.

Пленные офицеры показывали, что Деникин огорчен неспособностью своих генералов — Врангеля, Покровского, Шатилова, Улагая организовать решительное наступление против 10-й армии и тем, что они пасуют перед дерзостью красных кавалеристов. Пленные говорили, что их генералы бросают каждый раз жребий, кому первому наступать на наш Конный корпус.

Не знаю, действительно ли они бросали жребий, но одно несомненно — белые наступали нерешительно, и, если бы 10-я армия осталась на занимаемом рубеже обороны, противник, по моему убеждению, никогда бы не сумел взять Царицын.

10-я армия имела все возможности успешно обороняться, и не только обороняться, но и перейти в наступление. Однако этого, к сожалению, не случилось. К 16 июня 10-я армия отошла и заняла оборону на рубеже Песковатка, Карповка, Басаргино, Отрадное. Конному корпусу было приказано выйти в резерв за правый фланг армии, в район хутора Вертячий.

С оборонительного рубежа по рекам Аксай-Есауловский и Гнилой Аксай корпус снялся среди белого дня, при совершенном бездействии со стороны противника. Разведка донесла, что противник обнаружил отход корпуса и начал продвижение лишь на третий день после того, как корпус оставил оборонительные позиции.

Надо сказать, что обстановка на фронте 10-й Красной армии начала ухудшаться после ранения Егорова у хутора Плетнева, когда армия осталась без твердого руководства. Она готовила оборонительные рубежи, а по-

том, как правило, не принимая серьезного боя с противником, передавала эти рубежи Конному корпусу и вновь отходила. Такой отход подрывал дисциплину в частях, порождал неверие в свои силы и страх перед войсками белогвардейцев, особенно перед его кавалерией. Подвижность противника пугала не только бойцов и командиров стрелковых частей и соединений, но и Реввоенсовет армии.

В Реввоенсовете не было дружной, коллективной работы, и это чувствовалось во всей жизни армии. Члены Реввоенсовета Легран, Сомов, Ефремов без согласования между собой отдавали противоречивые распоряжения. Л. Л. Клюев, будучи хорошим начальником штаба, оставшись за командующего, не смог, очевидно, по слабости своего характера проявить должной воли, настойчивости и принципиальности и других качеств, необходимых для командарма.

Члены Реввоенсовета, особенно Ефремов, вмешиваясь в дела командующего, запустили руководство деятельностью политических органов в стрелковых соединениях, и вследствие этого политико-воспитательная работа в частях ослабла. Вражеские элементы воспользовались этим и стали внедрять в ряды армии пораженческие настроения. Поползли ложные слухи, что 8-я и 9-я армии разгромлены, что Деникин занял Курск, Орел и стремительно продвигается к Москве. Люди стали терять веру в победу, участились случаи дезертирства бойцов.

Подготовка оборонительной линии у Царицына с примкнутыми флангами к Волге создавала впечатление, что командование 10-й Красной армии намерено упорно оборонять город с тем, чтобы в последующем перейти в наступление. В то же время мне лично приходилось слышать от Ефремова и даже от Клюева, что армия не имеет сил, способных противостоять натиску белых. По моему убеждению, такое неверие в силу наших войск порождалось только паническими настроениями. По численному составу 10-я армия превосходила наступавшую на Царицын группу генерала Врангеля. Превосходство противника в коннице, что особенно пугало Реввоенсовет армии, можно было ликвидировать умелой организацией оборонительных действий. Это убедительно показали бои Конного корпуса на рубеже обороны по рекам Аксай-Есауловский и Гнилой Аксай. Ко всему этому сле-

довало бы направить работу политического аппарата в армии на усиление борьбы против белогвардейской пропаганды, сеющей пораженческие настроения, поднять веру людей в свои силы.

С удовлетворением могу сказать, что Конный корпус не поддавался влияниям белогвардейской агитации и не терял веру в победу. И в этом огромную роль сыграла та неоценимая работа, которую проводил наш дружный коллектив политработников, возглавляемый сначала Кузнецовым, а после его ранения бывшим паровозным машинистом, потомственным пролетарием А. С. Кивгелой, очень чутко разбиравшимся в людях и умевшим организовать политическую работу. Конечно, и в части Конного корпуса проникали распускаемые врагами слухи, но они сейчас же разбивались веским большевистским словом наших политработников. Высоко поставили достоинство наших комиссаров такие люди, как Бахтуров, Детистов, Берлов и многие другие политработники, крепившие революционное сознание, организованность, дисциплину и порядок в Конном корпусе, а впоследствии и в Первой Конной армии.

☆

VII. ПАДЕНИЕ ЦАРИЦЫНА И ОТХОД К САРАТОВУ

1

После того как все части корпуса сосредоточились в районе хутора Вертячего, я доложил командующему армией Клюеву о состоянии и боеготовности корпуса, а также и сведения о противнике, которыми мы располагали, находясь с ним в соприкосновении. Докладывая Клюеву, я убеждал его, что противник совсем не такой, каким его некоторые представляют, что 10-я армия может успешно вести бой с белогвардейцами и даже перейти в наступление. В этой связи я просил Клюева использовать Конный корпус для удара по левому флангу противника из-за правого фланга 10-й армии. Имелось в виду, что при подходе противника к линии обороны 10-й армии стрелковые соединения своим огнем скуют его продвижение и этим обеспечат удар нашего корпуса по левому флангу белогвардейской конницы.

Клюев одобрил мое предложение и заверил меня, что вскоре я получу приказ с постановкой задачи корпусу. В заключение он просил меня передать бойцам и командирам частей и соединений корпуса его благодарность за храбрые действия по прикрытию отхода 10-й армии. Я несколько удивился этой устной похвале. Обычно Ворошилов, а затем Егоров выносили благодарность частям и соединениям в приказе по армии.

Следующий день прошел в ожидании боевого приказа. Я рассчитывал получить приказ во второй половине дня, имея в виду наиболее удобное время для выполнения одобренной командующим задачи — ночь или начало рассвета. Но днем приказа не последовало. Наконец к утру приказ за подписью Клюева и Ефремова был получен. В приказе указывалось, что Конный корпус,

взаимодействуя с 32-й стрелковой дивизией, демонстрирующей наступление с фронта, должен из-за правого фланга армии нанести удар во фланг противнику и после разгрома попавших под его удар частей и ближайших тылов белых вновь сосредоточиться в районе хутора Вертячий.

Я вызвал начальников дивизий и в соответствии с полученным мною приказом корпусу поставил каждой дивизии конкретные задачи: 4-я дивизия наносит удар по левому флангу противника непосредственно перед фронтом 32-й стрелковой дивизии, 6-я дивизия атакует противника из-за правого фланга 4-й дивизии с целью захвата ближайших тылов белых.

После этого корпус немедленно начал движение в направлении правого фланга 32-й стрелковой дивизии. Я несколько задержался в штабе — надо было отдать некоторые распоряжения по боевому обеспечению корпуса, а потом направился в голову походной колонны корпуса, которая, продвигаясь, растянулась уже на несколько километров.

По пути меня нагнала открытая легковая автомашина. В ней сидели член Реввоенсовета армии Ефремов — рыжий небольшого роста человек в кожаной тужурке и такой же фуражке — и командир сводной бригады Жлоба.

Машина остановилась, Ефремов окликнул меня, поздоровался и приказал остановить корпус.

Я опешил.

— Почему остановить корпус?!

— Остановите немедленно корпус и вообще слушайте то, что вам приказывают.

Я ответил ему, что корпус выполняет приказ командующего армией и может быть остановлен только распоряжением командующего.

На это Ефремов сказал, что в связи с новой обстановкой Реввоенсовет армии принял решение не предпринимать каких-либо действий до тех пор, пока не будут получены указания оборонять или оставить Царицын.

— Какая там новая обстановка, я не знаю, но у меня на руках приказ, который корпус обязан выполнить, — повторил я Ефремову.

— Ну обо всем вам знать не обязательно, — сказал Ефремов. — Что же касается имеющегося у вас приказа, то я его с Клюевым подписывал, я его и отменяю.

— А я отказываюсь выполнять ваше приказание до тех пор, пока не будет отменен приказ командующим армией.

— Да как вы смеете так со мной говорить?! — закричал Ефремов.

— А вот и смею, потому что ваши действия считаю изменой. И если я не прав, можете меня арестовать.

— Что вы! Я не намерен вас арестовывать, — растерянно проговорил Ефремов. — Я только велю вам остановить корпус.

— Ну, Буденный, не дури, выполняй приказание товарища Ефремова, — вмешался Жлоба.

— Арестовать не можете, тогда убирайтесь поскорей и не мешайте корпусу выполнять приказ командующего.

— Анархист! — закричал Ефремов и, толкнув кулаком шофера в плечо, велел ему ехать в Царицын.

Я повернул коня и поскакал в направлении движения корпуса, а Ефремов все кричал вслед:

— Мы вас приведем к порядку! Мы вас ударим по рукам, посадим на свое место!

Корпус продолжал движение. При подходе к участку обороны 32-й стрелковой дивизии я связался с ее начдивом, и мы с ним на месте согласовали порядок взаимодействия. Он был рад, что Конный корпус наносит удар противнику перед его участком обороны, так как 1-я и 3-я конные дивизии Улагая готовились к атаке позиций 32-й стрелковой дивизии. Части дивизии уже вели огневой бой с белыми.

Согласно моей договоренности с начдивом 32-й, левофланговые части его дивизии усилили огонь, чтобы приковать к себе внимание противника. Белые спешили свои части и начали поспешно перебрасывать огневые средства на свой правый фланг. Этим воспользовалась наша 4-я кавалерийская дивизия и нанесла сильный удар по левому флангу белогвардейцев. Правее 4-й дивизии развернулась 6-я дивизия, нацелив свой удар на тылы корпуса Улагая.

Появление красной кавалерии, устремившейся в атаку, было для противника неожиданностью. Многие спешившиеся белогвардейцы не успели сесть на лошадей, отведенных в укрытие от огня 32-й стрелковой дивизии. Та часть противника, которая сумела ускольз-

нуть от удара 4-й дивизии, попала под удар 6-й дивизии, атаковавшей тылы улагаевского корпуса.

В результате боя противник понес большие потери. Конный корпус взял семьсот пленных, захватил тысячу восемьсот лошадей с седлами, двадцать станковых пулеметов и обозы двух конных дивизий противника.

Выполнив задачу, поставленную в приказе командующего, корпус сосредоточился в районе Вертячий, Калач, Кривая Музга. Я связался со штабом 10-й армии и доложил Клюеву о результатах операции. Выслушав меня, Клюев поблагодарил за успешное выполнение приказа и тут же спросил, что у меня произошло с Ефремовым. Я ответил, что немного погорячился, однако считаю, что возмутительная попытка Ефремова отменить приказ командующего похожа на прямую измену.

— Действия корпуса я одобрял и одобряю, — заявил Клюев. — Решения Реввоенсовета об отмене приказа не было. Однако за нетактичное поведение по отношению к члену Реввоенсовета армии Ефремову выношу вам порицание.

Я спросил Клюева, что нового в обстановке на фронте и будет ли армия оборонять Царицын. Клюев ответил мне, что сдача Царицына белым была бы преступлением. На этом у меня разговор с Клюевым и закончился.

2

Судьбой Царицына были все обеспокоены. Еще в 1918 году ЦК партии и лично В. И. Ленин, непосредственные организаторы обороны Царицына К. Е. Ворошилов и И. В. Сталин внедрили в сознание каждого нашего бойца и командира неоспоримую необходимость защиты Царицына до последней капли крови. В мае 1919 года, когда 10-я армия начала отходить к Царицыну, В. И. Ленин в своей телеграмме Реввоенсовету 10-й армии требовал ни в коем случае не отдавать Царицын врагу. Все мы понимали, что Царицын — стратегический ключ к судьбе революции, ворота, через которые хотят продвинуться контрреволюционные силы юга России к сердцу Советской республики — Москве. Закрыть эти ворота наглухо, встать стеной у Царицына, разгромить врага — в этом мы видели свою задачу. Царицын — крепость революции на Волге. Это душой и сердцем сознавали защитники города. С Царицыном связывали и свои надежды на осво-

бождение своих родных станиц, хуторов и сел крестьяне Дона, Кубани, Ставрополья — всего юга России. В направлении Царицына тянулись десятки тысяч беженцев, многочисленные партизанские отряды и группы.

Под Царицыном создавалась 10-я Красная армия. Одно дело собрать партизанские силы, другое, гораздо более трудное — реорганизовать их в регулярные части и соединения, без чего нельзя было устоять от натиска белогвардейских войск. Создание регулярных частей Красной Армии из краснопартизанских отрядов встречало упорное сопротивление со стороны большинства командиров этих отрядов, зараженных духом анархизма в период их самостоятельных действий. Они выступали против строгой воинской дисциплины, считая дисциплину насилием над волей людей. Защищая свой ложный авторитет, они противопоставляли себя старшим командирам, не желали никому подчиняться и тем возбуждали дух неповиновения среди бойцов. С другой стороны, в только что сформированные полки и дивизии проникали и махровые контрреволюционеры с целью разложения регулярных частей Красной Армии. Они подогревали своевольное поведение анархически настроенных командиров и бойцов, сеяли пораженческие слухи, призывали к восстанию. Так, в результате вражеской работы скрытых контрреволюционеров и анархического поведения отдельных командиров взбунтовалась Волжская дивизия, созданная из партизанских отрядов рабочих и служащих Волжского пароходства. Дивизия самовольно снялась с фронта и ушла в Дубовку. Узнав об этом, Сталин и Ворошилов лично выехали в Дубовку и приняли решительные меры по наведению порядка в дивизии. Они очистили ее от злостных провокаторов, арестовали распоясавшихся анархистов, ставших орудием в руках наших врагов.

Не успели Сталин и Ворошилов вернуться из Дубовки в Царицын, как аналогичный бунт произошел в полку грузолесов. Этот полк, созданный из грузчиков порта и главным образом из рабочих лесосплава, так же как и Волжская дивизия, отказался идти на фронт. Пришлось прибегнуть к силе, чтобы обезоружить бунтовщиков и арестовать предателей.

Много было трудностей при обороне Царицына. Бывшие чиновники, контрреволюционные элементы из рядов свергнутых классов, замаскированные меньшевики и

эсеры сеяли панику, нарушали нормальную жизнь города, саботировали работу на предприятиях, срывали снабжение рабочих и армии продовольствием и особенно отправку хлеба в Москву и другие промышленные центры Советской республики.

И все эти колоссальные трудности были преодолены большевиками Царицына под руководством Сталина и Ворошилова, в которых все мы видели посланцев Центрального Комитета нашей партии.

Вспоминая оборону Царицына в 1918 году, когда 10-й Красной армией руководили Ворошилов и Сталин, нельзя было не задуматься о работе Реввоенсовета 10-й армии нового состава. Сам собой напрашивался вывод, что в лице Клюева, Ефремова, Сомова Реввоенсовет не способен руководить обороной Царицына. Руководители армии оторвались от жизни своих войск, не знали, на что способны войска армии, не верили в их боевые возможности; их пугала конница белогвардейцев, они жаловались, что в их распоряжении мало кавалерии. Они как огня боялись окружения и эту боязнь оправдывали отходом 8-й и 9-й армий. Однако последние, отступая, все-таки дрались и дрались упорно в самых тяжелых условиях с войсками Деникина, наступающими с фронта, и повстанцами, действующими в тылу. А 10-я армия лишь готовила рубежи обороны и, не давая серьезного боя противнику на этих рубежах, отходила на следующие рубежи. Ссылка на недостаток кавалерии была также не состоятельной. Кроме Конного корпуса, в 10-й армии имелась и войсковая конница, которая также могла умело и храбро сражаться.

В 32-ю стрелковую дивизию входил кавалерийский полк, 37-я стрелковая дивизия имела кавалерийскую бригаду Лысенко, 30-я стрелковая дивизия — кавалерийскую бригаду Попова, Коммунистическая дивизия — кавалерийскую бригаду Текучева. В армию входила также отдельная кавалерийская бригада Курышко и сводная бригада Жлобы. Таким образом, и кавалерии было достаточно для того, чтобы успешно противостоять белым, нужно было только организовать ее действия и умело использовать ее в бою. Большинство частей и соединений 10-й армии являлись полноценными, но их боеспособность не использовалась руководителями армии.

Многие бойцы и командиры подразделений и частей армии были выходцами с Дона, Кубани, Ставрополья и Терека. У них в родных краях остались под пятой белогвардейцев отцы, матери, жены и дети. Зверства белых переполняли сердца красноармейцев гневом и ненавистью. Они стремились отомстить врагу за надругательства над их семьями, они готовы были сражаться в самых тяжелых условиях. Рядовые бойцы и командиры считали, что дальше Царицына отходить нельзя, что при обороне Царицына противник будет непременно разбит; они верили, что Деникина под Царицыном ждет такая же участь, как и Краснова в 1918 году. Но вся беда была в том, что ничему этому не верил Реввоенсовет армии. Растерянность вместо твердой воли к победе, блуждание в потемках вместо четкого плана действий — таково было поведение Реввоенсовета 10-й Красной армии на исходе июня 1919 года.

3

В хутор Вертячий приехали Клюев, Ефремов и Сомов.

Клюев спросил, что я думаю относительно возможности обороны Царицына? И в случае, если оставим Царицын, куда отступать, на север, по железной дороге на Поворино, или вдоль Волги на Саратов?

Я ответил, что не гадал, будем мы оборонять Царицын или нет. Этот вопрос для меня был давно решен. Я считал и считаю, что оставлять Царицын, тем более сдавать его без боя — значит совершать преступление.

— И вообще, что вы меня спрашиваете, — сказал я, — когда своим вторым вопросом ответили на первый. Для меня ясно, что вы уже решили сдать Царицын, бросить армию, бросить царицынских рабочих. Простите за резкость, но я должен высказаться со всей своей прямотой и откровенностью. Вы не верите в боеспособность наших войск, не знаете настроения бойцов и командиров. Всем известно, что бойцы стремятся в бой, но Реввоенсовет тянет армию назад... И меня удивляет ваша неопределенность, товарищ Клюев, — продолжал я, — не позже как вчера вы говорили, что сдача Царицына — преступление, а сегодня спрашиваете, куда отступать?

— Постойте, Семен Михайлович, не горячитесь, — прервал меня Клюев.— Вчера я думал действительно так.

Но не один же я решаю. Посоветовавшись с товарищем Ефремовым, я вынужден был признать, что армия может оказаться в окружении, а это грозит поражением.

— Оборона Царицына не будет иметь успеха. Продолжая оборонять город, мы просто потеряем армию, — вмешался Ефремов.

— А я утверждаю, что сдача Царицына может привести 10-ю армию на грань полного разложения. Уже сейчас, отступая, мы подорвали боеспособность стрелковых частей.

— Позвольте, Буденный, вы много на себя берете! — загорячился Ефремов. — Вы абсолютно не учитываете той критической обстановки, которая диктует дальнейшее отступление. Вам известно, что 8-й и 9-й армий по сути дела нет и Деникин без особой задержки идет на Москву.

— Я слышал уже об этом и не раз, — прервал я Ефремова. — Можете дальше не пояснять — все равно не поверю.

— Семен Михайлович, — опять заговорил Клюев, — действительно надо же считаться со сложившейся обстановкой. Хотя вы и уверены в том, что противник, находящийся перед фронтом армии, по вашему определению, «не может нас гнать, если мы сами не побежим», но имеете ли вы в виду угрозу выхода в тыл мятежных казаков с Верхнего Дона, а также рек Хопер, Медведица и Иловля? Совместными усилиями белоказаки охватят армию с севера, запада и юга. Придется драться в полуокружении. По имеющимся у нас сведениям, мятежные казаки в верховье Дона располагают значительными силами и готовятся нанести удар во фланг и тыл нашей армии, а затем прижать ее к Волге и уничтожить.

— Можно предположить, — ответил я Клюеву, — что казакам удастся окружить нашу армию, но при активной обороне казачья кавалерия вынуждена будет спешиться, а наступать в пешем строю и тем более штурмовать Царицын казаки не будут. Кроме того, на всякое действие есть противодействие. Вы боитесь казаков-повстанцев? Перебросьте Конный корпус в угрожаемый район, и мы гарантируем вам, что корпус с честью выполнит поставленную перед ним задачу.

— Но как же оставить фронт армии без кавалерии? — остановил меня Клюев.

— Почему без кавалерии? В армии много войсковой

конницы. Сформируйте из отдельных частей конницы еще один корпус, вот вам и кавалерия.

— А ведь, пожалуй, Семен Михайлович во многом прав, — сказал молчавший до этого Сомов. — К сожалению, товарищ Легран болен. Я уверен, что и он бы полностью согласился с этим.

— Нет, нет! — вновь заговорил Ефремов. — Не будем, товарищ Сомов, заблуждаться. Мы реалисты и должны считаться с действительностью. Мнение Буденного — сплошной абсурд, и, я надеюсь, вы в этом скоро убедитесь. Сохранять силы, не рисковать, уходить — другого решения я не вижу.

— Какой же абсурд?! — воскликнул я. — Эта же 10-я армия, даже в более слабом составе, три раза дралась при окружении белыми Царицына. И не только выстояла, но и разгромила армию Краснова. Почему же вы сейчас боитесь окружения, когда разбит Колчак и мы сильнее противника, когда в Царицыне 12 бронепоездов, там делают пушки, там боевой пролетариат, а это — большая сила!

— Ну, хорошо,— примирительно заговорил Клюев,— не горячитесь, Семен Михайлович, мы учтем ваше мнение. Но если обстановка изменится в худшую сторону, то имейте в виду, что основное направление отхода армии будет на Камышин.

После отхода 10-й армии на позиции, проходившие по линии: Песковатка, Карповка, Басаргино, Отрадное, Конный корпус вел тяжелые бои с крупными силами конницы противника в районе хутора Вертячего. Не добившись успеха на этом участке, белые развернули наступление севернее Царицына. Конный корпус генерала Мамонтова переправился через Дон у Ново-Григорьевской, отбросил наши стрелковые части и устремился на восток, к Волге, с целью выхода на тылы 10-й армии. В первые же дни своего наступления Мамонтов овладел станцией Арчеда, перерезав, таким образом, железную дорогу, соединяющую Царицын с войсками 9-й армии, а 23 июня захватил Лозное и Давыдовку, создав угрозу ближайшим тылам 10-й армии. Об этом я узнал из приказа командующего 10-й армией, полученного в ночь на 24 июня. Клюев приказывал Конному корпусу двинуться форсированным маршем в район Лозное через Котлубань, Широков, Садки с задачей разгромить Мамонтова

и прикрыть правый фланг и тыл армии. Выполняя полученную задачу, Конный корпус в необычно знойный безветренный день 24 июня подходил к хутору Широков. Здесь было решено сделать привал: дать бойцам отдых, накормить и напоить лошадей. Но при подходе к хутору корпусная разведка донесла, что Мамонтов совершил налет на Дубовку и, не задерживаясь там, стал быстро уходить обратно в Лозное. В связи с этим привал в Широкове был отменен и корпус двинулся к хутору Садки, чтобы отрезать путь отхода Мамонтову и разгромить его.

Чем же объяснялся поспешный отход Мамонтова? Почему он не развивал успех так удачно начатого им налета на Дубовку? Эти вопросы интересовали Погребова и Зотова, ехавших со мной в голове колонны корпуса.

Я был того мнения, что Мамонтова гнал страх перед встречей с нашим корпусом, но объяснял это отнюдь не бездарностью Мамонтова как военачальника. Напротив, я считал его наиболее способным кавалерийским командиром из всех командиров конных корпусов армий Краснова и Деникина. Его решения в большинстве своем были грамотные и часто дерзкие. При действиях против нашей пехоты он, умело используя подвижность своей конницы, добивался значительных успехов. Но советская конница по своим морально-боевым качествам превосходила конницу Мамонтова. Мы сумели доказать ему это еще в 1918 году. Именно потому он избегал теперь встречи с нашим корпусом и в данном случае уходил в безопасное место, не завершив до конца свой успех.

Четвертой и шестой дивизиям было приказано ускорить свое движение, хотя Погребов и Зотов утверждали, что корпус Мамонтова еще далеко и мы успеем его перехватить. Однако Мамонтов был более подвижным, чем они предполагали. Не доезжая до хутора Садки, мы получили донесение, что колонна конницы противника, численность которого из-за пыли определить не удалось, продвигается у хутора Садки.

4-й дивизии было приказано немедленно развернуться в боевой порядок и атаковать противника во фланг, а 6-й дивизии охватить хутор Садки с запада и отрезать пути отхода противнику в этом направлении. 4-я дивизия с ходу атаковала противника.

Выехав на высотку, мы стали наблюдать за ходом боя и вскоре поняли, что под удар корпуса попала лишь одна

из дивизий противника. Мамонтов оказался хитрой лисой. Обнаружив движение Конного корпуса, он прикрыл левый фланг своих главных сил одной дивизией и держался от нас на почтительном расстоянии. Когда 4-я дивизия атаковала прикрытие белогвардейцев, Мамонтов повел свой корпус рысью и в тучах пыли, как за дымовой завесой, скрылся в северо-западном направлении. К нашему удивлению, он даже не сделал попытки поддержать свою дивизию артогнем.

2-я Хоперская дивизия Мамонтова, которой он пожертвовал, чтобы дать возможность отойти своим главным силам, состояла из казаков-стариков. Пытаясь оказать сопротивление, она большей частью погибла от ураганного огня станковых пулеметов нашей 4-й дивизии. Спаслись только те казаки, которые, поняв бессмысленность сопротивления, бросили оружие и сдались в плен.

Здесь, в бою под хутором Садки, постигла нас тяжелая утрата — погиб прославленный воин, человек сказочной храбрости, первейший из тех людей, чьи подвиги создавали боевую славу советской конницы, — наш незабвенный Гриша Пивнев. В сражении с белоказаками он получил тяжелое ранение в живот и, не приходя в сознание, скончался. Мы с почестями похоронили Пивнева как славного сына красной конницы, ее бесстрашного героя, отдавшего свою молодую жизнь за светлое будущее нашего народа.

4

Преследуя Мамонтова, Конный корпус занял район Лозное, Давыдовка. Но на следующий же день белые, сгруппировав крупные силы конницы, повели энергичное наступление с целью разгромить Конный корпус и выйти в тыл нашей армии. Завязались ожесточенные бои, в результате которых Конный корпус отбросил противника к Дону и вновь сосредоточился в районе Давыдовка, Лозное, Садки, обеспечивая правый фланг и тыл 10-й армии. Из Садков я послал Клюеву донесение о результатах последних боев и просил его дальнейших указаний.

Получив мое донесение, Клюев 30 июня прислал распоряжение следующего содержания:

«В связи с отходом 10-й Красной армии в направлении Камышина Реввоенсовет приказывает Конному корпусу прикрывать правый фланг армии. Ось маневра кор-

пуса — река Иловля. Дальнейшие указания о порядке действий корпуса последуют. Штаб армии перемещается на пароходе по Волге в Золотое». Одновременно был получен официальный приказ об организации Конного корпуса, названного «Конным корпусом 10-й Красной армии».

Из этого распоряжения мы узнали, что Царицын сдан врагу. Объективно оценивая создавшееся положение к моменту сдачи Царицына, можно сказать следующее.

После перемещения корпуса на правый фланг 10-й армии положение стрелковых соединений стало крайне неустойчивым. Пехота уже свыклась с тем, что всегда далеко впереди ее находилась в непосредственном соприкосновении с противником наша кавалерия, и вследствие этого считала, что внезапность нападения белых, особенно их конницы, почти исключена. Когда на глазах бойцов и командиров стрелковых частей наш корпус снялся с фронта и ушел на фланг армии, чувство безопасности сменилось чувством тревоги в ожидании наступления больших конных масс белых. В этой атмосфере усилились распространенные врагами панические настроения. Поползли слухи о несметных силах белых, надвигавшихся и с юга, и с запада, и с северо-запада. Немногие знали, что перед Конным корпусом поставлена задача обеспечения правого фланга 10-й армии. Большинство считало, что корпус ушел в 9-ю или даже в 8-ю армию.

Переезд Реввоенсовета армии в Золотое был воспринят как сигнал к бегству армии. Командиры стрелковых соединений и частей, очевидно, не получили никаких конкретных указаний относительно организации отхода войск. Большинство их не знало, что делать. Бойцы, видя растерянность командиров, стали вначале одиночками, а потом и группами, целыми подразделениями и частями сниматься с фронта и уходить на север вдоль Волги.

В силу этих обстоятельств Царицын был сдан без серьезных боев.

Многие рабочие и служащие Царицына, опасаясь репрессий со стороны белогвардейцев, бросали на ходу свои фабрики и заводы и вместе с семьями уходили из города. На север, вдоль Волги, и на восток, за Волгу, потянулся поток беженцев.

В Царицыне были брошены несколько бронепоездов при полном и исправном вооружении. Лишь в некоторых

бронепоездах по инициативе бойцов были изъяты замки артиллерийских орудий.

Узнав об отходе стрелковых частей из-под Царицына и о том, что этим отходом по существу никто не руководит, мы вынуждены были выделить специальные отряды заграждения, приказав им задерживать всех бегущих с фронта, как отдельных бойцов, так и подразделения, останавливать обозы и возвращать их в свои части. Эта мера многих привела в чувство. Прежде всего она дала знать бойцам и командирам стрелковых частей, что Конный корпус никуда не ушел и в случае тяжелого положения придет на помощь своей пехоте. Весть о том, что наш корпус действует на правом фланге, быстро облетела все части армии. Бойцы, даже те, которые были уже давно в тылу и которых отряды заграждения не могли задержать, стали возвращаться в свои части. Артиллерия стрелковых частей потянулась к нам, так как в создавшейся обстановке только Конный корпус был способен прикрыть ее. За два дня отступления от Царицына в расположении корпуса сосредоточилась почти вся артиллерия стрелковых дивизий 10-й армии.

В результате принятых мер отход всех стрелковых дивизий: 32-й, 37-й, 39-й, Коммунистической, Отдельной кавалерийской бригады Курышко и сводной бригады Жлобы был приостановлен.

После этого было созвано совещание командиров и комиссаров стрелковых полков, бригад и дивизий совместно с командирами и политработниками Конного корпуса, на котором мною была дана следующая характеристика создавшегося положения: беспорядочное отступление ведет к развалу армии; некоторые стрелковые части и соединения находятся уже на грани разложения, однако есть еще возможность предотвратить катастрофу — все зависит от самих бойцов и главным образом от командиров и политработников, которые должны разъяснить всем, что если мы и вынуждены отходить, то отходить следует с боями и организованно. На востоке Красная Армия разгромила Колчака и оттуда идет к нам на помощь; 8-я и 9-я армии сражаются с противником, и если мы сейчас не имеем с ними соприкосновения, то лишь потому, что временно произошел разрыв между флангами армий.

Затем выступил комиссар корпуса А. С. Кивгела.

Когда он сказал, что Красная Армия разгромит Деникина, так же как и Краснова, кто-то крикнул с места:

— То же и мы все думаем!

По выступлениям, репликам с места и выражениям лиц присутствующих можно было определить, что оснований для паники нет.

Выслушав всех собравшихся на совещании командиров и политработников, я принял и объявил следующее решение: ввиду того, что связи с Реввоенсоветом армии нет, в целях сохранения единства действий все части армии будут подчиняться в оперативном отношении мне как старшему по должности командиру, а Отдельная кавалерийская бригада Курышко войдет в непосредственное подчинение штаба Конного корпуса.

Все присутствующие согласились с этим решением. Дивизиям были даны участки обороны, а также установлен порядок взаимодействия между ними и Конным корпусом. Тут же было приказано всем начдивам немедленно приступить к подготовке оборонительных позиций на своих участках.

По предложению комиссара корпуса на совещании было принято решение выделить из стрелковых дивизий специальные отряды для оказания помощи в эвакуации беженцев, следующих из Царицына.

Эти отряды, возглавляемые преимущественно политработниками, приступив к выполнению своих задач, помогали беженцам транспортными средствами, организовывали переправы людей на левый берег Волги и указывали основное направление движения потока беженцев.

Захват Царицына окрылил белогвардейцев. 3 июля генерал Деникин отдал в Царицыне так называемую Московскую директиву, в которой объявлял своей конечной целью захват Москвы. Уверенные в своей окончательной победе, белогвардейцы устраивали в городе пышные празднества и балы. А тем временем наша 10-я армия, которую они считали деморализованной и неспособной уже к сопротивлению, готовилась к упорной обороне на линии высоты 111, Давыдовка, Оленье. Стрелковые соединения армии рыли окопы, оборудовали огневые позиции для артиллерии, приводили в порядок свои части. Политработники крепили боевой дух бойцов и их организованность. Мы с комиссаром Кивгелой объезжали участки обороны дивизий, давали на месте указания.

Главные силы Конного корпуса расположились на правом фланге армии, в районе Лозное, Заварыкин. Такое расположение диктовалось необходимостью прикрытия правого фланга армии от мятежных белоказаков верховья Дона, Медведицы и Хопра, но не только этим. Мы имели в виду встретить с фронта группировку генерала Врангеля упорной обороной стрелковых дивизий, дать возможность нашей пехоте по-настоящему проявить себя в бою, а в случае прорыва нашей обороны противником нанести ему контрудар Конным корпусом во фланг из-за правого фланга армии.

Чтобы укрепить веру стрелковых частей в наши силы, а также дать им возможность лучше подготовиться к обороне, решено было нанести Конным корпусом контрудар по противнику, выдвинувшемуся в хутора Широков, Ерзовка, Пичуга.

При подготовке к этой операции решено было оставить в тылу армии все, что могло тормозить маневр корпуса. Наши кавдивизии усиливались артиллерией стрелковых соединений. Тщательно организовывалось взаимодействие частей в интересах выполнения задачи корпуса.

С рассветом 2 июля из района Лозное, Заварыкин корпус стремительно атаковал противника.

В хуторе Широков под удар корпуса попала 3-я дивизия корпуса генерала Покровского. Белогвардейцы не ожидали нашего нападения и поэтому не смогли оказать сколько-нибудь организованного сопротивления. Бросая артиллерию и пулеметы, они бежали в направлении Царицына. В Ерзовке была атакована 4-я дивизия Покровского. Опрокинутая корпусом, она начала поспешный отход в Пичугу, где вместе с казачьей дивизией корпуса генерала Шатилова была прижата нами к Волге. Здесь-то мы и использовали на полную мощь свою артиллерию. В течение нескольких часов артиллерийские батареи корпуса громили противника. В итоге этой успешной операции Конный корпус взял в плен до шестисот казаков, захватил семь орудий, тринадцать пулеметов, несколько десятков подвод с боеприпасами и различным имуществом и восемьсот лошадей с седлами. Но главным результатом операции явился подъем боевого духа 10-й армии. Наши стрелковые части увидели, что можно не только успешно обороняться, но и бить противника.

После налета на Широков, Ерзовку и Пичугу Конный корпус сосредоточился в районе Давыдовки, за позициями стрелковых частей армии, продолжая обеспечивать отход 10-й армии к Камышину и далее к Саратову (схема 6).

Ошеломленные контрударом нашего корпуса части Кавказской армии генерала Врангеля несколько дней не проявляли особой активности, и поэтому на фронте 10-й армии было относительно спокойно. Зато на правом фланге армии казаки верховьев Дона и станиц, расположенных по рекам Медведица, Хопер и Иловля, все больше свирепели. Побуждаемые общими успехами деникинских войск, они стремились поскорее разделаться с Советской властью, и не только в Донской казачьей области, но и везде, где она существует. Их ярость росла по мере отхода советских войск из пределов Донской области и пополнения белоказачьей армии мятежными казаками-стариками, поставившими своей задачей восстановить казачью «честь», которую, как они считали, уронили молодые казаки в период боевых действий армии Краснова. Донские мятежники дрались куда ожесточеннее, чем кубанские и терские казаки армии Врангеля. Если у терцев и кубанцев их родные места были далеко позади, то казаки верховья Дона, рек Медведицы, Хопра и Иловли сражались непосредственно за свои станицы и хутора, их толкала вперед лютая ненависть к иногородним и коренным крестьянам Дона, составлявшим основной костяк 10-й армии. И теперь, когда эта армия, причинившая, по их мнению, наибольшее зло казачьему Дону, была ослаблена, они торопились добить ее, или, как говорил мне один пленный офицер, изрубить на куски и потопить в Волге.

Обстановка исключительно благоприятствовала донским белоказакам. Армия была прижата к Волге. С фронта против нее наступали части Кавказской армии генерала Врангеля, а правый фланг и тыл оставались открытыми. Разрыв между флангами 10-й и 9-й армий был свыше ста километров. Используя этот разрыв, донская белогвардейская конница генерала Голубинцева обошла правый фланг 10-й армии и вышла на тылы наших стрелковых частей в районе Усть-Погожье, захватив переправы на реке Бердия. Путь отхода 10-й армии к Камышину был отрезан. Надо было принимать самые энер-

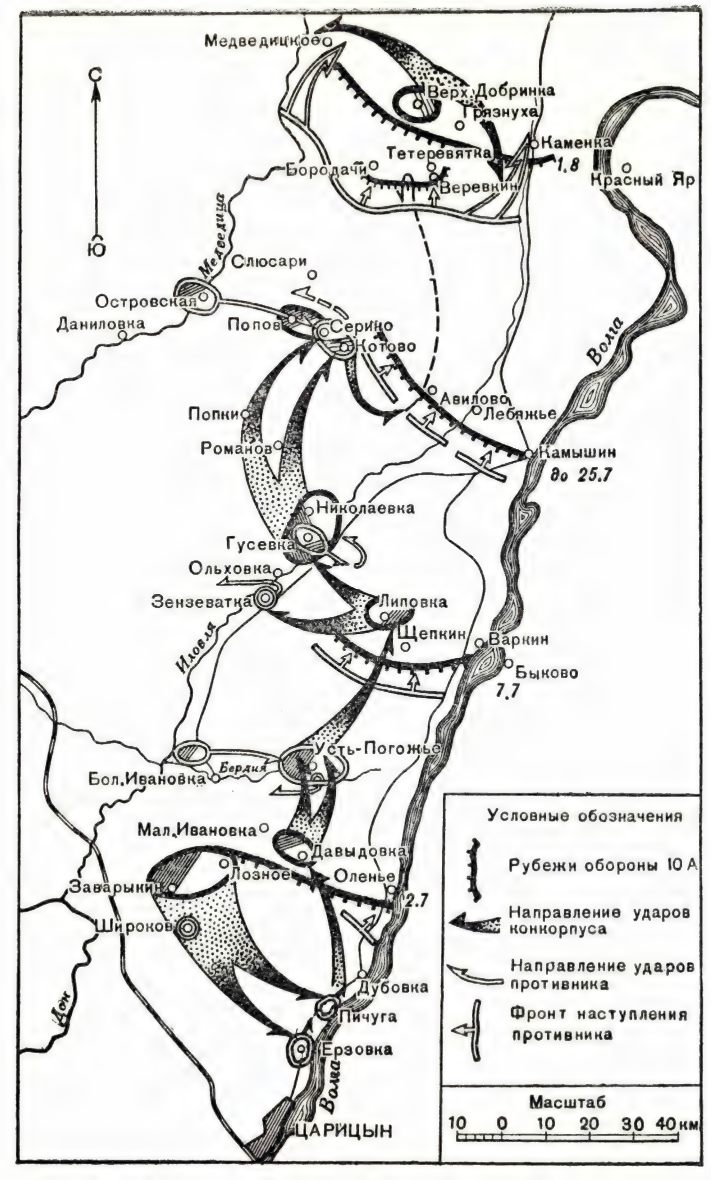

Схема 6. Боевые действия Конного корпуса при отходе 10-й армии от Царицына к Саратову.

гичные меры по разгрому конницы Голубинцева, так как врангелевские войска могли немедленно воспользоваться ее успехом и перейти в наступление по всему фронту. Это заставило меня с наступлением темноты двинуть Конный корпус из района Давыдовки в Усть-Погожье, с целью разгромить противника, захватившего переправы, и освободить для 10-й армии путь отхода.

С подходом к Усть-Погожье 6-я дивизия корпуса развернулась и стремительно атаковала противника. Тем временем 4-я дивизия, пользуясь темнотой, вышла на пути отхода белогвардейцев. Застигнутые врасплох белогвардейцы беспорядочно бросались в стороны и везде попадали под огонь пулеметов и конную атаку частей корпуса. Часть белоказаков вырвалась из Усть-Погожьего и бросилась бежать вдоль реки Бердия на Большую Ивановку. К рассвету все переправы на реке были в наших руках. 10-я армия получила возможность начать отход и к 7 июля отошла на рубеж Липовка, Щепкин, Варкин. Конный корпус сосредоточился в Липовке.

Но белые не отказались от своего плана окружения и уничтожения 10-й армии. Оправившись от поражения в Усть-Погожьем, они сосредоточили крупные силы конницы в районе Гусевки, Зензеватки и Ольховки с целью нанести удар во фланг и по ближайшим тылам 10-й армии. В этих условиях Конному корпусу было приказано нанести удар по скоплению конницы белых в районе Гусевки. 7 июля утром корпус перешел в наступление и к концу дня атакой в конном строю выбил противника из Гусевки. Но белые подтянули свежие силы из Зензеватки и перешли в контрнаступление. Завязался исключительный по своему ожесточению кавалерийский бой. Белогвардейцы, особенно казаки-старики, дрались с отчаянным упорством. Они лавой бросались на наши пулеметы и, несмотря на большие потери, остервенело лезли вперед. Исход боя во многом предрешила артиллерия корпуса. Выбрав удачные огневые позиции, артиллеристы открыли ураганный огонь. Белые не выдержали огня артиллерии и конных атак корпуса и начали отход. К вечеру наш корпус занял Гусевку и Николаевку, надежно обеспечивая правый фланг армии.

Из опроса пленных выяснилось, что части белых, потерпевшие поражение у Гусевки, относились к группе генерала Алексеева, расположившегося штабом в селе Ми-

хайловке. Эта группа, получившая у нас условное наименование Михайловской группы войск противника, состояла из конных корпусов генералов Мамонтова, Секретева, Сутулова и нескольких пехотных полков.

Не добившись успеха непосредственно против правого фланга 10-й армии, генерал Алексеев решил нанести удар в направлении Камышина, то есть на этот раз уже по глубокому тылу нашей армии. Его замыслу способствовал переход в наступление войск генерала Врангеля и все еще существовавший большой разрыв между флангами 10-й и 9-й Красных армий. 12 июля конные корпуса Мамонтова и Секретева, выполняя приказ генерала Алексеева, двинулись из Березовской и Атаманского в район Котово и Серино. С целью ликвидации этой угрозы Конный корпус получил задачу нанести контрудар Мамонтову и Секретеву в районе Котово. Наступление Врангеля с фронта нас уже теперь не пугало. Мы были твердо уверены в том, что наши стрелковые части, окрепшие за последнее время, достойно встретят врангелевские войска.

13 июля Конный корпус двинулся через хутор Романов в направлении Котово. Погода не благоприятствовала. Шел проливной дождь, дороги испортились. В пути, получив сведения о противнике, силы которого превосходили наш корпус, я принял решение совершить по бездорожью глубокий обходный маневр и выйти в тыл белогвардейцам. Маневр удался. 14 июля корпус, обойдя Котово с запада, нанес внезапный удар по противнику. В ожесточенном бою белые понесли большие потери и, спасаясь бегством от полного разгрома, переправились на правый берег реки Медведица. Особенно крупное поражение было нанесено частям генерала Секретева, попавшим под удар главных сил нашего корпуса.

Отбросив противника за Медведицу, Конный корпус сосредоточился в районе Серино. К этому времени 10-я армия отошла на рубеж Авилово — Камышин. Здесь мы оставались несколько дней, ожидая очередного наступления белогвардейцев. Однако наступления не последовало. Но если на правом фланге 10-й армии наступило временное затишье, то на фронте ее шли упорные бои наших стрелковых частей с войсками Кавказской армии Врангеля. Уверенность в том, что наша пехота может успешно сражаться с белогвардейцами, оправдалась.

Красноармейцы не только отбивали бешеные атаки врангельцев, но и сами переходили в контратаки, уничтожая огнем, штыком и прикладом и пехоту и конницу противника. Правда, белые, имея превосходство в живой силе, местами потеснили наши стрелковые части, однако прорвать фронт 10-й армии они не смогли.

25 июля генерал Врангель, подтянув резервы, перешел в наступление на всем фронте 10-й армии. Весь день шли тяжелые бои на всех участках обороны армии. Противник, используя свое преимущество в маневре, создавал сильные группировки конницы и бросал их в стыки наших частей. Особо тяжелое положение создалось на фронте 38-й стрелковой дивизии. Два полка ее, сбитые противником с позиции, начали отход и увлекли за собой остальные части дивизии. Белые воспользовались этим и начали развивать наступление в направлении Камышина. Для ликвидации прорыва противника был срочно брошен Конный корпус.

Совершив форсированный марш, Конный корпус вышел на участок обороны 38-й стрелковой дивизии и сильным контрударом отбросил наступающие части белогвардейцев.

В связи с тем, что противник наращивал свои силы, а фронт 10-й армии очень растянулся, было принято решение начать отход стрелковыми соединениями на более выгодный рубеж обороны. Конный корпус получил задачу прикрывать отход армии и с этой задачей блестяще справился. Заняв одной дивизией оборону на рубеже Борадачи — Веревкин, корпус надежно обеспечил отход армии. Попытки противника перейти в преследование нашей пехоты завершились разгромом Атаманской и Егерьской дивизий белых.

К 1 августа 10-я армия отошла и заняла оборону на фронте Медведицкое, Верхняя Добринка, Каменка, Красный Яр.

Противнику теперь трудно было совершать охваты, так как правый фланг обороны нашей армии упирался в реку Медведицу, а левый — в Волгу. Конный корпус сосредоточился в центре оборонительного рубежа стрелковых частей. Этим расположением корпуса предусматривалось нанесение противнику фланговых ударов в нужных направлениях.

В первых числах августа в штаб корпуса, разместившийся в Тетеревятке, приехал командующий 10-й армией Клюев. После того как я доложил об обстановке на фронте армии и о последних боях с противником, Клюев информировал меня о том, что создана Особая группа войск Южного фронта, в которую включены 9-я, 10-я армии и Заволжские части; командующим группой назначен В. И. Шорин. В разговоре был затронут вопрос о сдаче 10-й армией Царицына. Клюев по-прежнему говорил, что для обороны Царицына мы не имели ни сил, ни средств, и в заключение сообщил, что 10-я армия, по решению Реввоенсовета Особой группы Южного фронта, должна отойти на рубеж обороны по реке Карамыш. Здесь части армии приведут себя в порядок и получат пополнения, прибывающие в Саратов с Восточного фронта.

С рубежа реки Карамыш, как сказал Клюев, 10-й армии предстоит начать контрнаступление.

5

Несмотря на значительные потери, понесенные в бою под Котово, конный корпус Секретева, пополненный свежими силами, вновь перешел в наступление.

Наступая вдоль берега Медведицы на Медведицкое, части генерала Секретева столкнулись с правофланговыми частями нашей 4-й дивизии. После короткого ожесточенного боя белогвардейцы начали отходить, но в результате удачного маневра 4-й дивизии оказались прижатыми к Медведице и понесли большие потери.

Не успели части дивизии отойти в место своего прежнего расположения, как на Медведицкое перешел в наступление корпус генерала Улагая. Снова завязался ожесточенный бой. Он закончился тем, что корпус Улагая бросил всю свою артиллерию и бежал по левому берегу Медведицы в юго-западном направлении.

Однако и после поражения Улагая белые не прекратили попыток прорвать фронт 10-й армии. 4 августа на рассвете силами корпусов генералов Покровского и Шатилова они повели наступление вдоль железной дороги в направлении Каменки. Конному корпусу было приказано выдвинуться к левому флангу армии и нанести удар противнику в направлении Грязнуха, Каменка.

5 августа, сосредоточившись на левом фланге армии, корпус перешел в контрнаступление и, выйдя в тыл корпусу Покровского, смял его боевые порядки, а затем начал преследование. Отступая в направлении Усть-Грязнуха, противник понес большие потери в людях и оружии. Корпус Шатилова, наступавший правее корпуса Покровского, вынужден был перейти к обороне.

После этого наступило затишье. Чувствовалось, что белые на фронте 10-й армии выдыхаются и инициатива начинает переходить в наши руки. Конный корпус вернулся в место своего прежнего расположения. Штаб его разместился в Верхней Добринке. Части корпуса вновь стали с успехом применять тактику налетов на войска противника, расположенные в населенных пунктах, не давая им покоя ни днем, ни ночью. Вскоре я узнал от пленных, что корпус Мамонтова снят с нашего фронта и переброшен в западном направлении.

Вечером 8 августа я вышел из штаба корпуса и направился в 20-й полк, расположенный неподалеку. В этом полку служили мои земляки: платовцы, мартыновцы, орловцы. Подходя к домику, занимаемому штабом полка, я встретил своего соседа по Платовской Филиппа Новикова. Будучи начальником разведки полка, он часто исполнял должность начальника штаба полка.

— Ну как дела, начштаба? — спросил я, здороваясь с Филиппом.

— Какие там дела! — недовольно ответил он. — Требуют разные сводки, а бумаги нет, писарями работать никто не идет. А тут еще Кондрат Степанович работать мешает...

— Как это мешает? Он же ранен, больной лежит.

— То-то лежит, да не там, где надо. Только я развернулся со своими бумагами, а он вваливается в штаб с седлом и тянет за собой бурку. Я к нему с докладом, а он подходит к столу, кладет на него седло и говорит: «Кышь, Филипп, со стола, убирай свои шпаргалки, я здесь лягу». Как, говорю, ляжете! Здесь же штаб полка. «А я тебе кто,— сердится Кондрат Степанович, — командир полка или нет? Ты читал приказ товарища командира корпуса?» Какой там приказ? — спрашиваю его. «Ну так вот читай, раз шибко грамотный. Видишь, тут прописано: «Командира двадцатого полка Гончарова Кондрата, в связи с ранением, полагать больным при

полку». Так где же меня полагать-то должны, как не в штабе». И завалился на стол, как медведь. «Ты, — говорит, — Филипп, скрипи пером, я тугой на уши-то, не помешаешь».

Выслушав Филиппа, я рассмеялся.

Гончарова Кондрата Степановича я знал давно: бывший драгун, старший унтер-офицер, георгиевский кавалер. Он был малограмотным, но опытным командиром, хорошо знал тактику мелких подразделений, воевал со смекалкой, хитростью, народной мудростью.

— Вы смеетесь, — огорченно сказал Новиков, — а мне каково? Нет, Семен Михайлович, прикажите работать здесь кому-нибудь другому, а я к своим разведчикам пойду.

Мы вошли в штаб полка. Увидев меня, Гончаров слез со стола и сердито посмотрел на Новикова — пожаловаться, мол, успел.

— Что же ты, Кондрат Степанович, людям работать мешаешь? — начал я отчитывать его. — Ну ранен, так лежи, где тебе положено!

— А где же мне быть? Сам приказ отдал «полагать при полку», а теперь ругаешься, — оправдывался Гончаров и из-за спины грозил Филиппу кулаком.

— Придется приказать, чтобы положили тебя в госпиталь.

— Нет, в лазарет не пойду, — сказал Кондрат, ощупывая свою раненую руку. — Помирать я не собираюсь, а примочки мне и ординарец делает.

— Почему ты седло за собой носишь?

— Да лошадь у меня снова убили. Вот напасть — как бой, так лошадь убивают. Ты бы вместо того, чтобы ругаться, приказал дать мне непробивного коня.

— Ну вот что, Кондрат Степанович, иди к себе и ложись, а то я тебе дам непробивного коня — в пехоту спишу!..

Кондрат торопливо схватил седло и, проворчав что-то непонятное, быстро вышел из штаба.

Мы с Филиппом смеялись до слез, глядя в окно на торопливо уходившего Гончарова. Все знали, как магически действуют на Кондрата слова: «спишу в пехоту».

Чем дальше, тем больше обстановка складывалась в пользу 10-й Красной армии. Стрелковые соединения отдохнули, получили свежие пополнения за счет частей,

прибывших с Восточного фронта. Со дня на день я ожидал приказа на наступление и очень удивился, когда Клюев, приехав в корпус, заявил, что армия может наступать не раньше, чем через десять дней.

— Почему через десять дней? — спросил я Клюева.

— Не собрались еще с силами, — ответил он.

— По меньшей мере странно получается, — сказал я. — Надо громить белых сейчас, когда они в своих попытках наступать потерпели серьезное поражение и не успели перегруппировать силы. А мы ждем, когда они вновь соберутся с духом и начнут наступать. Подчините корпусу в оперативном отношении хотя бы две стрелковые дивизии и разрешите мне наступать. Заверяю вас в успехе, — убеждал я Клюева.

— Нет, я это не могу разрешить, — ответил он.

— Ну, если вы не можете сами разрешить, то докажите командующему группой Шорину о необходимости наступления.

— Не могу, не могу, Семен Михайлович! У меня есть директива на подготовку армии к наступлению, и я ее должен выполнять.

Подводя итоги оборонительных операций 10-й Красной армии, следует сказать, что Конный корпус, начиная с отхода 10-й армии с рубежа Маныча, все время использовался командованием или в качестве завесы для прикрытия отхода стрелковых частей или в качестве ударной группы для разгрома противника на наиболее угрожаемых направлениях. Основным способом действий корпуса были короткие контрудары. Нанося их, корпус неоднократно ликвидировал угрозу окружения противником 10-й армии и обеспечивал ее отход на последующие оборонительные рубежи. Имеются все основания утверждать, что Конный корпус летом 1919 года предотвратил разгром 10-й армии противником.

Действия корпуса убедительно подтвердили необходимость создания крупных кавалерийских соединений, являющихся средством армейского и главным образом фронтового командования. Можно смело сказать, что если бы в составе Южного фронта был не один, а несколько корпусов или хотя бы один, но более сильного состава и он использовался бы не в интересах одной армии, а в интересах всего фронта, то вряд ли нашим армиям пришлось бы отходить в таких тяжелых условиях. С гор-

достью можно отметить высокую боеспособность личного состава корпуса, показавшего в неимоверно трудных условиях борьбы с врагом образцы несгибаемой стойкости и мужества. Надо сказать также, что организованный отход стрелковых соединений 10-й армии от Царицына к Саратову в условиях постоянной угрозы окружения, при хроническом недостатке боеприпасов, при отсутствии связи с армейским штабом и соседями свидетельствовал о высоких морально-боевых качествах пехоты нашей армии. И если после сдачи Царицына некоторые стрелковые части ее временно поддались панике, то причиной этого была прежде всего растерянность Реввоенсовета армии.

VIII. ПРОТИВ МАМОНТОВА

1

Летом 1919 года армии Деникина, быстро продвигавшиеся с юга к центральным областям страны, были для молодой Советской республики самым опасным врагом.

9 июля в своем письме к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным» Ленин указывал, что наступил самый критический момент в социалистической революции, и призывал всех коммунистов, сочувствующих, рабочих, крестьян напрячь все силы на отражение нашествия Деникина. Для организации отпора врагу партия направляла на Южный фронт лучших своих работников. На Южный фронт срочно перебрасывались части Красной Армии с Восточного фронта, вооружение и снаряжение.

ЦК партии во главе с Лениным готовил силы, которые должны были не только остановить врага, но и, перейдя в наступление, разгромить его. Но пока 10-я и другие армии Южного фронта вынуждены были, сдерживая врага, повсеместно отходить на север.

После поражений, нанесенных нами корпусам Улагая, Покровского и Шатилова, белые объединили эти корпуса и сосредоточили их в районе Усть-Грязнуха, чтобы еще раз попытаться разбить Конный корпус.

14 августа противник начал движение в нашу сторону. Получив от разведки данные о намерениях противника, я принял решение немедленно выступить навстречу белым с расчетом атаковать их прежде, чем они развернутся из походных колонн в боевой порядок. Для быстрого развертывания корпуса в случае внезапного столкновения с противником 4-я и 6-я дивизии двигались

параллельными маршрутами, головами походных колонн на одном уровне. Позади дивизий следовала Отдельная кавалерийская бригада Курышко, составлявшая мой резерв. Для точного определения направления движения противника вперед и на фланги были высланы сильные разъезды.

По характеру местности наиболее удобным направлением для движения противника из Усть-Грязнухи была степная полоса между восточными скатами Гусельско-Тетеревятского кряжа и железной дороги. Предполагая, что противник изберет именно этот путь, я решил продвигать корпус по западным скатам Гусельско-Тетеревятского кряжа. Гребень кряжа, поросший кустарником, прикрывал движение корпуса со стороны предполагаемого движения противника.

Корпус двигался шагом. Стояла жара, изнурявшая и людей и лошадей. Я с И. В. Тюленевым и оперативной группой штаба корпуса ехал в голове колонны 4-й дивизии. Тюленев, недавно прибывший к нам из Академии Генерального штаба, рассказывал мне столичные новости. Мой ординарец Гриша Ковалев достал где-то большой арбуз и предложил нам утолить давно уже мучавшую нас жажду. Только было принялись мы за сочный арбуз, как кто-то из нас заметил всадников, спускавшихся через кустарник с гребня кряжа. Оказалось, что это отходили наши левофланговые разъезды, они доложили мне о движении противника. Поднявшись на высоту, мы увидели большую колонну белых, двигавшуюся на север по восточному скату Гусельско-Тетеревятского кряжа. Голова колонны противника уже вышла на уровень хвоста колонны нашего корпуса. А дальше на юг, насколько мог охватить взгляд, тянулись артиллерия и обозы противника. Белые считали, видимо, что наш корпус находится на рубеже обороны 10-й армии, и поэтому двигались спокойно в походных колоннах. Ни впереди колонны белогвардейцев, ни на флангах — нигде не было заметно разъездов. Я приказал корпусу немедленно атаковать противника, а артиллерии поддержать атаку огнем с открытых позиций.

Через несколько минут наши дивизии, повернутые на девяносто градусов, развернулись в боевой порядок и, перевалив через гребень Гусельско-Тетеревятского кряжа, лавиной обрушились на противника.

Ошеломленные артиллерийским и пулеметным огнем, белогвардейцы начали метаться в разные стороны и, наконец, смятые стремительным ударом корпуса, хлынули на юг, к Камышину. Части противника, которые шли позади, не могли быстро повернуть обратно, и началась давка. Казаки сшибались друг с другом, артиллерийские орудия и повозки от резких поворотов опрокидывались, преграждая путь бегущим. Конный корпус врезался в беспорядочную массу противника. Отдельные группы казаков, бросая лошадей и оружие, сдавались в плен, но основная масса их дико несущейся толпой отчаянно пробивала себе дорогу.

Паническое бегство привело противника в междуречье Иловли и Мокрой Ольховки. Трудно описать всю трагичность положения белогвардейцев, зажатых Конным корпусом в этом роковом для них междуречье. Основная переправа через Иловлю оказалась в наших руках. Белым оставалось либо бросаться вплавь, либо переправляться вброд. Наши пулеметчики и артиллеристы открыли по ним ураганный огонь. Как показывали потом пленные, переправа была для белых сущим адом. Те, кто сумел переправиться, считали себя «воскресшими».

К вечеру бой закончился. Части противника, сумевшие переправиться через реки Иловля и Мокрая Ольховка, уходили на Царицын, минуя Камышин. Группы белоказаков, потерявшие свои части, подъезжали к нашим разъездам и добровольно сдавались в плен.

Прекратив преследование противника, Конный корпус в ночь на 18 августа сосредоточился в Лебяжьем. Надо было дать людям и лошадям отдых, подтянуть тылы, собрать трофеи и уточнить дальнейший порядок действий.

На совещании начдивов, командиров бригад и политработников мы пришли к решению: после короткого отдыха продолжать наступление с целью овладеть Царицыном. Это, на первый взгляд, дерзкое решение опиралось на реальные возможности. Противник перед корпусом был разбит и деморализован. Чтобы корпуса генералов Покровского, Улагая и Шатилова могли оказать организованное сопротивление, им необходимо было оправиться от поражения — навести в частях порядок, получить пополнения, оружие и боеприпасы. В Царицыне же, по нашим данным, кроме штаба Врангеля с небольшой охраной, тыловых частей и отдельных мелких фор-

мирований, других войск не было. Наш Конный корпус, воодушевленный крупной победой, представлял собой достаточно мощную силу, чтобы разгромить противостоящего врага и овладеть Царицыном. Необходимо было лишь подтянуть стрелковые соединения 10-й армии и закрепить достигнутый успех. Решив просить об этом командующего армией, мы стали добиваться связи с ним из Лебяжьего. Настроение у меня было приподнятое. Я так был уверен в предстоящем успехе, что даже лелеял надежду захватить в плен Врангеля и думал послать для этого вперед Морозова и Дундича с тремя десятками таких же лихих удальцов.

С Клюевым мы связались быстро. Выслушав меня, он одобрил действия корпуса за прошедший день, однако наступления на Царицын не разрешил.

Я стал горячо доказывать, что необходимо преследовать разбитого противника и овладеть Царицыном, что для этого имеются все условия.

— Корпуса Покровского, Улагая и Шатилова деморализованы. Белые пачками сдаются в плен. Разрешите наступать, и мы ворвемся в Царицын раньше, чем туда отойдет противник.

— Нет, Семен Михайлович, не могу я вам разрешить продолжать наступление и вот почему: по имеющимся у меня сведениям, в районе Даниловки активизировалась конница генерала Голубинцева. Пока Голубинцев будет висеть у нас на правом фланге, мы не сможем успешно продвигать вперед стрелковые дивизии. Поэтому приказываю прекратить преследование врангелевских частей, повернуть корпус на Даниловку и разгромить Голубинцева.

— Товарищ командующий, — продолжал я убеждать Клюева, — неужели какой-то Голубинцев важнее Врангеля, окончательный разгром которого очистит путь к Царицыну для всей 10-й армии? Продвиньте вперед стрелковые дивизии, а от Голубинцева прикройтесь заслоном из войсковой конницы.

Но Клюев стоял на своем. Больше того, раздраженный моим упорством, он стал угрожать мне ревтрибуналом за невыполнение его приказа.

— Хорошо. Я выполню ваш приказ. Но считаю прекращение преследования корпусов Врангеля грубой ошибкой. Я не пойму, почему стрелковые дивизии топ-

чутся на месте, когда перед ними нет серьезного противника.

— Так вот, Семен Михайлович, — сказал Клюев, — разгромите конницу Голубинцева и тогда тяните за собой стрелковые части.

— Да что же, их за уши тянуть, что ли? — не вытерпел я. — Когда прикажете выступать на Даниловку?

— Чем быстрее, тем лучше.

На этом мой разговор с Клюевым закончился. Мне пришлось потом не раз пожалеть, что я начал его: если бы связь с Лебяжьим не работала, могло быть иначе — Конный корпус занял бы Царицын, а это означало бы охват правого крыла войск Деникина. И если учесть, что к этому времени была создана Особая группа войск Южного фронта, усиленная частями Красной Армии, прибывшими с Восточного фронта, то станет понятным, какую угрозу для белых таило в себе энергичное наступление 10-й армии на Царицын. Это неизбежно вынудило бы Деникина снять часть своих сил, действующих на Украине и в центре — в направлении Курска, Воронежа, чтобы укрепить свое положение в районе Царицына, и не допустить выхода советских войск в Донскую область, то есть на тылы белых.

Но этого не произошло. Пассивность 10-й армии позволила Кавказской армии Врангеля оправиться от поражения.

20 августа утром корпус, выполняя приказ командарма, начал движение из Лебяжьего через Котово на станицу Островскую, чтобы перехватить в этом районе конницу Голубинцева.

Между Котово и Островской была захвачена в плен конная группа противника. Пленные офицеры показали, что поражение, понесенное корпусами Покровского, Шатилова и Улагая, сильно потрясло штаб генерала Алексеева. Чтобы спасти эти корпуса от полного разгрома, генерал Алексеев приказал Голубинцеву быстро выдвинуться в район Даниловки и оттянуть на себя Конный корпус.

Пленные показали также, что их задачей было отвлечь на себя внимание частей Конного корпуса, а в случае необходимости, не ввязываясь в затяжной бой, уходить от преследования в район Даниловки, где корпус гене-

рала Сутулова, в подчинение которого входила и конница генерала Голубинцева, готовится к обороне.

25 августа части нашего корпуса подошли к станице Островской. Однако в Островской белых не оказалось. Мы тут же приняли решение — 4-й дивизии переправиться на правый берег Медведицы и атаковать противника в Даниловке с севера во фланг и тыл. 6-й дивизии и бригаде Курышко было приказано продвигаться на Даниловку по левобережью.

Утром 26 августа, находясь в 4-й дивизии, я к полудню подъехал к Даниловке. С опушки леса мы с Городовиковым увидели тысячи белоказаков, рывших окопы. Многие работавшие были раздеты по пояс.

Прикрываясь лесом, артиллерия корпуса заняла огневые позиции и открыла ураганный огонь по противнику. Я приказал Городовикову развернуть дивизию и атаковать белогвардейцев. Волна атакующих полков захлестнула казаков, и они не смогли оказать серьезного сопротивления. В Даниловке был захвачен штаб Сутулова, а сам он зарублен в бою.

В штабе Сутулова оказался один бывший красный командир, попавший по ранению в плен к белым и работавший у них связистом. Он подтвердил, что Сутулову приказано было отвлечь наш корпус от действий против группы Врангеля, и показал мне телеграфную ленту — донесение Сутулова Алексееву о том, что задача по отвлечению корпуса Буденного им, Сутуловым, выполнена.

В Даниловке 4-я дивизия задержалась ненадолго и только потому, что были захвачены походные кухни противника с готовым обедом. Дивизия вела непрерывные бои, и бойцы несколько дней не получали горячей пищи. Поэтому по просьбе начдива и командиров полков я разрешил дивизии пообедать из захваченных у противника кухонь. Тем временем покормили и лошадей.

После небольшого привала 4-я дивизия переправилась через Медведицу по мосту в районе Даниловки и нанесла удар в тыл коннице генерала Голубинцева, вступившей в бой с 6-й кавалерийской дивизией. В первые же минуты, как только началась атака 4-й дивизии с тыла, 6-я дивизия в свою очередь перешла в атаку с фронта. Стиснутые с двух сторон белогвардейцы беспорядочно побежали на юг.

Конный корпус двинулся в направлении Михайловки, в которой, по данным разведки, располагался штаб генерала Алексеева. К сожалению, штаба Алексеева в Михайловке не оказалось, но там мы захватили три бронепоезда. Это любопытный эпизод.

4-я дивизия, двигающаяся в голове колонны корпуса, неожиданно оказалась вблизи всех трех бронепоездов. Они сначала молчали, а затем открыли ураганный огонь. Отходить было поздно — огонь бронепоездов в случае отхода дивизии нанес бы ей тяжелые потери, тем более, что и бронепоезда не могли отойти, так как наш артиллерийский дивизион разрушил железную дорогу спереди и позади них. На помощь бронепоездам пыталась прорваться группа конницы белых, но командир батареи Мирошниченко разогнал ее стрельбой на шрапнель.

4-й дивизии, неожиданно попавшей под огонь этих застрявших в одиночестве бронепоездов, не оставалось ничего больше, как стремительно проскочить к ним. Я подал команду в атаку и устремился вперед. Со мной рядом скакали Городовиков и командир 19-го полка Стрепухов. Но удивительно: пулеметы бронепоездов захлебывались от непрерывной стрельбы, а дивизия потерь не несла, только под Стрепуховым упал убитый конь. Вдруг пулеметы стали затихать и внутри одного, а потом и других бронепоездов вспыхнула какая-то беспорядочная стрельба. Вскоре и она затихла.

Оказалось, что все три бронепоезда были захвачены противником в Царицыне. Белые решили использовать их вместе с пленными экипажами. Вот экипажи и воспользовались случаем, чтобы уйти из плена.

— Когда офицеры приказали стрелять, мы ударили выше ваших голов, а потом, когда офицеры поняли это — мы их перебили, — рассказывали пулеметчики и артиллеристы, вылезшие из бронепоездов.

2

Продолжая движение на юг, вниз по течению Медведицы, корпус подошел передовыми частями к станице Усть-Медведицкой (Серафимович) на Дону и установил связь с 23-й стрелковой дивизией 9-й армии, расположенной в станице Глазуновской. Таким образом, разрыв, продолжительное время существовавший между 9-й и 10-й армиями, был ликвидирован.

Штаб Конного корпуса расположился в хуторе Кепинском. Тут я получил через штаб 10-й армии письмо от К. Е. Ворошилова, находившегося на Украине. Из письма Климента Ефремовича я впервые узнал о рейде корпуса Мамонтова по глубоким тылам наших армий.

Климент Ефремович писал, что рейд Мамонтова очень опасен для нас и что, по его мнению, для борьбы с Мамонтовым должен быть использован Конный корпус как самое мощное соединение красной кавалерии. «Найти Мамонтова, разгромить его — вот, по моему мнению, ваша первостепенная, а для республики необходимая задача», — заключал он свое письмо.

К этому времени, по данным разведки корпуса и по информации, полученной мною от начальника 23-й стрелковой дивизии Голикова, противник занимал перед нами фронт по правому берегу Дона от станицы Клетской до станицы Усть-Хоперской. Затем его фронт проходил по левому берегу Дона. Перед левым флангом 9-й армии и Конным корпусом особо сильной группировки белых войск не было.

При оценке создавшейся обстановки у меня созрел заманчивый план дальнейших действий корпуса, который я решил доложить командующему.

Существо этого плана заключалось в том, чтобы переправить корпус через Дон и нанести удар на Миллерово, где, по имеющимся у нас сведениям, размещался штаб генерала Сидорина — командующего Донской армией. После разгрома штаба Сидорина повернуть корпус на север и действовать по правому берегу Дона, вдоль железной дороги Миллерово — Воронеж.

Этими действиями предполагалось, с одной стороны, разрушить тылы противника и разгромить его войска, действующие в направлении Воронежа, и, с другой — принудить Мамонтова вернуться из рейда по нашим тылам.

Я считал, что действия нашего Конного корпуса по тылам белогвардейцев будут наилучшей контрмерой против рейда Мамонтова.

Готовясь к претворению задуманного плана в жизнь, корпус усилил разведку с целью найти удобные переправы через Дон, в частности разведать броды. Зная, что начальник 23-й дивизии Голиков — житель станицы Усть-

Медведицкой, я лично поехал к нему, чтобы и его порасспросить о возможности переправы корпуса через Дон.

У Голикова я узнал все, что мне было нужно, и, кроме того, познакомился с только что полученным им приказом Реввоенсовета 9-й армии, в котором говорилось об измене его предшественника на посту начальника 23-й стрелковой дивизии Миронова, бывшего казачьего офицера, тоже уроженца станицы Усть-Медведицкой. После революции Миронов, став на сторону Советской власти, сформировал 23-ю стрелковую дивизию. Затем он сдал командование дивизией Голикову и убыл в Москву в казачью секцию при ВЦИК РСФСР, которая поручила ему сформировать в Саранске Донской казачий корпус. Не закончив полностью формирование корпуса, Миронов увел казаков из Саранска, будто бы для оказания помощи Южному фронту, а на самом деле для того, чтобы перейти на сторону белых. Объявляя Миронова вне закона, Советское правительство предписывало всем командирам частей и соединений Красной Армии в случае появления изменника в их районе принять меры к аресту его и отправке в вышестоящие инстанции.

Вернувшись в хутор Кепинский в тот же день, 7 сентября, я объявил об измене Миронова в приказе по корпусу, а вечером вместе с комиссаром корпуса Кивгелой и начальником политотдела Суглицким поехал в штаб 23-й стрелковой дивизии, чтобы совместно с ней организовать разоружение корпуса Миронова.

Мы предполагали, что Миронов будет пробираться к своей бывшей дивизии, и это предположение оправдалось.

Когда мы приехали к Голикову, тот сообщил нам о прибытии в дивизию сотни казаков корпуса Миронова, командир которой доложил, что Миронов приказал ему разыскать штаб 23-й стрелковой дивизии, донести о месторасположении его и ждать прибытия корпуса.

На совещании, собранном в связи с этим в штабе 23-й дивизии, я высказал предположение, что Миронов явно рассчитывает на поддержку 23-й дивизии как бывший ее начальник и организатор.

— В частности он, видно, рассчитывает и на вас, товарищ Голиков, как на своего первого помощника в организации дивизии, — сказал я.

— Что вы, что вы! — замахал руками Голиков. —

Я знаю Миронова, мы с ним земляки, но это нисколько не означает, что я стану на сторону предателя.

— Верю вам, — успокоил я Голикова. И я действительно верил ему — он сразу произвел на меня хорошее впечатление. — Но учтите, что Миронов может пойти на всякую подлость.

Поговорив, мы решили, что, когда Миронов прибудет в дивизию, Голиков должен как ни в чем не бывало пригласить его к себе на квартиру и там арестовать, после чего направить под конвоем в штаб Конного корпуса.

На другой день, 8 сентября, я снова приехал в штаб 23-й стрелковой дивизии, чтобы лично поговорить с командиром сотни и казаками, прибывшими из корпуса Миронова. Казаки еще не знали, что Миронов объявлен вне закона. Командир сотни предполагал, что Миронов с корпусом двигается в направлении станицы Ново-Анненской и находится в одном—двух переходах от станицы Глазуновской. К своему большому удивлению, я узнал от него, что комиссар корпуса Миронова — Булаткин, тот самый Булаткин, который командовал у нас бригадой, а потом уехал в Москву, на учебу в Академию Генерального штаба. Хотя Булаткин в прошлом был казачьим офицером, но мне не верилось, что он мог стать сообщником Миронова: я знал его как преданного Советской власти командира-коммуниста.

Когда я вернулся в штаб, мне доложили, что получена директива штаба Особой группы войск Южного фронта. Конному корпусу приказывалось сосредоточиться в районе Арчеды и Гуляевки, имея дальнейшей задачей — форсированным маршем выйти в район Новохоперска, найти и разгромить корпус Мамонтова. В связи с этой задачей наш корпус выводился из состава 10-й армии и подчинялся непосредственно командующему Особой группой войск Южного фронта.

3

Директива командующего Особой группой войск о выдвижении корпуса в район Новохоперска не позволила осуществить намеченный мною план рейда на Миллерово. Но изменника Миронова упускать не хотелось. Располагая данными о Миронове, мы разработали

маршрут движения корпуса к Новохоперску так, чтобы в полосе движения встретить его корпус.

Утром 11 сентября дивизии корпуса, выслав вперед и на фланги разведку, выступили по маршруту: Кепинский, Арчединская, Бочаровский, Старо-Анненская.

13 сентября, когда мы уже приближались к Старо-Анненской, я ехал в голове колонны 4-й дивизии, смотрел на свою потрепанную карту и ломал голову над тем, где же все-таки Мамонтов. В директиве командующего Особой группой говорилось: «Найти и разгромить Мамонтова», а где действует Мамонтов, не указывалось. Похоже на то, что ищи ветра в поле. В конце концов я махнул рукой, решив, что в дальнейшем обстановка прояснится.

Не доезжая хутора Верхне-Лесного, фланговые разъезды натолкнулись на разъезды Миронова. Корпус его выдвигался из хутора Сатаровского к хутору Верхне-Лесному. Получив донесение об этом, я вызвал начальников дивизий и поставил им задачи: 4-й дивизии окружить корпус Миронова и предложить ему сдаться, а 6-й дивизии приготовиться к бою на случай прорыва мироновцев.

Картина встречи наших частей с корпусом Миронова хорошо наблюдалась с высоты, на которой мы остановились. При подходе 4-й дивизии к хутору Сатаровскому Миронов начал строить своих казаков.

— Никак не пойму, для чего ему понадобилось это построение? — удивился комиссар корпуса Кивгела.

— Сейчас увидим. Может, он так рад встрече, что хочет устроить в честь нас парад, — пошутил я.

Выстроив казаков, Миронов со своими помощниками встал перед строем. 4-я дивизия к этому времени полностью окружила хутор и подступила к казакам вплотную. Подтягивалась к хутору и 6-я дивизия. Я хотел ехать к Миронову, чтобы арестовать его, но Городовиков подскочил к Миронову, взял его под конвой и привел ко мне.

Миронов страшно возмущался.

— Что это за произвол, товарищ Буденный? — кричал он. — Какой-то калмык, как бандит, хватает меня, командира красного корпуса, тянет к вам и даже не хочет разговаривать. Я построил свой корпус, — продолжал Миронов, — чтобы совместно с вашим корпусом провести митинг и призвать бойцов к усилиям для спасения демократии.

— Какую это вы собрались спасать демократию? Буржуазную! Нет, господин Миронов, поздно, опоздали!

— Что это значит?

— Бросьте притворяться, Миронов... Вы прекрасно понимаете, что обезоружены как изменник, объявленный вне закона.

— Вот какой ты, незаконный живешь, а еще ругаешься! — вставил Городовиков, укоризненно покачав головой.

Казаки Миронова в недоумении перешептывались и со страхом поглядывали на наши многочисленные станковые пулеметы на тачанках, направленные на них.

Я приказал командному составу корпуса Миронова включительно до командира сотни выйти из строя и сложить оружие. Когда приказание было исполнено, я выступил перед казаками и объяснил им, что Миронов объявлен вне закона за измену: он использовал доверие Советского правительства с целью собрать казаков и увести их к белогвардейцам. Поднялся шум — казаки кричали, что они ничего не знали об измене Миронова. С трудом восстановив тишину, я сказал:

— Знали вы об измене Миронова или не знали, но оружие вам придется сдать, оно будет вам возвращено после расследования.

После этого я скомандовал казакам слезать с лошадей и положить перед собой оружие, а начальнику снабжения корпуса Сиденко поручил собрать оружие на повозки и увезти в обозы.

Комиссар, начальник политотдела и начальник Особого отдела корпуса немедленно занялись выяснением, в какой степени и кто причастен к этой измене.

Миронов, его начальник штаба Лебедев, комиссар Булаткин, начдивы Фомин и Золотухин были взяты под усиленную охрану. Остальных командиров и весь рядовой состав корпуса Миронова построили в колонну, и эта колонна на марше заняла место между нашими дивизиями.

К вечеру Конный корпус сосредоточился в Старо-Анненской. Со станции Филоново было передано по телеграфу донесение командующему Особой группой войск о захвате и разоружении корпуса Миронова и что на 14 сентября Конному корпусу назначена дневка в районе Анненской.

Дневка в Анненской была необходима не только для отдыха — нужно было поговорить с казаками Миронова, разобраться, кого из них можно взять в корпус, а кроме того, нужно было подтянуть и привести в порядок наши тылы. Кстати о тылах.

Мы не имели достаточно налаженного централизованного снабжения, а довольствовались из местных средств и главным образом за счет противника. Самим приходилось и добывать и распоряжаться продовольствием, фуражом, боеприпасами, оружием. Это требовало особо четкой организации тыла, и надо отдать справедливость труженикам нашего тыла. Отлично работали они, с полным сознанием своей ответственности за обеспечение боевых операций корпуса.

У нас имелись свои мастерские по ремонту обмундирования и снаряжения, мастерские по ремонту стрелкового оружия, артмастерские, располагающие запасными частями. Вскоре стали появляться и железнодорожные летучки — мастерские в вагонах, прицепленных к бронепоездам.

Организаторами этой огромной и крайне важной в наших условиях работы были Сиденко — начальник снабжения корпуса, Снежко — начальник артиллерии корпуса, ведавший артиллерийским снабжением и вооружением, и корпусной медицинский врач Петров.

4

На допросе Миронов не признавал себя виновным в том, что самовольно увел корпус из Саранска, и отрицал свою связь с белогвардейцами.

Он заявил, что его оклеветали и никакого преступления он за собой не ведает. Держался Миронов вызывающе.

— Я максималист, — заявил он.

— А что это мудреное слово обозначает? — спросил я его.

— Да вам, Буденный, не понять этого. Проще говоря, я за Советскую власть без коммунистов.

— Где уж тут мне разобраться! Вы, максималисты, видно, родные братья авантюристов. Я вот хорошо понимаю, что коммунисты — голова народной власти. Сняв эту голову с плеч народа, вы легко разделаетесь с ним.

Булаткин показал, что по прибытии из Конного корпуса в Москву его по ходатайству казачьей секции при ВЦИК РСФСР назначили комиссаром формируемого Мироновым корпуса; Миронов не посвящал его в свои преступные планы, а когда он узнал о том, что Миронов объявлен вне закона, то растерялся, проявил малодушие и не потребовал от него ясного ответа на предъявленные ему обвинения.

— Удивляюсь вам, Булаткин, — сказал я. — Вы были в корпусе боевым командиром и уважаемым человеком. Как вы могли так быстро переродиться?

— Да поймите меня, Семен Михайлович. Я же в корпусе Миронова человек новый, меня казаки не знают, а Миронову верят. Скажи я казакам, что Миронов — предатель, меня стерли бы в порошок.

— Тем хуже для вас, Булаткин, если вы, коммунист, спасовали перед предателем, — ответил я.

Под конец Булаткин полностью признал свою вину и, заявив, что готов понести самое суровое наказание, попросил учесть его прошлую честную службу в Особой кавалерийской дивизии и дать возможность искупить вину.

Оказалось, что начальник штаба корпуса Миронова Лебедев тоже слыхал, что Миронов объявлен вне закона, но он будто бы не верил этому.

Начальники дивизий Фомин и Золотухин сказали, что они ничего не знали о предательских намерениях Миронова и не слышали о том, что он объявлен вне закона.

Я допросил и арестованного Мироновым комиссара одного стрелкового батальона Шульгу. Он сообщил, что Миронов по пути движения корпуса разоружал части и подразделения, а также новые формирования Красной Армии. Так был разоружен и распущен по домам батальон, в котором он, Шульга, был комиссаром. Миронов окружил батальон и велел отобрать у бойцов оружие под тем предлогом, что его корпус идет на фронт, а оружия у него мало. А когда Шульга стал протестовать, Миронов его арестовал и приказал расстрелять. Шульга избежал расстрела только благодаря заступничеству Булаткина. Но Миронов не оставил своего намерения расстрелять Шульгу — для этого он взял его с собой.

В тот же день поздно вечером я созвал на совещание комиссара корпуса Кивгела, начальника политотдела

корпуса Суглицкого, начальника штаба Погребова и начдивов Городовикова и Батурина.

На совещании был одобрен и утвержден следующий приказ по Конному корпусу: «Командир казачьего корпуса Миронов изменил революции и объявлен Советским правительством вне закона. Преступление Миронова заключается в том, что он, потеряв веру в прочность Советской власти, обманным путем, под предлогом помощи фронту, увел из Саранска формируемый им казачий корпус с тем, чтобы перейти на сторону белых. Кроме того, осуществляя свое преступное намерение, изменник Миронов незаконно разоружал и распускал по домам формируемые части и подразделения Красной Армии и тем самым наносил ущерб Советской республике. Об измене Миронова знали комиссар корпуса Булаткин и начальник штаба корпуса Лебедев. Однако они не приняли решительных мер по пресечению преступных действий и намерений Миронова и фактически сами стали на путь измены. Миронова, объявленного Советским правительством вне закона, расстрелять. Булаткина, Лебедева и других лиц, активно пособничавших преступнику Миронову, предать суду военного трибунала. Командиров и бойцов бывшего корпуса Миронова, преданность которых Советской республике не вызывает сомнений, распределить по частям Конного корпуса из расчета 3—4 человека в каждый взвод. Комиссару корпуса, комиссарам дивизий и полков провести среди бойцов и командиров соответствующую разъяснительную работу».

На совещании было решено, что приказ будет объявлен в десять часов утра 15 сентября перед строем Конного корпуса и строем бойцов и командиров бывшего корпуса Миронова.

О принятом решении было составлено донесение командующему Особой группой войск Шорину и главкому С. С. Каменеву. Начальник штаба корпуса Погребов послал с этим донесением на станцию Филоново одного командира из оперативного отдела штаба, приказав передать по телеграфу донесение в Саратов и Москву. Но в девять часов утра посланный командир вернулся и доложил, что донесение он не послал, так как на станцию Филоново прибыл председатель Реввоенсовета республики Троцкий и приказал по отношению к Миронову ничего не предпринимать. Троцкий вернул нашего коман-

дира обратно, сказав, что он к десяти часам приедет в корпус и лично во всем разберется.

Я послал встретить Троцкого кавалерийский эскадрон и построил корпус в ожидании его приезда.

В десять часов Троцкий в сопровождении командующего 9-й армией Степина въехал на автомашине в Анненскую. Я подал корпусу команду «смирно» и подъехал к Троцкому с докладом. Выслушав меня, он не поздоровался ни со мной, ни с бойцами.

— Доложите, что думаете дальше делать, — сердито сказал он.

Я спешился, подошел к Троцкому и пригласил его зайти в помещение штаба корпуса.

В штабе я подробно доложил Троцкому о состоянии корпуса, о расследовании преступления Миронова и ознакомил его с приказом по корпусу.

Троцкий недовольно поморщился и сказал:

— Принимаемые вами репрессии по отношению Миронова неправильны. Ваш приказ я отменяю и предлагаю: Миронова, Булаткина и Лебедева под ответственным конвоем отправить по железной дороге в Москву в распоряжение Реввоенсовета республики, а всех казаков мироновского корпуса, в том числе и командиров, в пешем строю под конвоем направить в штаб 9-й армии в Бутурлиновку.

Я пытался напомнить Троцкому, что Миронов объявлен Советским правительством вне закона и поэтому мы имели полное право расстрелять его без суда и следствия.

— Зачем вам заниматься Мироновым, — прервал меня Троцкий.— Ваше дело арестовать и отправить его. Пусть с ним разберутся те, кто объявил его вне закона.

Я позволил себе также сказать, что для конвоирования мироновцев мы должны выделить часть корпуса. Кроме того, необходимо принять на себя лошадей и обоз мироновского корпуса. Таким образом, нам придется превратить одну из своих бригад в команду конвоиров, коноводов и обозников. И это в то время, когда перед корпусом поставлена задача найти и разгромить Мамонтова!

— Знаю, — ответил Троцкий, — и эта задача с вас не снимается.

— Но могу ли я рассчитывать на успех, если одна из двух дивизий корпуса будет возиться с мироновцами?

— Мне все понятно, — остановил меня Троцкий. — И все-таки я полагаю, что вы, несмотря на определенные трудности, выполните приказание председателя Реввоенсовета республики.

Почувствовав, что доказывать Троцкому бесполезно, я сказал, что его приказание будет выполнено.

— Ну вот так-то лучше, — примирительно сказал Троцкий. — Приступайте, голубчик, к делу.

— О приказе, который вы сейчас отменили, — снова обратился я к Троцкому, — знает весь командный состав корпуса. Корпус построен, и я бы просил вас выступить и разъяснить ваше решение.

— Выступить можно, — ответил Троцкий. — Но то, что вы просите, это не тема для разговора. А вот, может быть, ваши бойцы нуждаются в разъяснении каких-либо политических вопросов? Как у вас поставлена в корпусе политическая работа?

— Политическая работа в корпусе ведется систематически, несмотря на то, что корпус за последнее время вел непрерывные бои, — ответил стоявший рядом со мной Кивгела. — Но дело в том, что к нам приходит много добровольцев, наслышавшихся разных белогвардейских басен о коммунии. В связи с этим нередко у бойцов возникают дебаты: что такое Советская власть? Что такое коммунизм? Недавно, например, я слышал такой разговор: «То коммунисты! А мы не за коммунистов, а за большевиков».

Все засмеялись, и Кивгела закончил, обращаясь к Троцкому:

— Может быть, вы скажете бойцам несколько слов по этому вопросу.

— Хорошо, — сказал Троцкий, — я согласен выступить. Идемте.

Выйдя из помещения штаба, мы остановились против построенного корпуса. Я подал команду «Смирно», рассчитывая, что Троцкий на этот раз поздоровается с бойцами и командирами. Но он или не знал этого порядка или же не нашел нужным приветствовать бойцов.

— Пожалуйста, пожалуйста продолжайте свое дело, — кивнул мне Троцкий и, остановившись, стал осматривать выстроенный корпус.

Я подал команду «Вольно» и объявил, что будет говорить председатель Реввоенсовета республики Троцкий.

Троцкий начал с того, что революция находится в опасности, что мы не выдержим натиска белых, если не наведем организованности и порядка в своих рядах, а потом заговорил о «коренных вопросах социальных проблем».

— Непонятно, — послышался голос из рядов корпуса.

Троцкий повернул голову в сторону бойца, бросившего реплику, и продолжал:

— В наших рядах есть элементы, извращающие наши понятия о формах устройства общества, за которое мы воюем. Я имею в виду коммуну с ее обобществленными средствами производства и равными условиями пользования общими благами труда.

— Значит, все общее? — вновь послышалась реплика.

— Да, общее, при абсолютной ликвидации частной собственности.

Поднялся шум, сквозь который резко слышались отдельные выкрики:

— Эта коммуна для коммунистов, а мы за большевиков!

Видя, что шум нарастает, я поднял руку. Мгновенно наступила тишина.

— Прошу внимания, товарищи бойцы и командиры. Вот видите, что у меня в руке?

— Видим! Коробка спичек.

— Так вот: на одной стороне этой коробки мы напишем большевик, на другой — коммунист. Поверну ли я эту коробку одной или второй стороной, вниз или вверх, от этого ничего не изменится: коробка останется коробкой. То же самое назовите вы меня большевиком или коммунистом будет одно и то же.

— Да ну!!!

— Значит ясно?

— Понятно!!! — гаркнули бойцы в один голос.

Троцкий стоял, нервно покусывая губы. Чтобы закончить этот неудавшийся митинг, я вновь поднял руку и провозгласил:

— Да здравствует Красная Армия и председатель Реввоенсовета республики!

Загремело мощное «ура». Троцкий торопливо пошел к машине, и казалось, что боевой клич бойцов подталкивал его в спину...

Потом мне рассказывали, что, вернувшись от нас в Москву, Троцкий говорил:

— Корпус Буденного — это банда, а Буденный — атаман-предводитель. Мое выступление эта банда встретила ревом, а один взмах руки Буденного произвел на них впечатление электрического удара. Это современный Разин. И куда он поведет свою ватагу, туда она и пойдет: сегодня за красных, а завтра за белых.

На второй день после приезда Троцкого в корпус Миронов и Булаткин под конвоем, возглавляемым И. В. Тюленевым, были направлены в Саратов. Бойцы и командиры бывшего корпуса Миронова, изъявившие желание драться за Советскую власть, были распределены по частям корпуса, а остальные под конвоем направлены в 9-ю армию.

5

После дневки в Старо-Анненской корпус продолжал движение к Новохоперску и 18 сентября сосредоточился в Пыховке, Бурляевке, Русанове, Ивановке. Штаб корпуса разместился в Пыховке — десять километров югозападнее Новохоперска.

Подтянув все части и тылы, корпус расположился на отдых, чтобы в дальнейшем форсированным маршем двинуться в направлении станции Таловая, где, по нашим предположениям, должен был действовать Мамонтов.

Но 20 сентября была получена новая директива командующего Особой группой войск Шорина: корпусу ставилась задача выйти в район Бутурлиновки, а в дальнейшем занять Павловск и действовать в тесной связи с 56-й стрелковой дивизией.

Директива командующего группой фактически отменяла ранее поставленную задачу по разгрому Мамонтова и не объясняла причин движения на Павловск. В дальнейшем нам стало известно, что эта переброска нашего корпуса была вызвана слабостью стыка между 8-й и 9-й армиями и активизацией в районе станицы Казанской крупных сил противника.

Три дня мы двигались по тяжелым песчаным дорогам, а то вообще по бездорожью в направлении Павловска и к вечеру 22 сентября, перейдя железную дорогу Калач-Бутурлиновка, расположились на отдых в селах Солонецкое, Рассыпное и Квашино. Но отдохнуть нам не

пришлось. Высланные в сторону Калача разъезды донесли, что по дороге из Калача на Воробьевку в панике бегут обозы нашей пехоты. Оказалось, что эти обозы принадлежат 56-й стрелковой дивизии, выдвинутой на укрепление стыка между 8-й и 9-й армиями. Противник конными частями повел наступление, опрокинул части 56-й стрелковой дивизии и, развивая свой успех, занял город Калач.

Значительная часть 56-й дивизии попала в плен, а одна бригада во главе с начальником дивизии Слуйсом, окруженная, отбивалась от наседавших белогвардейцев.

В связи с резким изменением обстановки я принял решение прекратить движение в направлении Павловска и восстановить положение наших войск в районе Калача. Части из района Ясиновки перешли в решительное наступление и, отбросив противника на юг, 23 сентября заняли город Калач. Из захваченных документов и показаний пленных мы установили состав сил и цели противника.

В калачевском направлении действовала группа генерала Савельева в составе четырех казачьих полков генерала Яковлева и трех офицерских пехотных полков, сбъединенных в бригаду под командованием генерала Арбузова. Перед группой Савельева была поставлена задача прорвать наш фронт в стыке 8-й и 9-й Красных армий и во взаимодействии с корпусом генерала Мамонтова разгромить 8-ю армию, действующую на левом берегу Дона от Воронежа до Павловска. Решительные действия Конного корпуса сорвали этот план. Однако белые, потеряв Калач, то и дело переходили в контратаки, стремясь сбить передовые части нашего корпуса.

26 сентября Конный корпус, отбив атаки противника, перешел в стремительное наступление в направлениях Петропавловки, Огорева с задачей прорваться к Дону и, захватив переправы, отрезать белогвардейцам путь отхода на правый берег реки. В дальнейшем мы рассчитывали двинуться через Богучар в Евстратовку и нанести удар противнику, действовавшему в направлении Павловска.

26 и 27 сентября разгорелись исключительные по своему ожесточению бои корпуса с кавалерией в районе Котовка, Березняги и пехотой противника севернее Ка-

занской. Конница белых, выбитая 4-й кавалерийской дивизией из Ново-Троицкого, Старой Криуши, а 6-й дивизией из Красноселовки и Петропавловки, бросилась к переправе через Дон у Подколодновки. Но переправа уже была захвачена передовыми частями 6-й кавалерийской дивизии, наносившей удар во фланг и тыл противнику с юго-запада. Белоказаки начали беспорядочный отход к станице Казанской. Но если конница противника в панике металась из стороны в сторону, то белогвардейская пехота оказала отчаянное сопротивление. Офицерская бригада Арбузова залегла по высотам севернее станицы Казанской и открыла ураганный огонь по атакующим полкам нашей 4-й кавалерийской дивизии. Начался жаркий бой. Офицеры дрались яростно и в плен не сдавались. Раненые либо кончали жизнь самоубийством, либо пристреливались оставшимися в живых. Особо упорно оборонялись офицеры, сбившиеся у штаба бригады, вокруг черных знамен с двухглавыми орлами. Командир 22-го кавалерийского полка Федор Максимович Морозов с небольшой группой храбрецов бросился в самую гущу офицеров, оборонявших штаб бригады. Под Морозовым убили коня, сам он был дважды ранен, но это не остановило храброго командира. С шашкой в одной руке и с револьвером в другой он, пробиваясь вперед, уничтожил одиннадцать белогвардейцев, в числе их генерала Арбузова.

Страшную картину представляла местность, где происходил этот жестокий бой: повсюду на изрытых, почерневших холмах лежали обезображенные шашечными ударами трупы людей и лошадей, повсюду были разбросаны винтовки и пулеметы.

Проезжая по полю только что закончившегося боя, я увидел Дундича. В этом бою под ним был убит конь, а сам он зарубил семь офицеров. Теперь, раненный, он сидел на земле — отдыхал. Вид у него был измученный, но голубые глаза его светились торжеством победы.

4-я дивизия вырубила в этом бою почти всю офицерскую бригаду белых. После этого Конный корпус устремился к станице Казанской, куда отступали казачьи части противника. Под напором нашей кавалерии казаки бросились к временному мосту, мост не выдержал тяжести сгрудившейся на нем конницы и рухнул. Много белоказаков утонуло, немало их погибло на воде от огня

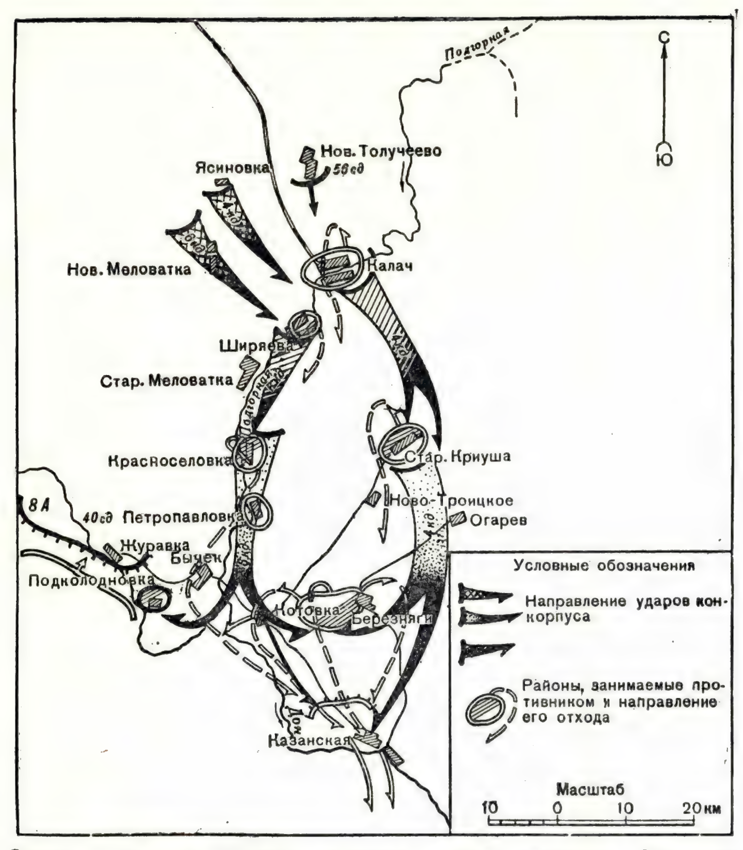

Схема 7. Разгром Конным корпусом группы генерала Савельева в районе Калач — Казанская.

наших пулеметов, а сбившиеся у моста в беспорядочную толпу были захвачены в плен (схема 7).

Таков был конец группы генерала Савельева. На поле сражения противник оставил больше полутора тысяч убитых, восемьсот белогвардейцев были взяты в плен. Захвачено три легких орудия, свыше тридцати пулеметов, до семисот снарядов и до двух тысяч подвод, груженных преимущественно хлебом.

Кроме того, были освобождены из плена бойцы 56-й стрелковой дивизии.

6

После разгрома группы Савельева в районе Калача и Казанской создавалась реальная возможность для ликвидации противника перед всем фронтом 9-й армии и удара Конным корпусом на Миллерово в духе плана рейдовой операции, задуманной мной еще в период действий корпуса в районе Усть-Медведицкой.

Свои соображения о плане дальнейших действий и о результатах боев за последние дни я решил доложить командующему Особой группы войск Шорину и с этой целью отправился 27 сентября в Калач, где находился штаб нашего корпуса. Без особого труда соединившись с Шориным по аппарату «Морзе», я доложил ему о разгроме группы генерала Савельева и восстановлении положения на участке 56-й стрелковой дивизии — в стыке 8-й и 9-й армий.

Но, к моему удивлению, успешные действия корпуса, начатые по нашей инициативе, не порадовали командующего. Шорин почему-то отнесся к моему сообщению так, будто разгром группы Савельева не улучшал обстановки в стыке наших армий и особенно положение правого фланга 9-й армии, хотя это было очевидным. Даже наши враги говорили потом, что разгром группы генерала Савельева вынудил их отвести за Дон 2-й Донской корпус, действовавший против 9-й армии. А когда я предложил нанести корпусом удар по противнику от станицы Казанской вдоль Дона перед фронтом 9-й армии, а затем разрешить нам рейд на Миллерово, командующий ответил, не задумываясь:

— Это нецелесообразно.

— Как это нецелесообразно? — горячо возразил я. — Эти действия обязательно приведут к полной ликвидации противника перед фронтом 9-й армии. Противнику даже отступать будет некуда. Казанская в наших руках. А от этой станицы до устья Медведицы переправ и бродов на Дону нет. После ликвидации противника 9-я армия выйдет на Дон, а корпусу может быть поставлена новая задача.

— Не годится, — коротко повторил Шорин и приказал двигать корпус в район Бутурлиновки для действий против Мамонтова, то есть выполнять ранее поставленную ему задачу.

Утром следующего дня в соответствии с письменной директивой, которой Шорин подтвердил свое распоряжение, корпусу был отдан приказ оставить станицу Казанскую и начать марш на Бутурлиновку.

Во время марша корпуса на Бутурлиновку нам стало известно, что Мамонтов, переправившись через Дон в районе Сторожево, начал новый рейд по тылам нашей 8-й армии и занял станцию Таловую. Я отдал уже приказ двигаться на Таловую и вдруг получил новую директиву командующего от 30 сентября. Этой директивой Шорин приказывал корпусу вернуться назад в Казанскую и нанести удар по противнику перед фронтом 9-й армии вдоль Дона на станицу Вешенскую, то есть то, что я предлагал несколько дней назад и что было отвергнуто им, Шориным.

Нельзя было не удивиться такой непоследовательности командующего. Я опять связался с Реввоенсоветом Особой группы войск, сообщил, что корпус двигается для действий против Мамонтова и что возвращение его считаю нецелесообразным. Однако Шорин категорически потребовал выполнять его приказ и при этом заявил, что с моим мнением он считаться не может.

Я ответил, что план удара корпуса на Вешенскую вдоль Дона был предложен мною, когда корпус находился на Дону в районе станицы Казанской. Тогда этого удара требовала обстановка и выгодное расположение корпуса. Теперь же, когда Мамонтов угрожает глубоким тылам 8-й армии и всему Южному фронту, удар корпуса на Вешенскую будет бессмысленным и даже граничащим с предательством, а поэтому корпус выполнять его не станет, а будет продолжать движение на Мамонтова.

Услышав такой ответ, Шорин не стал со мной больше разговаривать. Вместо него к аппарату подошел член Реввоенсовета Особой группы войск Смилга. Он сказал, чтобы я передал привет доблестным бойцам Конного корпуса и выполнял приказ командующего.

Я поблагодарил Смилгу и ответил, что привет бойцам передам, но корпус не будет возвращаться в Казанскую, а пойдет на Таловую, против Мамонтова, как это ему приказано.

Мне очевидно было, что в данном случае Шорин руководствовался не общими интересами борьбы с наибо-

лее опасным врагом, каким в сложившейся обстановке был Мамонтов, а местническими интересами непосредственно подчиненной ему 9-й армии. Кроме того, отдавая Конному корпусу приказ наступать на Вешенскую, Шорин, видимо, рассчитывал этим в случае надобности показать, что мое предложение — нанести удар на Вешенскую — он принял, но что я сам же от него отказался и самовольно двинул корпус на Таловую.

В дальнейшем ход событий показал, что я был прав в своем понимании действий Шорина. В записке по прямому проводу члену Реввоенсовета Юго-Восточного фронта от 4 октября 1919 года В. И. Ленин писал:

«Шорин жульничает, сберегая Буденного только для себя и вообще не проявляя никакой энергии для помощи войскам Южфронта. Вы будете целиком ответственны за устранение этого безобразия, равносильного предательству. Телеграфируйте подробно, какие реальные меры серьезной помощи и серьезного контроля за выполнением ее и с каким успехом применяете» [1].

2 октября была получена директива штаба Шорина, в которой он, несмотря на то, что движение корпуса навстречу Мамонтову шло в разрез с его намерением использовать корпус для удара на Вешенскую, вынужден был все-таки санкционировать мое решение. Однако и здесь, вместо постановки корпусу конкретной задачи на разгром Мамонтова, Шорин подчинил корпус командующему 9-й армии, поставив ему задачу с узкой целью — не допустить распространения Мамонтова в восточном и юго-восточном направлениях.

Эта директива Шорина была последней для нас, так как вскоре в целях более разумного использования Конного корпуса в соответствии с указанием В. И. Ленина корпус был изъят из подчинения командующему Особой группой войск и передан в непосредственное подчинение Южного фронта.

Продолжая движение, корпус 3 октября сосредоточился в Воробьевке. Сюда к нам прибыл Е. А. Щаденко, которого я знал еще с 1914 года. Когда в Армавире дра-

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, стр. 222.

гуны запасного кавалерийского дивизиона разгромили тюрьму, в числе заключенных в ней был и Щаденко. Встречался я с Щаденко и в 1918 году, во время обороны Царицына — он тогда занимал должность начальника Упраформа 10-й Красной армии. Щаденко привез мне в Воробьевку письмо от И. В. Сталина.

Сталин писал, что Центральный Комитет партии делает все необходимое, чтобы остановить продвижение армии Деникина к Москве, а затем перейти в контрнаступление. Положение, подчеркивал Сталин, остается напряженным. В частности, он писал о большом вреде, который приносит корпус Мамонтова, и указывал на необходимость чрезвычайных мер для разгрома его.

Из письма Сталина видно было, что он возлагает надежды на Конный корпус как на силу, способную разгромить корпус Мамонтова.

«Только бы уцепиться, — думал я, — за этого ставшего популярным в стане белогвардейцев тылового разбойника, и он получит расплату за все свои злодеяния».

В конце письма Иосиф Виссарионович передал привет личному составу кавалерийских дивизий и просил сообщить, что нужно для того, чтобы еще выше поднять боеспособность корпуса.

Щаденко ознакомил меня также с содержанием Циркулярного письма ЦК РКП(б) от 20 сентября 1919 года, в котором говорилось:

«Товарищи, положение на фронтах, особенно на Южном фронте, заставляет ЦК РКП вновь обратиться к вам с призывом удвоить, утроить, удесятерить энергию партийных организаций в деле военной обороны Советской России. Наступление Деникина с юга начинает грозить жизненным центрам Советской Республики так же, как весной подобную же угрозу несли с востока банды Колчака.

Опыт победоносной борьбы с Колчаком показал нам, где кроется истинный источник военных сил пролетарской власти. Колчак был сбит и обращен в бегство благодаря тому, что наша партия бросила тогда на Восточный фронт все свои лучшие силы, связав их железной военной организацией.

Не медля ни минуты, партия должна вновь прибегнуть к тем же способам действия.

Наступление Деникина есть покушение на самое существование Советской власти, а вместе с ней и на существование Коммунистической партии.

В борьбе с Деникиным должен быть использован весь тот запас революционной энергии, которым обладает наша партия. Весь государственный аппарат должен быть поставлен на службу единой задаче: победить Деникина, уничтожив живую силу его белогвардейских банд.

Во имя этой задачи должна быть нарушена и сломана вся старая рутина управления. Все коммунисты должны быть извлечены из тех учреждений, где они могут и должны быть заменены беспартийными работниками, женщинами, инвалидами гражданской войны. Коммунисты должны быть переданы в распоряжение военных властей. Всякая коллегиальность должна быть сокращена до минимума. Дискуссии и обсуждения должны быть заброшены. Партия должна как можно скорее перестроиться на военный лад: превратиться в точно действующий, без задержки работающий, крепко спаянный военно-революционный аппарат. В этом аппарате должны быть точно распределены права и обязанности. Каждый коммунист должен знать, какова его роль, где он должен находиться и что делать в момент боевой опасности. За неаккуратность, неисполнение постановлений, расхлябанность должна быть установлена суровая ответственность.

В борьбе за власть с капиталистами и помещиками сила коммунизма в тех рабочих и крестьянских массах, которые должны выбирать между диктатурой рабочего класса и диктатурой царских генералов. Эта миллионная масса должна быть втянута в борьбу против Деникина. Беспартийные представители этой массы должны быть вовлечены в работу агитации, мобилизации, а равным образом и управления, сменяя коммунистов, передвинутых на непосредственно военную работу. Не должно остаться ни одного сочувствующего, ни одного сознательного рабочего, хотя бы и не коммуниста, ни одной рабочей организации или группы, которые оставались бы неосведомленными об опасности, угрожающей рабочему классу, и не получили бы места и определенной задачи в общей борьбе против Деникина.

Товарищи, наступление Деникина требует, чтобы наша партия без всякого промедления развернула во всю ширь

свою энергию. Истинная выразительница интересов рабочего класса, представительница мировой революции, Коммунистическая партия спасет Советскую власть и разобьет попытки контрреволюции, если каждый коммунист на своем посту в этот решающий момент — без суголоки, без паники, но и без легкомысленной недооценки тяжести положения выполнит свои обязанности представителя пролетарской революции.

За дело же, товарищи!

Не теряйте ни минуты в деле мобилизации, агитации, в деле помощи Южному фронту!

В частности немедленно должны быть выдвинуты десятками работники на должности комиссаров полков. Товарищи, годные к этой работе, должны быть сняты со своей обычной работы немедленно и направлены в распоряжение Политического управления армии. Объявите добровольную запись на эту работу! **Помогайте строить кавалерийские части! Извлекайте всех коммунистов-кавалеристов, создавайте из них ячейки для советской кавалерии.** (Подчеркнуто мною — *С. Б.*).

Деникин должен быть разбит и будет разбит новым порывом революционной воли пролетариев-коммунистов» [1].

Понятно, как глубоко обрадовал нас призыв Центрального Комитета партии создавать кавалерийские части. В этом призыве было глубокое понимание роли кавалерии в гражданской войне. События показали, что Деникин имел успех прежде всего потому, что его армия состояла в подавляющем большинстве из наиболее ма-

[1] Опубликовано в «Известиях Центрального Комитета Российской Коммунистической партии большевиков» № 6, 30 сентября 1919 г.

невренного и боеспособного в тот период рода войск — казачьей конницы. Это было всем известно, конечно, в том числе и пособникам Деникина, сидевшим на некоторых руководящих постах в Красной Армии и сознательно тормозившим рост советской кавалерии.

Если Деникин с начала своего наступления на Южном фронте бросил конные корпуса генералов Мамонтова, Покровского, Шатилова (объединенные при наступлении на Царицын в группу Врангеля), конные группы генералов Голубинцева, Яковлева, корпуса генералов Гусельщикова, Коновалова, Шкуро, Улагая, Науменко и других, то мы этой массе казачьей конницы могли противопоставить лишь один Конный корпус да отдельные части войсковой конницы.

Перед страной со всей очевидностью стояла необходимость создания своей массовой кавалерии и при этом крупных конных соединений, так как мелкие кавалерийские части не давали желаемого эффекта в борьбе с конными корпусами и объединениями корпусов белых.

После письма И. В. Сталина и знакомства с Циркулярным письмом ЦК РКП(б) у меня зародилась мысль создания такого крупного кавалерийского объединения, как Конная армия. Я решил, как только представится возможным, обратиться по этому вопросу в ЦК партии и лично к В. И. Ленину.

☆

IX. ВЗЯТИЕ ВОРОНЕЖА

1

4 октября по пути нашего движения от Воробьевки к Таловой над колонной корпуса появился самолет. Нетрудно было определить, что самолет принадлежит белым, так как ни в 8-й, ни в 9-й, ни в 10-й Красных армиях авиации не было. Самолет сделал вираж и стал кружиться над колоннами дивизий.

Тотчас же было приказано опустить знамена и всем махать шапками.

Самолет еще больше снизился, сделал разворот и пошел на посадку. Он не успел еще остановиться, как был окружен со всех сторон кавалеристами.

Летчик выскочил из кабины самолета и спросил:

— Вы мамонтовцы?

— Да, мамонтовцы. Руки вверх!

На допросе было установлено, что летчик вылетел из Воронежа с задачей найти Мамонтова в треугольнике Таловая, Бобров, Бутурлиновка и передать ему приказ генерала Сидорина и письмо Шкуро.

Приказ и письмо, изъятые у летчика, содержали очень ценные для нас сведения.

Сидорин в своем приказе ставил группе генерала Савельева и корпусу генерала Мамонтова задачу окружить и уничтожить 8-ю Красную армию, обеспечив беспрепятственное продвижение Донской армии на Москву. Аппетит у Сидорина оказался большим. Можно было лишь удивляться его плохой осведомленности: он ставил задачу группе генерала Савельева, которая уже была разгромлена нами.

В записке, приложенной к приказу, Сидорин рекомендовал Мамонтову связаться с начальником штаба

Начальник дивизии
О. И. Городовиков
(1920 г.)

Комиссар дивизии
А. М. Детистов
(1920 г.)

Начальник дивизии
С. К. Тимошенко
(1920 г.)

Комиссар дивизии
П. В. Бахтуров
(1920 г.)

8-й Красной армией. «Действуйте быстро и решительно,— писал Сидорин,— на него можно положиться».

Шкуро в своем письме сообщал, что он занял Воронеж, и просил Мамонтова прислать ему боеприпасов, так как он ожидает наступления красных с севера, а боеприпасов не имеет.

Шкуро, видно, рассчитывал, что Мамонтов, начав новый рейд по тылам 8-й армии, поделится с ним награбленным имуществом и боеприпасами.

Приказ Сидорина и письмо Шкуро были немедленно отправлены командующему 9-й Красной армии Степину с просьбой ознакомиться с ними и срочно отправить их в штаб Южного фронта.

Поздно вечером 4 октября мы вступили на станцию Таловую. Части корпуса, уставшие от продолжительного марша, расположились на ночлег в соседних со станцией поселках. Оказалось, что Мамонтов еще прошлой ночью был в Таловой, но в четыре часа утра у белых поднялась тревога, и Мамонтов, забыв в спешке свою исправную легковую автомашину, выступил с корпусом вдоль железной дороги в направлении Воронежа. Наконец-то мы нашли Мамонтова.

На следующий день я с комиссаром Кивгела объезжал части 4-й дивизии и, выступая перед бойцами, говорил:

— Мамонтовцы боятся сближения с вами, красные герои! Они бегут к Воронежу, захваченному бандами Шкуро. Вперед, товарищи!

В ответ на этот призыв тысячи голосов гремели:

— Смерть Мамонтову!!!

— Даешь Воронеж!!!

С Таловой началась наша погоня за Мамонтовым. Он уходил вдоль железной дороги, разрушая на своем пути мосты, расстреливая рабочих-железнодорожников. С великой радостью встречал нас трудовой народ Воронежской губернии. Люди приглашали бойцов в свои дома, делились с ними хлебом и одеждой, отдавали для наших лошадей последние запасы сена. Тысячи людей просили принять их в корпус. Добровольцев было так много, что мы решили принимать лишь тех, кто имел собственную лошадь, седло и шашку. Остальных группировали в команды и отправляли на пополнение 8-й армии.

Выступая перед добровольцами, вступившими в ряды Конного корпуса, я говорил:

— Наш корпус — армия смелых! У нас первое условие, закон такой — идти вперед, не озираясь по сторонам. Бойцы у нас лихие, кони у них хорошие, а у кого плохие — умей отбить хорошего коня у врага. И помните: кто пойдет назад, кто будет разводить панику, тому мы рубим голову. Так вы и знайте: кто не выдержит этого сурового боевого режима, тот не становись в наши ряды. Нам нужны герои, беззаветно преданные революции, готовые на подвиги и на смерть за власть Советов.

В то время как Конный корпус преследовал Мамонтова, 8-я армия, в тылу которой происходило преследование, под давлением противника с фронта оставила рубеж реки Дон и начала отходить, особенно своим правым флангом, со стороны Воронежа. Положение осложнялось тем, что в руководстве армии произошло крупное предательство: начальник штаба с группой штабных военспецов перешел на сторону белых.

Потерявшая веру в свое командование и расстроенная рейдом Мамонтова, 8-я армия вслед за Воронежем оставила Лиски и покатилась на восток, потеряв связь с соседними армиями. Дело могло окончиться для 8-й армии полной катастрофой, если бы Конный корпус своевременно не разгромил на Дону группу генерала Савельева и не вышел к Таловой для противодействия Мамонтову.

Ночью 7 октября, когда корпус сосредоточился в районе Сергеевка, Мартын, Романовка, Нащекино, мною была получена директива командующего Южным фронтом, подписанная А. И. Егоровым и И. В. Сталиным. В директиве говорилось:

«Согласно директиве Главкома № 4780/оп, ваш корпус переходит в подчинение непосредственно мне, 8-я армия отходит на линию реки Икорец от ст. Тулинова до Устья. По имеющимся сведениям, Мамонтов и Шкуро соединились в Воронеже и действуют в направлении на Грязи.

Приказываю:

Корпусу Буденного разыскать и разбить Мамонтова и Шкуро. Для усиления вас приказываю командарму 8-й

передать вам конную группу 8-й армии и 56-ю кавбригаду. Последнюю условно, если вы признаете это желательным, ибо, по имеющимся сведениям, она склонна уклоняться от боев и не исполнять боевых приказов. Вам предоставляется, кроме того, право потребовать от командарма 8-й один — два батальона пехоты для обеспечения устойчивости ваших действий. Питание корпуса огнеприпасами производите через штарм 8. Связь со мной держите через штарм 8 или по радио через Козлов.

Получение сего приказа донесите»[1].

Из этой директивы мы впервые узнали, что И. В. Сталин назначен членом Реввоенсовета Южного фронта. Его назначение было воспринято нами с большим удовлетворением. И мы выразили свое удовлетворение радиограммой, посланной 8 октября в адрес Сталина.

Мы были довольны и тем, что Южным фронтом командует А. И. Егоров, известный нам по Царицыну как способный и решительный военачальник.

К 8 октября части 8-й армии находились на линии ст. Тулино, Кривуша, Коршевский, восточный берег реки Икорец. От правого фланга 8-й армии на север наших частей не было, так как части левого фланга 13-й армии под ударами противника отошли к Ельцу. Таким образом, между 8-й и 13-й армиями образовался разрыв, доходивший до ста пятидесяти километров. В этот разрыв, прикрытый только 61-й стрелковой и 11-й кавалерийской дивизиями, которые находились еще в стадии формирования, намечался удар объединенных в группу кавалерийских корпусов Мамонтова и Шкуро. В соответствии с директивой Реввоенсовета Южного фронта мною был отдан приказ корпусу действовать в общем направлении на Графская — Воронеж с целью обеспечить правый фланг 8-й армии от ударов противника с севера и дать ей возможность образовать сплошной фронт.

9 октября корпус, отбросив противника, сосредоточился в районе: Верхняя и Нижняя Катуховка, Красный Холм, Тулиново, выселки Хреновские. Штаб корпуса расположился в Ивановке. В этом районе корпус оставался до 12 октября и вел разведку противника в полосе: Графская, Ново-Усмань, Московское. Обстановка быстро и резко менялась. Поэтому нам часто приходилось пользо-

[1] ЦГАКА, ф. 191, оп. 5, д. 120, л. 18.

ваться устаревшими, а иной раз и непроверенными данными о противнике. В связи с этим отданный приказ приходилось либо изменять, либо вообще отменять и отдавать новый, соответствующий сложившейся обстановке. Так, например, я вынужден был отменить ранее отданный приказ о выходе корпуса в район Тойда в связи с тем, что данные о противнике, представленные штабом корпуса, оказались недостоверными. Или вот другой случай, характеризующий обстановку на фронте под Воронежем. В штаб корпуса в Ивановку ночью прибежали командир и комиссар одной бригады 12-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону на рубеже Бабяково, Ново-Усмань, и в панике сообщили, что Мамонтов атаковал дивизию с тыла и что дивизия погибла, а они спаслись только чудом. Их поведение возмутило меня до глубины души.

— Вы трусы, если не предатели,— сказал я им.— По вашему сообщению, создается впечатление, что Мамонтов буквально проглотил 12-ю дивизию. Но почему вы здесь? Почему вы бросили бригаду? Почему Мамонтов не проглотил и вас?!

— Но нас никто не предупредил о движении Мамонтова, и мы не ожидали его нападения с тыла. Он разгромил всю дивизию — оправдывались начдив и комиссар.

Очень похоже было, что они бросили дивизию и бежали, спасая себя. И поэтому я приказал коменданту штаба корпуса Гонину арестовать беглецов и направить их в штаб 8-й армии для предания суду военного трибунала.

На другой день при подходе корпуса к селу Рождественская Хава нас встретил временно исполняющий должность начальника 12-й стрелковой дивизии Рева. Я удивился:

— Так ведь 12-я дивизия разгромлена корпусом Мамонтова, как нам докладывали командир и комиссар одной вашей бригады.

Оказалось, что ничего похожего не было: при прорыве Мамонтова дивизия потеряла только часть обозов и штаб одной бригады.

Впрочем, у противника неразберихи было еще больше. Когда корпус Мамонтова, прорвав оборону 12-й стрелковой дивизии, устремился к Воронежу, Шкуро, занимав-

ший Воронеж, принял мамонтовцев за красных и вступил с ними в бой, продолжавшийся несколько часов. Части Мамонтова четыре раза бросались в атаку, но под огнем станковых пулеметов Шкуро откатывались в исходное положение. И лишь в пятой атаке мамонтовцы и шкуровцы опознали друг друга.

12 октября штабом корпуса была получена директива Реввоенсовета Южного фронта, в которой говорилось, что противник развивает операции против Орла, Новосиля и Ельца и что его конница двинулась из Воронежа на север и северо-восток. (Предполагалось движение конницы Шкуро.) Конному корпусу ставилась задача разбить эту конницу и содействовать 8-й армии в выходе на рубеж реки Дона до Яндовище.

В соответствии с полученной задачей корпус был сосредоточен северо-восточнее Воронежа с целью нанести удар по Воронежу, имея прямую связь с правым флангом 8-й армии. К этому времени разведка корпуса установила связь с подчиненной нашему корпусу кавгруппой 8-й армии, которая 12 октября под нажимом противника отошла из Графской в Девицу (несколько километров юго-восточнее Усмани).

Разведкой было установлено также, что противник из района Графской распространялся в направлении Верхней Хавы. Исходя из сложившейся обстановки, утром 13 октября я отдал приказ корпусу сосредоточиться для нанесения решительного удара на Графскую. Дивизии корпуса и кавгруппа 8-й армии вышли в исходные для атаки районы, но противник, не приняв боя, отошел в направлении Воронежа. Поздно ночью 13 октября корпусу был отдан приказ с утра перейти в наступление, овладеть Тресвятской и выйти на линию Ромонь, Углянец, Тресвятская, Чебышевка.

Однако с утра 14 октября противник силами восьми кавалерийских полков Шкуро перешел сам в наступление в направлении Тресвятская, Горки, Орлово с целью нанести удар по левому флангу корпуса. Корпус, отбив атаки противника, перешел в контрнаступление. В результате четырехчасового боя в районе Тресвятская, Орлово противник понес большие потери и отошел в направлении Бабяково, Новая Усмань. Конный корпус вышел в район Орлово, Горки, Тресвятская, Никоново.

15 октября белые крупными силами, при поддержке трех бронепоездов, вновь перешли в наступление на Орлово и сначала потеснили части 4-й дивизии, но успехом им пришлось пользоваться недолго. 4-я дивизия перешла в контратаку и отбросила белогвардейцев в исходное положение. Вечером в Макарий, где располагался штаб корпуса, из Тресвятской прибыл командир конной группы 8-й армии Филиппов и доложил мне о составе и состоянии группы.

Во время первого рейда корпуса Мамонтова в район Грязи, Тамбов, Козлов (Мичуринск) на борьбу с мамонтовцами были брошены курсанты из нескольких школ красных командиров, а также различные мелкие кавалерийские отряды, которые были объединены в кавалерийскую группу. Впоследствии в эту группу была включена и 56-я Украинская кавбригада.

При наступлении Шкуро на Воронеж командование 8-й армии выставило конную группу в качестве прикрытия в районе Нижнедевицка, Турово, Хохол, где она попала под удар корпуса Шкуро и, отступая при переправе через реку Дон вплавь, растеряла всю имевшуюся у нее артиллерию, пулеметы и даже вьюки. Второй раз конная группа попала под удар корпуса Шкуро при захвате им Воронежа.

Я заинтересовался конной группой и утром следующего дня с комиссаром и начальником штаба поехал в Тресвятское.

Филиппов выстроил группу и представил ее нам. Несмотря на то, что группа в течение многих дней вела тяжелые бои, вид бойцов нам понравился, особенно курсантов. Своей бодростью курсанты показывали, что первые неудачные бои не сломили их дух.

Филиппов, заметив, что мы остались довольны курсантами, стал упрашивать меня использовать их в бою за Воронеж.

— Смотрите, товарищ Буденный, какие молодцы — они пойдут в огонь и в воду.

— В воде они уже были, когда переправлялись через Дон и Воронеж, — ответил я Филиппову, — а в огонь их посылать совсем незачем. И это, конечно, не потому, что курсанты плохо вооружены или я сомневаюсь в их преданности революции. Нет, не потому! Война тяжелая, нам нужны свои хорошие красные командиры. А настоящих,

грамотных в военном деле командиров у нас мало. Вот поэтому-то, товарищ Филиппов, и отправьте курсантов в военные школы. Пусть они там учатся воевать не только храбростью, но и умением, а войны на них еще хватит. Разъясните им это, они поймут, а Воронеж освободим и без их помощи.

16 октября конная группа 8-й армии была переформирована в кавалерийскую бригаду двухполкового состава. В тот же день к нам в штаб приехал и командир Отдельного кавалерийского полка Левда, полк которого тоже был подчинен корпусу.

2

Противник, потерпевший поражение в бою с Конным корпусом, отошел на рубеж Чертовицкое, Боровое, Ново-Усмань и 14 и 15 октября вел усиленную разведку расположения корпуса. Теперь наш левый фланг действовал уже в связи с частями 8-й армии, две стрелковые дивизии которой — 12-я и 16-я, — потерявшие связь со штабом армии, временно перешли в наше оперативное подчинение. Однако правый фланг корпуса оставался открытым. Сосредоточение крупных сил белой кавалерии севернее и северо-восточнее Воронежа давало все основания предполагать, что противник попытается еще нанести удар по этому, незащищенному флангу корпуса, в разрыв между 8-й и 13-й армиями. Перед нами встал вопрос: продолжать ли наступление на Воронеж или же привести корпус в порядок, а затем уже нанести противнику решительный удар.

Проанализировав создавшуюся обстановку, мы пришли к выводу, что в силу ряда обстоятельств немедленное наступление корпуса на Воронеж нецелесообразно.

Во-первых, корпус был утомлен многодневными боями. Нужно было дать хотя бы кратковременный отдых, чтобы привести части в порядок и подтянуть тылы.

Во-вторых, не было достаточно точных сведений о силах противника в Воронеже. Мы знали, что в Воронеже находятся корпуса Мамонтова и Шкуро, но не исключено было, что в Воронеже находятся и другие части белых.

В-третьих, мы не имели никаких сведений о системе обороны противника на подступах к Воронежу и в самом

Воронеже и не располагали данными о возможности форсирования такой серьезной водной преграды, как река Воронеж.

В-четвертых, необходимо было время и для того, чтобы правофланговые части 8-й армии подготовились для совместных действий с корпусом. Приступая к такой серьезной операции, как овладение Воронежем с открытым правым флангом, надо было обеспечить хотя бы его левый фланг.

16 октября, учитывая сложившуюся обстановку, я выслушал мнение начдивов и, посоветовавшись с комиссаром и начальником штаба корпуса, отдал корпусу приказ на закрепление по рубежу Излегоша, Рамонь, Тресвятская, Рыкань для подготовки решительного удара с целью овладения Воронежем. Для успешного выполнения задачи мною временно была подчинена корпусу 21-я железнодорожная бригада, действующая в районе Усмани.

В те дни началась ненастная погода. Дождь лил непрерывно, затопляя водой низины, превращая дороги в труднопроходимое месиво. Подступы к Воронежу во время ливней почти непроходимы, так как поймы рек Усмань и Воронеж покрыты сетью болот и мелких озер. В таких условиях, даже при превосходстве сил над противником, успешное наступление на Воронеж было крайне затруднено. Корпус же не имел численного превосходства. Шести казачьим дивизиям белых мы могли противопоставить лишь две кавалерийские дивизии и малочисленную, плохо вооруженную конную группу Филиппова. В данном случае я беру в расчет только конницу, потому что бой должен был разыграться в основном между кавалерийскими частями противника и Конным корпусом. Стрелковые части, подчиненные в оперативном отношении корпусу, могли лишь обеспечить его фланги, сковать противника с фронта и закрепить успех корпуса.

Противник имел перед нами и то преимущество, что при неудаче он мог отойти в Воронеж, чтобы укрыться от огня наших пулеметов и артиллерии, в то время как нашему корпусу пришлось бы действовать под сильным огнем на открытой, заболоченной местности, насквозь просматриваемой противником с высоты, на которой раскинулся Воронеж.

Взвесив все это, мы пришли к выводу, что обстановка для наступления нам неблагоприятствует во всех отношениях и поэтому нам выгоднее ждать наступления противника, чтобы огнем расстроить его боевые порядки и, перейдя в контрнаступление, нанести ему решительное поражение. Во всяком случае, предполагал я, противник должен будет наступать несколькими колоннами, так как продвижение всей группировки белых в одном направлении и в одной колонне сковало бы их маневр и обеспечило нашей артиллерии и пулеметам наилучшие условия для огня. А наступление противника несколькими колоннами, в различных направлениях по плохим дорогам, думал я, даст нам возможность бить его по частям и избежать трудностей штурма города.

Ждать наступления противника — таково было мое окончательное решение. Это решение было объявлено на совещании начдивов и наштадивов, командиров бригад, полков и их начальников штабов. Командирам всех степеней, комиссарам и начальникам штабов я приказал с полным напряжением готовить части и соединения к бою в любую минуту и вести усиленную разведку противника.

На следующий день комиссар корпуса Кивгела созвал 1-ю корпусную партийную конференцию, которая призвала коммунистов и всех активных бойцов и командиров мобилизовать личный состав частей и соединений корпуса на подготовку к решительному бою за Воронеж.

В соответствии с принятым решением были подтянуты основные силы 6-й кавдивизии из Рождественской Хавы и весь корпус сосредоточен в Горках и Орлово в готовности нанести сокрушительный удар по противнику.

12-я и 16-я стрелковые дивизии день и ночь совершенствовали свою оборону, готовили свои огневые средства для поддержки атаки кавалерийских соединений и подручные средства для переправы через реки Усмань и Воронеж.

Три дня корпус стоял под Воронежем, ожидая наступления противника. А наступления все не было. Многие командиры, выражая общее настроение бойцов, требовали наступления. Приходилось либо вновь разъяснять причины нашего ожидания, либо читать строгие нотации не в меру горячим головам. Наконец я вынужден был вновь созвать совещание командиров и политработников, чтобы подтвердить свое решение и обосновать его новыми данными, добытыми разведкой корпуса.

— Некоторые командиры, — сказал я, — требуя наступления корпуса, не понимают того, что не всякое наступление приносит победу. Утверждение их, что корпус и стрелковые соединения стоят без дела, в корне неправильно. Конный корпус и наши стрелковые дивизии зловещей тучей нависли над засевшими в городе белогвардейцами и разной буржуазной гнилью. Положение в Воронеже настолько тревожное, что, как нам стало известно, Мамонтов выехал к Сидорину просить помощи.

— Так что же, нам ждать, когда вся эта буржуазная гниль сбежит из Воронежа, а Мамонтов подтянет подмогу? — спросил один из командиров.

— Ничего, — ответил я, — пусть бежит — нам она не нужна. А подтянуть подкрепление Мамонтов вряд ли успеет.

На совещании мы составили и затем отправили в Воронеж с двумя пленными казаками обращение к трудовому казачеству, находившемуся в рядах белой армии.

В обращении говорилось:

«Братья трудовые казаки!

Отпуская ваших станичников, захваченных в плен нашими разведчиками 16 октября с. г., Федора Зозеля и Андрея Ресуна 1-го партизанского полка 5-й сотни, заявляем вам, что вы напрасно губите себя и свои семьи, оставленные вами далеко на Кубани и Дону, воюя с нами. Мы знаем, за что воюем — за свободу своего трудового народа, а вы — за генералов, помещиков, которые забирают у ваших отцов и жен хлеб и скот, отправляют его в Англию в обмен на патроны, снаряды и пушки, которыми вы слепо убиваете таких же трудовых братьев крестьян и казаков, сражающихся за лучшее будущее всего трудового народа.

Бросайте, братья, воевать, расходитесь по домам или переходите на нашу сторону...

Командир Кон(ного) корп(уса) ст(арший) уряд(ник) С. Буденный.

Донской казак, инспектор Конкорпуса Ефим Щаденко.

Казак голубинской станицы С. А. Зотов» [1].

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 5, д. 434, л. 1.

На этом же совещании кем-то было внесено предложение, вызвавшее веселое одобрение, — написать письмо Шкуро.

Прославившийся своей жестокостью, Шкуро мнил себя полководцем нового времени и питал зависть к славе других, в частности и к темной славе генерала Мамонтова. Он считал себя завоевателем Воронежа и был недоволен приходом в город Мамонтова, так как опасался попасть в его подчинение. Отношения между Шкуро и Мамонтовым обострились с первых же дней, когда сотни Шкуро встретили мамонтовцев пулеметным огнем при их подходе к Воронежу.

После отъезда Мамонтова из Воронежа Шкуро полностью взял власть в свои руки. Буржуям, спешившим поскорее убраться из города, он назидательно говорил:

— Куда ж вы спешите, мы здесь навечно, а конницу Буденного, если она еще не убежала, я разгромлю.

Все это было учтено при составлении письма Шкуро. Письмо писали все, как в свое время казаки турецкому султану: не стесняясь в выражениях, не придерживаясь дипломатических тонкостей.

Если исключить некоторые чересчур красочные выражения, то содержание письма было примерно такое:

«Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе там же, на площади Круглых рядов. А если тебе память отшибло, то напоминаю: это там, где ты, кровавый головорез, вешал и расстреливал трудящихся и красных бойцов.

Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона. Буденный».

Переслать письмо генералу Шкуро не представляло особой трудности. Наши разведчики часто пробирались в Воронеж и отлично знали, где расположен штаб Шкуро. Отвезти письмо взялся один из наших лихих храбрецов Олеко Дундич.

Иван Дмитриевич Дундич, как его у нас звали на русский лад, — человек легендарной славы. К нам он по-

пал со своим интернациональным эскадроном под Царицыном и вскоре же стал всеобщим любимцем, как прекрасный командир и товарищ. Особенно восхищала нас его бесстрашная боевая дерзость. Помню, это было ранней весной 1919 года, когда мы вели напряженные бои на Маныче. Дундич тогда командовал 19-м полком, сменив раненого и отправленного в госпиталь Стрепухова.

Однажды ночью я вызвал к себе командиров полков на совещание. И пока мы совещались, полк Дундича под давлением противника отошел. Дундич не знал об этом и на рассвете отправился с ординарцем к месту прежнего расположения своего полка. Въезжая в село, он увидел на площади у церкви полк казаков. Отличить издали, свои это или чужие, было трудно, так как полк Дундича тоже был казачий. Но группу офицеров, стоявших перед строем полка, он сразу разглядел.

— Видишь, — указал Дундич ординарцу в сторону церкви, — пока мы с тобой ездили, в наш полк пробрались белые офицеры и агитируют бойцов! Я им сейчас поагитирую!

И Дундич карьером устремился на стоявших перед строем офицеров. Скакавший за ним ординарец вскоре понял все и крикнул:

— Товарищ Дундич! Тут же все белые!

Но Дундич уже рубил направо и налево.

Услышав имя Дундича и опомнившись от неожиданности, белогвардейцы закричали: «Дундич! Дундич! Хватайте его живым, держи эту сатану!»

Под Дундичем убили лошадь, но он вскочил на коня одного из зарубленных им офицеров. Его хватали за рукава и полы бекеши, изорвали в клочки гимнастерку, пытались выбить из седла. Вторая лошадь свалилась под ним, но он, продолжая сражаться, извернулся, сбил офицера и прыгнул на третью. Подняв лошадь на дыбы, он вырвался и ускакал, оставив в руках пораженных его дерзостью белогвардейцев клочки гимнастерки и бекеши.

В штаб корпуса Дундич примчался с окровавленной шашкой в руке, в разорванной нижней рубашке и с каким-то чудом удержавшимся на шее смушковым воротником бекеши.

В Воронеж с письмом генералу Шкуро Дундич, переодевшись в форму белогвардейского офицера, поехал вечером. Он благополучно добрался до штаба Шкуро, передал письмо дежурному офицеру, а затем объездил весь город, изучая систему обороны противника. Но это относительно спокойное путешествие не могло удовлетворить Дундича. Он вернулся к штабу Шкуро и запустил в окно две ручные гранаты. Началась невообразимая паника. Белогвардейцы мчались со всех сторон ловить диверсанта. А «диверсант» в офицерской форме носился среди белых и во все горло кричал: «Лови! Держи!» Наконец Дундичу надоело гоняться самому за собой. Он подскакал к участку обороны противника, занимаемому буржуазными ополченцами, и закричал: «Это вы, грибы титулованные, пропустили красных диверсантов! А ну посторонись, воро́ны!» И растерявшиеся добровольцы пропустили «сердитое благородие».

Итак, мы ожидали наступления противника. Наше ожидание вызвало, очевидно, недовольство и в штабе Южного фронта. Надо думать, что оно было воспринято по меньшей мере как недопустимая медлительность и недостаточная решительность командования Конного корпуса. Об этом свидетельствует полученная нами 18 октября директива Реввоенсовета Южного фронта, копии которой были посланы командующим 8-й и 13-й армиями и начальнику штаба Реввоенсовета республики.

В директиве говорилось о том, что на Кавказе разрастается восстание против белых, что командующим войсками против повстанцев назначен Шкуро, одна из дивизий которого уже на Кавказе и разбита в боях, что, по данным воздушной разведки, обнаружившей переброску эшелонов из Воронежа на Касторное, есть возможность предположить, что части корпуса Шкуро из района Воронеж уводятся и заменяются Тульской пехотной дивизией и вновь прибывшими частями из Новочеркасского, Ростовского, Гундоровского и Митякинского полков, что левофланговые части 13-й армии пересекли железную дорогу Елец — Касторное в районе Екатериновки, и отсюда делался вывод, что «общая обстановка на фронте требует самых активных действий».

Мы ничего не знали о восстании на Кавказе, не пользовались данными воздушной разведки, не имели точных

сведений о действиях левофланговых частей 13-й Красной армии, но противника перед своим корпусом знали хорошо. Нам достоверно было известно, что корпус Шкуро в полном составе находился в Воронеже и являлся основной ударной силой белых. Предположения, основанные на данных воздушной разведки о переброске белых войск из Воронежа, казались нам неубедительными. Если действительно летчики заметили эшелоны, следующие из Воронежа на Касторное, то это скорее всего были поезда с награбленным в Воронеже имуществом и бежавшей из Воронежа буржуазией.

Предположение, что корпус Шкуро заменяется Тульской дивизией, было равносильно утверждению, что белые решили сдать Воронеж. Тульская дивизия была советским формированием, захваченным Мамонтовым во время его первого рейда в районе Грязи, Тамбов, Козлов. При отходе на юг Мамонтов увел эту дивизию с собой и разместил ее в районе Нижнедевицка. Дивизия эта не представляла собой серьезной силы — она буквально разбегалась. Дезертиры из Тульской дивизии одиночками, мелкими и даже большими группами пробирались лесами севернее Воронежа в расположение частей Конного корпуса, и мы передавали их 12-й стрелковой дивизии. Что касается Новочеркасского, Ростовского, Гундоровского и Митякинского полков, то таких частей либо вообще не существовало, либо около Воронежа и близко не было.

И на основе этих малоправдоподобных предположений давалось указание:

«Не втягивать части корпуса в позиционное расположение, а действовать маневром. Безотлагательно разбить противника в районе Воронежа, дав возможность 8-й армии выйти на указанную линию, имея в дальнейшем задачу стремительного маневра в направлении Касторное, Курск».

Составители директивы, по-видимому, не имели представления о сложившейся обстановке под Воронежем (крупное превосходство сил противника, его неоспоримое позиционное преимущество, состояние погоды и т. д.).

Особенно удивляло меня то, что эту директиву подписали Егоров и Сталин.

Это, очевидно, объяснялось тем, что штаб Южного фронта не был еще полностью очищен от очковтирателей

и дезинформаторов, и они сумели приложить свою руку к директиве. Кто-то, видимо, рассчитывал, что, толкнув Конный корпус на превосходящие силы противника, засевшего в Воронеже, он приведет его к поражению.

Но мы были тверды в ранее принятом решении — ждать наступления белых — и не сомневались, что наступающий противник будет разгромлен, после чего корпус сможет нанести удар в районе станции Касторная и таким образом полностью выполнить задачу, поставленную командованием фронта.

Ожидая наступления противника, мы неустанно готовили части и соединения к самому решительному, ожесточенному бою.

Вся партийно-политическая работа была направлена на то, чтобы каждый боец понимал свое место и задачи корпуса не изолированно от событий на фронте и в стране, а как единое целое.

В результате большой подготовительной работы командиров и комиссаров корпус был полностью подготовлен к самым трудным испытаниям. Сосредоточенные в районе Орлово, Горки, главные силы корпуса, образно выражаясь, представляли собой могучую пружину, готовую в любое время, при первом выстреле врага стремительно разжаться и нанести ему сокрушительный удар.

3

Не знаю уж, повлияло ли на Шкуро наше письмо, рассчитанное на то, чтобы привести его в ярость, но он, как и ожидалось, решил воспользоваться тем, что Конный корпус выдвинулся вперед с открытым флангом, что главные силы 8-й армии ещё не подтянулись к Воронежу и что между 8-й и 13-й армиями был большой разрыв.

На четвертые сутки нашего ожидания, когда дождь перестал и на смену ему пришла теплая погода, а с нею и плотные, непроглядные туманы, Шкуро перешел в наступление. Ночью 19 октября его конные части выступили из района Бабяково, Новая Усмань и на рассвете под прикрытием тумана ворвались в село Хреновое и потеснили заслоны 6-й кавалерийской дивизии. Но этот успех белогвардейцев был очень кратковременным. Получив сведения о нападении белых на Хреновое, начальник дивизии Апанасенко развернул главные силы дивизии в

боевой порядок и перешел в контрнаступление. Тем временем 4-я дивизия, поднятая по тревоге, спешно выступила в направлении села Новая Усмань на помощь 6-й дивизии. Удачным маневром Городовиков вывел свои части в тыл противника, связанного боем с 6-й дивизией, и нанес белогвардейцам внезапный удар. Сильный туман не позволял ни нам, ни противнику применять пулеметы и артиллерию, поэтому бой с первых же минут принял характер ожесточенной сабельной рубки. Зажатые с фронта и тыла, белые не выдержали натиска наших частей и, оставив село Хреновое, в панике побежали в направлении Воронежа, бросая застрявшую в грязи артиллерию, пулеметы, санитарные линейки. Однако лошади противника, изнуренные ночным маршем по тяжелой дороге, уже не могли соперничать в резвости с лошадьми наших бойцов. Путь отступления белоказаков был устлан их трупами.

Преследование противника велось до реки Воронеж, где наши передовые части были остановлены огнем автоброневиков и бронепоездов, выдвинутых Шкуро для прикрытия своей конницы. Кроме того, со стороны Сомово, при поддержке бронепоездов, перешла в контрнаступление пехота противника, стремясь нанести фланговый удар нашей 6-й дивизии, занявшей село Бабяково. Но белогвардейская пехота зарвалась слишком далеко и оказалась полностью вырубленной подошедшей бригадой 4-й кавалерийской дивизии. Наиболее эффектно действовали бронепоезда противника. Один из них, скрытый в выемке железной дороги между Воронежем и станцией Отрожка, обстреливал наши части, занявшие оборону по левому берегу реки Воронеж, и те, что наступали вдоль железной дороги на станцию Отрожка. Наши артиллеристы, выкатившие орудие для стрельбы прямой наводкой, не смогли подбить бронепоезд. Тогда я с эскадроном особого резервного кавалерийского дивизиона принял свои меры против бронепоездов белых. Когда мы ворвались на станцию Отрожка, там на путях стояли санитарный поезд и несколько паровозов. Начальник санитарного поезда — женщина в офицерской кубанской форме — растерянно обратилась ко мне:

— Что делать?

— Стоять на месте и ждать, — ответил я ей мимоходом.

Подъехав к машинисту одного из паровозов, я приказал ему пустить паровоз на полных парах в сторону бронепоезда, который маневрировал между станциями Отрожка и Тресвятская. Это приказание было сейчас же выполнено, и в результате бронепоезд, потерпев крушение, прекратил огонь.

Для того чтобы парализовать маневр второго бронепоезда, действовавшего между Отрожкой и Воронежем, я поручил железнодорожникам взорвать один пролет железнодорожного моста. И это поручение было выполнено добровольцами.

К вечеру 19 октября передовые части корпуса заняли Отрожку и Монастырщину. Противнику было нанесено серьезное поражение. Корпус захватил много пленных и большие трофеи, в том числе бронепоезд «Генерал Гусельщиков» и бронеплощадку «Азовец». Инициатива была в наших руках, но ввиду того, что части корпуса во время боев растянулись, а также в связи с наступлением темноты я решил, что прежде чем нанести решительный удар по противнику, необходимо подтянуть артиллерию и отставшие части. Поэтому соединениям корпуса был дан приказ отойти на линию Боровое, Бабяково, Новая Усмань и привести себя в порядок.

На рассвете 20 октября корпус, взаимодействуя с 12-й и 16-й стрелковыми дивизиями 8-й армии, перешел в наступление с задачей овладеть Воронежем, и на восточных подступах к городу закипел жаркий бой. Противник за ночь успел подтянуть свежие силы и закрепиться на рубеже реки Воронеж, прикрыв все имевшиеся переправы сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Весь день кипел бой, не давший перевеса ни той, ни другой стороне.

В наши руки попал убитый в бою начальник штаба одной из дивизий белых, и мы нашли у него боевой приказ, который помог нам раскрыть замысел Шкуро. По этому приказу и также по ходу боя мы установили сосредоточение главных сил противника в направлении Придачи и Бабяково для удержания переправ на реке Воронеж и последующих контрударов по правому флангу корпуса. В связи с этим я решил наносить главный удар на Воронеж не с востока, где были сосредоточены основные силы Шкуро, а с севера. Выполняя это решение, 6-я кавалерийская дивизия должна была сковать противника с фронта, наступая с рубежа Нов. Усмань, Бабяково на

восточную окраину Воронежа, а 4-я кавалерийская дивизия с подчиненной ей резервной кавбригадой (бывшей конной группой Филиппова) форсировать реки Усмань и Воронеж в селе Чертовицком и, взаимодействуя с 21-й железнодорожной бригадой, нанести удар по Воронежу с севера на юг по Задонскому шоссе. На 4-ю дивизию ложилась главная и наиболее трудная задача. Ей предстояло совершить марш по тяжелой лесисто-болотистой местности, а затем форсировать крупные водные преграды. 12-я стрелковая дивизия 8-й армии, взаимодействуя с 6-й кавдивизией, наступала на юго-восточную окраину Воронежа (схема 8).

21 и 22 октября соединения корпуса вели упорные бои, выполняя поставленные им задачи. Особенно ожесточенные схватки разгорелись в районе Отрожка, Репное, Придача. Противник на этом участке с отчаянным упорством оборонял переправы, обстреливаемые почти всей артиллерией нашего корпуса.

В ночь на 22 октября был получен приказ Реввоенсовета Южного фронта, одобрявший действия Конного корпуса.

Зачитанный начальникам дивизий на совещании и объявленный всем частям корпуса, этот приказ придал им новые силы для решающего удара по врагу, засевшему в Воронеже.

С утра 23 октября части корпуса вновь перешли в наступление. Артиллерия корпуса и 12-й стрелковой дивизии и все имевшиеся у нас бронепоезда открыли ураганный огонь по противнику. Белые напрягали все силы, чтобы отбить атаки 6-й дивизии, наступавшей на Воронеж с востока, и 12-й стрелковой дивизии с юго-востока и не дать им возможности форсировать реку Воронеж. Завязался ожесточенный бой, продолжавшийся в течение всего дня. Когда стемнело, противник начал жечь дома, чтобы осветить переправы на реке, но ничто уже не могло остановить части 6-й кавалерийской и 12-й стрелковой дивизий, упорно продвигавшиеся вперед.

Ночью, находясь со штабом в Отрожке, я беспокоился за 4-ю дивизию, наступавшую с севера в исключительно тяжелых условиях. Из донесения Городовикова, очевидно, составленного его начальником штаба Косоговым, совершенно невозможно было понять истинное положение дивизии. Поэтому, отдав необходимые распоря-

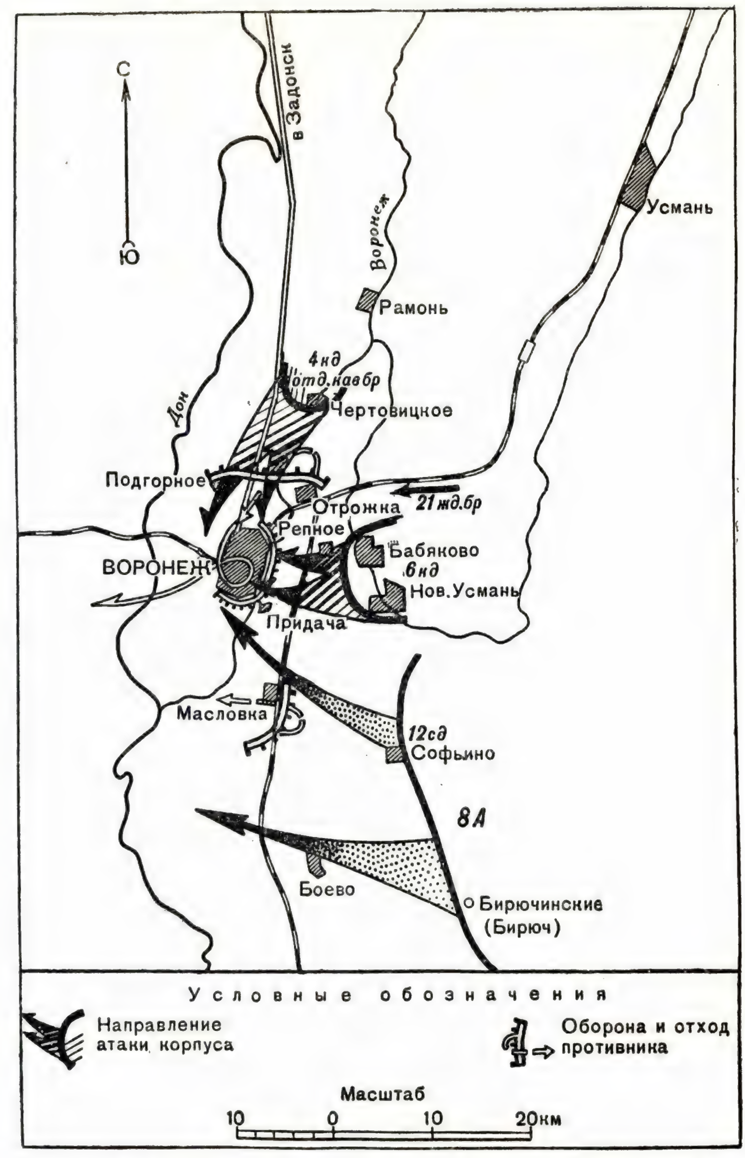

Схема 8. Боевые действия Конного корпуса 23—24 октября 1919 г. и овладение Воронежем.

жения начальнику штаба, я поехал с двумя ординарцами в Чертовицкое, где был расположен штаб 4-й дивизии. Приехав в Чертовицкое, мы услышали возню и брань у одного небольшого домика. Темнота скрывала людей.

— Посмотрите, кто там возится, — приказал я ординарцу и вслед за ним сам подъехал к дому.

Оказалось, что шумели Городовиков и Косогов, застрявшие в калитке.

— Что вы здесь делаете?

— Да смотрели квартиру, а тут узкая калитка, вот и застряли, — ответил Городовиков.

— Где у вас штаб дивизии?

— Вон в соседнем домишке.

— Немедленно идемте в штаб и доложите мне обстановку.

Закрыв за собой дверь хаты, я обрушился на Городовикова:

— Это что вы мне прислали?

— Как что? Донесение. — Городовиков при этом широко открыл глаза и в испуге зашевелил усами.

— Какое донесение?! Это же цыганский оракул. «Предположительно», «сомнительно», «маловероятно», «приблизительно», и почему вы здесь, когда вам надо быть в Воронеже? Пехоты перед вами нет, а вы леса, окопчиков и проволоки испугались! Вот шестую дивизию меньше называют доблестной и героической, а она уже на окраинах Воронежа. А вы где плететесь? Где у вас противник?

— В Подгорном, товарищ комкор, — ответил Городовиков.

— У него большое количество пулеметов, — добавил Косогов.

— А у вас нет разве пулеметов? Почему вы здесь стоите? — снова набросился я на Городовикова.

— Надо людям дать отдохнуть... утром атакуем, — оправдывался Ока Иванович.

Он даже попятился и сделал такой жест, словно защищался от удара.

— Вот что, Городовиков, если к шести часам утра дивизия не будет в Воронеже, считайте, что вы не начдив. Сниму с дивизии и посажу на эскадрон, а то и на взвод. Немедленно же поднять дивизию по тревоге и...

Не успел я договорить, как Городовиков, воскликнув:

— Бегу, пока башка цела, — выскочил во двор.

Через час 4-я дивизия во главе со своим славным начдивом сбила прикрытие белогвардейцев и ворвалась в Подгорное...

Трудно представить себе воина скромнее и отважнее Оки Ивановича Городовикова. Меня всегда удивляло, как удачно сочетаются в его характере исключительно спокойная и умная рассудительность с лихим задором. В бою он бывал не просто храбр, а поразительно отважен, но его отвага не имела ничего общего с ухарством. Геройские подвиги он совершал как нечто самое обыкновенное, рабочее, обыденное. Всему этому он во многом обязан своей высокой дисциплинированности. Я не помню случая, чтобы Городовиков уклонился от выполнения данного ему приказания, чтобы он когда-нибудь не выполнил боевой задачи.

Нужно сказать, что и Косогов был одним из лучших начальников штабов дивизий. Человек высокой культуры, он оказывал Городовикову неоценимую помощь. Они так хорошо сработались, что понимали друг друга с полуслова, составляли как бы единое целое. Удивительно было, почему на этот раз глубоко уважаемый мною Иван Дмитриевич составил такое путаное донесение.

В ту беспокойную ночь под Воронежем я ругал Городовикова не за то, что он плохо действовал. Его 4-я дивизия последние дни вела напряженные бои и совершала тяжелые переходы, и он совершенно правильно поступил, дав перед решающим ударом отдых своим утомленным частям. Я ругал Городовикова за подписанное им донесение, не отражавшее действительного положения дивизии. Правда, надо было и поторопить его с наступлением, потому что 6-я дивизия Апанасенко вот-вот должна была уже ворваться в Воронеж.

Ровно в 6 часов утра 24 октября дивизии Конного корпуса (4-я с севера, 6-я с востока и юго-востока) ворвались в Воронеж. Одновременно вошла в город и 12-я стрелковая дивизия.

4-я дивизия, продолжая атаку, устремилась к западным окраинам Воронежа с целью отрезать пути отхода противнику к реке Дону. Белогвардейцы, почувствовав угрозу окружения, всеми силами навалились на 4-ю дивизию и, прорвавшись, в панике бежали в юго-западном

направлении. Лишь полк «воронежских казаков», сформированный из добровольцев, отставных генералов и офицеров, чиновников и купцов, пытался оказать сопротивление. Но это были тщетные попытки. Воронеж уже находился в наших руках.

Тысячи воронежцев вышли на улицы, чтобы приветствовать войска Красной Армии, освободившие город от белогвардейцев.

Как только штаб корпуса остановился на Большой Девицкой улице дом 18, я послал командованию Южным фронтом следующее донесение:

«После ожесточенного боя доблестными частями Конкорпуса в 6 часов 24 октября занят город Воронеж. Противник отброшен за р. Дон. Преследование продолжается. Подробности дополнительно».

В тот же день состоялся многолюдный митинг трудящихся города совместно с представителями воинских частей.

4

С победой под Воронежем обстановка начала резко меняться в пользу советских войск. Конный корпус выходил на правый фланг главной ударной группировки деникинской армии, рвавшейся на Москву. Под угрозой оказывались важнейшие железнодорожные артерии и тылы белых, питавшие их ударные части в районе Курска, Орла.

Уже после гражданской войны, на VIII съезде Советов, в личной беседе со мной В. И. Ленин спросил:

— Вы понимаете, что ваш корпус сделал под Воронежем?

— Разбил противника, — ответил я.

— Так-то просто, — улыбнулся Ленин. И тут же сказал:

— Не окажись ваш корпус под Воронежем, Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамонтова, и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле.

Так оценивал Владимир Ильич значение победы Конного корпуса над Шкуро и Мамонтовым в общем ходе борьбы с деникинцами.

Известно, что даже на 25 октября положение на участке фронта 14-й Красной армии, действующей в районе

Орла и Кром, оставалось тревожным. Член Реввоенсовета 14-й армии Орджоникидзе в разговоре со Сталиным по прямому проводу говорил:

«Бои под Кромами и Орлом принимают ожесточенный характер, противник стянул сюда лучшие силы. Ночью мы оставили Кромы... Если в ближайший срок нам не удастся подготовить резервы — мы выдохнемся. Выводим 7-ю дивизию в резерв, но там не больше 800 штыков. Необходимо нам не менее 10 тысяч вооруженного, обученного и обмундированного пополнения, а затем через две недели столько же. При наличии такого пополнения мы всегда сумеем иметь кулак, которым будем поддерживать и развивать наш успех, а в случае неуспеха удерживать противника от продвижения. Дело за вами, помогите как-нибудь...» [1]

Своими активными действиями под Воронежем Конный корпус не дал возможности белогвардейскому командованию перебросить с воронежского направления ни одной части в район Кром и Орла, где у нас было крайне тяжелое положение. Деникин также не сумел предпринять наступления в широкой полосе разрыва между флангами 8-й и 13-й Красных армий. «...Общая обстановка у Воронежа, — писал потом Деникин, — заставила армию оставить Орел и Ливны».

Разгром корпусов Шкуро и Мамонтова означал превосходство нашей тактики и оперативного искусства.

Ведь конница Шкуро и Мамонтова являлась лучшей в деникинской армии, а ее предводители — генералы считались у белых самыми способными. И вот эти сильнейшие корпуса, возглавляемые генералами, вокруг которых был создан ореол непобедимости, оказались наголову разбиты красным Конным корпусом, уступавшим им по численности в три раза и понесшим при этом ничтожные потери.

Чтобы как-то оправдать своих битых полководцев, белые распустили слух и даже печатали в газетах, что Шкуро и Мамонтова разбил бывший генерал, чуть ли не сподвижник известного генерала Скобелева.

— Пришлось, батенька, опровергать, что Буденный не генерал, а всего лишь вахмистр, — улыбаясь говорил

---

[1] ЦГАКА, ф. 199, оп. 4, д. 150, лл. 45—46.

мне Ленин в упомянутой уже беседе на VIII съезде Советов.

Я в шутку поблагодарил Владимира Ильича за производство меня в вахмистры.

— А вы что, не были в этом звании?

— Как же, временно исполнял обязанности вахмистра.

— Главное, — сказал Ильич, — пришло время, когда и люди из простого народа бьют буржуазных генералов. Пусть это чувствуют империалисты. Вы преподнесли им хороший урок.

Как обычно, с занятием большого города надо было заниматься восстановлением органов Советской власти, принимать меры по охране городского хозяйства и различного ценного имущества, размещать войска и обеспечивать оборону города.

В городе был создан Ревком, который и принял на себя всю полноту власти. Охрана материальных ценностей и соблюдение на улицах общественного порядка были возложены на части Конного корпуса и отряды активных рабочих, руководимые Ревкомом.

Много дел было и с огромными трофеями, захваченными в Воронеже. Оба корпуса белых бросили здесь почти всю свою артиллерию. Кроме бронепоезда «генерал Гусельщиков», в наши руки попало еще два бронепоезда белых — «На Москву» и «имени Шкуро». А генерал Шкуро так поспешно бежал, что впопыхах даже забыл свой вагон-салон.

Кстати сказать, среди трофеев, отбитых у белогвардейцев, оказались печатные машины и шрифты, послужившие первой полиграфической базой для «Красного кавалериста» — боевой красноармейской газеты Конного корпуса, а затем и Первой Конной армии. Газета была создана по инициативе комиссара корпуса Авксентия Семеновича Кивгела.

Вечером 25 октября мы с комиссаром Кивгелой собирались поехать в передовые части корпуса, которые, не задерживаясь в Воронеже, преследовали белогвардейцев, отступавших в западном направлении. Но уехать не удалось. В штабе корпуса оказалось еще много неотложных дел. Было уже за полночь, когда я сел писать ответное письмо И. В. Сталину, которое надо было послать с Е. А. Щаденко, уезжавшим в Москву утром.

В своем письме, — писал я Сталину, — вы интересовались тем, что нам необходимо для повышения боеспособности корпуса и улучшения порядка его использования. Это очень серьезные вопросы, и я считаю своим долгом, насколько возможно, подробнее на них остановиться.

К настоящему времени корпус превосходит любой конный корпус белых как по вооружению и своей организации, так и по боеспособности личного состава. При умелом использовании корпуса во взаимодействии с нашими стрелковыми соединениями он вполне способен успешно вести борьбу с конными корпусами противника. Этот вывод подтверждают бои корпуса под Царицыном и особенно разгром Мамонтова и Шкуро под Воронежем.

Но действия Конного корпуса были бы еще более лучшими, если исключить тот беспорядок в подчинении и использовании его, который существует на сегодня. Вы только подумайте, что получается?! На санитарном и денежном довольствии корпус находится в 10-й армии, на продовольственном — в 9-й, на снабжении боеприпасами — в 8-й армии, в оперативном отношении подчинен Южфронту. Но это все лишь формально. Фактически же никто ничем корпус не снабжает, а боевые задачи ставят все. Если добавить к этому, что существует у некоторых наших руководителей незнание природы боя конницы и принципов ее использования, то Вам станет ясным, в каких условиях приходится действовать корпусу.

Вы, конечно, понимаете меня, что, докладывая Вам о вышеизложенном, я, разумеется, не руководствуюсь какими-либо соображениями, призванными поставить корпус в идеальные условия. Я прежде всего заинтересован в более эффективном использовании нашей еще столь незначительной по численности красной конницы.

Полагаю, что, пока корпус находится в подчинении армии, не будет правильного его использования, не будет и перспектив роста нашей конницы. В лучшем случае он будет решать тактические задачи местного значения в интересах армии, а в худшем затыкать дыры в обороне стрелковых соединений.

А между тем кому теперь не ясно, что в наших условиях конница, как подвижный род войск, должна использоваться крупными массами в интересах фронта, а не армии. Белогвардейское командование это во всяком случае хорошо понимает. Оно формирует преиму-

щественно конные корпуса и всегда имеет возможность быстро создавать нужную группировку подвижных сил на любом участке фронта. Я понимаю, что для формирования кавалерии белые располагают большими возможностями, занимая районы казачьих областей. Но и мы можем многое сделать. Если мы не имеем возможности создать такое же количество конных корпусов, какими располагают белые, то почему бы на первых порах не развернуть наш корпус в Конную армию. Создание такого кавалерийского объединения будет впервые в истории этого рода войск.

Для создания Конной армии у нас имеются все возможности. Хорошей основой для этого послужит Конный корпус. Из состава любой дивизии корпуса можно будет вывести кавалерийскую бригаду и, взяв ее за ядро, сформировать за счет добровольцев третью кавалерийскую дивизию. Можно создать эту дивизию и за счет конных частей войсковой кавалерии. При желании можно создать второй конный корпус и свести два корпуса в армию.

Наш корпус накопил опыт по организации своих высокооперативных тылов. Тылы корпуса находятся в настоящее время в хорошем состоянии и послужат базой для развертывания армейского тыла. Тылы армии явятся прочной опорой для действий боевых частей и соединений, ликвидируют абсолютно неудовлетворительное положение со снабжением, которое существует теперь.

Я уверен, что создание Конной армии — это не пустой эксперимент, а назревшая необходимость. Она (Конная армия) явится не только серьезным противовесом белогвардейской казачьей коннице, но и могучим средством в руках фронтового или главного командования для решения задач в интересах фронта и, не исключено, в интересах всей Советской республики.

Я, безусловно, рассчитываю на Ваше глубокое понимание существа моего предложения и надеюсь, что вы не только поддержите его, но и лично примете решительные меры. Думаю, что это предложение поддержит и А. И. Егоров.

Если вопрос создания Конной армии будет решен положительно, то у меня к Вам будет еще одна большая просьба. Пришлите, пожалуйста, человек 300 рабочих-коммунистов. Они будут укреплять ряды бойцов-кавале-

ристов, разъяснять им насущные задачи нашей революции, повышать сознательность, а следовательно, и боеспособность. Необходимость в коммунистах вызывается тем, что подавляющее большинство бойцов-конников составляют крестьяне. Они хорошие, храбрые бойцы, но тянутся к земле больше, чем к политике, а отсюда не всегда правильно разбираются в целях и задачах нашей борьбы за победу Советской власти.

Заканчивая свое письмо, я писал Сталину, что о состоянии корпуса, его боевых делах и наших нуждах дополнительно доложит ему лично Щаденко.

X. УДАР НА КАСТОРНУЮ

1

После овладения Воронежем части Конного корпуса, преследуя противника, к 26 октября подошли к Дону в указанных им направлениях и начали подготовку к форсированию его.

Меня очень беспокоило положение на правом фланге корпуса, который оставался открытым. Разрыв между Конным корпусом и левофланговыми частями 13-й армии по-прежнему оставался очень большим. Из директивы Реввоенсовета Южного фронта от 21 октября мне было известно, что для обеспечения района Липецка и связи между корпусом и 13-й армией создавалась группа К. Е. Ворошилова из 61-й стрелковой и 11-й кавалерийской дивизий. Но где эта группа действует, штаб корпуса сведений не имел.

Однако к концу дня из Липецка со мной соединился по прямому проводу Ворошилов. Он сообщил мне, что подчиненные ему части сосредоточились в Липецке, и кавчастям поставлена задача занять Задонск, установить связь с Конным корпусом и вести разведку в направлении Землянска.

Поздно вечером 26 октября был отдан приказ корпусу, в котором 4-й дивизии была поставлена задача утром 27 октября форсировать Дон в районе Панской Гвоздевки, выйти на линию Перловка, Шумейка и закрепиться на указанном рубеже. 6-й дивизии — демонстрировать форсирование Дона на участке Панская Гвоздевка, Семилуки с целью отвлечь внимание противника от 4-й дивизии, и переправившись вслед за последней, выйти на линию Шумейка, Латино.

12-я и 16-я стрелковые дивизии 8-й армии, подчиненные в оперативном отношении Конному корпусу, получили задачи прочно удерживать левый берег Дона от Семилуки вниз по течению. Демонстрируя форсирование Дона, они должны были приковать к себе противника и тем самым способствовать переправе корпуса.

Ночь на 27 октября прошла относительно спокойно. Части корпуса усиленно готовились к переправе — разведывали броды, готовили местные переправочные средства, привлекая к этой работе население. Стремясь сорвать подготовку наших войск к форсированию Дона, противник небольшими силами пытался переправиться через Дон на участке 12-й стрелковой дивизии. Однако части дивизии при поддержке частей корпуса ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем ликвидировали эту попытку противника.

Утром 27 октября по железной дороге Воронеж — Касторная два бронепоезда противника подошли к Дону и открыли сильный артиллерийский огонь по местам переправ частей корпуса. Кроме того, после разразившегося ночью сильного ливня уровень воды в реке повысился, берега стали топкими, труднопроходимыми. В связи с этим переправа корпуса, назначенная на 27 октября, была отменена. Все усилия были направлены на то, чтобы срочно подтянуть артиллерию и сосредоточить ее огонь по противнику, пытавшемуся закрепиться на правом берегу Дона. Дивизии получили задачи продолжать усиленную разведку переправ и организовать систему огня для обеспечения форсирования Дона.

Во второй половине этого дня штабом корпуса, находившимся в Воронеже, была установлена связь со штабом фронта, и я решил переговорить по ряду вопросов с командованием фронта. До сих пор нам не было известно точное положение 13-й армии, особенно ее левого фланга. В этих условиях Конный корпус, развивая дальнейшее наступление, вынужден был держать в постоянной готовности большие силы на своем правом фланге, в то время как основная группировка противника перед корпусом находилась на его левом фланге и в центре. Левофланговые 12-я и 16-я стрелковые дивизии были во временном оперативном подчинении корпуса, и нужно было ожидать, что командование 8-й армии в скором времени возьмет руководство этими дивизиями в свои руки

и использует их, возможно, не в интересах Конного корпуса. Следовательно, и левый фланг корпуса не мог твердо рассчитывать на постоянную поддержку стрелковых частей. Кроме этого, по-прежнему существовала неопределенность как в оперативном подчинении корпуса, так и в снабжении всеми видами довольствия.

В 19 часов я приехал в штаб корпуса и через полчаса соединился по прямому проводу с начальником штаба Южного фронта Петиным. Приведу с некоторым сокращением запись своего разговора с ним.

«...Доношу, что части Конкорпуса занимают левый берег Дона и на линии Конь — Колодез, Семилуки. Сильный дождь и распутица помешали сегодня форсировать реку... Завтра, 28 октября, предполагаю повести решительное наступление с целью переброситься на правый берег Дона, действуя главным образом в районе Панская Гвоздевка. Обстановка заставляет узнать, что делается вправо от частей корпуса. Для окончательного разгрома противника пока необходимо присоединить к корпусу обещанную Вами 11-ю кавдивизию, которая в настоящее время находится в бездействии в районе Липецк.

На последнюю мою телеграмму с запросом, кому подчиняется корпус во всех отношениях, ответа не получено. Действовать так далее невозможно: в данный момент мы находимся в ненормальном положении относительно питания всеми средствами. Согласно последних распоряжений корпус находится в подчинении: в административном и санитарном отношении — 10-й армии, продовольственном — 9-й армии, снабжении огнеприпасами — 8-й армии, в оперативном — Южфронта и в денежном — нигде...

Прошу сегодня же поставить меня в известность по указанным мною вопросам».

Петин на это ответил:

«Сообщаю вам, насколько это возможно по аппарату Морзе, короткую ориентировку: в районе Дмитровска и Кром, а также Орла и Ельца идут упорные бои. Дмитровск, вероятно, сегодня будет занят. В районе Орла бои приняли встречный характер; противник подтянул туда лучшие силы. Противник пытается занять Елец обходом его с северо-востока. По последним данным разведки, пешие и конные части противника появились у станции Талица—Елецкая и заняли дер. Дрезгалово, а его разъезды

достигли 26 октября ст. Лутошкино и дер. Будаловка. Силы его в этом районе определяются до полутора тысяч. Обстановка на фронте 8-й армии вам, вероятно, известна.

Сейчас, в связи с вашими успехами и задержкой наступления в Орловском районе, Командюжем отдан новый приказ, где прежняя ваша задача несколько изменяется, а вместе с сим ставятся новые задачи и ближайшим к вам армиям. Приказ этот будет передан вам шифром вслед за нашим разговором.

Что касается 11-й дивизии, то части ее еще не сосредоточились и предположение о передаче ее Вам не отменено... Насколько я в курсе дела (в штабюже нахожусь всего лишь пятый день), Конкорпус подчинен непосредственно Командюжу. О всех вопросах снабжения доложу» [1].

Далее Петин стал информировать меня о группировке противника на участке Елец, Воронеж, но он плохо знал обстановку на этом участке, и я был вынужден сказать ему, что его сведения о противнике устарели, и сообщить, что, по полученным от перебежчиков данным, противник группирует силы из корпуса Шкуро численностью до шести полков кавалерии, в районе Панской Гвоздевки и части корпуса Мамонтова в Девице, а в промежутке между Панская Гвоздевка и Девица — обороняются два стрелковых полка белых. Главное, — подчеркнул я, — переправиться Конному корпусу в районе Панской Гвоздевки и разбить там противника, в дальнейшем наносить удар на юг, по группировке Мамонтова, и на северо-запад, на Землянск. А для этого я опять-таки попросил в самом срочном порядке присоединить к корпусу 11-ю дивизию и дать корпусу боевой приказ.

Начальник штаба Южфронта заявил мне, что приказ составлен в том духе, как я хочу. Он просил меня коротко, запиской сообщить подробности взятия Воронежа и, распрощавшись со мной, сказал, что идет торопить шифровку приказа.

28 октября рано утром я получил телеграмму Реввоенсовета Южфронта следующего содержания:

«Конкорпус, Буденному.

---

[1] ЦГАКА, ф. 100, оп. 2, д. 7/с л. 314—316 (телеграфная запись).

Вверенный Вам корпус во всех отношениях подчинен исключительно Южному фронту. Вопрос о довольствии корпуса будет поставлен на должную высоту, о чем отдаю распоряжение начснабу и продкому Южного фронта. О денежном довольствии корпуса сделано распоряжение начснабу Южного фронта. Предложение о временной передаче вам 11-й кавдивизии имеет целью, что дивизия под вашим руководством в боевом отношении сделается такой же, как и остальные ваши дивизии — 4-я и 6-я. В ближайшем будущем предположено создать 2-й Конкорпус из 11-й и 8-й дивизий. Оба корпуса предположено объединить под Вашим руководством на правах Конной армии. В данное время 11-я кавдивизия [имеет] только две бригады, третья идет с Туркестанского фронта. Фактическую передачу указанной дивизии укажу дополнительно, по выяснении обстановки ближайших дней. Донесите на предъявленный Вам запрос одной из предыдущих телеграмм относительно комсостава для этой дивизии. Конкорпусу именоваться — «Конкорпус Южфронта» [1].

Упомянутое в этой телеграмме указание, которое Реввоенсовет дал начальнику снабжения фронта, как мне это потом стало известно, гласило: «Немедленно принять на полное довольствие во всех отношениях Конный корпус, выяснить, что корпусу необходимо, и удовлетворить полностью и с особой тщательностью».

В 14 часов 28 октября 6-я кавалерийская и 12-я стрелковая дивизии, в соответствии с приказом корпусу, начали демонстрировать форсирование реки на своих участках и завязали бой с противником с целью отвлечь его от действительного места переправы в районе 4-й дивизии. 4-я дивизия в это же время, наводя под огнем противника демонстративные переправы севернее Н. Животинное, начала главными силами форсировать Дон вброд на участке Н. Животинное, Хвощеватка. Глубокие броды осложняли переправу. Лошади то и дело теряли под копытами дно реки и начинали плыть. Артиллерийские орудия и пулеметные тачанки переправлялись в конных упряжках. Отдельно перевозились орудийные и пулеметные замки. Труднее было переправить тяжелые ящики с артиллерийскими снарядами, так как специальных переправочных средств мы не имели. Тогда было решено

---

[1] Архив ИМЛ «Правда» № 320 (8005) 19.11.1939 г.

Реввоенсовет 1-й Конной армии: К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Е. А. Щаденко (1920 г.)

Первый приказ Реввоенсовета по Конной армии

Вот текст этого приказа.

Да здравствует 1-ая Конная армия!

Да здравствует мировая Советская власть!

Реввоенсовет: *Ворошилов. Буденный. Щаденко*

Секретарь *Орловский.*

— Жив дух 1-й Конной. Крепки ее ряды. Зорки ее глаза. Остры сабли. Конная армия будет жить, крепнуть и побеждать во славу мировой Революции.

Первый приказ РВС Конной армии

К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, А. И. Егоров и С. М. Буденный с командным и политическим составом 1-й Конной армии.

(С картины худ. А. Герасимова, 1935 г.)

поручить каждому бойцу взять с собой по одному снаряду. При таком способе переправы снарядов мы не рисковали массовым уничтожением их под огнем противника. Было потеряно только несколько снарядов из-за сазанов. Дело в том, что снаряды белых, рвавшиеся в воде, глушили массу рыбы. Крупные, жирные сазаны, оглушенные взрывами, плыли вниз по течению, привлекая внимание бойцов. Кое-кто, неся одной рукой снаряд, второй пытался зацепить по пути сазана. В результате неосторожного движения азартный рыболов оказывался во власти сильного течения, и ему приходилось бросать и сазана и снаряд, чтобы выкарабкаться на берег.

К 16 часам переправа главных сил 4-й кавалерийской дивизии на правый берег Дона была закончена. Дивизия при поддержке своей артиллерии, уже занявшей заранее намеченные позиции, перешла в наступление, опрокинула спешенную кавалерию противника и преследовала ее в направлении Землянск, Перловка, Шумейка.

Наиболее трудной оказалась переправа 6-й кавалерийской дивизии, действующей в районе Семилук. Мосты через Дон в этом районе были разрушены, а броды там оказались еще глубже. Кроме того, белогвардейские бронепоезда вели здесь очень интенсивный огонь. Это заставило нас отложить переправу основных сил 6-й дивизии до рассвета следующего дня, чтобы тем временем навести мосты. Для прикрытия переправы 6-й дивизии, назначенной на 29 октября в районе Животинное, была переброшена на правый берег Дона вслед за 4-й дивизией и при ее помощи одна бригада 6-й дивизии, усиленная артиллерией.

29 октября все части Конного корпуса форсировали Дон и вели бои за расширение плацдарма на его правом берегу. Отбрасывая конницу противника, дивизии продвигались на запад и к 30 октября вышли на линию Перловка, Шумейка, Латино.

Докладывая командующему Южным фронтом о форсировании Дона 29 октября, я просил его о скорейшем присоединении к корпусу 11-й кавдивизии. Связи с этой дивизией и с 13-й армией по-прежнему не было. Утром 30 октября была получена копия директивы Реввоенсовета Южного фронта командующему 13-й армией, из которой было видно, что левофланговая 42-я стрелковая дивизия 13-й армии находится еще далеко от Конного

корпуса, в районе Знаменского, а кавбригада этой дивизии ведет разведку в направлении Задонска. И в этой директиве о местонахождении 11-й дивизии никаких данных не было.

К 30 октября обстановка на фронте корпуса сложилась следующая: противник, оставив заслон, который имел соприкосновение с корпусом на линии Перлевка, Шумейка, Латное, отошел главными силами на линию Землянск, Турово. Корпус Мамонтова сосредоточивался в районе Нижнедевицка. В районе Касторной были сосредоточены крупные силы пехоты противника. В районе Землянска группировалась конница белых, предположительно части корпуса Шкуро.

В связи со сложившейся обстановкой был отдан приказ корпусу закрепиться на достигнутом рубеже с целью тщательной подготовки к наступлению на станцию Касторная. Послав об этом донесение начальнику штаба фронта, я вновь подтвердил свою просьбу о быстрейшем присоединении к корпусу 11-й кавдивизии.

Наконец 31-го октября, когда мне, по данным разведки корпуса, уже стало известно, что 11-я дивизия движется в направлении Землянска, последовала директива Реввоенсовета Южного фронта командующему войсками Внешнего района обороны Южного фронта с требованием безотлагательно передать 11-ю кавдивизию в оперативное подчинение и на все виды довольствия Конному корпусу. Я немедленно же отдал приказ о сосредоточении дивизии в Землянске.

Для передачи этого приказа был послан эскадрон 32-го полка 6-й дивизии под командой Собакина. Кроме того, Собакину было приказано передать начдиву Матузенко, что все донесения о ходе боевых действий дивизии направлять в штаб корпуса, который переместился в Стадницу.

2

31 октября дивизии корпуса перешли в наступление в направлении Касторной. 4-я дивизия успешно продвигалась. Ее передовые части, сбивая заслоны противника и захватывая пленных, заняли Меловатку, Стар. Ведугу, Гнилушу. Противник отходил в направлении Касторной и Нижнедевицка.

Однако успешное наступление 4-й дивизии не было поддержано 6-й дивизией. Вместо того чтобы преследовать отступающего противника и закрепляться в занятых пунктах, начдив 6-й Апанасенко приказал дивизии отойти на исходные рубежи. При этом он прислал такое нелепое донесение, что я был вынужден сейчас же выехать в район расположения его дивизии.

Вот выдержки из этого донесения: «Доношу, что в 13 часов противник был сбит и преследовался нашими частями вплоть до Киевка (Ниж. Ведуга). Силы противника до шести полков кавалерии. Главные силы вверенной мне дивизии отошли и расположились: Титовка, Лосевка, Шумейка, Латное... Противник отходит в западном направлении. Необходимо было бы совместно с 4-й кавдивизией в самом непродолжительном времени нанести противнику решительный удар... Прошу сообщить, где 11-я кавдивизия и что сделала 8-я армия у ст. Лиски».

О чем думал Апанасенко, когда писал это донесение, просто трудно понять. Противник отходит в западном направлении, а Апанасенко отводит свою дивизию в противоположную сторону. Части 4-й дивизии, пробиваясь вперед, так нуждаются в поддержке, а Апанасенко, самовольно уведя свои части в тыл на теплые квартиры, философствует, что «необходимо было бы совместно с 4-й кавдивизией в самом непродолжительном времени нанести противнику решительный удар».

Не зная, что у него делается на флангах дивизии, Апанасенко как командующий фронтом запрашивает: «что сделала 8-я армия».

В штабе 6-й дивизии, в присутствии командиров бригад, я разобрал донесение Апанасенко и объявил, что за нерешительные действия и неумелое руководство частями, за безответственное отношение к поставленной дивизии задаче он отстраняется от командования дивизией и назначается командиром 2-й бригады 6-й дивизии. Вместо Апанасенко начальником 6-й кавалерийской дивизии я назначил С. К. Тимошенко, предупредив его и всех командиров бригад, что впредь каждый командир, нарушивший в какой-либо степени боевой приказ, будет предаваться суду Ревтрибунала.

Комиссару 6-й дивизии П. В. Бахтурову вместе с комиссаром корпуса А. С. Кивгела было поручено составить

приказ по 6-й дивизии с обращением к бойцам и командирам в связи с вступлением Тимошенко в командование дивизией. В приказе, подписанном Тимошенко и Бахтуровым, отмечался пройденный боевой путь дивизии, мужество и геройские подвиги бойцов и командиров и ставились очередные задачи...

В заключение приказа говорилось:

«Лица комсостава должны строго стоять на своих постах, точно выполняя все приказы и распоряжения Советской власти. Всякое уклонение и невыполнение приказов затягивает борьбу, приносит огромный вред делу освобождения трудящихся масс от насильников и являет собою тягчайшее преступление. Советская власть требует от каждого красного воина той точности и готовности, которые необходимы, чтобы как можно скорее разбить противника.

Революционная дисциплина, ведущая к исполнительности и подвижности наших красных войсковых частей, должна быть на первом плане. Всякое разгильдяйство и халатное отношение к исполнению своих обязанностей лиц комсостава и бойцов мной будут в корне пресекаться» [1].

В связи со сменой командования 6-й кавалерийской дивизии следует сказать о И. Р. Апанасенко, С. К. Тимошенко и П. В. Бахтурове.

Иосиф Родионович Апанасенко начал свою боевую деятельность с организации одного из партизанских отрядов в Ставропольском крае, а затем он создал Ставропольскую кавалерийскую дивизию, ставшую основой 6-й кавдивизии Конного корпуса.

Как командир он сложился в период партизанского движения, когда процветала «батьковщина», характерной чертой которого были своеволие партизанских вожаков и слабость дисциплины в отрядах.

После реорганизации партизанских отрядов в регулярные части Красной Армии у одних «батек» отрицательные черты партизанщины изживались быстро, у других медленно. Апанасенко долго не мог освободиться от пережитков «батьковщины». Это был глубоко преданный партии и народу командир, воевал он отважно, но иногда

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 4, д. 1145, л. 87—88, копия.

своевольничал, и за это его пришлось понизить в должности.

Семен Константинович Тимошенко, назначенный вместо И. Р. Апанасенко начальником 6-й кавалерийской дивизии, зарекомендовал себя храбрым воином и способным организатором. Обладая большой силой воли и беспредельно преданный делу революции, С. К. Тимошенко стал за короткое время одним из прославленных командиров дивизий Конного корпуса. Ярко вспоминается ожесточенный бой под Камышевахой весной 1919 года. Особая кавалерийская дивизия сражалась тогда с превосходящими силами противника. Положение было настолько тяжелым, что моментами казалось: не выдержим натиска огромных масс белоказаков, сомнут нас озверелые враги, прижмут к разлившейся в половодье реке Маныч, потопят. На главном направлении удара белогвардейцев билась бригада Тимошенко. Дрались его конники геройски, и впереди них в самом пекле боя, возвышаясь своей богатырской фигурой, сражался молодой комбриг Тимошенко. Он рубил направо и налево каким-то длинным мечом да так отчаянно, что, казалось, от одного его удара падают на изрытую копытами коней землю несколько белогвардейцев. «Где он взял этот рыцарский меч, и почему меч гнется, как железная плеть, опоясывая врагов?» — думал я, наблюдая за полем боя с холма, окутанного утренним туманом. И хотелось мне видеть всех своих бойцов и командиров такими же сильными и мужественными, как Семен Тимошенко.

Можно было надеяться, что 6-я кавалерийская дивизия во главе с Тимошенко станет такой же высокобоеспособной, как и 4-я дивизия, тем более, что комиссаром ее стал один из талантливейших политических работников корпуса — Павел Васильевич Бахтуров. На всю жизнь у меня и у всех, кто знал Бахтурова, останется в памяти образ этого мужественного большевика, человека горячего сердца и большого ума, пламенного партийного агитатора и вдохновенного поэта. Трудно словами выразить душевное уважение, с которым относились бойцы к Павлу Васильевичу,— как они слушали его проникновенные зажигательные речи, звавшие на решительный бой с врагами, как пели сочиненные им песни, среди которых была «Из лесов, из-за суровых темных гор...». С гордостью говорили бойцы: «Наш ко-

миссар может поднять и повести за собой в бой даже мертвых».

К 2 ноября части корпуса, отбрасывая противника, вышли на линию: 4-я дивизия — Стар. Ведуга, Гнилуша; 6-я дивизия — Лосево. Противник ввел в бой шесть кавалерийских полков и атаковал 6-ю кавалерийскую дивизию со стороны Ниж. Ведуги. Части 6-й дивизии при поддержке 4-й дивизии перешли в контратаку и отбросили противника в направлении Турово.

3 ноября 4-я и 6-я дивизии корпуса оставались в районе Меловатка, Стар. Ведуга, Гнилуша и вели разведку противника. 11-я дивизия была еще на подходе к Землянску.

Утром 4 ноября я собрался поехать в 4-ю дивизию, но меня задержали неожиданные гости.

Во двор домика в селе Стадница, занимаемого штабом корпуса, въехали сани. Их понуро тянули две невзрачные лошадки. Впереди саней следовал всадник, позади — второй. Первый спрыгнул с коня и, сказав несколько слов своему товарищу, направился в штаб.

В санях сидели двое мужчин. Один из них приподнялся, желая, видимо, вылезти, но, услышав резкое приказание: «Сидеть!», отданное всадником, — развел руками и опустился в сани.

Через минуту дверь дома с шумом отворилась и вошедший доложил:

— Товарищ командир корпуса! Разъезд 2-й бригады 6-й дивизии доставил в ваше распоряжение двух буржуев, а может купцов.

— Каких это буржуев?

— Обыкновенных. Бежали с Воронежу к белым, так мы их придержали.

— Ну, а зачем они мне нужны? Вели бы их к командиру бригады или к начдиву.

— Так мы порядок знаем, сами бы управились, но попались какие-то чудные. Веди, говорят, к Буденному. Один называет себя председателем России, а второй председателем Украины. Всю дорогу нас агитировали.

— Давай их сюда, разберемся.

Задержанные были одеты в длиннополые, купеческого пошива шубы. «Видно, меньшевики», — почему-то подумал я, осматривая впереди стоящего человека в очках с остренькой бородкой. Он снял запотевшие очки, протер

их кончиком шарфа и, подав свои документы комиссару Кивгеле, посмотрел на меня пристальным, изучающим взглядом. Комиссар торопливо подскочил ко мне и молча указал на подпись в мандате — Ульянов (Ленин).

Перед нами стояли — Председатель ВЦИК РСФСР Михаил Иванович Калинин и Председатель ЦИК УССР Григорий Иванович Петровский.

Я представился гостям и просил их извинить за столь нелюбезный прием.

— Ничего, ничего, — сказал, дружелюбно улыбаясь, Михаил Иванович. — Теперь мы с Григорием Ивановичем спасены и от мороза, и от твоих молодцов. Снимай, говорят, шубы, хватит, погрелись, а на тот свет и голых принимают. Я-то замерз совсем, — смеется Михаил Иванович, — а вот Григорий Иванович показывает одному мандат: читай, мол, Лениным подписан. А тот говорит: «Ты, буржуй, товарища Ленина не марай, читать я не умею, а вас, таких угнетателей, не впервой вижу». Второй боец говорит: «Чего рассуждать, давай кончать с этой контрой, а то от своих отстанем». Нет, — говорю, — братцы, — расстрелять вы нас всегда успеете. Везите к Буденному, он разберется кто мы такие.

— Еще раз простите, товарищ Калинин. Не думал, что так получится. Виновные будут строго наказаны, — сказал я.

— Нет, нет, дорогой мой, — горячо возразил Михаил Иванович. — Мы сами во всем виноваты. Понесло же нас из Воронежа к вам без охраны. Мы этих бойцов должны еще благодарить. В такую-то погоду и к белым немудрено попасть и попали бы, если не подвернулся ваш разъезд.

Мы угостили наших дорогих гостей горячим чаем и даже нашли по этому случаю по чарке водки. Михаил Иванович и Григорий Иванович основательно прозябли, и погреться им было кстати.

Калинин рассказал нам о положении в республике — разруха, голод, топлива нет, керосина нет, спичек и то нет. Как бы в подтверждение сказанного, он за чаем вытащил из кармана три черных сухарика и кусочек сахара, аккуратно завернутые в обрывок газеты.

— И все же, — продолжал Михаил Иванович,— наши рабочие и революционные крестьяне полны решимости отстоять свою власть Советов. Именно свою, в этом все

твердо убеждены, поэтому и будут бороться до победы. И мы вот с Григорием Ивановичем приехали к вам, чтобы еще раз убедиться в этом. Много слышали о вашем корпусе и не вытерпели, поехали посмотреть.

Я доложил Михаилу Ивановичу о состоянии и задачах корпуса, показал по карте расположение частей и соединений. К слову сказал и о своем предложении, изложенном в письме Сталину. Михаила Ивановича заинтересовала мысль о создании Конной армии, и он обещал мне свою поддержку.

Докладывая о действиях соседних с корпусом армий, я подчеркнул настоятельную необходимость укрепить руководство 8-й армии: командующий Сокольников постоянно разъезжает, витает где-то в пространстве в то время, как штаб его дезорганизован изменой Ротайского; дивизии армии большей частью действуют самостоятельно, а при решении общих задач с Конным корпусом временно входят в его оперативное подчинение.

Я попросил Калинина также поторопить через Реввоенсовет Южного фронта 13-ю армию. После взятия Касторной противник будет отступать значительно быстрее, чем раньше, поэтому необходимо энергичнее преследовать врага, не давать ему передышки.

Калинин выразил желание поехать на фронт, и я едва отговорил его от этой поездки, весьма опасной при быстро изменявшейся в те дни обстановке, да еще в непогоду, когда даже бойцы с трудом ориентируются — где свои и где противник.

— Как же так? — волновался Михаил Иванович. — Мы уедем и не увидим знаменитых атак наших орлов-конников.

— Увидеть, как, примерно, атакуют наши части, можно и без риска для жизни, — подсказал начальник штаба корпуса Погребов. — Сейчас выводится на тактическое учение Особый резервный кавдивизион.

— Учение?! — удивился Михаил Иванович и стал расспрашивать, как поставлено у нас обучение молодых бойцов. Я доложил, что прежде всего мы учим вести действительный огонь, то есть огонь только на поражение, что особенно важно, так как приходится постоянно испытывать недостаток в боеприпасах и добывать их главным образом у противников; учим умело владеть шашкой и управлять конем в бою, а если учесть, что многие наши

бойцы раньше не сидели в седле и не прикасались к шашке — дело это сложное; учим маскироваться, правильно использовать местность, время года, суток и погоду; учим военной хитрости, смекалке в бою и товарищеской взаимовыручке; после одиночной подготовки переходим к тактике мелких подразделений, а затем и частей; в ходе занятий отрабатываются элементы боя, порядок взаимодействия и все то, без чего нельзя воевать и тем более побеждать.

— Честное слово!— воскликнул Михаил Иванович.— Не ожидал, что у вас в таких неимоверно сложных условиях ведутся военные занятия. К могучему революционному порыву наших бойцов прибавить знания — это же здорово! Это же один из секретов вашего успеха! Спасибо, Семен Михайлович, и за информацию, и за просвещение старого революционера, но совсем молодого солдата, — пошутил Михаил Иванович.

Мы оделись и вышли на улицу. Метель не утихала. Сильный ветер с воем и свистом бросал тучи снега на покосившиеся, как будто присевшие домишки и полусгнившие придворные постройки.

Выехав на окраину села, мы остановились у небольшого, одиноко стоявшего сарая и укрылись от ветра за его стенами. Я приказал Погребову дать сигнал «к наступлению» и в ожидании его рассказал нашим гостям о боях корпуса на подступах к Касторной.

Но вот щелкнуло несколько одиночных выстрелов, и раскатистое несмолкаемое «ура» загремело вдали.

Вначале из снежной мглы вырывались отдельные всадники, потом их становилось все больше, больше и, наконец, могучая конная лавина, разрезая воздух сотнями клинков, поднимая тучи сбитого копытами снега, с мощным боевым кличем со всех сторон на полном карьере понеслась на село Стадница.

Стремительная «атака» произвела на Калинина и Петровского сильное впечатление.

— Да, трудно таких сломить и еще трудней победить, — взволнованно сказал Михаил Иванович. — Семен Михайлович, так это и есть ваш корпус? — глядя на меня из-под очков, спросил он.

— Что вы, Михаил Иванович, это всего резервный кавдивизион.

— Э, Семен Михайлович, какой же это дивизион — такая махина! — засмеялся Калинин. — Не вводи меня, голубчик, в заблуждение.

Я объяснил, что этот кавдивизион выполняет у нас ординарческие функции и используется в критические моменты как резервная ударная сила; нередко резервный кавдивизион используется и для внезапного удара по противнику в тыл с целью захвата артиллерии, и на решении этой задачи бойцы и командиры кавдивизиона отлично наспециализировались; это — беспредельно преданные революции и исключительно мужественные люди, способные на самопожертвование; как правило, каждый из них имеет на своем счету десяток и более убитых и зарубленных; все они имеют несколько ранений.

— В общем, — заключил за меня Григорий Иванович, — эти молодцы — отборная красная гвардия вашего корпуса.

Пока мы разговаривали, вокруг нас собралось плотное кольцо бойцов и командиров. Михаил Иванович и Григорий Иванович беседовали с ними, расспрашивали о боевой жизни, рассказывали об успехах Советской власти и тех трудностях, которые еще предстоит преодолеть.

Под вечер Калинин и Петровский распрощались с нами и под прикрытием усиленного взвода резервного кавдивизиона уехали в Воронеж.

3

4 ноября части корпуса продолжали вести разведку противника и готовились к наступлению на Касторную. Бои вели только разведывательные подразделения. По данным разведки, было установлено, что противник подготавливается к упорной обороне. На станции Касторной и в селе Касторном пехота противника отрывала окопы для круговой обороны. По железной дороге курсировали бронепоезда, прикрывающие своим огнем все подступы к железнодорожному узлу. Сюда стягивались и кавалерийские части противника. Мы услышали, что генерал Постовский, возглавлявший оборону Касторной, поклялся, что он не сдаст этого железнодорожного узла и подступы к нему зальет кровью красных.

Противник рассчитывал на свое превосходство в силах, на отличные возможности для маневра бронепоездов,

на удобное для обороны географическое расположение Касторной. Однако, полагаясь на богатый боевой опыт корпуса, на его высокую боеспособность, возлагая надежды на поддержку 11-й кавалерийской дивизии, с подходом которой наши боевые возможности увеличивались, я был твердо уверен в победе.

Не только по карте, но и по данным разведки корпуса, — кстати сказать, она действовала в районе Касторной очень активно, — мы установили, что местность на северных подступах к Касторной сильно пересеченная. С востока Касторная прикрывалась рекой Олым и особенно укрепленными оборонительными позициями. Наиболее открытой, благоприятной для наступления была местность с юга и юго-запада от Касторной. Отсюда я и решил нанести удар.

К вечеру 4 ноября был отдан приказ Конному корпусу с рассветом 5 ноября перейти в наступление с целью овладения железнодорожным узлом Касторное.

В ночь перед наступлением сильно похолодало, пошел густой сухой снег, подул сильный ветер, а к утру разыгралась пурга.

Несмотря на неблагоприятную погоду, все части корпуса с рассветом 5 ноября перешли в наступление. 4-я кавалерийская дивизия наносила главный удар противнику через Орехово, Погожевку, Котовка с выходом на железную дорогу Стар. Оскол — Касторная с целью охвата противника с юга. 6-я кавалерийская дивизия, тесно взаимодействуя с 4-й дивизией, наступала уступом влево, через станцию Нижнедевицк, Олым, Суковкино, прикрывая корпус от главных сил Мамонтова.

К 16 часам 4-я кавалерийская дивизия с боями овладела линией Семеновка, Горяиново, Плоское, Орехово. Особенно ожесточенный бой разгорелся в районе Орехово. Противник силою до шести кавалерийских полков оказывал упорное сопротивление, но под стремительными ударами главных сил 4-й кавдивизии отошел под прикрытие бронепоезда в направлении Погожевки.

6-я кавалерийская дивизия к 13 часам овладела Верхне-Туровым. Однако, попав в этом районе под сильный огонь бронепоездов и превосходящих сил противника, подтянутых со стороны города Нижнедевицка, дивизия вынуждена была оставить Верхне-Турово и отойти в исходное положение.

Ввиду того, что бушевала пурга, исключавшая всякое наблюдение и ориентировку, корпус прекратил наступление и закрепился на занятых рубежах.

6 и 7 ноября прошли во взаимных атаках и контратаках. Противник подтягивал свежие силы, вывел на железную дорогу Касторная — Воронеж три бронепоезда, которые непрерывно обстреливали позиции наших частей ураганным огнем. Однако 7 ноября части корпуса улучшили свое положение: 4-я дивизия заняла Успенку, а 6-я — Погожевку.

8 ноября противник со стороны станции Касторной, Котовка и Нижнедевицка перешел в наступление силами около четырех тысяч сабель и до восьми полков пехоты при поддержке четырех танков и трех бронепоездов. На всем фронте корпуса завязался упорный бой, продолжавшийся весь день.

В 9 часов утра в расположение 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии в Успенку вошли четыре танка белогвардейцев. Наши бойцы, до этого ни разу не видевшие танков, приняли их в непроглядной пурге за возы сена и продолжали спокойно укрываться от непогоды во дворах. Не встретив никого на улице, танки повернули обратно и без выстрела медленно ушли. Через некоторое время Успенку атаковала гренадерская дивизия. Гренадеры дрались упорно и, используя свое численное превосходство, а также поддержку танков, потеснили 2-ю бригаду. Но к 17 часам 2-я бригада совместно с 3-й бригадой этой же дивизии выбили белогвардейцев из Успенки и отбросили их вместе с танками к Касторной.

В то время как 4-я дивизия была связана боем с противником, наступавшим со стороны Касторной, белые, сгруппировав до трех тысяч сабель в районе Нижнедевицка, при поддержке трех бронепоездов атаковали две бригады 6-й кавдивизии, занимавшие Погожевку. После упорного боя, стремясь выйти из-под огня бронепоездов, эти бригады оставили Погожевку и отошли в Орехово.

В этот день штабом корпуса были получены данные, что 11-я кавалерийская дивизия вышла в Землянск, а 3-я бригада (Туркестанская) этой же дивизии прибыла в эшелонах на станцию Отрожка. Одновременно штаб корпуса получил сведения, что левофланговые части 13-й армии заняли Набережное, а части 8-й армии вышли на линию Турово, Николаевское, Вязноватка.

Учитывая сложившуюся обстановку на фронте корпуса, а также подход в район действий корпуса 11-й дивизии, я решил прикрыться от противника небольшими силами на линии Отрада, Успенка, а главными силами, сосредоточенными в Орехово, Погожевка, нанести удар в юго-западном направлении, разгромить группу генерала Постовского и выйти на линию Касторная, Суковкино, Верхне-Девица.

Штабу корпуса было приказано оставаться в Стаднице, а я выехал в 4-ю кавалерийскую дивизию, чтобы на месте руководить наступлением.

В 7 часов утра 9 ноября части 6-й кавалерийской дивизии под прикрытием пурги перерезали железную дорогу Воронеж — Касторная и развернули стремительное наступление в направлении города Нижнедевицк и Ново-Ольшанка. Конные части противника, лишившись прикрытия бронепоездов, несмотря на свое численное превосходство, начали отходить, прикрываясь крупными заслонами.

4-я кавалерийская дивизия с рассветом вступила в бой с большими силами пехоты и кавалерии противника, поддержанными огнем бронепоездов, танков и бронеавтомобилей. С первых же минут завязался исключительный по своему ожесточению бой. Конные атаки следовали одна за другой, артиллерия и пулеметы вели непрерывный огонь. На фронт 4-й дивизии были переброшены большая часть огневых средств корпуса и одна бригада 6-й дивизии.

Весь день мы с комиссаром корпуса А. С. Кивгелой скакали верхом из бригады в бригаду, из полка в полк, организуя атаки и контратаки, сосредоточивая огонь пулеметов и артиллерии на наиболее угрожаемых участках.

Чтобы оттянуть силы противника из полосы наступления 4-й дивизии, на северо-восточные подступы к Касторной была переброшена резервная бригада Колесова, которая, перейдя в наступление, завязала бой с белогвардейской пехотой.

К вечеру основные силы противника были отброшены корпусом к Нижнедевицку, Суковкино и Касторной. По данным разведки и показаниям пленных, было установлено, что тыловые учреждения противника отходили с Касторной в направлении Старого Оскола.

Для нас стало ясно, что необходимо нанести еще один удар — и сопротивление белогвардейцев будет слом-

лено. Поэтому было принято решение, прикрывшись небольшими силами на линии Успенка, Котовка, с утра 10 ноября развивать наступление, нанося главный удар в направлении Суковкино, Бычек, Лачиново с целью отрезать пути отхода противнику из Касторной, окружить и уничтожить его. Для прикрытия действий корпуса с юга в направлении Кулевка был выставлен заслон. Главный удар наносили части 4-й и 6-й кавалерийских дивизий в составе пяти бригад.

В приказе, отданном вечером 9 ноября, особое внимание начдивов и их штабов было обращено на организацию четкого взаимодействия внутри частей, соединений и с соседями.

Кроме этого приказа, был отдан приказ с обращением к бойцам и командирам, в котором говорилось:

«Красные командиры и красные бойцы!

Настал решительный момент! На всем Южном фронте республики упорство противника сломлено. В течение шести дней красными войсками заняты одиннадцать городов. На фронте корпуса в течение пятидневных боев противник обнаружил полное бессилие сломить железную стойкость нашего корпуса. В результате боя 9 ноября противник отброшен и прижат к ст. Касторное, Красная Долина, Суковкино и спешным маневром думает уйти из-под сокрушительного удара корпуса. Боевым приказом Конкорпусу на 10 ноября ставится задача нанести этот удар и уничтожить живую силу противника.

Приказываю:

Командирам и бойцам для исполнения этого приказа проявить всю энергию, помня, что от успеха предполагаемой операции во многом зависит успех операций всего Южного фронта республики.

В условленный час, от командира до бойца, — все на свои места, крепче сжав винтовку в мозолистых руках, и бурным сокрушительным потоком — на врага!

Будем помнить, что Республика не забудет наших подвигов, но и не оставит безнаказанным преступное бездействие в решительный момент» [1].

С рассветом 10 ноября корпус приступил к исполнению боевого приказа. Но противник упредил развертывание наших частей и силою двух конных корпусов пере-

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 3, д. 6/с, л. 283.

шел в наступление в направлении Новой Ольшанки. В результате контратак частей 6-й и 4-й дивизий белоказаки были опрокинуты и принуждены поспешно отступать к станции Суковкино, куда белогвардейское командование выдвинуло бронепоезда, чтобы прикрыть отход своих войск. Одновременно с этим белые, силою до одиннадцати полков, при поддержке двух автоброневиков, перешли в наступление на линии Успенка, Погожевка, потеснили наши заслоны и развивали наступление на Орехово.

В связи с этим была срочно переброшена в район Орехово значительная часть корпуса, главным образом основные силы 4-й кавалерийской дивизии. Быстрый подход частей 4-й дивизии обеспечил своевременный выход их во фланг белогвардейской пехоте, связанной боем в Орехово с нашими двумя спешенными бригадами. Стремительный удар частей 4-й дивизии с фланга и тыла расстроил боевые порядки белогвардейской пехоты и заставил ее поспешно отступить в село Касторное. К 16 часам 10 ноября положение было окончательно восстановлено, и 4-я дивизия прочно закрепилась в Семёновке, Милавке, Орехово. 6-я кавалерийская дивизия отошла от станции Суковкино и главными силами расположилась в Новой Ольшанке. 11-я кавалерийская дивизия из Землянска перешла в Старую Ведугу.

11 и 12 ноября части корпуса, утомленные непрерывными боями, приводили себя в порядок и вели разведку противника перед фронтом и на флангах.

По данным разведки корпуса и по сведениям, полученным от разведки и перебежчиков, стало известно, что противник уже не рассчитывает предпринимать наступление и стягивает силы непосредственно на станцию и в село Касторное для организации круговой обороны.

Корпус Мамонтова сосредоточился в г. Нижнедевицке, а корпус Шкуро — в Бычек.

В ночь на 12 ноября я уехал в штаб корпуса в Стадницу, откуда мне доложили, что получена директива Реввоенсовета Южного фронта.

В этой директиве от 9 ноября корпусу ставилась задача:

«По занятии района Касторное, усиленными переходами произвести рейд в тыл противника с целью раз-

грома его тылов и перерыва железной дороги Курск — Белгород на участке станций Солнцево — Ржава»[1].

Рейд в тыл противника — это вот настоящая задача Конному корпусу! Еще по результатам рейда Особой кавалерийской дивизии в январе — феврале 1919 года под Царицыном мы все убедились, какое огромное влияние оказывают успешные рейдовые операции на изменение всей обстановки на фронте. И я с горечью вспомнил отказ Шорина поддержать мой план рейда Конного корпуса на Миллерово. Этот рейд, по моему убеждению, изменил бы положение на фронте и, может быть, не пришлось бы вести кровопролитных боев ни под Воронежем, ни под Касторной.

Корпус мог успешно громить превосходящие силы белогвардейской кавалерии в открытом бою. Это доказал уже целый ряд операций. Но почему же под Касторной он не мог добиться успеха с ходу? Почему корпусу пришлось вести тут тяжелые кровопролитные и затяжные бои? Не буду говорить, что нам погода мешала, хотя она, безусловно, мешала, не стану говорить и о численном превосходстве противника, которое в данном случае было подавляющим. Одно это еще не могло бы задержать корпус. Главная трудность состояла в том, что противник занимал очень выгодный оборонительный район, прикрытый бронепоездами, которые не знали недостатка в огнеприпасах, обладали высокой маневренностью и могли создавать полосы перекрестного огня на всех подступах к станции Касторной. Каждый раз, когда противник под ударами корпуса отходил, наши преследующие части попадали под ураганный огонь его бронепоездов и вынуждены были отходить. Наша артиллерия не могла вести эффективной борьбы против бронепоездов не только из-за недостатка снарядов, но и потому, что бронепоезда быстро маневрировали, уходили из-под обстрела и вновь появлялись на угрожаемых участках.

Упорные, жестокие бои под Касторной сильно утомили корпус, но мы добились главного — измотали противника и принудили его перейти к обороне. Последние бои показали, что сопротивление противника надломлено, что боевой дух белых падает.

---

[1] ЦГАКА, ф. 100, оп. 2, д. 13/о, лл. 33—34.

Все говорило о том, что, несмотря на усталость людей и лошадей, невзирая на холод и метель, необходим решительный натиск, чтобы не дать противнику оправиться и организовать сильную оборону или уйти из Касторной, сохранив свою живую силу.

В эту ночь мы с комиссаром А. С. Кивгелой и начальником штаба корпуса В. А. Погребовым, детально изучая положение противника и своих соединений, стремились предугадать ход предстоящей операции, обдумывали, как лучше распределить силы и средства, как организовать взаимодействие между частями и соединениями корпуса, искали наиболее целесообразное направление главного удара. В итоге мною было принято решение: прикрывшись от противника небольшими силами на линии Архангельское, Успенка, главными силами корпуса на рассвете 13 ноября нанести удар в направлении Суковкино, разгромить противника, отрезав его касторненскую группировку от конницы Мамонтова и Шкуро, и выйти на линию Раздолье, Бычек, Алисово, Кулевка, Ясенки.

В ту же ночь боевой приказ был размножен и с разъездами особого резервного кавдивизиона разослан в дивизии. В соответствии с приказом 4-я кавдивизия из района Семеновки сосредоточивалась на станции Нижнедевицк; 11-я кавдивизия и бригада Колесова выходили из Старой Ведуги в Успенку; 6-я кавдивизия оставалась на станции Нижнедевицк и в Новой Ольшанке.

12 ноября я решил до конца дня остаться в штабе корпуса — надо было заняться рядом неотложных дел и, в частности, связаться со штабом фронта, чтобы выяснить обстановку на фронте и попросить ускорить движение частей левого фланга 13-й армии, наступавших в направлении Касторной.

Командующего и начальника штаба фронта на месте не оказалось. К аппарату подошел начальник оперативного управления штаба фронта. Он кратко информировал меня об обстановке и сообщил, что Реввоенсовет Южного фронта распоряжением от 10 ноября потребовал от командующего 13-й армией энергичных действий левофланговой 42-й стрелковой дивизии, наступающей в направлении Касторной.

— Завтра Конный корпус приступает к операции по окружению и уничтожению касторненской группировки противника, — передал я. — Прошу вас доложить об этом

Реввоенсовету фронта и при поступлении донесения о взятии Касторной уточнить дальнейшую задачу корпуса.

4

К вечеру 12 ноября погода испортилась: после дождя резко похолодало, подул сильный ветер, началась гололедица, а затем разыгралась снежная пурга.

В связи с этим наступление корпуса было отложено. Метель бушевала в течение 13 и 14 ноября. Дивизии готовились к наступлению и вели усиленную разведку.

Во второй половине дня 14 ноября я принял решение начать 15 ноября наступление на Касторную независимо от того, какая будет погода.

Приняв это решение, я выехал с оперативной группой в части с тем, чтобы уточнить задачи дивизиям.

6-й кавалерийской дивизии приказывалось наступать уступом за 4-й кавдивизией в направлении Кулевка, Ясенки и прикрыть операцию корпуса с юго-востока от конницы Мамонтова; 4-й дивизии предстояло с рассветом 15 ноября выступить в направлении Новая Ольшанка, перервать железную дорогу Касторная — Старый Оскол, занять станцию Суковкино и нанести удар по Касторной с юга.

11-й кавалерийской дивизии с приданной на время операции резервной бригадой Колесова приказывалось в 5 часов утра перейти в наступление и, взаимодействуя с частями 4-й дивизии, атаковать противника в Касторной с востока и северо-востока (схема 9).

Учитывая, что предстоит решающий бой за Касторную, в дивизии были посланы работники политотдела и штаба корпуса для помощи начдивам на местах. Распоряжение начдиву 11-й кавалерийской дивизии повез лично начальник разведотдела корпуса И. В. Тюленев в сопровождении разъезда. Ему предстояло наиболее сложное и ответственное дело, потому что 11-я дивизия только вступала в состав корпуса и мы не знали еще, насколько она боеспособна, не знали даже, где она находится — ее нужно было разыскивать в разбушевавшейся пурге. Поэтому мы и послали в 11-ю дивизию И. В. Тюленева — человека, в котором прекрасно сочетались качества способного штабного работника с качествами храброго боевого командира.

Вечером, когда я был в 4-й дивизии, ко мне прискакал посыльный из 6-й дивизии и сообщил, что на ординарцев, доставлявших мое распоряжение в эту дивизию, напали белогвардейцы. Наш наскочивший разъезд отбил ординарцев, но казаку, захватившему распоряжение, удалось ускакать.

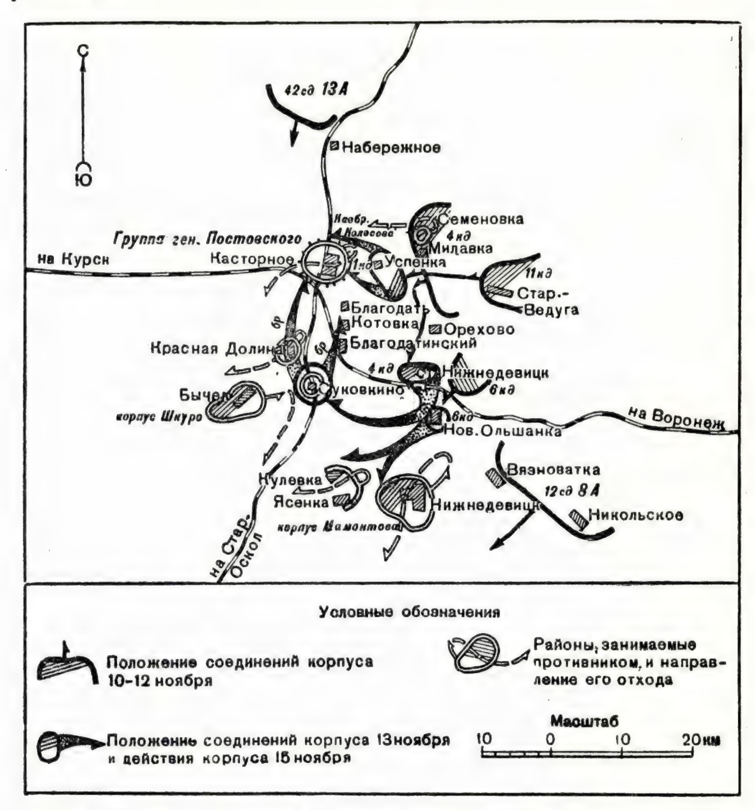

Схема 9. Боевые действия Конного корпуса 10—15 ноября 1919 г. по овладению Касторной.

В связи с этим я решил наступать силами 4-й дивизии на двенадцать часов раньше, чем было указано в распоряжении, не на рассвете, а с наступлением ночи.

Городовикову было приказано срочно собрать и построить дивизию, при этом одеть бойцов как можно теплее.

Пурга на ночь разбушевалась еще больше. Ветер валил с ног, мороз обжигал лицо, колючий снег бил в глаза.

Городовиков доложил, что части построены. Я вышел из помещения, сел на коня и подъехал к головным полкам дивизии. Бойцы, нахлобучив шапки и потирая от мороза руки, тихо переговаривались между собой. Продрогшие лошади жались в кучу, нарушая строй.

Объезжая полки, я шутя говорил бойцам:

— Ну, орлы, зябнуть разрешаю, а обмораживаться запрещаю. Всем бороться с морозом, как с врагом революции. Возьмем Касторную — там и погреемся.

Встав впереди дивизии, мы с Городовиковым повели ее за собой. До Новой Ольшанки продвигались, ориентируясь по ветру, который дул с правой стороны. В Новой Ольшанке повернули строго на запад. Темнота и сильный встречный ветер со снегом затрудняли движение, а встречающиеся на пути канавы и овраги, забитые снегом, представляли труднопреодолимые преграды. И все-таки к рассвету 15 ноября 4-я кавалерийская дивизия вышла на станцию Суковкино, где захватила врасплох подразделение пехоты противника и оперативный пункт штаба генерала Постовского, связывающий Касторненскую группу с конницей Шкуро и Мамонтова.

При допросе офицер оперативного пункта генерала Постовского показал, что белые войска в Касторной численностью пять — шесть тысяч заняли круговую оборону; в распоряжении Постовского находятся четыре бронепоезда, которые ночью по очереди курсируют в направлении Курска, а днем сосредоточиваются в Касторной, откуда и действуют в зависимости от обстановки; в частности один бронепоезд вчера действовал между станцией Суковкино и Касторной. Генерал Постовский, показал далее пленный офицер, располагает также четырьмя бронеавтомобилями и четырьмя танками — последние следовали на Курск, но Постовский подчинил их себе; имеется в Касторной и артиллерия, но в каком составе, ему (офицеру) неизвестно; станция забита эшелонами со снарядами и патронами, значительная часть которых тоже следовала в Курск, но задержана в Касторной.

Я приказал этому офицеру вызвать к аппарату дежурного по штабу генерала Постовского. От имени офицера оперативного пункта я сообщил дежурному

штаба, что, несмотря на метель, разъезды противника неоднократно проникали к станции Горшечное, а также пересекали железную дорогу севернее и южнее станции Суковкино. В связи с этим прошу выслать бронепоезд, чтобы прикрыть станцию и оперативный пункт от внезапного нападения.

Дежурный штаба Постовского ответил, что бронепоезд будет выслан, и в свою очередь просил передать Шкуро, чтобы он выслал усиленную разведку в восточном направлении от станции Суковкино.

Я спросил дежурного: нет ли данных, что красные намерены перейти в наступление?

Он ответил мне, что захвачен приказ Буденного, в котором говорится о наступлении. Но он (дежурный офицер) предполагает, что этот приказ красные подбросили с какой-нибудь хитрой целью. Наступление в такую непогоду мало вероятно, но тем не менее, — заключил дежурный, — будьте начеку.

Переговорив с дежурным офицером генерала Постовского, я приказал приготовиться к захвату обещанного им бронепоезда.

Для того чтобы не вызвать подозрений у команды бронепоезда, были приняты надлежащие меры маскировки. Я, Городовиков и группа бойцов, оставшихся на перроне, были одеты в бурки и внешне ничем не отличались от белых. Для большей убедительности, что мы белые, немного впереди нас были выставлены захваченные в плен жандарм и офицер. Бойцы, выделенные для захвата бронепоезда, укрылись по обе стороны железнодорожного полотна.

Ждать пришлось не очень долго. К перрону подошел белогвардейский бронепоезд, и командир его, щеголеватый поручик, молодецки спрыгнув на перрон, подскочил ко мне с рапортом: «Господин генерал, бронепоезд «Слава офицерам» прибыл в ваше распоряжение» (он принял меня за Мамонтова). Я прервал его и приказал следовать за мной в вокзал для обстоятельного доклада о положении в Касторной.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — щелкнув каблуками, ответил офицер и, окруженный нашими людьми, последовал за мной в вокзал, где и был обезоружен.

Поручик ничего не сказал нового в дополнение к показаниям пленного офицера оперативного пункта. Он лишь добавил, что на восточных подступах к селу Касторному начались бои; станция Касторная забита эшелонами с огнеприпасами, и, вероятно, опасаясь взрывов, командование группы Постовского предпринимает меры к эвакуации эшелонов, либо к рассредоточению их. Такой вывод он сделал, наблюдая маневры паровозов на станции.

На перроне послышались одиночные выстрелы, потом все стихло. Когда мы вышли из вокзала, наши бойцы уже захватили бронепоезд. На радость нашим артиллеристам в бронепоезде был большой запас снарядов. Я велел распределить их между 4-й и 6-й кавалерийскими дивизиями, а бронепоезд подготовить к действиям в направлении Касторной.

Не успели бойцы как следует освоиться в бронепоезде, как к станции на полных парах подлетел эшелон из четырнадцати вагонов. Только после того как поезд остановился, машинист и сидевший с ним офицер поняли, что на станции красные. Отцепив состав, они стали уходить на паровозе в сторону разъезда Васильевки. Однако путь за станцией нашими частями был уже разобран. Убедившись в этом, офицер и машинист сдались в плен. В захваченном эшелоне оказались семьдесят офицеров — дезертиров с фронта, сорок лошадей и вагоны с награбленными вещами и продуктами.

И снова сообщение: через Суковкино на Новый Оскол следуют эшелоны с боеприпасами. Вскоре захваченный нами бронепоезд был зажат эшелонами, и поэтому использовать его при наступлении на Касторную нам не удалось.

На станции Суковкино я приказал 2-й бригаде 4-й дивизии, прикрываясь населенными пунктами, наступать на Касторную вдоль железной дороги. 3-й бригаде Алаухова было приказано вести наступление в сторону железной дороги Касторная — Воронеж, с выходом на разъезд Благодатинский. 1-я бригада оставалась в Суковкино для охраны трофеев и прикрытия станции со стороны Бычек, где, как нам было известно, располагалась значительная часть корпуса генерала Шкуро. Благодаря захваченному бронепоезду, который хотя и не мог маневрировать, но

имел хороший круговой обстрел, станция Суковкино с юга и юго-запада была прочно прикрыта.

Через некоторое время я вновь соединился со штабом группы генерала Постовского и от имени офицера оперативного пункта сообщил, что присланный бронепоезд используется для прикрытия и сопровождения прибывающих эшелонов и фактически лишен возможности курсировать на участке Суковкино — Касторное. Вместе с тем противник проявляет активность со стороны станции Нижнедевицк, и не исключена возможность переброски его сил из этого района на участок железной дороги Касторное — Суковкино. В связи с этим желательно, чтобы на разъезд Благодатинский послали бронепоезд, который бы мог действовать в направлении станции Нижнедевицк и в то же время контролировать треугольник железной дороги Суковкино — Касторное — Благодатинский. Дежурный ответил, что он доложит эту просьбу командованию.

Переговорив с Касторной, я послал распоряжение командиру 3-й бригады Алаухову ускорить продвижение к разъезду Благодатинский и приготовиться к захвату там белогвардейского бронепоезда.

Во второй половине дня Алаухов донес, что приказание выполнил и его артиллеристы уже сидят в захваченном бронепоезде. Смелый и способный был командир 3-й бригады Николай Алаухов, бывший старший казачий урядник, участник первой мировой войны. Он начал у нас службу рядовым бойцом и очень быстро стал комбригом.

К концу дня белые, наконец, поняли, что Суковкино нами занято, и перешли к круговой обороне станции Касторной.

Продвижение 4-й дивизии на Касторную с юга встречало ожесточенное сопротивление противника в районе Котовка и Красная Долина, но части упорно продвигались вперед.

С утра 15 ноября 6-я дивизия, наступавшая уступом за 4-й, подошла к Кулевке, Ясенки, где была встречена сильным ружейно-пулеметным огнем противника, засевшего за глубокими оврагами, засыпанными снегом. Не заняв Кулевку и Ясенки, 6-я дивизия все-таки выполнила свою задачу. Она отрезала конницу Мамонтова от Касторной и тем самым способствовала главным силам

4-й и 11-й дивизий в разгроме группы генерала Постовского.

События непосредственно в районе Касторной развивались следующим образом: утром 15 ноября части 11-й кавалерийской дивизии совместно с кавалерийской бригадой Колесова атаковали село Касторное с востока, однако, будучи встречены огнем окопавшейся пехоты и огнем артиллерии, вскоре вынуждены были отойти обратно к Успенке. Здесь один полк бригады Колесова и один полк 11-й кавалерийской дивизии спешились и вторично перешли в атаку на Касторное. На этот раз противник не устоял и отошел на следующую линию укреплений. На восточной окраине села и в районе станции завязался упорный бой, временами переходивший в рукопашную схватку. К 16 часам белые, потеряв много убитыми и ранеными, не выдержали натиска наших войск и начали отступать на юг и юго-запад. В это время остальные полки бригады Колесова и 11-й кавалерийской дивизии в конном строю бросились в атаку на бегущую пехоту противника.

Видя бесполезность сопротивления, белые стали массами сдаваться в плен. Офицерский батальон 2-го марковского полка, пытавшийся оказать сопротивление, был почти полностью уничтожен.

К вечеру резервная бригада Колесова и части 11-й кавалерийской дивизии, сломив сопротивление пехоты противника, ворвались с северо-востока в село Касторное. Одновременно части 4-й дивизии, используя в качестве прикрытия захваченный бронепоезд, с юга и юго-востока атаковали и заняли станцию Касторная. При этом был в упор расстрелян бронепоезд противника и захвачен бронированный вагон с дальнобойным орудием.

К вечеру разгромленные и потерявшие управление части противника, убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, сложили оружие.

Колесов, бригада которого одной из первых ворвалась в село Касторное, прислал восторженное донесение. «Бой сегодня был неописуемый... Пехота вся разбита, взято около полка в плен, бесчисленное множество изрублено, масса трофеев, как-то: орудия, винтовки, пулеметы, обозы, кухни и проч.».

Таким образом, станция Касторная оказалась в руках Конного корпуса. Остатки разбитых частей против-

ника бежали в юго-западном направлении. Генерал Постовский, бросив свой штаб, пытался на санях скрыться из Касторной, но, как доносил комбриг Колесов, был опознан нашими бойцами и зарублен.

В результате касторненской операции противник потерял: четыре бронепоезда, четыре танка, сто пулеметов, двадцать два орудия, десятки тысяч снарядов, миллионы ружейных патронов, тысячу лошадей и около трех тысяч солдат и офицеров, сдавшихся в плен.

В селе Касторном я впервые увидел построенную в полном составе для представления мне 11-ю кавалерийскую дивизию.

Как равная среди равных, она вошла в состав корпуса на поле боя и теперь со своими братьями по оружию торжествовала победу.

Дивизия произвела на меня хорошее впечатление. Понравились и начальник дивизии Матузенко, и комиссар латыш Озолин. Все бойцы и командиры обмундированы, что называется, с иголочки — красные бриджи, гусарские мундиры, шинели с «разговорами», шлемы с синей звездой, все как на подбор молодцы. Я обратил внимание на то, что один эскадрон был не в шлемах, а в шапках и спросил, почему так. Матузенко доложил мне, что бойцы этого эскадрона при встрече с эскадроном Собакина, посланным мною с приказом в 11-ю дивизию, обменялись головными уборами.

— А впрочем, — он улыбнулся, — может быть, и не обменялись — командир этого эскадрона утверждает, что бойцы Собакина попросту сняли с его бойцов шлемы, а им отдали свои шапки.

Наша новая дивизия не имела своей артиллерии, и поэтому было решено сформировать артиллерийские батареи для нее за счет артиллерии, захваченной у противника. Мы решили также довести ее штатную численность за счет добровольцев до штата 4-й и 6-й дивизий.

К вечеру Касторная была полностью очищена от белогвардейцев. Передовые части 4-й кавалерийской дивизии преследовали панически бегущие на юг и юго-запад остатки разбитых частей противника. Тем временем в Касторную вошли левофланговые стрелковые части 13-й Красной армии.

Разгром группы генерала Постовского в Касторной имел исключительное значение для наших войск.

Если поражение, нанесенное корпусам Мамонтова и Шкуро под Воронежем, и овладение Воронежем позволило советскому командованию ликвидировать угрозу, нависшую над 8-й армией, которую противник охватывал с флангов, помогло остановить продвижение на Москву «Добровольческой» армии Деникина, перегруппировать свои войска и перейти в наступление, то разгром группы генерала Постовского и овладение Касторной привели к тому, что деникинский фронт был окончательно надломлен. Началось массовое отступление белогвардейских войск и особенно на фронте 13-й и 14-й Красных армий.

Белогвардейское командование прилагало отчаянные усилия, чтобы удержать Касторненский железнодорожный узел, не только потому, что через него снабжались войска, действующие против 13-й и 14-й Красных армий, но и потому, что предвидело опасные для себя последствия в случае выхода Конного корпуса на тылы деникинских частей.

Ведя бой с частями 13-й и 14-й армий, белые все время чувствовали угрозу своему правому флангу со стороны Конного корпуса — он висел у них на фланге. Поэтому, как только была взята Касторная, отступление белогвардейских частей усилилось, а на ближайших к корпусу участках превратилось в бегство.

Разгромив противника под Касторной, Конный корпус обеспечил соединение длительное время разорванных флангов 8-й и 13-й Красных армий и врезался в стык белогвардейских «Добровольческой» и Донской армий, что создавало реальные возможности для претворения в жизнь оперативно-стратегического плана по разъединению белых армий и разгрому их по частям.

Победа под Касторной и общее наступление Красной Армии на Южном фронте произвели коренной перелом в настроениях как советских людей, так и в лагере белогвардейцев. В Донбассе, в Харьковской и Полтавской губерниях вспыхнули антиденикинские восстания. Тыл Деникина затрещал по всем швам.

Утром 16 ноября был получен приказ от 6 ноября войскам 10-й армии с объявлением благодарности бойцам, командирам и комиссарам корпуса.

«Согласно телеграфному распоряжению Главкома, — говорилось в приказе, — Конный корпус тов. Буденного передан в распоряжение командующего Южным фронтом.

С болью в сердце приходится расставаться с доблестными частями Конкорпуса тов. Буденного, который во всех боевых операциях являлся сердцем 10-й Красной армии.

Ныне, расставаясь с геройскими частями Конкорпуса т. Буденного, от лица армии выражаю глубокую благодарность командиру корпуса тов. Буденному, его доблестным начдивам, комбригам и комполкам, наштакору т. Погребову, наштадивам и наштабригам, всему комиссарскому составу и всем доблестным героям-бойцам 1-го Красного кавалерийского корпуса Советской республики.

Уверен, что геройские части Конкорпуса, разбившие наголову оплот деникинской контрреволюции — корпуса генералов Мамонтова и Шкуро, принесут нашей Советской республике новые победы над нашими заклятыми врагами.

«Ура» доблестным героям! 10-я Красная армия с интересом будет следить за боевой работой корпуса и уверена, что рано или поздно вновь увидит в своих рядах геройские части Конного корпуса тов. Буденного.

Командующий 10-й армией — Клюев» [1].

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 1, д. 49, л. 45. Типографский оттиск,

XI. ПЕРВАЯ КОННАЯ АРМИЯ

1

После непродолжительного отдыха в Касторной Конный корпус продолжал наступление, преследуя в беспорядке отступающие на юг части конных корпусов Шкуро и Мамонтова. В это же время под воздействием советских войск с фронта и флангового удара Конного корпуса отступали на юг и пехотные части «Добровольческой» армии Деникина. Местами отступление их проходило неорганизованно, по собственной инициативе полков и даже батальонов, потерявших между собой связь. В результате создалось своеобразное наслоение противников: впереди отходили разбитые части корпусов Мамонтова и Шкуро, за ними двигались, преследуя их, части Конного корпуса, на которых сзади нажимала пехота белых, преследуемая стрелковыми соединениями 13-й и 14-й Красных армий.

Сначала такое положение было не только терпимым, но даже в какой-то мере и выгодно нам. Однако, когда стало известно, что противник подтягивает силы, чтобы остановить Конный корпус, когда отрыв корпуса от стрелковых соединений увеличился, а тылы его попали под воздействие отступающих белогвардейских войск — такое положение уже было не в нашу пользу.

Во время боев под Касторной телефонно-телеграфные линии были повреждены на всех направлениях. Корпус потерял связь с соседними армиями и главное со штабом фронта. Ничего не зная о положении и задачах 8-й и 13-й армий, трудно было определить, в каком направлении наиболее целесообразно наступать корпусу.

Обстановка, как она складывалась по данным разведки корпуса, по показаниям пленных и перебежчиков,

по сведениям, полученным от местных жителей, диктовала необходимость наступления корпуса вдоль железной дороги на Старый Оскол и далее на Новый Оскол, где сосредоточивались силы белогвардейцев для укрепления стыка Донской и «Добровольческой» армий. Но ведь оставалась в силе директива Реввоенсовета Южного фронта от 9 ноября, которая требовала нанести удар Конным корпусом в район Солнцево-Ржава. Теперь наносить удар в этом направлении было уже нецелесообразно, так как белые на фронте 13-й армии и без того беспорядочно отступали.

Исходя из реальной обстановки, я принял решение развивать достигнутый успех, то есть наступать вдоль железной дороги на юг, углубляясь в стык деникинских армий.

Теперь, когда враг был сломлен и отступал по всему фронту, пришло время решать главную стратегическую задачу — стремительным ударом через Донбасс на Ростов рассечь основные силы белых на две части и громить поодиночке «Добровольческую» и Донскую армии.

Успешно решить эту задачу могли лишь подвижные войска, а единственным подвижным родом войск в то время являлась конница. Однако использовать для этой цели части войсковой конницы было невозможно. В отрыве от своей пехоты и без поддержки ее войсковая конница в силу своей маломощности становилась легкой добычей крупных кавалерийских соединений противника. В составе войск фронта имелось одно крупное кавалерийское соединение — Конный корпус. Но и он по ряду причин не мог успешно выполнить такую сложную задачу. Одной из этих причин было отсутствие в корпусе органа, способного разрабатывать крупные оперативные задачи. Другой не менее важной причиной было то, что корпус по своей штатной структуре не имел таких тыловых учреждений, которые освобождали бы его от зависимости в снабжении от армейских органов.

Как уже говорилось, раньше корпус прикрепляли на довольствие к стрелковым армиям, которые фактически ничем не снабжали его. Чистой формальностью оказалось и прикрепление корпуса на довольствие к фронтовым тыловым учреждениям.

Если корпусу трудно было выполнять роль ударной силы по разъединению Донской и «Добровольческой»

армий, то такой ударной силой могла быть Конная армия. Только Конная армия, подчиненная фронту, либо непосредственно Главкому, опирающаяся на свои оперативные органы и собственные тылы, могла с успехом разрубить деникинский фронт и своим стремительным продвижением в оперативную глубину противника во взаимодействии с общевойсковыми армиями обеспечить разгром армейских группировок Деникина.

Решение о создании Конной армии уже было принято Реввоенсоветом Южного фронта, но я еще не имел об этом официального известия. Впервые я услышал о создании Конной армии от начальника 11-й кавалерийской дивизии Матузенко, сообщившего мне при встрече в Касторной, что его дивизия включена в состав Конной армии.

18 ноября, продолжая продвигаться на юг вдоль железной дороги Касторная — Старый Оскол, Конный корпус занял станцию Горшечное, Богородицкое, Гнилое. 19 ноября преследование противника продолжалось. Дивизии получили задачу сосредоточиться в районе Борки, Котово, Терехово, чтобы в дальнейшем овладеть городом Старый Оскол.

Чем ближе к Старому Осколу, тем больше нарастало сопротивление противника. Белые сумели перегруппировать и привести в порядок части корпусов Мамонтова и Шкуро и подтянули два бронепоезда.

20 ноября 6-я дивизия и резервная бригада Колесова, выдвигаясь в указанные им районы, встретили упорное сопротивление 10-й конной дивизии белых. В результате боя более пятисот белоказаков было зарублено и взято в плен. Особо отличилась в бою резервная бригада Колесова, впоследствии включенная в состав 6-й дивизии как ее 4-я бригада.

По сведениям разведки и показаниям пленных, было установлено, что в район Старого Оскола спешно перебрасывались с Царицынского участка фронта части конного корпуса генерала Улагая и чеченская дивизия. Туда же отошли части Мамонтова и Шкуро. Имелись также данные, что в тылу Конкорпуса в районе города Тим белые проявляют активность, сосредоточив там шестнадцать орудий и значительные силы пехоты.

Получив эти сведения, я приказал 6-й кавалерийской дивизии ускорить продвижение с тем, чтобы перерезать

железную дорогу с юга от Старого Оскола и не допустить переброски подкреплений противника. 62-му кавполку 11-й дивизии было отдано распоряжение форсированным маршем двинуться в город Тим с целью разгрома расположенного там противника и ликвидации угрозы нападения на тылы Конного корпуса.

21 ноября корпус сосредоточился в районе Котово, Терехово, Болото, Борки.

Левофланговые части 13-й армии к этому времени выходили на линию Отужень, Рождественная, Максимовка. Правофланговые части 8-й армии вышли к Березовке, Хвощеватке и Синие Липяги.

В этот же день корпусу был отдан приказ овладеть Старым Осколом. 11-я дивизия должна была, наступая в направлении Углы — Старый Оскол, разгромить противника и выйти на линию Стойло, Песчаная Пристань. 6-я дивизия наносила удар из-за левого фланга 11-й дивизии в направлении Верхне-Атаманского, имея задачей отрезать и разгромить противостоящую группу противника и выйти на рубеж Верхне-Атаманское, Сорокино. 4-я дивизия, составляя резерв корпуса, двигалась в стыке между 11-й и 6-й дивизиями с целью развить их успех в ходе боя.

22 ноября дивизии перешли в наступление.

В то время когда фланговые дивизии совершали глубокий обход Старого Оскола с востока и юга, 4-я дивизия, отрезав действующие бронепоезда белых, ворвалась на станцию Старый Оскол и почти без выстрела захватила в эшелонах прибывшую сюда бригаду корпуса Улагая. Была захвачена и вторая бригада Улагая, подходившая к Старому Осколу с юга. Произошло это так: впереди и позади эшелонов бригады было разобрано железнодорожное полотно. Оказавшись под угрозой уничтожения из пулеметов, выдвинутых нашими бойцами по обе стороны железной дороги, белоказаки выскакивали из вагонов вместе с лошадьми в глубокие кюветы, забитые снегом. Никаких подмостков, либо приспособлений для выгрузки не было, и удивительно, что ни одна лошадь не получила увечий, без чего не всегда обходится даже организованная выгрузка.

Таким образом, две бригады 2-й Кубанской дивизии Улагая почти полностью были взяты в плен. Следовавшей за ней 4-й Кубанской дивизии удалось выгрузиться

и вступить в бой. Однако части 6-й кавалерийской дивизии сломили сопротивление кубанцев, и они, неся большие потери, стали поспешно отходить на юг в направлении Нового Оскола.

В этом бою 6-й дивизией был уничтожен Сводный кавалерийский полк князя Гагарина, убит был и сам Гагарин.

Пленные офицеры показали, что корпус Улагая был спешно переброшен с Царицынского участка фронта с целью противодействовать операциям советских войск в обход правого фланга «Добровольческой» армии. Корпус прибыл в составе двух дивизий, одну из которых Улагай так неожиданно для себя потерял.

К 12 часам 22 ноября Старый Оскол был полностью очищен от белогвардейцев и занят частями Конного корпуса. В этот же день поступило донесение, что 62-й полк 11-й кавалерийской дивизии достиг города Тим, пленил там отдельные группы пехоты противника и захватил одиннадцать орудий.

Интересную картину наблюдал я на станции Старый Оскол, забитой белогвардейским охвостьем, не успевшим убежать из города. С семьями и багажом, на своих огромных сундуках, разнообразных корзинах, сумках и чемоданах восседало это мрачное воронье на перроне и на вокзале. А в это время шустрые бойцы из хозяйственных команд наших полков тут же подбирали брошенное противником военное имущество и различные грузы, аккуратно складывая их на повозки.

Все трофеи поступали в обозы частей и передавались в тылы корпуса либо ближайшим стрелковым армиям.

Растаскивание трофеев, воровство, мародерство в корпусе пресекалось беспощадно.

Полную противоположность нашим частям представляли белогвардейские войска. К этому времени открытый грабеж принял в деникинской армии потрясающие размеры. Грабили все — от рядового казака до генерала, грабили в одиночку и организованно, грабили бедных и богатых. На Дон, Кубань и Терек из захваченных белыми районов центральных областей России и Украины вывозилось все, что можно было вывезти.

«Главное командование вооруженными силами юга России», как именовали себя Деникин и его штаб, разрешало грабеж, думая этим задобрить казаков. Но этот

Комиссар Конного корпуса
А. С. Кивгела
(1924 г).

Комиссар дивизии
К. И. Озолин
(1935 г.)

Начальник штаба дивизии
И. Д. Косогов
(1936 г.)

Командир бригады
И. В. Тюленев
(1920 г.)

беззастенчивый грабеж так же, как и страшный кровавый террор деникинцев, сослужили им плохую службу. От Деникина и его сторонников отвернулось подавляющее большинство населения, жившее под вечным страхом грабежей, порок, расстрелов и виселиц.

Если в период красновщины крестьяне-середняки колебались и частично переходили на сторону белых, либо придерживались нейтралитета, то теперь, натерпевшись от деникинцев, они готовы были бороться против них с оружием в руках.

Даже сравнительно зажиточные слои населения ждали, когда красные прогонят узурпаторов и пресекут погромы.

С исключительной теплотой и радостью встречало наши наступающие части трудящееся население — и в хуторах, и в селах, и в городах наших бойцов и командиров принимали как родных, делились с ними и пищей и одеждой, несли последнее. Даже мелкие торговцы, имевшие свои небольшие лавчонки, добровольно отдавали для бойцов все, что могло пригодиться в бою и походе.

От населения и пленных мы знали, что деникинские войска разлагаются: не только солдаты, но и офицеры, теряя веру в победу, дезертируют из своих частей, разбегаются даже старые казаки — самая стойкая гвардия белых.

В близлежащих районах, еще занятых белыми, усиливалась борьба краснопартизанских отрядов. Они активно действовали по всей Харьковской губернии, в районах Белгорода, Купянска, Волчанска — громили белогвардейские тыловые учреждения, склады, подрывали мосты и разбирали железные дороги.

Такова была обстановка в лагере белых, когда мы вступили в Старый Оскол.

Здесь я официально узнал о решении Реввоенсовета Южного фронта создать Конную армию. Я был глубоко удовлетворен тем, что членами Реввоенсовета Первой Конной армии назначались товарищи К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко.

Большой опыт Ворошилова по организации 10-й Красной армии и руководству ею должен был очень помочь нам в решении многих вопросов, в частности в деле

создания армейского аппарата Конной армии (штаба, политуправления, тыловых учреждений и др.).

Щаденко имел большую практику по формированиям частей, что тоже было очень важно в предстоящей нам работе.

Я с нетерпением ожидал приезда Ворошилова и Щаденко, чтобы вместе с ними приступить к организации Первой Конной армии.

2

Из Старого Оскола корпус успешно продвигался в направлении Нового Оскола. Однако 24 ноября наступление корпуса пришлось приостановить потому, что в ходе стремительного продвижения частей отстали тыловые подразделения. Надо было подтянуть их. Кроме того, необходимо было снабдить части продовольствием, фуражом, боеприпасами, а в связи с наступлением холодов теплой одеждой. И, главное, по-прежнему не было связи с соседями и штабом фронта, не была известна дальнейшая задача корпуса.

Перед фронтом корпуса противник оставался все тот же: части корпусов Мамонтова и Шкуро, пополненный корпус Улагая, которым теперь командовал генерал Науменко, а также отдельные конные полки и пластунские батальоны.

О контрнаступлении противник не помышлял. Как правило, он отказывался и от контратак. Обычно белые отходили рассредоточенно, сдерживая наши передовые части ружейно-пулеметным огнем. Но как только основные силы Конного корпуса развертывались для атаки, противник быстро свертывался в колонны и отходил под прикрытием арьергардов. Не оказывая серьезного сопротивления, белые вместе с тем стремились отходить более или менее организованно, сохраняя свои силы.

26 ноября корпусу был отдан приказ продолжать наступление в общем направлении на Новый Оскол.

С утра следующего дня, отбрасывая арьергарды противника, дивизии успешно продвигались вперед. Но чем ближе корпус подходил к Новому Осколу, тем большее сопротивление оказывали белые. Так, во второй половине 27 ноября деникинцы силами двух кавалерийских полков перешли в контрнаступление из района Велико-Михайловки в направлении Малое Городище, Бубново. Однако

энергичным ударом 2-й кавалерийской бригады 6-й дивизии противник был рассеян. Но вскоре белые вновь при поддержке четырех бронепоездов повели наступление, теперь уже из района станции Чернянка. Однако и эта попытка наступать провалилась. 6-я дивизия начала обходить станцию Чернянка. Белоказаки, опасаясь окружения, поспешно отошли к Новому Осколу. Удачным артиллерийским обстрелом два бронепоезда противника были повреждены, но белогвардейцы сумели их взять на буксир и увести в Новый Оскол.

В результате боя 27 ноября мы пришли к выводу, что противник стягивает к Новому Осколу и к Велико-Михайловке крупные силы донских и кубанских казаков, стремясь задержать наше продвижение. Вместе с тем стало известно, что из Нового Оскола пехотные части противника отходят на Валуйки. Снова перед нами стояла задача, куда же направить удар корпуса? Директивой Реввоенсовета Южного фронта 19 ноября приказывалось «...стремительно преследовать отступающего противника в общем направлении Старый Оскол, Короча, Белгород...»

Но обстановка после взятия Конкорпусом Старого Оскола диктовала иное решение. Вся действующая против Конного корпуса кавалерия противника начала отход на юг вдоль железной дороги Старый Оскол — Валуйки, пытаясь сдерживать наши передовые части заслонами в крупных населенных пунктах и железнодорожных станциях, а также на естественных препятствиях. Если в направлении на Валуйки противник отходил более или менее организованно, то перед фронтом 13-й Красной армии, наступающей в направлении Белгорода, белые отступали небольшими разрозненными группами, лишенными общего управления. Это особенно чувствовала правофланговая 11-я кавалерийская дивизия, в расположение которой то и дело попадали заблудившиеся отряды белогвардейской пехоты.

Какой же смысл был в наступлении Конкорпуса на Белгород, раз в этом направлении мы не имели серьезного противника? Перехватывать в районе Белгорода мелкие пехотные подразделения белых — задача ли это для корпуса? Это могло только притупить наступательный порыв наших частей. Но главное, наступая на Белгород, корпус дал бы свободу действия крупным силам

конницы белых в районе Нового Оскола. Они не замедлили бы перейти в контрнаступление и, в частности, нанести удар во фланг Конного корпуса. Короче говоря, наше наступление в направлении Белгорода было бы на руку противнику, принимавшему лихорадочные меры по укреплению стыка между Донской и «Добровольческой» армиями, по предотвращению прорыва наших войск в Донбасс.

Оценив создавшуюся обстановку, я принял решение разгромить противника в районе Новый Оскол, Велико-Михайловка и в дальнейшем действовать по обстановке, добиваясь связи со штабом Южного фронта.

28 ноября частям корпуса было приказано выдвинуться в южном направлении и занять исходный район для наступления на Новый Оскол. В первой половине 29 ноября дивизии вышли в район: 4-я — Верхнее Кузькино, Лозное; 6-я — Васильев Дол, Тростенец; 11-я заняла 61-м кавполком город Короча, а к 18 часам сосредоточилась в Малом Городище и Бубнове.

29 ноября частям корпуса было приказано овладеть городом Новый Оскол. Главный удар наносился из района Лозное 4-й и 6-й кавалерийскими дивизиями в юго-восточном направлении, охватывая Новый Оскол с запада и юга. 11-я кавалерийская дивизия выдвигалась в район Анновки с задачей обеспечить правый фланг корпуса от ударов противника с направления Яблоново, Короча (схема 10).

С утра 30 ноября завязались ожесточенные бои на подступах к Новому Осколу. Весь день 4-я дивизия вела упорные бои за Велико-Михайловку. Используя естественные препятствия, белогвардейцы несколько часов отражали наши атаки. И лишь к вечеру, попав под сильнейший артиллерийский огонь и фланговые удары частей 4-й дивизии, противник дрогнул и, бросая обозы, стал отходить на юг в направлении Барсук, Сидоровка.

Против 6-й кавалерийской дивизии, наступавшей вдоль железной дороги, оборонялись конные казачьи части и подразделения 2-го Кавказского пехотного полка при поддержке двух бронепоездов.

Наиболее упорные бои разгорелись в районе Холки. Но и здесь сопротивление противника было сломлено. 6-я дивизия заняла станцию Холки.

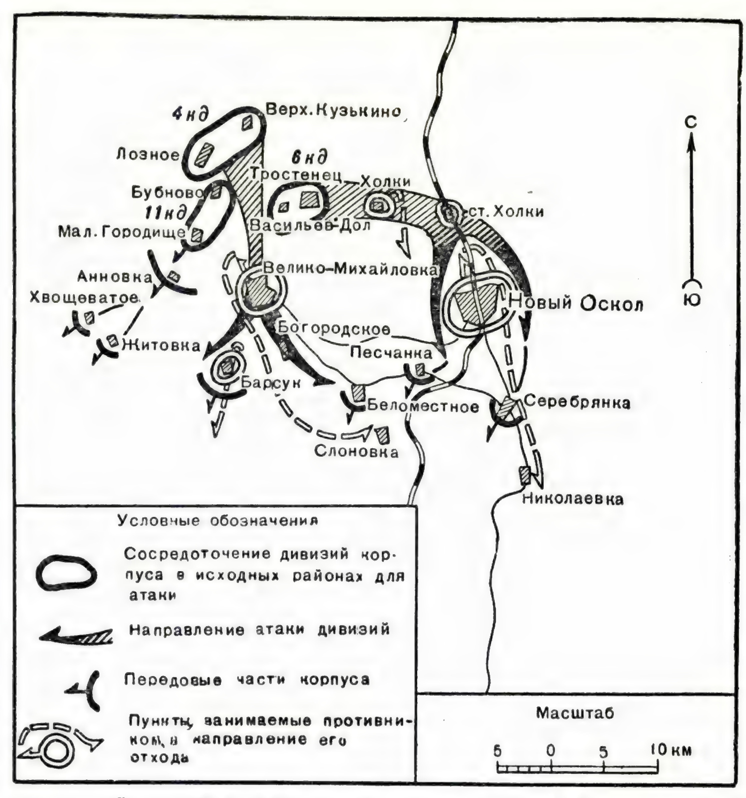

Схема 10. Бой Конного корпуса за Новый Оскол.

К вечеру, когда я находился в штабе 4-й кавалерийской дивизии, ко мне прискакал связной из штаба корпуса с запиской Погребова. В записке говорилось, что командующий Южным фронтом Егоров и член Реввоенсовета Южного фронта Сталин прибыли в Воронеж и собираются 2 декабря выехать к нам. Вместе со Сталиным и Егоровым приедут Ворошилов и Щаденко. Командование фронта просит сообщить, где в это время будет находиться штаб Первой Конной армии [1].

Прочитав записку Погребова, я здесь же составил следующую телеграмму.

[1] С этого дня Конный корпус официально стал именоваться Первой Конной армией.

«Командующему Южным фронтом Егорову, члену РВС фронта Сталину.

Рад Вас встретить в В. Михайловка (15 верст западнее Н. Оскол), куда сегодня переходит штарм Конной. Случае дальнейшего продвижения штарма у церкви В. Михайловка будут оставлены курьеры и караул» [1].

Отдав необходимые указания Городовикову, я поехал в штаб 6-й кавалерийской дивизии, находившийся в Холки, чтобы с утра 1 декабря лично руководить наступлением 6-й кавалерийской дивизии на Новый Оскол.

Ночь прошла сравнительно спокойно. Но чуть забрезжил рассвет, как 4-я и 6-я дивизии завязали бои.

4-я дивизия, охватив населенные пункты Барсук, Беломестное, Ольховатка, принудила корпус генерала Науменко бросить занимаемые позиции и поспешно отойти в Слоновку.

На фронте 6-й дивизии белые, цепляясь за железную дорогу, прикрываемую двумя бронепоездами, пытались удержаться на подступах к Новому Осколу. Кавалерия и пехота противника не рисковали выйти из-под прикрытия своих бронепоездов, очевидно боясь попасть под атаку частей 6-й дивизии. Чтобы сломить сопротивление противника, начдиву Тимошенко было приказано перебросить бригаду Книги на восточную сторону железной дороги, а остальными двумя бригадами, оторвавшись от железной дороги, обходить Новый Оскол с запада.

В то время как 2-я и 3-я кавалерийские бригады, возглавляемые Тимошенко, обходили Новый Оскол, 1-я бригада Книги топталась перед противником на месте.

— В чем дело? Почему первая бригада не атакует противника? — спросил я начальника штаба 6-й дивизии.

— Так, видимо, Книга выжидает,— ответил он.

Мы поскакали к первой бригаде. Действительно, комбриг Книга укрыл полки в оврагах и поглядывал в бинокль на бронепоезда противника, которые, отходя к Новому Осколу, вели редкий огонь по бригаде.

— Товарищ Книга, вы почему упрятали бойцов, как сурков, в землю?

— Так, товарищ командарм, стреляет проклятый, — и он указал в сторону бронепоездов.

---

[1] ЦГАКА, ф. 7937, оп. д. 17, л. 201.

— Где стреляет? Противник отходит и, конечно, не потому, что вас испугался. Вторая и третья бригады уже атакуют Новый Оскол, а вы топчетесь на месте!

— По коням! — ошалело закричал Книга, и через несколько минут 1-я бригада, подымая тучи снега, промчалась мимо бронепоездов противника, держа направление на северо-восточную окраину Нового Оскола.

1-я бригада считалась лучшей в дивизии. Она состояла из добровольцев — беднейших ставропольских крестьян, глубоко уважавших своего комбрига. Они считали его, тоже крестьянина, своим выдвиженцем и почтительно называли по имени и отчеству. Он не был лихим рубакой, но зато умел простыми словами воодушевить людей и повести их за собой в стремительную атаку.

В 13 часов Новый Оскол был взят. 2-я и 3-я бригады 6-й дивизии закрепились в городе, а бригада Книги как в воду канула. Лишь на второй день стало известно, что 1-я бригада, выбив из Нового Оскола части корпуса Мамонтова, продолжала их преследовать весь день. Белые отступали прямо на восток.

За ночь корпус Мамонтова оторвался от 1-й кавалерийской бригады и к утру 2 декабря неожиданно для себя натолкнулся в городе Бирюче на стрелковые части 8-й Красной армии. Для частей 8-й армии появление корпуса Мамонтова было еще более неожиданным, чем и воспользовались белоказаки. Они захватили в плен до тысячи наших пехотинцев, а остальных погнали на северо-восток. Но, преследуя нашу пехоту и одновременно уходя от преследования кавбригады Книги, мамонтовцы натолкнулись на части 12-й и 16-й стрелковых дивизий 8-й армии, продвигавшихся к Бирючу и Алексеевке из Синих Липяг. Связанные с фронта 12-й и 16-й стрелковыми дивизиями и попав под удар бригады Книги с тыла, белоказаки бросили пленных и семь захваченных вместе с ними пушек, оставили часть своих обозов, застрявших в снегу, и спешно отступили к Алексеевке.

Остаток дня и почти всю ночь я находился в 6-й кавалерийской дивизии, расположенной в Новом Осколе. Больше всего меня беспокоило отсутствие связи со штабом фронта, а также и с Воронежем, где, как мне сообщил Погребов, находились Сталин и Егоров. Надо было во что бы то ни стало получить задачу для дальнейших действий Конармии. Этого требовала создавшаяся

обстановка. После овладения Новым Осколом Конармия не могла продвигаться дальше на Валуйки, куда отступали основные силы противника, если директива Реввоенсовета Южного фронта о наступлении на Белгород оставалась в силе. Поэтому я настойчиво требовал от своего начальника штаба добиться связи с Южным фронтом. Для организации связи мною был выделен бронепоезд, который тянул за Конармией телефонно-телеграфный провод. Однако Погребов при каждом моем запросе докладывал, что связи установить не удается, что провод перехватывают или рвут продвигающиеся за корпусом части 42-й стрелковой дивизии 13-й армии. Кончилось тем, что я выругал Погребова и приказал ему переместить штаб армии в Велико-Михайловку, где ждать меня, продолжая добиваться связи с фронтом.

В ожидании, пока удастся связаться со штабом фронта или пока приедут в армию Егоров и Сталин, а с ними Ворошилов и Щаденко, назначенные членами Реввоенсовета армии, я решил прекратить наступление. Это решение мною было принято еще и для того, чтобы подтянуть тылы армии и дать частям небольшой отдых, который был им, безусловно, необходим, так как от Старого Оскола Конармия наступала по заметенным снегом проселочным дорогам. Особенно измучились наши артиллеристы и пулеметчики, двигавшиеся с передовыми частями дивизий.

3

2 декабря, направляясь в 4-ю дивизию, я выехал из Нового Оскола с ординарцем Николаем Кравченко еще затемно. Было морозно. Резкий ветер сбивал с гребней сугробов сухой снег и уносил его в холмистую даль. Холод пробивался под одежду, мороз щипал лицо. Я плотнее надвинул папаху, поднял воротник шинели и прибавил аллюр лошади.

Дорога вела через высотку, на которой, словно грибы, расположились небольшие кустики. Выехав на гребень высоты, мы неожиданно столкнулись с колонной наших бойцов — пехотинцев. Бойцы шли гуськом, в затылок друг другу. Хвост колонны терялся вдали за холмами, окутанными предрассветной дымкой. Одеты бойцы были пестро и плохо: одни в потрепанных солдатских шинелях разных образцов — русского, английского, не-

мецкого, другие в рваных полушубках, армяках или куртках. Особенно истрепана у бойцов была обувь. Многим ее заменяло намотанное на ноги тряпье.

Передним бойцам продвигаться было труднее, так как они протаптывали тропу остальным, ломая ногами затвердевшую корку снега. Уставшие делали шаг в сторону, пропускали вперед более сильных и, встав в строй, продолжали поход.

Я придержал коня и спросил бойцов:

— Братцы, вы кто такие?

— Чего спрашиваешь, не видишь, что ли!

— Да вижу, что бойцы. А какой части?

— 3-й бригады 42-й стрелковой дивизии, — ответил молодой худощавый боец, одетый в рваный полушубок и черную, похожую на воронье гнездо, папаху.

— Чего каркаешь, сорока? — сердито прикрикнул на молодого заиндевелый коренастый бородач, видно старый солдат. — Нешто каждому встречному говорят какой части? А может это шпион, — кивнул в мою сторону бородач.

— Так ведь командир он, сразу можно признать, — оправдывался молодой боец.

— Командир, командир, — подтвердил мой ординарец.

— Куда же вы идете? — продолжал я расспрашивать бойцов.

— Как куда? Наступаем согласно приказу.

— Наступаете! А где ваши командиры, где винтовки?

— Командиры позади, едут на санях. Там и наши винтовки. Мы же идем с тылу. Вон в той деревне выдадут винтовки, погреемся да и дальше.

— Вот что, ребята: вы дальше той деревни не ходите. Там за высотками белые казаки, заберут они вас в плен, а то и порубят.

— Чего белые, когда впереди Абыденный — ты, брат, не сбивай нас, сами знаем куда идтить.

— Нет, там белые! Красные заняли Новый Оскол. Держитесь левее — и вы свяжетесь с нашей 6-й кавалерийской дивизией.

— Да ты нас не агитируй! Абыденный давно ушел вперед.

— Так я и есть Абыденный, — засмеялся я, догадываясь, что речь идет обо мне.

Старый солдат снял папаху, посмотрел на меня, как бы прицеливаясь, и сказал:

— Тоже мне Абыденный нашелся!

— Дураки, слушать надо, правду вам говорят, — вмешался Кравченко.

— А ты проваливай своей дорогой, молод учить-то.

Поднялся шум.

— Ну, Николай, поехали. Там наша застава задержит их.

Колонна растянулась по полю и, казалось, не будет ей конца.

К утру мороз начал крепчать. Мы подъезжали к поселку Барсук, где по донесению Городовикова должен был остановиться штаб его дивизии.

Перед глазами у меня все еще стояла нескончаемая цепочка бойцов-пехотинцев, мерзнущих в своей плохой одежонке, должно быть голодных, но упорно пробивающихся вперед, к желанной победе. «В каких неимоверно тяжелых условиях люди борются за свою народную власть, за землю и свободу», — думал я.

Городовикова мы отыскали быстро. Несмотря на ранний час, он и его начальник штаба Косогов были уже на ногах. Ока Иванович доложил мне о ходе прошедших боев. Я в свою очередь информировал его о своем решении прекратить наступление армии впредь до уточнения задачи и указал порядок действий 4-й дивизии. В частности один из полков дивизии я приказал разместить в Велико-Михайловке в связи с тем, что сюда должно было приехать командование фронта.

Городовиков предложил мне завтрак, но я не спал ночь и так устал, что было не до еды. Не снимая гимнастерки, я лег в постель Городовикова, но поспать не пришлось: прискакал боец с донесением от Тимошенко.

В донесении говорилось, что 3-я бригада 42-й стрелковой дивизии, продвигавшаяся к линии фронта без оружия, попала под удар белоказаков и потеряла около полутора сотен человек; бригада была бы полностью уничтожена, если бы не подоспели на помощь части 6-й кавалерийской дивизии.

— Вот вам и результат наступления «согласно приказу», — вслух подумал я и рассказал Городовикову о

своей встрече с 3-й бригадой, а в заключение прочел донесение Тимошенко.

— Эх, попал бы мне командир этой бригады... — зло бросил Городовиков. — Стрелять надо таких и больше ничего.

Взволнованный участью 3-й стрелковой бригады, я долго молча ходил по комнате.

Вдруг дверь распахнулась и в комнату ввалился здоровенный краснолицый детина. Обращаясь ко мне, он забасил:

— Вы будете кавалерийский начдив? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Я командир 3-й бригады 42-й стрелковой дивизии. Представьте себе, второй день ищу свою бригаду, а ее и след простыл. Вот вам и пехота — не шагает, а летит...

Я, до боли сжав кулаки, шагнул навстречу вошедшему.

— А, вот вы где! Вот как вы командуете!

Городовиков, положив руку на кобуру нагана, искоса угрожающе поглядывал на краснолицего.

— Где вы были, когда бойцов вашей бригады рубили казаки? — едва сдерживая себя, спросил я этого горе-комбрига.

Он залепетал что-то невразумительное и, озираясь по сторонам, начал пятиться к двери, споткнулся о порог комнаты и с грохотом вывалился в сени. Городовиков бросился за ним и ловко угостил его тумаком. Вернувшись, Ока Иванович пожаловался:

— Зло берет, упустил. Здоровый, черт, я его... а он на лошадь вскочил и ускакал.

Расстроенный и возмущенный случаем с 3-й стрелковой бригадой, я поехал в Велико-Михайловку, решив найти начальника 42-й дивизии и арестовать его. Но найти начдива сорок второй мне не удалось. Побывав в частях и осмотрев в Велико-Михайловке помещения, приготовленные для штаба армии, поздно вечером я приехал в Новый Оскол.

Меня встретил комендант штаба армии Гонин.

— Где Погребов? — спросил я Гонина.

— Да носится где-то со связью, товарищ командарм. Опять какой-то полк 42-й стрелковой дивизии перехватил провод...

Вскоре в штаб прибежал Погребов. В ответ на мой вопросительный взгляд он, поеживаясь, развел руками...

Я сердито накинулся на него:

— Какая сатана там перехватывает связь?

В это время в комнату к нам вошли два командира и представились. Один из них оказался начальником штаба 42-й стрелковой дивизии, второй — начальником связи этой дивизии.

— Вот вы мне и нужны. Кругом отличается 42-я стрелковая дивизия, а начальника не найдешь!

Я был намерен отчитать их так, чтобы помнили всю жизнь, но вбежал Гонин и прервал меня.

— Связь в семи километрах от Нового Оскола перехватила 42-я стрелковая дивизия, — доложил Гонин. — Связисты 42-й дивизии потянули провод в город.

— Как это потянули? — обратился я к начальнику штаба дивизии.

— Возможно, что так, — ответил тот. — Но вы не беспокойтесь, связь тянут в штаб дивизии, а мы к вашим услугам.

— Ну хорошо, — согласился я. — Вы только проследите за своими людьми. Со связью у меня скандал и все из-за ваших частей. Давайте сверим часы и ровно через четыре часа доложите мне, что связь с фронтом установлена. Вот мой начальник штаба. Держите с ним связь.

Все ушли... Я лег спать и ровно через четыре часа проснулся.

Вошел Погребов.

— Связь есть? — спросил я.

— Нет, Семен Михайлович.

— Как нет?

— Куда-то пропали эти из сорок второй дивизии.

Я вышел из себя.

— Где Гонин? Пусть сейчас же подает сани!

В сани сели я, Погребов, начальник снабжения армии Сиденко и Гонин. Приехали в штаб 42-й стрелковой дивизии, а там, кроме часового, — никого.

В помещении штаба дивизии, освещенном тусклым светом фитиля, стоял длинный конторский стол да несколько старых, ободранных стульев. В маленькой прихожей были свалены в кучу несколько мешков с бумагами, десяток катушек с проводами и какие-то полуразбитые ящики.

— Где начальство? — спросил я у часового.

— Не знаю.

— А что же ты здесь стоишь?

— Вот свалили, — часовой кивнул на кучу имущества, — поставили и стою.

Я устало опустился на стул: какие негодяи! И как я им мог поверить! Наговорили и скрылись.

— А вы тоже хороши, не проверили этих мошенников! — напустился я снова на Погребова и Гонина.

Вдруг дверь распахнулась и в помещение вошел человек в венгерской куртке и папахе с малиновым верхом. Я взглянул на вошедшего и решил: начдив сорок второй; я его ищу, а он тут собственной персоной.

— Где ваша третья бригада? — резко в упор спросил я вошедшего.

— Какая бригада?

— Вон как! Подумать только — какая бригада! Да вы ничем не отличаетесь от своих подчиненных, вы такой же, как и командир этой бригады!

Вошедший снял пенсне и, слегка приоткрыв рот, с удивлением рассматривал меня.

— Позвольте сказать... — попытался он прервать меня.

— Что сказать? Сказать, что вы все-таки начдив... и кричать на вас не всякому позволено... Бездельник вы, а не начдив!

— Это неслыханно! Кто вас уполномочил кричать на меня?

— Там люди гибнут по вашим дурацким приказам, а вы — кто уполномочил!!!

Видно поняв, что словами меня не убедить, он достал из кармана документ и положил на стол. Стоявший рядом со мной Погребов посмотрел документ и испуганно сказал:

— Семен Михайлович! Вы ошиблись! Это не начдив, а член Реввоенсовета 13-й Красной армии и Наркомфин Украины товарищ Пятаков!

Извинившись и объяснив Пятакову, чем было вызвано мое возмущение, я уехал в штаб армии.

К утру Погребов доложил, что связь установлена и что из штаба фронта получено устное указание — действовать на Валуйки впредь до приезда в армию командования фронтом, которое уточнит задачу.

Вскоре меня вызвали к прямому проводу для разговора со Сталиным.

— В чем дело? — спросил Сталин. — Меня ночью подняли и доложили, что у вас был неприятный разговор с Пятаковым. Как это произошло?

Я доложил. После этого Сталин передал, что он с командующим фронтом приедет к нам, вероятно, 6 декабря.

4

С утра 4 декабря Конармия продолжала наступление и к вечеру, выбив противника из Волоконовки, сосредоточилась в районе Александровка, Ютановка, Волоконовка.

5 декабря был отдан приказ на преследование противника с задачей перерезать линии железных дорог Волчанск — Купянск и Валуйки — Купянск. В дальнейшем имелось в виду овладеть Валуйками и наступать на Купянск.

Несмотря на оттепель и тяжелые дороги, наступление Конармии продолжалось успешно. Противник был подавлен морально и физически. Его разъезды и полевые караулы при появлении наших передовых частей, не принимая боя, отходили. По показаниям пленных, конные и пехотные части белых вследствие больших потерь, понесенных ими в последних боях, были малочисленны.

Штаб Первой Конной армии находился по-прежнему в Велико-Михайловке. Следовало бы перемещаться за наступающими частями, но я приказал Погребову задержаться, чтобы принять в Велико-Михайловке командование Южным фронтом и членов Реввоенсовета Конармии.

Вечером 5 декабря я вернулся из передовых частей 6-й кавалерийской дивизии в Новый Оскол, куда, как это мне было уже известно, следовал поезд с Егоровым, Сталиным, Ворошиловым и Щаденко. Поезд командования шел с большой осторожностью, так как железнодорожное полотно и мосты, разрушенные при боевых действиях, восстанавливались наспех и не всегда надежно. Когда поезд прибудет в Новый Оскол, никто точно не знал, поэтому я решил не ждать его, а поехать в Велико-Михайловку, оставив в Новом Осколе на станции для встречи командования коменданта штаба армии Гонина с тройкой лошадей, впряженных в сани, набитые сеном,

и с полуэскадроном бойцов. Никакого другого транспорта, кроме саней, мы, к сожалению, не могли предоставить командованию: легковых автомобилей в то время в Конармии не было, а наши автоброневики, по плохим дорогам перевозившиеся конными упряжками, действовали в передовых частях дивизий.

Егоров и Сталин с Ворошиловым и Щаденко приехали в Велико-Михайловку ночью. Представившись, я проводил их на приготовленные им квартиры.

Утром 6 декабря состоялось первое заседание Реввоенсовета Первой Конной армии. По существу же это было совместное заседание Реввоенсоветов Южного фронта и Конармии. Оно началось с того, что я представил командованию старший командный и начальствующий состав Конной армии: врид начальника штаба армии Погребова, политического комиссара армии Кивгелу, начальника политического отдела армии Суглицкого, начальника оперативного отдела штаба армии Зотова, начальника разведывательного отдела штаба армии Тюленева, начальника снабжения армии Сиденко, начальников дивизий Городовикова, Тимошенко и Матузенко, начальников штабов и политических комиссаров дивизий. Это было руководящее ядро командного и политического состава, на которое должен был опереться Реввоенсовет армии при выполнении боевых задач, поставленных перед Первой Конной армией.

После представления командованию Южным фронтом и членам Реввоенсовета армии начальствующий состав дивизий разъехался по своим соединениям.

Первым на заседании выступил Егоров. Он сказал, что Первая Конная армия создается Реввоенсоветом Южного фронта как оперативно-стратегическая подвижная группа войск для решения главной идеи плана разгрома Деникина.

— Эта идея заключается в том, — продолжал Егоров,— чтобы стремительным ударом через Донбасс на Таганрог расчленить Донскую и «Добровольческую» армии белых и во взаимодействии с 8-й и 13-й Красными армиями разгромить их. Имея в виду это основное назначение армии,— сказал Егоров,— и надо практически решать вопросы организации ее боевых частей и соединений, армейского аппарата и тыловых органов.

После Егорова выступил Сталин. Он говорил о том, что Конная армия создается не только впервые в истории, но и вопреки желаниям некоторых больших военных руководителей и, прежде всего, председателя Реввоенсовета республики Троцкого.

— Нельзя закрывать глаза на то, — продолжал Сталин, — что Троцкий и ряд военспецов придерживаются мнения, что создание Конной армии надуманная, больше того, неграмотная в военном отношении задача. Они утверждают, что в первой мировой войне кавалерия себя не оправдала, что на смену кавалерии пришла подвижная техника. Но что делать, если у нас нет подвижной техники, если у нас не хватает даже винтовок? Ответ один: надо против массовой конницы противника создавать свою массовую конницу, как единственный в наших условиях подвижный род войск, как силу, способную противостоять казачьей кавалерии. Многие из руководящих товарищей не верят в успехи Конной армии. Вам предстоит доказать обратное.

«Наша задача сейчас заключается в том, — сказал Сталин, — чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать частям Деникина, расположенным на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу мы возложим на Первую Конную армию. А когда мы, разбив противника на две части, дойдем до Азовского моря, тогда будет видно, куда следует бросить Конную армию — на Украину или на Северный Кавказ.

Эта задача очень ответственная, — подчеркнул Сталин, — она требует максимум сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, ее может ожидать отсутствие фуража. Но, с другой стороны, ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет нас и отдает все, что может, — с этим фактом нужно считаться. Руководство фронтом примет в свою очередь все меры к тому, чтобы в кратчайший срок доставить Конной армии необходимый фураж и продовольствие» [1].

Затем выступил я и начал с того, что подчеркнул отличие гражданской войны от первой мировой. Последняя была в основном позиционной, со сплошным фронтом в виде траншей и колючей проволоки, и поэтому

[1] «Правда» от 8 января 1935 г.

естественно, что кавалерия в этих условиях не могла показать всех своих возможностей. Гражданская же война — война маневренная, линии ее фронтов, имеющие огромную протяженность, часто лишь условные линии, и поэтому роль кавалерии в этой войне, как наиболее маневроспособного рода войск, огромна. Бои за Воронеж, Касторную да и весь боевой путь вначале 4-й кавалерийской дивизии, потом Конного корпуса наглядно доказали необходимость создания кавалерийских соединений и объединений, которые решали бы задачи не в интересах стрелковых дивизий или армий, а в интересах фронта или нескольких фронтов, как самостоятельно, так и во взаимодействии с общевойсковыми армиями.

Далее я сказал, что почти все стрелковые дивизии Красной Армии имеют или эскадрон, или полк, или даже бригаду кавалерии. Но конные части стрелковых дивизий не могут противостоять крупным кавалерийским соединениям противника и играют лишь ограниченную роль войсковой конницы, выполняющей мелкие тактические задачи и разведывательную службу в интересах своих дивизий.

В заключение я выступил за объединение войсковой кавалерии и, в частности, предложил подчинить Конной армии 8-ю кавдивизию червонного казачества, как это и предполагалось в телеграмме Сталина на мое имя от 28 октября 1919 года.

Егоров высказался против моего предложения, сказав, что стрелковые части привыкли взаимодействовать с войсковой конницей и поэтому объединение последней отрицательно повлияет на успехи нашей пехоты. Он заявил, что пока не может подчинить 8-ю кавдивизию Конной армии еще и потому, что ее предполагается использовать для ввода в прорывы и охвата опорных пунктов противника и главным образом на Украине.

Потом началось обсуждение конкретных организационных вопросов и слово взял Ворошилов.

Первым встал вопрос об организационной структуре армии. Было решено оставить обычный для того времени в Красной Армии армейский тип без промежуточных корпусных объединений, то есть если раньше предполагалось создать Конную армию из двух кавалерийских корпусов, каждый двухдивизионного состава, то

сейчас пришли к решению не создавать корпусных объединений, а подчинить дивизии непосредственно Реввоенсовету Конной армии. Стрелковые армии того периода также не имели у себя корпусных объединений. Это объяснялось не столько недостатком командных кадров для штабов корпусов, сколько существовавшим тогда мнением, что корпусные штабы отгораживают армейское командование от непосредственного руководства частями и соединениями армии. Было признано необходимым в дальнейшем довести состав армии до пяти кавалерийских дивизий.

Рассмотрев вопрос о штатной структуре, решили взять пока за основу штат полевого управления армии, входящей в состав фронта, объявленный в приказе Реввоенсовета республики № 477 от 26 декабря 1918 года.

Большой интерес вызвал вопрос о стрелковых частях в Конармии. Я настаивал, чтобы при армии, в непосредственном подчинении Реввоенсовета, были стрелковые части, которые бы служили осью маневра кавалерийских соединений. Согласились на том, что для начала необходимо подчинить Конной армии в оперативном отношении две стрелковые дивизии.

Были приняты решения также о создании отдела формирования (впоследствии он был реорганизован в Упраформ Конной армии), об организации колонии-лазарета с командой выздоравливающих, о представлении к наградам наиболее отличившихся в боях бойцов и командиров, а некоторых частей — к Почетным красным знаменам. Решено было просить триста орденов Красного Знамени и представить в Реввоенсовет фронта списки достойных награждения с описанием их боевых подвигов.

На заседании Реввоенсовета были решены также вопросы о политическом комиссаре Кивгеле и исполняющем должность начальника штаба армии Погребове.

Я высоко ценил комиссара Кивгела. Он прошел большой боевой путь с Конным корпусом и пользовался заслуженным авторитетом среди наших бойцов, командиров и политработников. Я предлагал назначить его членом Реввоенсовета армии. Меня поддержал Сталин, но против выступили Ворошилов и Щаденко, мотивируя это тем, что чем больше будет членов Реввоенсовета, тем больше будет и безответственности в руководстве армией.

Егоров поддержал Ворошилова и Щаденко и предложил использовать Кивгелу на другой работе. Жаль было расставаться с боевым товарищем, но пришлось согласиться с этим во имя единства руководства армией.

Начальником штаба Конной армии решили вместо Погребова назначить Мацилецкого. Его знали Ворошилов и Щаденко. Я Мацилецкого не знал, и поэтому мне трудно было защищать Погребова, к которому Сталин и Ворошилов относились отрицательно и не без оснований. (Сталин после заседания говорил мне: «Как это вы держите Погребова? Он же пьяница». Я отвечал ему, что Погребов грамотный командир и умеет работать, выпить он действительно любит, но его можно держать в руках.)

Когда обсуждался вопрос о начальнике штаба армии, Погребов, присутствовавший на заседании, молча покусывал губы. Видно было, что ему тяжело.

На этом закончилось первое заседание Реввоенсовета Первой Конной армии.

Потом перед членами Реввоенсовета фронта и членами Реввоенсовета армии прошли торжественным маршем Особый резервный кавалерийский дивизион и 19-й кавалерийский полк 4-й дивизии.

После завтрака, происходившего у меня на квартире, Сталин предложил отдохнуть, а вечером собраться на второе заседание Реввоенсовета, и все охотно согласились, что отдохнуть надо, так как очень устали.

Когда я проводил Сталина на отведенную ему квартиру, он задержал меня, еще раз попросив объяснить, как это произошло, что я принял Пятакова за начальника 42-й дивизии и грубо отругал его.

Закончив объяснение, я сказал:

— Может быть, немножко хватил лишнего, но не мог я, Иосиф Виссарионович, спокойно отнестись к гибели бойцов 3-й бригады 42-й дивизии.

— Но вы же могли поручить разобраться Особому отделу и поставить вопрос о наказании начдива перед Реввоенсоветом армии или фронта... Горячиться в таких случаях нельзя.

Сталин умолк, прошелся по скрипучему полу комнаты и, повернувшись ко мне, спросил вдруг:

— А вы член партии?

— К сожалению, нет.

— Почему?

Я сказал, что большевиком считаю себя давно, по крайней мере с августа 1917 года, когда в Минске выполнял задания фронтовой партийной организации большевиков, когда под руководством Фрунзе проводил разоружение «дикой» дивизии в Орше. А разве потом, в своей станице, я не боролся за дело большевистской партии, когда участвовал в создании Советской власти и организации краснопартизанского отряда?

— Все, что вы делали, действительно партийное дело, наша большевистская работа, — сказал Сталин. — Надо было подать заявление в партийную организацию, под руководством которой вы работали. Почему же вы этого не сделали?

— События развивались настолько быстро,— ответил я Иосифу Виссарионовичу, — что сначала просто времени не было на соблюдение всех формальностей. А потом как-то не получалось, хотя я хотел вступить в партию и не раз подавал заявления об этом в Политуправление 10-й армии. Возможно, товарищи не могли разобраться, время было горячее, но ответа на мои заявления не последовало.

В подтверждение своих слов я подал Сталину копию одного из заявлений в Политуправление 10-й армии, которое было датировано 19 марта 1919 года.

— Да, нехорошо быть командарму беспартийным, — заметил Сталин. — Я поставлю этот вопрос на предстоящем заседании Реввоенсовета Конармии. Вам легче будет командовать, когда вы будете коммунистом и в полную меру используете себе в помощь силу и влияние партийных организаций.

Вечером состоялось второе заседание Реввоенсовета. На этом заседании командующий фронтом конкретизировал задачу Первой Конной армии.

Он сказал, что Конармия, усиленная 9-й и 12-й стрелковыми дивизиями, в качестве ударной группы войск, рассекающей деникинский фронт на всю его оперативную глубину, должна развить стремительное наступление в направлении Валуйки, Сватово, Лисичанск, Попасная, Дебальцево, Иловайская, Кутейниково, Матвеев Курган и, захватив Таганрог, выйти к Азовскому морю. Таким образом глубина удара армии будет составлять четыреста — пятьсот километров.

После обсуждения во всех подробностях задачи Конной армии Сталин поставил вопрос о приеме меня в РКП(б). Было решено считать меня членом РКП(б) с 19 марта 1919 года, то есть с момента подачи моего последнего заявления о приеме в партию. Рекомендовали меня в партию товарищи Сталин, Ворошилов и Щаденко. Политуправлению армии было поручено провести мой прием в партию на собрании коммунистов и оформить все надлежащим порядком.

В заключение был составлен и подписан приказ № 1 о преобразовании Конного корпуса Южного фронта в Первую Конную армию следующего содержания:

«Приказами Реввоенсовета Республики и Южного фронта Конный корпус Южного фронта (т. Буденного) преобразован в Первую Конную армию. Во главе управления армии поставлен Революционный Военный Совет в составе Командующего Конармией т. Буденного и членов Реввоенсовета тт. Ворошилова и Щаденко.

На Реввоенсовет Конармии возложена чрезвычайно тяжелая и ответственная задача — сплотить части красной конницы в единую, сильную духом и революционной дисциплиной Красную Конную армию.

Вступая в исполнение своих обязанностей, Реввоенсовет, напоминая о великом историческом моменте, переживаемом Советской республикой и Красной Армией, наносящей последний смертельный удар бандам Деникина, призывает всех бойцов, командиров и политических комиссаров напрячь все силы в деле организации армии. Необходимо, чтобы каждый рядовой боец был не только бойцом, добровольно выполняющим приказы, но сознавал бы те великие цели, за которые он борется и умирает. Мы твердо уверены, что задача будет выполнена и армия, сильная не только порывами, но сознанием и духом, идя навстречу победе, беспощадно уничтожая железными полками и дивизиями банды Деникина, впишет еще много славных страниц в историю борьбы за рабоче-крестьянскую Советскую власть.

Да здравствует 1 Конная Красная Армия!

Да здравствует скорая победа!

Да здравствует мировая советская власть!» [1].

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 1, д. 4/с, л. 1, подлинник.

В конце заседания Сталин объявил, что за успешное командование корпусом и за разгром конницы Мамонтова и Шкуро ВЦИК РСФСР постановлением от 24 ноября 1919 года наградил меня золотым боевым оружием (шашкой) с орденом Красного Знамени на нем, а Реввоенсовет Южного фронта — золотым портсигаром.

Портсигар Сталин вручил мне здесь же, на заседании Реввоенсовета, а золотую шашку с орденом — на следующий день утром в торжественной обстановке, перед строем особого резервного кавдивизиона.

5

7 декабря, когда Конармия заняла Волоконовку и развернула наступление на Валуйки, Егоров, Сталин, Ворошилов и Щаденко решили поехать в район боевых действий армии.

Сталин и Егоров отправились в санях. С ними поехал и кинооператор Э. Тиссэ. Ворошилов, Щаденко, Городовиков и я отправились верхом на лошадях. За нами следовал особый резервный кавдивизион.

Стоял безветренный морозный день. Далеко вперед простиралась заснеженная безлесная равнина. Зимняя тишина нарушалась лишь нашим движением да далекими раскатами артиллерийской стрельбы.

Ехали долго. Я уже начал было волноваться, что дивизии ушли далеко. Пожалуй, лучше было бы, думал я, проехать на станцию Слоновка, а оттуда бронепоездом в Волоконовку...

Проехали Богдановку, и Городовиков стал уверять меня, что скоро мы увидим его части.

— Обязательно надо в твою дивизию ехать? — недовольно спросил я.

— А как же, Семен Михайлович, обязательно!

Вдруг совсем близко застучал один, потом второй станковый пулемет, захлопали винтовочные выстрелы. Через наши головы со свистом пролетели снаряды и разорвались метрах в ста позади нас. Мы с Окой Ивановичем выскочили на высотку и увидели, как крупные массы кавалерии противника в конном строю перешли в атаку против нашей 4-й дивизии. Дивизия встретила атаку противника артиллерийско-пулеметным огнем и развертыва-

лась для контратаки. Я послал Городовикова руководить дивизией, а сам стал наблюдать за ходом боя. Ока Иванович подскакал к своей дивизии и повел ее в контратаку. Началась отчаянная кавалерийская рубка. Полки 4-й дивизии врезались в массы кавалерии противника, но, обладая большим численным превосходством, белые постепенно, сначала их отдельные всадники, а затем и целые подразделения, стали просачиваться на фланги наших частей.

Особенно большое скопление противника оказалось на левом фланге дивизии, вблизи которого мы находились. Подъехали Ворошилов, Сталин, Егоров и Щаденко. Я попросил их укрыться в селе, но они категорически отказались. Между тем левый фланг 4-й дивизии все больше захлестывался противником. Наши левофланговые части, упорно отбиваясь, начали отходить. Создавалась реальная угроза обхода противником фланга дивизии и захвата белогвардейцами командования Южным фронтом. Я подскакал к Егорову и Сталину. Они сошли с саней, поднялись на возвышенность и в бинокли следили за ходом боя. На мою просьбу уехать Сталин ответил коротко: «Нет!»

Что делать? Белые вот-вот могут прорвать фронт 4-й дивизии. 6-я и 11-я дивизии, видно, ушли вперед — на их помощь рассчитывать нельзя.

Особый резервный кавдивизион — это все, что было у меня под руками. Но этот дивизион стоил хорошей кавалерийской бригады. Эта красная конная гвардия либо умирала, либо побеждала.

Вырвав клинок из ножен, я указал на скопление кавалерии белых и бросил кавдивизион в атаку. Начавшие было отходить под напором превосходящих сил противника левофланговые полки 4-й дивизии, почувствовав энергичную поддержку дивизиона, перешли в контратаку. Смятый натиском 4-й дивизии и кавдивизиона, противник бросился бежать на юго-восток, в сторону Волоконовки.

Не прошло и десяти минут, как белогвардейцы резко изменили направление своего бегства. Они повернули на юго-запад, снова попав под удар 4-й дивизии, а затем, преследуемые нашими частями, скрылись за холмами.

Кинооператор Э. Тиссэ перебегал с «позиции» на «позицию», стремясь запечатлеть на пленке быстро меняв-

шиеся картины боя. Каково же было его разочарование, когда выяснилось, что впопыхах он орудовал незаряженным аппаратом.

Мы поняли, что произошло на поле боя, лишь после того, когда стали известны все события, развернувшиеся на фронте Первой Конной армии с утра 7 декабря.

Части корпуса Мамонтова, выбитые из города Бирюч 8-й Красной армией, сосредоточились на левом фланге Первой Конной армии, действовавшей в направлении Валуйки. В то время как 6-я дивизия, выполняя поставленную ей задачу, двинулась в направлении станции Мандрово и заняла Фощеватое, корпус Мамонтова во взаимодействии с корпусом Науменко нанес удар на Волоконовку с целью задержать движение Первой Конной армии на Валуйки. В Волоконовке находились тыловые подразделения 6-й дивизии. Попав под удар крупных масс конницы белых, они начали отход на северо-запад, увлекая за собой белогвардейцев в направлении движения 4-й кавалерийской дивизии.

Начдив шестой С. К. Тимошенко, узнав о нападении белых на Волоконовку, прекратил наступление в направлении Мандрово и, оставив в Фощеватое прикрытие, перебросил главные силы дивизии в район Покровки, откуда развил стремительное наступление в тыл корпуса Мамонтова.

Под внезапный удар 6-й дивизии попала 9-я Донская казачья дивизия Мамонтова. Потеряв много убитыми и пленными, она начала отход на северо-запад, в район, где шел бой 4-й кавалерийской дивизии с главными силами конницы Мамонтова.

Решительный контрудар 4-й дивизии и быстрый маневр 6-й дивизии поставил белых в тяжелое положение. Белоказаки дрались отчаянно, упорно стремясь вырваться из тисков Конармии. Они потеряли ориентировку, не понимали, где их тыл и где фронт, бросались в разные стороны и везде встречали дружные удары наших полков.

После боя наступила гнетушая тишина, нарушаемая стонами раненых да голосами санитаров, хлопотливо подбиравших их.

Сталин, Ворошилов, Егоров, Щаденко и я медленно проезжали по почерневшим холмам, устланным трупами людей и лошадей.

Все молчали, скорбно оглядывали следы жестокой кавалерийской сечи. Тяжело было смотреть на обезображенные шашечными ударами тела людей.

Сталин не выдержал и, обращаясь ко мне, сказал:

— Семен Михайлович, это же чудовищно. Нельзя ли избегать таких страшных жертв? Хотя при чем здесь мы? — И он снова погрузился в раздумье...

Вечером мы проводили Сталина и Егорова на станцию Бибиково, откуда они бронепоездом уехали в Новый Оскол.

XII. ОСВОБОЖДЕНИЕ ДОНБАССА

1

Пока не было возможности довести состав Конармии до пяти кавалерийских дивизий, как это предполагалось в дальнейшем. Являясь ударной группой войск Южного фронта, которой предстояло рассечь фронт Деникина, Конармия состояла всего из трех кавалерийских дивизий, усиленных двумя стрелковыми дивизиями — 12-й 8-й армии и 9-й 13-й армии.

Кроме двух стрелковых дивизий, Конной армии были приданы автоотряд имени Свердлова (пятнадцать автомашин с установленными на них станковыми пулеметами) под командованием И. Х. Аргира, авиаотряд М. П. Строева (двенадцать самолетов), на который возлагалась разведка противника и связь между частями армии, и четыре бронепоезда: «Красный кавалерист», «Коммунар», «Смерть Директории», «Рабочий» во главе с начальником бронесил Кривенко. Наличие в составе Конармии бронесил и авиации, возглавляемых способными командирами — энтузиастами своего дела, во многом повышало ее пробивную мощь.

Неожиданно началась оттепель. Дороги испортились. Санные обозы дивизий оказались в тяжелом положении.

Однако, несмотря на неблагоприятные условия, соединения армии продолжали наступление. Надо было спешить, чтобы не дать противнику оправиться после поражения под Волоконовкой и не позволить ему эвакуировать грузы из Валуйки. Развивая наступление, 4-я дивизия из района Хатнее — Козинка охватывала Валуйки с северо-запада; 11-я дивизия наносила удар по северной окраине города со стороны станции Принцевка; 6-я дивизия наступала из района Фощевитое на станцию

Мандрово, откуда наносила удар по северо-восточной окраине Валуйки.

С утра 8 декабря мы с Ворошиловым и Щаденко находились в штабе Конармии, который к вечеру перешел в Волоконовку. Работы было много, особенно для Климента Ефремовича, как человека в Конармии нового и торопившегося вникнуть во все детали ее боевой жизни.

Во второй половине дня я приказал подать лошадей, собираясь вместе с Ворошиловым и Щаденко отправиться в передовые части, чтобы непосредственно руководить операцией по овладению Валуйками.

Когда лошади были поданы, я пригласил членов Реввоенсовета отправиться в действующие части. Однако мое предложение сначала было встречено отрицательно.

— Семен Михайлович! — как всегда горячо заговорил Климент Ефремович. — Вы же командующий армией, а не командир партизанского отряда. Не обижайтесь, я ведь всегда говорю то, что думаю. А думаю я, что пора отрешиться от партизанщины. Нет совершенно никакой нужды вам и нам лично рубить шашкой. Мы имеем в своем распоряжении штаб армии, через который и давайте осуществлять руководство действующими частями, как это делается в любой армии.

— Нет, Климент Ефремович, вы как хотите, а я поеду, и не шашкой рубить, а руководить дивизиями на месте. Наша армия не обычная общевойсковая армия, а кавалерийское объединение. Руководить Конармией, сидя в штабе, по-моему, вообще значит не руководить. Я также не хочу, чтобы вы обижались, и прямо скажу, что если будем сидеть только в штабе, то окажемся либо без армии, либо в плену у казаков.

— Ну, хорошо, Семен Михайлович, поедем, — неожиданно легко согласился Ворошилов, видимо решив проверить мои доводы на практике.

Сопровождаемые работниками штаба, мы отправились в Валуйки и приехали своевременно. Между соединениями армии взаимодействие было нарушено. В то время как 4-я кавдивизия вела кровопролитный бой с белогвардейцами, атакуя противника с северо-запада, 6-я кавдивизия задержалась на северо-востоке от Валуйки, не оказывая решительной поддержки 4-й дивизии. Медлила с наступлением и 11-я кавалерийская дивизия.

Реввоенсовет на месте уточнил задачи каждой дивизии и приказал перейти в решительное наступление. Белогвардейцы оказывали сильное сопротивление. Особенно тяжелые бои вела 4-я дивизия, против которой противник сосредоточил сильный огонь бронепоездов. Однако дивизии упорно продвигались вперед, охватывая Валуйки с флангов.

Поздно вечером 8 декабря Первая Конная армия овладела Валуйками. На железнодорожном узле и в городе были захвачены большие трофеи — эшелоны с продовольствием и боеприпасами, много войскового обоза и лошадей. Соединения Конармии неотступно преследовали противника, отходящего в южном и юго-восточном направлениях.

9 декабря утром состоялось очередное заседание Реввоенсовета. Мы обсудили план дальнейших действий в соответствии с директивой Реввоенсовета Южного фронта от 9 декабря. Эта директива была составлена Егоровым и Сталиным в Новом Осколе и передана нам утром по аппарату «Морзе». В директиве говорилось: «Командарму Конной самым энергичным образом развивать преследование разбитой конницы противника, не позднее 12 декабря занять Купянск и выйти на линию Купянск — Тиминова» [1].

Командармам 13-й и 8-й этой же директивой приказывалось согласовать действия своих фланговых частей с действиями Конармии.

Пока штаб разрабатывал приказ в соответствии с принятым нами решением, мы составили телеграмму Петроградскому Совету, приславшему конармейцам подарки от питерских рабочих и работниц.

В этой телеграмме мы писали: «Реввоенсовет Конармии от лица конармейцев просит передать искреннюю благодарность рабочим и работницам Красного Питера за подарки, присланные Конармии. Присланное является для нас особенно ценным, как выделенное из и без того скудного достатка питерским пролетариатом.

Будучи преисполнены братской благодарности, вступив в пределы хлебородной Украины, мы вырвем из хищных рук Деникина хлеб и уголь и облегчим положение

[1] ЦГАКА, ф. 100, оп. 2, д. 13/с, л. 163.

петербургского пролетариата, бессменно и бдительно стоящего на часах мировой революции.

Честь и слава красным питерцам, отбросившим белогвардейские банды Юденича!

Да здравствует окончательная близкая победа рабочего класса!»[1]

На этом же заседании, учитывая роль, которую сыграли Егоров и Сталин в создании Конной армии, мы постановили зачислить их почетными красноармейцами в 1-й эскадрон 19-го кавалерийского полка 4-й кавдивизии.

Оставив Валуйки, противник, прикрываясь арьергардами, отходил в направлении Купянска. 4-я дивизия, преследуя противника, к вечеру 9 декабря вышла в район Уразово, где и расположилась. 11-я и 6-я дивизии к этому времени находились на рубеже Валуйки, Мандрово.

В соответствии с директивой фронта о выходе Конармии на линию Купянск — Тиминово Реввоенсовет Конармии решил нанести главный удар вдоль железной дороги на Купянск и вспомогательный на Покровское.

Вступая в пределы Донбасса, мы знали, что деникинцы попытаются разрушить шахты, и, чтобы не допустить этого, должны были вести наступление в самом стремительном темпе.

С этой целью мы решили собрать в кулак перед Купянском все части Конармии.

10 декабря соединениям армии было приказано: 11-й дивизии выйти в район Подгорный, Романов; 6-й дивизии — в район Саловка, Везгинка, Вейдановка; 4-й дивизии оставаться в районе Уразово.

Приказ требовал от начдивов и начальников служб подтянуть обозы, приемно-питательные эвакуационные медицинские пункты и железнодорожные летучки с базами снабжения.

В этот же день мы послали приветственную телеграмму Реввоенсовету Южного фронта. В телеграмме говорилось: «Начдивы, комбриги и политкомы Первой Конармии постановили в Вашем лице приветствовать доблестную славную Красную Армию Южного фронта, победно идущую на освобождение Украины, а также просить Вас передать братский привет неутомимому великому вождю

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 1, д. 7, л. 6, копия.

мирового пролетариата товарищу Владимиру Ильичу Ленину и в его лице всем борцам за социализм. Вступая в пределы Донбасса, Первая Конармия в кратчайший срок водрузит красные знамена коммунизма в Новочеркасске, Ростове, Таганроге и гордо понесет их в пределы Кубани и Кавказа.

Да здравствует непобедимая Красная Армия!

Да здравствуют наши великие вожди!

Да здравствует мировая коммуна!» [1]

Климент Ефремович написал статью «У ворот Донецкого бассейна» для газеты Первой Конной Армии «Красный кавалерист».

«Непобедимая славная Красная Армия,— писал Ворошилов,— снова подошла к Донецкому бассейну. Еще пара недель — и красные полки вступят в царство угля, железа, машиностроения, соли и других благ, которыми изобилует этот богатейший район России. Революционный народ получает принадлежащие ему богатства, которыми на время завладели злые хищники.

Час расплаты настал. Красная Армия обильно польет вражьей кровью равнины Донецкого бассейна.

Больше полувека эти равнины омывались реками рабочей крови, создавая богатства тем, которые теперь так зверски дерутся за свое право мучить и терзать народ. Но пришел конец народному рабству, и ни одной капли драгоценной трудовой крови не прольется больше за барские интересы.

Пролетариат и крестьянство, руководимое большевиками (коммунистами), проливают свою и врагов своих кровь за свои собственные интересы, за вольный труд, за светлую жизнь и равенство всех людей. И революционный народ с замиранием сердца следит за отчаянной борьбой своих лучших сынов с вековечными врагами, которые не хотят дешево отдать Донецкий бассейн. Подлый враг знает, что Донецкий бассейн в руках народа — это осиновый кол в гнусную голову контрреволюции.

Когда у нас будет уголь, загромыхают поезда железных дорог, развозя народу соль, сельскохозяйственные машины, мануфактуру, заработают заводы и фабрики, и отопят рабочие центров свои холодные жилища.

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 1, д. 132, л. 11, копия.

Свободней вздохнет измученный народ. Прибавится сил для борьбы с насильниками — фабрикантами и помещиками. И легче ему будет начисто покончить с контрреволюционными полчищами деникиных и мамонтовых.

Крепче же сожми винтовку, красный воин! Получше приготовься, красный храбрый кавалерист, и стройными стойкими рядами сметем деникинские банды с лица пролетарского Донецкого бассейна!

Пусть красное знамя труда на веки-вечные водрузится в угольном царстве, и народ не забудет наших великих жертв и славных доблестных сил. Он скажет: наши сыны были достойны великих дней освобождения, они завоевали нам жизнь» [1].

По данным разведки, на 12 декабря было известно, что станция Сватово забита эшелонами и ценными грузами, которые противник перебрасывал с Купянского железнодорожного узла. На Сватово же отводилась и часть сил белогвардейцев, отступавших сначала на Купянск. Поэтому было решено прежде всего разгромить противника в Сватово и не дать ему возможности эвакуировать отсюда эшелоны. С этой целью была создана ударная группа в составе 4-й и 11-й дивизий под командованием Городовикова.

14 декабря, когда эта группа, выполняя приказ по овладению станцией Сватово, сосредоточивалась в районе Покровское, Тиминова, мы получили развернутую директиву Реввоенсовета Южного фронта армиям фронта на разгром «Добровольческой» армии Деникина, датированную 12 декабря.

Армиям фронта ставились следующие задачи: 12-й армии овладеть Киевом; левофланговым частям 13-й армии занять Купянск и, взаимодействуя с частями Первой Конной армии, наступать на Славянск; 14-й армии наступать в общем направлении Лозовая, Чаплино, Бердянск, имея главной задачей не допустить отхода противника, действующего на левом берегу Днепра, в Донецкий бассейн.

«Ударной группе т. Буденного, — говорилось в этой директиве Реввоенсовета Южного фронта — в составе Конармии, 9-й и 12-й стрелковых дивизий, использовав самым решительным образом для быстрого продвижения

---

[1] «Правда» № 318 (6204), 19 ноября 1934 года.

пехоты весь наличный транспорт местного населения, стремительным натиском выдвинуться в район Донецкого бассейна и, заняв железнодорожные узлы Попасная, Дебальцево, Иловайская, отрезать все пути отхода для «Добровольческой» армии в Донскую область. Для занятия Таганрога выделить достаточной силы конную группу. Обращаю внимание т. Буденного, что от быстроты и решительности действий его ударной группы будет зависеть весь успех всей намеченной операции» [1].

К директиве была приложена записка командующего фронтом, в которой он писал, что от Конармии мало поступает донесений из-за плохой связи, и просил подробно доложить о положении на нашем участке фронта.

Деникин в своих мемуарах так описывает обстановку этого периода: «В центре, отдав Полтаву и Харьков, Добровольческая армия вела бои на линии от Днепра на Константиноград — Змиев — Купянск; далее шел фронт донской армии, отброшенной от Павловска и от Хопра к Богучарам и за Дон... Между Добровольческой и донской армиями образовался глубокий клин к Старобельску, в который прорывалась конница Буденного... Общая идея дальнейшей операции В.С.Ю.Р. заключалась в том, чтобы, обеспечив фланги (Киев, Царицын), прикрываясь Днепром и Доном и перейдя на всем фронте к обороне, правым крылом Добровольческой и левым Донской армий нанести удар группе красных, прорывающихся в направлении Воронеж — Ростов».

Далее Деникин говорит о тревоге, которую вызывал у него удар, наносившийся Конной армией, о том, что были необходимы «...особые меры к предотвращению большого несчастья: уход Добровольческой армии в Крым вызвал бы неминуемое и немедленное падение Донского и всего казачьего фронта...» Меры эти заключались в создании сводной конной группы Улагая в составе конных корпусов Добровольческого, Донского и Кубанского для противодействия советской коннице [2].

Во исполнение директивы Южфронта Реввоенсовет Конной армии отдал приказ, в котором ставились задачи: ударной группе Конармии в составе 4-й и 11-й кавале-

---

[1] ЦГАКА, ф. 100, оп. 2, д. 13/с, лл. 182—186.

[2] А. И. Деникин. «Очерки русской смуты» т. V, стр. 259—262, Берлин, 1926 г.

Член Реввоенсовета
Кавказского фронта
Г. К. Орджоникидзе
(1920 г.)

Командующий Кавказским
фронтом М. Н. Тухачевский
(1920 г.)

Начальник полевого штаба
1-й Конной армии
С. А. Зотов
(1920 г.)

Начальник дивизии
И. Р. Апанасенко
(1920 г.)

рийских дивизий, во взаимодействии с 9-й стрелковой дивизией, как это уже было приказано ранее, овладеть станцией Сватово; одной бригаде 6-й кавалерийской дивизии выдвинуться в район действий левого фланга 9-й стрелковой дивизии для связи, а двум остальным бригадам сосредоточиться в районе Гончаровка, Преображенное, составляя резерв армии. 9-й и 12-й стрелковым дивизиям было приказано по выполнении задач, поставленных им командующими 8-й и 13-й армий, войти в оперативное подчинение Реввоенсовета Конармии и доложить о районах своего сосредоточения. Штаб армии оставался в Валуйках.

Погода вновь переменилась. После оттепели, моросящих дождей и туманов ударил мороз. Началась гололедица. Лошади стирали шипы подков и двигались, словно ощупью.

К исходу 15 декабря группа Городовикова (4-я и 11-я кавалерийские дивизии) нанесла решительный удар противнику в районе Покровского и, разгромив 4-й гусарский Мариупольский полк белых, вышла на подступы к Сватово в район Гончаровки.

Рано утром 16 декабря я связался по прямому проводу с командующим войсками Южного фронта Егоровым и доложил ему, что ударная группа Конармии передовыми частями 15 декабря заняла Гончаровку и на рассвете 16 декабря должна овладеть Сватово, а части 6-й кавалерийской дивизии совместно с частями 9-й стрелковой дивизии, при поддержке бронепоездов успешно продвигаются на Купянск.

Относительно связи я доложил Егорову, что до Воронежа связь не прерывается ни на одну минуту, но между Воронежем и Серпуховым бывают перерывы.

Егоров одобрил удар Конармии на Сватово и приказал руководствоваться полученной нами директивой Реввоенсовета Южфронта от 12 декабря. Он сообщил мне, что частями 12-й армии взят Киев, части 13-й армии перерезали железную дорогу Харьков — Купянск, а 8-я армия продвинулась на линию Шилов, Александрополь, Белоуцкая и левым флангом достигла Бугаево, Чехурского, Талы (на р. Богучар).

О положении 14-й армии Егоров мне ничего не сказал, так как у него не было о ней точных сведений.

Вскоре после разговора с командующим фронтом штабом Конармии было получено донесение Городовикова, в котором он докладывал, что, сломив упорное сопротивление белых, неоднократно переходивших в контратаки, 4-я дивизия овладела станцией Сватово, захватив при этом большие трофеи, в числе их бронепоезд «Атаман Каледин».

Нельзя не сказать о героическом подвиге в этом бою артиллеристов батареи, которой командовал Шаповалов. Когда белые открыли по 4-й дивизии ураганный огонь из бронепоездов, наши части спешились и залегли. В это время Шаповалов со своими артиллеристами на карьере ворвался на станцию и стал в упор расстреливать вражеские бронепоезда. Дивизия немедленно воспользовалась этим и решительным броском вперед овладела Сватово. Один бронепоезд белых отошел на станцию Меловатку и оттуда начал интенсивный обстрел Сватово, но Городовиков быстро избавился от этого бронепоезда, распорядившись пустить на Меловатку паровоз на полных парах.

Захват нами Сватово оказался для белых, засевших в Купянске, полной неожиданностью. Весь день 16 декабря между Купянском и Сватово поддерживалась связь. Связисты 4-й дивизии, выдавая себя за белых, вызывали из Купянска в Сватово эшелоны. Когда же, наконец, белые поняли, что Сватово занято красными, они оставили Купянск без боя и отошли на Стельмаховку, а на рассвете 17 декабря двинулись крупными силами по большой дороге на Сватово.

Пехота белогвардейцев ехала на подводах. Бойцы 19-го полка 4-й дивизии, встретившие ее на подходе к Сватово, сначала подумали, что это двигаются наши обозы. На подступах к Сватово разгорелся ожесточенный бой 4-й дивизии с превосходящими силами противника.

В то время как 4-я дивизия отражала яростные атаки белогвардейцев, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии, выполняя частные задачи, медлили с продвижением к Сватово. Дело шло к тому, что станция Сватово могла оказаться в руках противника. И только решительное вмешательство Реввоенсовета Конармии позволило ликвидировать эту угрозу. Противник был отброшен на юг, и станция Сватово осталась в наших руках.

2

Разгромив белогвардейцев в районе Сватово, Первая Конная армия продолжала наступление. Несмотря на большую усталость войск, Реввоенсовет Конармии требовал наращивания темпов наступления, чтобы не дать противнику закрепиться на промежуточных рубежах и особенно на такой серьезной водной преграде, как река Северный Донец.

Успешное форсирование Северного Донца должно было открыть нам ворота в сердце Донбасса.

Несмотря на декабрь, форсировать Северный Донец по льду было невозможно. Обильные снегопады после гололедицы смягчили морозы, и они не смогли сковать реку льдом, достаточно прочным для того, чтобы выдержать тяжесть лошадей и артиллерии.

Хороших бродов на Северном Донце в полосе наступления Конармии не было, следовательно при форсировании его мы могли рассчитывать только на захват имевшихся мостов и на сооружение переправ из подручных материалов.

Белогвардейское командование надеялось сорвать переправу Конармии. С этой целью белые перебросили свежие силы на северный берег реки, в район участка железной дороги Кременная — Сватово с задачей измотать части Конармии при подходе их к Северному Донцу и, кроме того, выдвинули в район Яма — Лисичанск крупные силы для контратаки передовых частей Конармии в случае, если они все-таки переправятся на южный берег.

17 декабря с утра Реввоенсовет армии собрался в штабе Конармии с тем, чтобы обсудить во всех подробностях предстоящую операцию по форсированию Северного Донца. Было решено форсировать его на участке Несветевич, Лоскутовка. Первому эшелону в составе 4-й и 6-й дивизий предстояло захватить плацдарм на южном берегу реки в районе Каменка, Волчеяровка, Лоскутовка и этим обеспечить переправу остальных соединений ударной группы.

В этот же день в 13 часов был отдан приказ на форсирование.

Во время подготовки к этой серьезной операции предстояло исправить железнодорожные пути и сосредото-

чить все броневые силы Конармии, подтянуть тылы, пополнить боевые припасы.

Операция была рассчитана на стремительность продвижения наших частей и внезапность захвата всех переправ, имевшихся в полосе наступления Конармии. Мы понимали, что если деникинцы рассчитывали удержать за собой Северный Донец и, может быть, даже разгромить Конармию при попытке ее форсировать реку, то для таких расчетов у них были некоторые основания. По мере вклинения в территорию, занятую противником, мы все больше отрывались от соседних армий. Оба наши фланга оставались открытыми. Необходимо было выделять части для их прикрытия. И в данной операции 6-я кавалерийская дивизия прикрывала левый фланг армии, а 11-я кавалерийская дивизия, выведенная в резерв, фактически использовалась для прикрытия правого фланга 9-й и 12-й стрелковых дивизий. В результате приходилось суживать фронт Конармии, а это сковывало ее маневр. Узкий фронт Конармии и наличие такой крупной водной преграды, как Северный Донец, создавали благоприятные условия для действий войск противника, стягивавшего против наших частей превосходящие силы.

Однако это не пугало нас. Конармия продолжала наступать.

Продвигаясь вдоль железной дороги Сватово — Кременная, 4-я кавалерийская дивизия в районе станций Меловатка и Кабанье атаковала конную группу белых.

Используя свое численное превосходство, противник перешел в контрнаступление. Начался ожесточенный бой. Белые контратаковали на узком фронте, рассчитывая прорваться в тыл нашей 4-й дивизии, окружить и полностью уничтожить ее.

Несмотря на высокую боеспособность 4-й дивизии, трудно сказать, каков был бы исход боя, если бы к тому времени, когда Городовиков уже ввел в бой все свои резервы, не подошли на помощь наши бронепоезда. При блестящей поддержке бронепоездов сопротивление белых было сломлено. Противник в панике, бросая артиллерийские орудия, пулеметы, обозы, бежал в Кабанье и далее через станцию Кременная за Северный Донец. На одном из бронепоездов, ворвавшемся на станцию Меловатка, находился и непосредственно руководил боем Реввоенсовет Конармии.

До глубокой темноты передовые части 4-й дивизии неотступно преследовали разбитого противника.

О паническом бегстве белоказаков сохранилось свидетельство генерала Науменко — его донесение командующему конной группой генералу Улагаю.

«Бегство, — доносил Науменко, — не поддается описанию: колонна донцов бежала, преследуемая одним полком, шедшим в лаве впереди конной колонны. Все попытки мои и чинов штаба остановить бегущих не дали положительных результатов, лишь небольшая кучка донцов и мой конвой задерживались на попутных рубежах — все остальное стремилось на юг, бросая обозы, пулеметы, артиллерию. Пока выяснилось, что брошены орудия 12, 8 и 20-й донских батарей. Начальников частей и офицеров почти не видел, раздавались возгласы, что начальников не видно и что они ускакали вперед» [1].

В боях с конной группой противника в районе станций Меловатка, Кабанье активное участие приняли и передовые части 9-й стрелковой дивизии, следующие вторым эшелоном за 4-й кавалерийской дивизией.

В преследовании противника, бежавшего из Кабанье, отличилась 2-я бригада 4-й дивизии. Талантливый командир этой бригады Г. М. Мироненко использовал на полную мощь все имевшиеся в бригаде пулеметы и орудия, которые поддерживали наступающие части непрерывным огнем, занимая огневые позиции перекатами.

Не успели белые оправиться от панического бегства из района Кабанье, Кременная, как попали под удар частей 6-й дивизии, которая, не встретив противодействия противника со стороны города Старобельска и реки Айдар, развернула стремительное наступление в направлении Лисичанска и к вечеру 21 декабря заняла станции Рубежную и Несветевич. Особенно большие потери белогвардейцы понесли на станции Рубежной, куда ворвалась 2-я бригада 6-й кавдивизии. В районе Рубежной белые потеряли до пятисот человек зарубленными, в том числе командира дивизии генерал-майора Чеснокова и трех командиров полков.

1-я кавбригада 6-й дивизии внезапным налетом овладела станцией Несветевич и захватила железнодорожный

---

[1] Генерал Врангель. Мемуары. «Белое дело» № 5, Берлин, 1928.

мост. Белогвардейцы успели поджечь этот мост, но пожар был потушен и нанесенные мосту повреждения устранены.

Таким образом, за 19, 20 и 21 декабря Первая Конная армия разгромила противника, находившегося на левом берегу Северного Донца, и захватила имевшиеся в полосе ее наступления переправы.

В ночь на 23 декабря, когда подтянулись стрелковые части и тылы, Конармия форсировала Донец и прочно закрепилась на его правом берегу, овладев городом Лисичанском.

3

Во время наступления от Валуйек до Северного Донца Реввоенсовет Конармии не имел с Реввоенсоветом Южного фронта прямой связи, так как связисты не успевали восстанавливать разрушенные линии проводов. Директивы командования Южного фронта передавались нам через Валуйки, где находился наш постоянный пункт связи с фронтом по прямому проводу.

22 декабря из Валуйек пришло донесение, что Реввоенсовет Южфронта приказывает нам связаться со штабом Южфронта по прямому проводу и доложить о состоянии и боевых действиях Конармии.

Мы с Климентом Ефремовичем сейчас же отправились на бронепоезде в Валуйки. В середине дня 23 декабря произошел следующий разговор со штабом фронта:

«**Реввоенсовет 1-й Конной:** Противник сгруппировал крупные силы кавалерии и 4 полка пехоты в районе Юрьевка, Удобное, Меловатка. Кавчасти из корпуса Мамонтова, Улагая, Шкуро и сводноуланской дивизии (командир которой генерал Чесноков) с приданными пехотными полками.

Несмотря на крупную численность противника, доблестные части Конной армии разбили противника наголову. Взято трофеев: 17 орудий, из них 2 горных, остальные полевые 3-дюймовые, 80 пулеметов, обозы с военной добычей, 300 пленных кавалеристов, 1000 лошадей с седлами и до 1000 человек изрублено. Наши передовые части действуют на правом берегу Донца. Между прочим, изрублено много офицеров, в числе которых несколько полковников и начдив сводноуланской генерал Чесноков. Захвачена масса оперативных документов, ко-

торые срочно будут вам направлены. Подробности боев за 19—21 декабря будут переданы оперативной сводкой. Приказ № 183 [1] выполнен в полной мере.

О связи должен сообщить: вследствие действий бронепоездов от ст. Сватово до ст. Несветевич не только провода порваны, но и столбы попорчены. Меры к скорейшему восстановлению связи принимаются. Прошу обратить самое серьезное внимание на связь в тылу Конной армии, которая хронически прерывается и тем затрудняет всякую возможность связи с вами.

Кроме того, мы неоднократно обращались с просьбой о снабжении Конармии санлетучками, медицинским персоналом. До сих пор ничего не сделано, и бойцы, которые заслуживают самого внимательного к ним отношения, в случае ранения остаются... без всякого медицинского надзора.

Такое положение абсолютно недопустимо, и мы, Реввоенсовет, убедительно просим немедленно принять самые решительные меры к удовлетворению нашей просьбы. Доводим до вашего сведения, что соединения 13-й и 8-й армий совершенно не обслуживают раненых и больных своих частей, чем обременяют и без того перегруженные жалкие силы медицинского персонала Конармии.

Убедительная просьба устранить это ненормальное явление.

Реввоенсовет Южного фронта: 1. Частично о боях 15—21 декабря нам известно. Дополнительные ваши сведения будут донесены центру. Реввоенсовет фронта, как и всегда, уверен в боевой мощи доблестной Конной армии.

2. Так как большие разрушения связи производит противник, надо всеми мерами восстанавливать ее, а до окончательного восстановления прямой телефонной связи тылового штарма до позиции этот промежуток обслуживайте отдельным паровозом и далее — полевым телефоном, до передовых частей — летучей почтой.

3. По докладу начсанюжа вам высланы в Валуйки госпиталь, а для эвакуации — санпоезда и летучки. Вероятно, состояние транспорта задержало их. Сейчас все будет выяснено.

---

[1] Приказ, в котором Конармии ставилась задача на занятие плацдарма на правом берегу Северного Донца.

4. Соседним армиям будет указано о небрежном отношении и переобремененности вас вопросах санитарного характера.

5. В отношении связи тыла, особенно в направлении к вам, — начсвязи фронта прилагает все усилия. С переездом на днях штаюжа Курск эти недочеты отпадут.

6. Штарму Конной обстановка диктует выдвинуться вперед, на что обращено внимание главкомом. По этому поводу после разговора с вами будем говорить с ним.

7. Куда вы полагаете перебраться и в каком состоянии связь до этого места от Валуек?

8. Укажите в грубых чертах передовую линию, занимаемую в данный момент частями Конармии, а также прошли ли наши бронепоезда на правый берег Донца и сколько у вас бронепоездов.

9. Отдан ли вами дальнейший приказ армии и когда он будет получен штаюжем.

10. Взято в плен кавалеристов 300 или 3 000 и куда делась пехота, которой было 4 полка.

11. Как можно обрисовать себе после указанных боев все те части противника, которые принимали в них участие, и куда отошли главные остатки этих частей.

12. Замерз или открыт Северный Донец и захвачено ли на этом промежутке что-либо из подвижного состава.

13. Как вы полагаете вопрос защиты противником хотя бы ближайшего района Камышеваха, Попасная как живой силой, так и техническими средствами.

Реввоенсовет 1-й Конной: 1. Боевой дух чудо-богатырей Конармии выше всяких похвал. Преданность революции и хорошее отношение к совершающимся событиям гарантируют полную и скорую победу.

2. Связь восстановлена со станцией Кабанье. Во всем остальном приняты указанные вами меры. Однако ставим вас в известность, что Конармия не имеет ни одного связиста, ограниченное количество морзистов, надсмотрщиков, механиков и техников совершенно нет для наблюдения за постоянной связью со штаюжем и своими частями. Необходима присылка всего затребованного штармом Конной.

3. Давно идет разговор о высылке нам санлетучек и прочего. На самом деле мы ничего не имеем. От вас зависит нажать для скорейшего получения нами всего высланного.

4. Штарму Конной приказом № 006 указано 24—26 декабря переехать селю Высшее, что возле ст. Переездная.

5. Части Конармии вышли 23 декабря на линию Резников (20 верст юго-восточнее ст. Лиман), северный берег ручья Яма, северный берег р. Верх. Беленькая, Мирная Долина, Нижнее, что на Северном Донце. Бронепоезда сегодня будут Лисичанск и сейчас (действуют между) ст. Переездная — Лоскутовка.

6. Армия на указанной линии задержится на сутки для приведения частей в порядок, для подтягивания тыла и ковки лошадей. Дальнейший приказ будет отдан на 25 декабря, штаюж поступит 26 декабря.

7. Кавалеристов взято в плен 300. Пехота противника, участвовавшая в боях 19 декабря, в ночь на 20-е была оттянута и отправлена на ст. Лисичанск. Пехота в боях 20 и 21 декабря участия не принимала.

8. Кавчасти противника в бою 20 декабря были разбиты на две группы, из которых первая — корпус Мамонтова, потрепанный и потерявший много техники, но сохранивший подобие воинской части, — отошла в направлении ст. Лиман, Славянск; вторая группа в составе корпусов Улагая, Шкуро и сводноуланской дивизии разбита наголову, отдельными кучами беспорядочной толпой разбежалась по домам, лесам и тонула в Донце. Противнику в лучшем случае удастся создать из всей этой группы одну дивизию.

9. Донец покрыт тонким слоем льда и только в некоторых местах можно переходить пешком.

Между ст. Купянск и ст. Несветевич захвачено 40 годных паровозов и 500 вагонов, из которых 240 груженных разными грузами. Кроме того, на ст. Рубежная имеется около 100 000 пудов угля, обратите на это внимание.

10. Бронепоездов у нас вполне пригодных и сейчас действующих четыре.

Относительно защиты противником узлов Попасная, Дебальцево полагаем, что мы двумя ударами овладеем этими пунктами.

11. Настоятельно просим в кратчайший срок удовлетворить нас огнеприпасами просимом количестве.

12. Обещанный вами фураж до сих пор не поступает и что-то о нем не слышно. А мы уже подошли к голодно-

ватым местам. Огромная просьба обратить на это самое серьезное внимание.

13. Мы вышли уже за рубежи имеющихся у нас карт. Обещанные и, по словам наштаюжа, высланные не поступили. Просьба протолкнуть их кратчайший срок.

Реввоенсовет Южного фронта: 1. Карты ближайшие дни по всем вашим требовательным ведомостям срочным маршрутом направим. Кроме того, командарму 13-й будет приказано поделиться с вами необходимыми картами.

2. Овса в пути 80 вагонов, сена отправляется 50, остальное до обещанного грузится и будет направлено.

3. Весь вопрос в транспорте, главным образом в топливе. Поэтому давайте больше угля, дабы обеспечить линии хотя бы от Касторной до Харькова и до вас.

4. Реввоенсовет просит направить в его распоряжение, если возможно, два состава угля при ваших сопровождающих.

5. Твердо ли держите в руках 9 и 12-ю дивизии. Помогают ли они вам и считаете ли необходимым дальше продолжать их подчинение вам.

6. С 5 декабря вам выслано 2 миллиона патронов. Сейчас выясним возможность послать еще миллион. Имейте в виду, что 9 и 12-я дивизии должны получать патроны от своих армий, как указано в директиве, а на армии будет нажато. Сразу большого количества нет, это вам известно.

7. Реввоенсовет фронта еще раз приветствует всех героев Конармии и их руководителей и ожидает, что доблестная армия порадует Советскую Россию к новому году взятием Иловайская, Колпаково, создав тем самым непосредственную угрозу главному очагу черной своры — Ростову и Новочеркасску.

БУДЕННЫЙ: 1. Фураж, полагаю, прибудет в 1920 году, а к тому времени при таком фуражном питании, потере и усталости лошадей это приведет пешему строю Конармию.

2. Только что мне доложено о теплом обмундировании. Выяснилось, что до сего времени получены только телеграммы, а фактически обмундирование не обнаружено, включительно до Ряжска. Агенты поехали к вам Серпухов для выяснения по всем нарядам. Также в данный момент нет ни одного фунта сахару. Был запрос 1 декабря о высылке 1 800 пудов. Ответов никаких нет,

ВОРОШИЛОВ: 1. Уголь уже имеется, как я сказал, до 100 000 пудов, но его нужно грузить. Для этого необходимо направить в наше распоряжение побольше дельных технических работников. На первый раз приложим все усилия, чтобы послать Курск 2 состава с углем.

2. 9 и 12-я стрелковые дивизии добросовестно и с большой пользой выполняют все наши задания. 9-я дивизия в боях под нашим руководством оправдала возложенную на нее надежду. Между прочим, ею взято несколько пулеметов, 2 орудия, пленные. Доблестный комбриг 1, 9 стрелковой т. Агатонович со своей бригадой не отстает от наших кавчастей ни на шаг. Считаю крайне важным оставление обеих дивизий в нашем распоряжении.

3. За патроны большое спасибо. Однако просьба, чтобы их кратчайший срок доставить наше распоряжение» [1].

Комментировать этот разговор по прямому проводу нет надобности. Следует лишь остановиться на затронутом в нем вопросе об использовании 9-й и 12-й стрелковых дивизий, приданных Первой Конной армии. Посаженные на конные повозки, части этих стрелковых дивизий получили подвижность и успешно взаимодействовали с кавалерией, сковывая противника в нужном направлении и тем самым открывая широкие возможности кавалерии наносить внезапные удары во фланг и тыл врага. Они служили осью маневра кавалерии и являлись как бы прообразом современных моторизованных соединений.

Приданные Конармии стрелковые дивизии отличались не только подвижностью, но и какой-то особой собранностью, подтянутостью, твердой уверенностью в боевом успехе. Они стойко сражались с конницей противника, так как чувствовали надежную опору и поддержку со стороны своей конницы. Они знали, что части Конной армии всегда рядом с ними — впереди, либо на флангах, что они в нужную минуту придут на помощь.

Успешные атаки кавалерийских частей поднимали боевой дух пехотинцев, и они, несмотря на то, что были почти разуты (многие, не имея обуви, обертывали ноги тряпьем — и это в мороз), безропотно шли вперед, стремясь не ударить лицом в грязь перед своими боевыми товарищами-кавалеристами.

---

[1] ЦГАКА, ф. 102, д. 599, ч. 1, лл. 1—14, телеграфная запись.

Смелыми, знающими свое дело командирами показали себя начдив 9-й стрелковой дивизии Солодухин и начдив 12-й стрелковой дивизии Рева. Но особую роль в успешных действиях стрелковых частей и подразделений играли командиры и комиссары полков и батальонов. В стужу, когда бушевала метель, осенью и весной, когда лежала непролазная грязь и моросили холодные изнуряющие дожди, шли они вперед, увлекая за собой разутых, плохо одетых и полуголодных бойцов, первыми бросались в атаку на врага. В числе этих самоотверженных воинов революции был и комиссар 2-го батальона 74-го стрелкового полка 9-й дивизии Никита Сергеевич Хрущев.

Вопрос об использовании 9-й и 12-й дивизий был затронут Реввоенсоветом Южного фронта не только потому, что Реввоенсовет интересовало, как они участвуют в боях (это можно было бы подробно узнать из оперативных сводок и копий боевых приказов, посылаемых в штаб фронта), а потому еще, и главным образом потому, что командующие 8-й и 13-й армиями настойчиво просили фронт вернуть им эти дивизии. Особенно настаивал на этом командующий 8-й армией Сокольников. Требуя от командования фронтом возвращения армии 12-й стрелковой дивизии, Сокольников мотивировал это тем, что дивизия необходима ему для использования в операции по захвату района станции Лихая. Он считал, что наступление 8-й армии в направлении станции Лихой важнее удара Конной армии через Донбасс на Ростов, и утверждал, что лобовой удар, который мы наносим противнику, приведет не к разобщению белогвардейских армий, а к тому, что Конармия будет разбита вместе с приданными ей стрелковыми дивизиями.

После разговора по прямому проводу Реввоенсовета Южного фронта с Реввоенсоветом Первой Конной армии командующий южным фронтом Егоров сообщил командующему 8-й армии Сокольникову следующее:

«...Наступление ударной группы т. Буденного отнюдь не носит лобового характера. Если соседними армиями будут прикованы к себе находящиеся против них силы противника, то маневр т. Буденного может привести именно к разобщению частей Донской армии от «Добровольческой», главные силы которой до сего времени действуют к западу от меридиана Попасная, Таганрог.

Ввиду изложенного дать согласие на снятие с фронта ударной группы т. Буденного 12-й дивизии не могу. Эта дивизия уже втянута в боевые действия названной группы и в настоящее время выдвигается на южный берег р. Северный Донец»[1].

4

Попытки противника приостановить продвижение Конармии, несмотря на все принятые им чрезвычайные меры, не увенчались успехом. Конармия громила и отбрасывала все выдвигаемые против нее конные и пехотные части врага и своим упорным продвижением вперед способствовала наступлению всех советских войск Южного фронта.

Население, и особенно рабочие и крестьянская беднота, восторженно встречали наши войска. Люди приглашали бойцов в дома, кормили, обогревали, одевали и обували своих освободителей. В армию потоком шли добровольцы.

Материальная и моральная поддержка со стороны населения крепила наступательный дух Конармии. Все ее бойцы и командиры горели единым желанием — быстрее освободить Донбасс, чтобы приступить к освобождению своих родных мест — станиц, сел и хуторов Дона, Ставрополья, Кубани.

Деникинская армия в процессе своего отступления все более разлагалась. Белогвардейские офицеры уже теряли власть над солдатами, и все чаще были случаи, когда, охваченные страхом, они бежали, бросая на произвол подчиненные им подразделения и части. Солдаты, насильно мобилизованные деникинцами, при первой возможности сдавались в плен и тут же просили их зачислить в Красную Армию, либо прятались в шахтах, в лесах и оврагах, селах и хуторах. Однако у деникинского командования были еще надежные войска, и оно предпринимало отчаянные попытки закрепиться в Донецком бассейне, чтобы не допустить разъединения своих армий — «Добровольческой» и Донской, которое в конечном итоге неизбежно должно было привести к краху всех контрреволюционных сил юга России. Ко всему этому белогвардейское руководство не могло не понимать, что потеря донецкого угля подорвала бы экономику на Се-

---

[1] ЦГАКА, ф. 100, оп. 2, д. 13/с, л. 236—237. Телеграфная лента.

верном Кавказе и в других промышленных районах юга России, в частности парализовала бы работу и без того слабого железнодорожного транспорта.

Для защиты Донбасса Деникин собрал крупную группировку войск — три кавалерийских корпуса, две свежие пехотные дивизии и пять бронепоездов. Главные силы этой группировки были сосредоточены в районе Бахмута с целью нанести контрудар по Первой Конной армии и отбросить ее за Северный Донец. В дальнейшем белогвардейское командование рассчитывало занять оборону в Донбассе по рубежам: Бахмут — Попасная, Горловка — Дебальцево, Иловайская — ст. Алексеево-Леоново.

К 23 декабря на фронте 8-й, 13-й армий и ударной группы Южфронта (Конармии) сложилась следующая обстановка.

Противник, прикрываясь сильными арьергардами и бронепоездами, отходил в южном и юго-западном направлениях.

Части Конармии, форсировав Северный Донец, вышли на фронт Драновка, Лисичанск, Мирная Долина, Нижнее (на Северном Донце).

Правофланговые части 8-й армии заняли рубеж Чабановка, Спеваковка, Денежниково. Конные части этой армии двигались на Райгородок.

Части 13-й армии вышли на фронт Проталовка (25 километров северо-восточнее Изюма), Андреевка, Шурово.

Исходя из сложившейся обстановки, Реввоенсовет Конармии принял решение — сковать противника наступлением с фронта силами 9-й и 12-й стрелковых дивизий, а 11-й и 6-й кавдивизиям нанести фланговые удары по противнику в районе Бахмут (Артемовск), Попасная и овладеть этими пунктами. Для развития успеха и для парирования возможных контрударов противника в резерв ударной группы выделялась 4-я кавалерийская дивизия (схема 11).

Бронепоезда должны были выйти на станцию Попасная, откуда действовать в трех направлениях: Попасная— Бахмут; Попасная — Горловка; Попасная — Дебальцево.

25 декабря части Конармии перешли в наступление на Бахмут, Попасная. В этот же день белогвардейцы, закончив перегруппировку своих войск, перешли в

контрнаступление из района Никифоровка, Федоровка в общем направлении на Радионовку, Яму. В результате к северу от Бахмута произошел встречный бой 11-й кавалерийской и 9-й стрелковой дивизий с конной группой генерала Улагая и 2-й пехотной дивизией белых. Бой затянулся до позднего вечера. Основные усилия белогвардейцев были направлены на 9-ю стрелковую дивизию. Однако наша пехота успешно отбила все атаки противника.

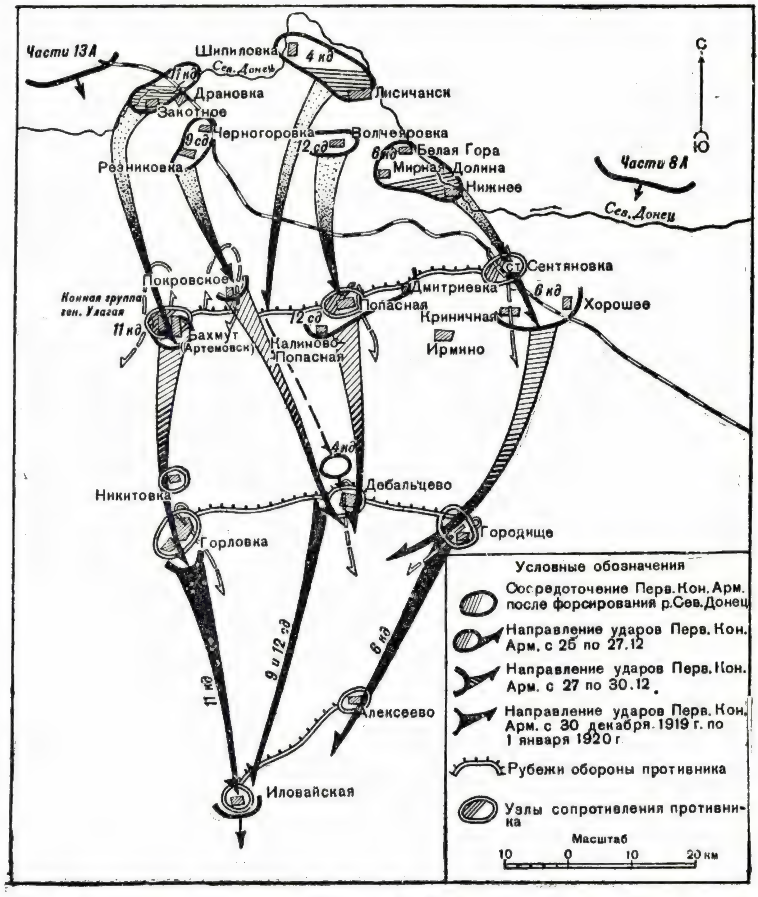

Схема 11. Боевые действия Первой Конной армии в Донбасской операции войск Южного фронта.

На исход боя в этом районе решающее влияние оказал смелый маневр 4-й кавалерийской дивизии. Городовиков к утру 26 декабря вывел свою дивизию в район Михайловка, Ореховка и тем самым создал угрозу правому флангу и тылу бахмутской группировки белых, наступавшей против 11-й кавалерийской и 9-й стрелковой дивизий. Вклинившись глубоко в расположение белых и разорвав их фронт на две части, 4-я дивизия создала реальную угрозу окружения белых. Поэтому противник 26 декабря начал поспешный отход на юг. При отходе части 2-й пехотной дивизии белых попали в районе Брянцевки под фланговый удар 2-й кавбригады 4-й дивизии, и в результате его Черноморский полк пехотной дивизии белых, насчитывавший полторы тысячи штыков, был почти полностью уничтожен. Остатки 2-й пехотной дивизии деникинцев в панике бежали на Никитовку. Туда же под ударами 11-й кавалерийской дивизии отступили Кубанская и Терская казачьи дивизии корпуса генерала Шкуро. Преследуя противника, 11-я кавалерийская дивизия в 10 часов 27 декабря овладела Бахмутом, выбив из города вместе с отступавшими частями белых и находившуюся там Марковскую офицерскую пехотную дивизию.

Части 9-й стрелковой дивизии вышли к этому времени в район Покровского.

12-я стрелковая дивизия 25 и 26 декабря вела упорные бои, настойчиво продвигаясь с помощью бронепоездов в направлении Попасной. Опрокинув на своем пути части 2-го Кубанского корпуса, дивизия к вечеру 26 декабря вышла в район Попасная, Калиново-Попасная, Дмитриевка. В то же время 6-я кавалерийская дивизия отбросила 4-й Донской конный корпус белых и достигла линии Криничная, Хорошее.

К 27 декабря Первая Конная армия, выиграв сражение в северной части Донецкого бассейна, прочно овладела рубежом Бахмут — Попасная, первым рубежом сопротивления белых в Донбассе.

Потерпев поражение на линии Бахмут — Попасная, деникинцы пытались организовать сопротивление на железнодорожной линии Горловка — Дебальцево. Перегруппировав свои силы, белые готовили контрудар против левого фланга Конармии, войска которой к этому времени

вышли на линию Луганское — Екатериновка — Степановка — Лозовка.

Реввоенсовет Первой Конной армии решил нанести одновременный удар по станциям Горловка и Дебальцево. В соответствии с этим решением были поставлены задачи: 11-й кавалерийской дивизии с бронепоездами — 29 декабря овладеть Горловкой, в дальнейшем наступать на Иловайскую; 9-й и 12-й стрелковым дивизиям — решительными и быстрыми действиями овладеть Дебальцево и в дальнейшем развивать наступление в направлении Иловайской; 6-й кавалерийской дивизии — ускорить наступление в южном направлении, охватывая белых в районе Дебальцево с востока; 4-й кавалерийской дивизии — выдвинуться в район Ново-Павловка (Вознесенское) и находиться в армейском резерве.

Охватывающее движение 6-й дивизии с востока и решительное наступление стрелковых частей с фронта быстро решили участь Дебальцево. 29 декабря белые были выбиты оттуда.

Успешные действия в направлении Дебальцева быстро сказались и на развитии наступления в направлении станции Горловки. 11-я кавалерийская дивизия с частями 9-й стрелковой дивизии, сломив сопротивление белогвардейцев, 30 декабря овладела Горловкой и Никитовкой.

Несмотря на усталость и плохую погоду, дивизии ударной группы продолжали развивать успех. 31 декабря 6-я кавалерийская дивизия вышла в район Алексеево, отрезав путь отступления Марковской офицерской пехотной дивизии. В результате ожесточенного боя три марковских полка были почти полностью разгромлены.

11-я кавалерийская и 9-я стрелковая дивизии при поддержке бронепоездов развивали наступление от Горловки и к 1 января 1920 года овладели станцией Иловайской и районом Амвросиевки. При этом была наголову разбита Черкасская дивизия белых.

Остатки разгромленной группы белогвардейцев бежали частью в юго-западном, частью в юго-восточном направлении.

Таким образом, очередная попытка белых задержать стремительное наступление Первой Конной армии в Донбассе потерпела полный провал. К 1 января 1920 года Донбасс был полностью освобожден от деникинцев.

В боях за Донбасс Конармия совместно с приданными ей стрелковыми дивизиями нанесла противнику большие потери. Лишь с 25 по 31 декабря белые потеряли убитыми около трех тысяч и пленными пять тысяч человек. Было захвачено двадцать четыре орудия, сто семьдесят пулеметов, не менее десяти тысяч снарядов, около полмиллиона патронов, пять бронепоездов, полторы тысячи лошадей с седлами и много различного военного имущества.

Победа в Донбассе имела огромное политическое, экономическое и оперативно-стратегическое значение. Советская республика получила пролетарский Донбасс с его революционным рабочим населением и мощным источником топлива, в котором тогда ощущалась острейшая нужда. Для Конной армии, действовавшей в стыке Донской и Добровольческой армий белых, открылся кратчайший путь для наступления на Ростов, Таганрог с целью окончательного осуществления стратегического плана по разъединению деникинского фронта на две части.

Успеху Донбасской операции Первой Конной армии очень способствовало четкое взаимодействие ее кавалерийских дивизий с приданными ей стрелковыми соединениями. Опираясь на стрелковые соединения, которые своими активными действиями в центре фронта сковывали противника, кавалерийские дивизии совершали смелые и энергичные маневры для удара по флангам и тылам вражеской группировки, принуждая противника к бою в невыгодных для него условиях.

Гибкость и своевременность маневра в значительной степени достигались максимальным приближением командования к войскам. Реввоенсовет армии с полевым штабом (оперативной группой) находился все время с передовыми частями.

Огромное значение для успешного исхода боев за Донбасс имело также горячее сочувствие и поддержка, которую оказывали нашим войскам трудящиеся Донбасса.

Через местных жителей мы знали о противнике буквально все и благодаря этому своевременно разгадывали его намерения. Удачные обходы флангов противника в густонаселенном Донбассе были бы трудно осуществимы без наших друзей-крестьян и шахтеров. Особенно велика была помощь, которую оказывали нам подпольные пар-

тийные и советские организации Донбасса, а также хотя и мелкие, но тесно связанные с населением партизанские группы.

В то время как буржуазия, бежавшая через Донбасс на юг, сеяла панику среди белых войск, трудящиеся Донецкого бассейна своей радостной встречей и поддержкой частей Конармии необычайно поднимали их боевой дух.

★

XIII. В БОЯХ ЗА РОСТОВ

1

Наступил новый 1920 год — год великих побед советского народа.

1 января Щаденко и я выехали в передовые части дивизий для уточнения обстановки, чтобы Реввоенсовет мог организовать более целеустремленное преследование противника, разбитого в Донбассе, а Климент Ефремович, как знаток Донбасса, остался в штабе армии за работой по подготовке новогоднего поздравления конармейцам и воззвания к рабочим Донецкого бассейна. Он хотел сделать это накануне, но обстановка не позволила: все время приходилось быть в войсках, непосредственно руководить ходом боев.

Побывав в 11-й кавалерийской и 9-й стрелковой дивизиях, мы с Щаденко разъехались. Щаденко отправился в 4-ю кавалерийскую дивизию, чтобы сообщить начдиву о выводе дивизии в армейский резерв, а я поехал в штаб 6-й кавалерийской дивизии, расположившейся в Колпаковке. В Колпаковке меня встретил Тимошенко и доложил, что передовые части дивизии, преследуя отходящего противника, заняли Успенскую.

Остаток дня я провел в 6-й дивизии, изучая донесения разведки полков, чтобы определить главное направление отхода противника и в соответствии с этим наметить дальнейшие действия Конармии. Из донесений было видно, что значительная часть противника, выбитого из Донбасса, отступала на Таганрог. Тимошенко доложил, что в этом направлении передовые части 6-й дивизии находятся в постоянном соприкосновении с противником, который отходит более или менее организованно, что же касается направления на Ростов, то там белые бегут па-

нически и так быстро, что разведка дивизии не успевает за ними.

Я приказал Тимошенко выдвинуть части в Матвеев Курган и точно определить группировку противника, отступающего на Таганрог, а в направлении Ростова вести усиленную разведку, стремясь установить связь с частями 8-й армии.

Лишь к утру 2 января я вернулся в полевой штаб Конармии, располагавшийся в Чистяково. Климент Ефремович встретил меня упреком за долгое отсутствие и сразу же забросал вопросами о положении на фронте. Я подробно информировал его и поинтересовался, как у него обстоит дело с новогодним приветствием и воззванием.

— Давно готовы, — ответил Климент Ефремович. — Мы с Ефимом Афанасьевичем ждали вас еще вчера к вечеру, чтобы подписать эти документы, а вы, голубчик, вы когда явились? Этак мы будем поздравлять с Новым годом, когда он станет старым. Вот слушайте: «Этот год будет историческим годом, в котором Конная армия, наносящая врагу смертельный удар, покроет себя неувядаемой славой, неся с собой по пути страх и трепет врагам и мир и счастье трудовому рабоче-крестьянскому люду...»

— Ну как? — спросил Ворошилов, откладывая приветствие.

— По-моему, хорошо.

— А теперь слушайте... — И он прочитал воззвание. — «Товарищи рабочие!

Победоносная Красная Конная армия приветствует вас, рабочих Донецкого бассейна, с освобождением от власти проклятого Деникина и его своры: капиталистов, помещиков и генералов.

Красная Конная армия приветствует вас, положивших столько сил и жизней в нашей священной борьбе за свои права, за социализм.

Нашими общими усилиями сломлен, наконец, враг.

Наша армия, проникнутая ярким сознанием правоты и необходимости борьбы, сплоченная единой могучей волей к победе, добивает издыхающего пса мировой контрреволюции — Деникина.

Мы уверены, что никогда уже больше хищные лапы капиталистов не коснутся нашего пролетарского достоя-

ния — Донецкого бассейна, что никогда больше не обагрятся рабочей кровью наши рудники и заводы.

Вы пережили, товарищи, страшное тяжелое время, когда деникинская свора, сильная поддержкой Антанты — ее золотом, оружием; сильная поддержкой всех врагов трудового народа, поражала наши полки, угнетала вас на рудниках и заводах.

Тогда Деникин собрал все свои силы: золотопогонное офицерство, барских сынков и обманутое трудовое казачество Дона и Кубани и всей силой обрушился на Красную нашу армию.

Мы принуждены были отступить, оставить все, чтобы сплотиться, создать мощную пролетарскую силу. Мы это сделали.

Теперь Красная Армия сильна, как никогда: на поражениях она научилась побеждать; грозившая опасность всколыхнула всю Рабоче-Крестьянскую Республику. Все встали на защиту от врага, несущего насилие и цепи.

Теперь, как никогда, сильна Советская Республика; она сотрет с лица земли всех своих врагов.

Никогда и ни за что белогвардейцам не устоять, не спастись от нашего могучего пролетарского натиска.

Хотя нам приходится вести борьбу при труднейших условиях, при разрушенном пятилетней войной хозяйстве страны, при недостатке хлеба, топлива и пр., но рабочие и крестьяне России прилагают героические усилия, и каждый день приближает нас к победе.

Реввоенсовет 1-й Конной армии от имени Красной Армии призывает вас напрячь все силы для содействия в достижении победы.

Помните: тот уголь, который Вы добываете, возродит нашу промышленность, вы должны дать его в достаточном количестве, чтобы все наши заводы, фабрики и железные дороги пошли полным ходом, чтобы быстрее наладилось наше пролетарское коммунистическое хозяйство.

Пролетариат России смотрит на ваш Донецкий бассейн с надеждой и уверенностью, что он поможет драгоценным углем нашей промышленности.

Эту надежду вы оправдаете в полной мере.

Знайте: наше дело — правое; победа коммунизма неминуема, как восход солнца после долгой черной ночи.

Во имя нашего же рабочего блага будем работать не покладая рук.

Да сгинет рабство, угнетение и власть капиталистов!

Да здравствует Красная Армия — освободительница угнетенных!

Да здравствует мировая пролетарская революция!»[1]

— Ну, держись, контра. Это еще цветочки... — возбужденно проговорил я, поставив свою подпись на воззвании. — Но вот что, Климент Ефремович, Ефим Афанасьевич поехали в дивизии, поднажмем... Только, мне кажется, надо бы уточнить задачу.

— А что же уточнять, — сказал Щаденко. — Дело ясное — бить на Таганрог. А из Таганрога уже уточним, куда наступать — на Северный Кавказ или на Украину.

— Уточнить, конечно, следовало бы, но как? Связи с Реввоенсоветом фронта по-прежнему нет, — сказал Климент Ефремович. — Я поручил начальнику связи наладить связь хотя бы со штабом 13-й или 8-й армий. И этого пока добиться не могут. Ругать их излишне... Все разрушено... Белые проявили себя в Донбассе как самые грязные бандиты, бесцельно превращая все в груды развалин.

— А у меня все-таки создается впечатление, что белым на Таганрог идти незачем. Будет больше смысла им удерживать Ростов, — сказал я.

— Возможно, Семен Михайлович, это и так, но я считаю, что удар на Таганрог нанести надо. Все-таки Таганрог крупный портовый город, через который белые снабжаются. Надо прихлопнуть эти воротца Антанты, но главное с выходом к Азовскому морю стратегическая задача по разъединению армий Деникина будет до конца выполнена, — развивал свое мнение Щаденко.

— Давайте сделаем так, — предложил Ворошилов. — Отдадим приказ на преследование противника в таганрогском направлении и выедем на фронт. Там, на месте, мы и увидим, куда нанести главный удар — по Таганрогу или по Ростову.

На этом предложении Климента Ефремовича и согласились; вызвали начальника полештарма Степана Андреевича Зотова и составили приказ.

Конармии ставилась задача — не давать противнику опомниться от поражения в Донбассе, преследовать его и в кратчайший срок овладеть Таганрогом.

---

[1] ЦГАКА, ф. 11928, оп. 2, д. 24, лл. 79—80.

9-я стрелковая и 11-я кавалерийская дивизии, согласно приказу, наступали на правом фланге армии в общем направлении на Анастасьевку и Таганрог; 6-я кавалерийская и 12-я стрелковая дивизии преследовали противника перед центром армии с задачей выйти на линию Бол. Кирсановка, Лысогорская. На левом фланге армии в район Миллеров, Тузловский и далее на Аграфеновку выходила 4-я кавалерийская дивизия. Бронепоездам приказывалось действовать по железной дороге в направлении Таганрога.

Разослав приказ по дивизиям, мы с Климентом Ефремовичем направились в 6-ю дивизию, а Щаденко поехал в 9-ю стрелковую и 11-ю кавалерийскую дивизии.

Вначале дивизии действовали в указанных им направлениях, но в дальнейшем, по мере поступления новых данных о противнике, направления действий дивизий уточнялись.

Было установлено, что противник подготовил в инженерном отношении для длительной обороны рубежи на реках Самбек, Тузлов и Грушевка. На этих рубежах белогвардейцы сосредоточили несколько тысяч штыков пехоты, усиленной артиллерией, танками, бронепоездами, бронеавтомобилями. На этой же линии, главным образом в районе Большие Салы, Несветай, Генеральский Мост, была сосредоточена ударная группа конницы белых, состоящая из частей корпусов Мамонтова, Науменко, Топоркова, Барбовича.

Белогвардейское командование было уверено в прочности обороны Новочеркасска и Ростова, рекламировало ее как неприступную. Печать деникинцев хвастливо заявляла, что если Царицын пришлось сдать по стратегическим соображениям, то Ростов и Новочеркасск белые армии будут защищать до последней капли крови и никогда не оставят их.

Уточнив данные о группировке сил противника, мы пришли к выводу, что наносить главный удар на Таганрог нецелесообразно. Обстановка властно требовала нанести удар главными силами на Ростов.

6 января Реввоенсовет Конармии отдал приказ на овладение Ростовом-на-Дону.

В соответствии с этим дивизиям были поставлены задачи: 12-й стрелковой дивизии 7 января выйти на линию Донец (15 километров северо-западнее Ростова), Мокрый

Чалтырь, Султан-Салы и 8 января во взаимодействии с 6-й кавалерийской дивизией овладеть Ростовом; 6-й кавалерийской дивизии 7 января занять Большие Салы, Несветай, Генеральский Мост и 8 января во взаимодействии с 4-й кавалерийской и 12-й стрелковой дивизиями овладеть Ростовом, стараясь в целости захватить железнодорожный мост через Дон; 4-й кавалерийской дивизии 7 января занять Константиновский, Юдин, Серафимов, Волошино (Ольгинский) и 8 января, во взаимодействии с 6-й дивизией овладеть городом Нахичевань, станцией Аксайской и захватить в целости плавучий мост через Дон против станицы Ольгинской; 11-й кавалерийской дивизии сосредоточиться в Кирпичево — Александровском, составляя армейский резерв.

9-й стрелковой дивизии приказывалось занять и упорно оборонять Покровское, станцию Бессергеновку и Таганрог.

Щаденко, руководившему наступлением 11-й кавалерийской и 9-й стрелковой дивизий, было послано распоряжение, в котором указывалось, что один бронепоезд должен остаться в Таганроге для действий с 9-й дивизией, а остальные бронепоезда должны курсировать на участке Синявка — Ростов, способствуя соединениям ударной группы овладеть Ростовом.

К вечеру 6 января, когда мы с Ворошиловым были в Матвеевом Кургане, где находился полештарм, поступило донесение, что частями 9-й стрелковой дивизии при содействии 11-й кавалерийской дивизии занят Таганрог и захвачено много трофеев.

Большую помощь в овладении Таганрогом оказало местное население, особенно рабочие под руководством подпольного комитета РКП(б) в составе Наливайко, Москатова, Карагодской, Фалина, Головина и Ларина.

2

В 7 часов 7 января дивизии Конармии, составляющие ударную группу, приступили к выполнению поставленных им задач.

Мы с Климентом Ефремовичем опять выехали из полештарма в 6-ю кавалерийскую дивизию для руководства наступлением на Ростов. Погода с утра испортилась. Началась метель. По пути в штаб 6-й дивизии мы неожиданно столкнулись с 1-й бригадой этой дивизии, которая,

отойдя с фронта, расположилась в хуторе Ниж. Тузловском. Командир бригады Книга доложил нам, что при наступлении бригада столкнулась с превосходящими силами противника, потеряла два орудия и отошла. Потеря артиллерии для частей Конармии была редким явлением.

— Как навалились на нас — ну никак не повернемся, — добавил Книга.

— А где штаб дивизии? — спросил я Книгу.

— Связь утеряна,— ответил он,— и мы действуем по своей инициативе.

Тотчас же 1-я бригада была построена по тревоге и, перейдя в наступление, заняла местечко Чистополье.

При наступлении на Чистополье бригада Книги подобрала брошенные ею два орудия и захватила у противника еще две пушки.

Когда мы разыскали штаб 6-й дивизии и разобрались в обстановке, то оказалось, что 6-я дивизия получила боевой приказ с запозданием, вследствие чего не успела организовать взаимодействие с 4-й дивизией.

Левофланговые части дивизии, в частности бригада Книги, неожиданно для себя обнаружили на своем фланге крупные силы конницы. Это были части 4-й дивизии и кавгруппы 33-й стрелковой дивизии 8-й армии. Но в снежной пурге бригада Книги приняла своих за противника и при незначительном нажиме белых с фронта, опасаясь окружения, отошла.

Вскоре 6-я дивизия, взаимодействуя с 4-й дивизией, перешла в наступление и завязала бой с противником в районе Генеральского Моста.

Сосредоточив тут крупные силы кавалерии, белые оказывали ожесточенное сопротивление. К вечеру 7 января силами до трех тысяч сабель из района Генеральского Моста противник перешел в контрнаступление и атаковал 6-ю дивизию, но, понеся большие потери, начал откатываться на исходные рубежи. 6-я дивизия, отбросив белых, приготовилась к решительному удару на Генеральский Мост, но неожиданно на фланге дивизии появилась другая группа противника численностью в две тысячи сабель. Объединив свои силы, белогвардейцы вновь перешли в контратаку. Закипел жестокий бой, длившийся до полной темноты. Несмотря на превосходство сил противника, 6-я кавалерийская дивизия упорно дралась, не отступая ни на шаг. Ночью бой прекратился, а потом белые опять

начали наступление. Перейдя в контратаку, 6-я дивизия нанесла противнику большие потери, отбросила его к Генеральскому Мосту и расположилась в районе Чистополье.

4-я кавалерийская дивизия с утра 7 января выдвигалась в указанные ей пункты и к вечеру сосредоточилась в Волошино; 9-я стрелковая дивизия оставалась в Таганроге; 11-я кавалерийская дивизия, продвигаясь в район сосредоточения армейского резерва (Кирпичево—Александровский), вышла к Матвееву Кургану; 12-я стрелковая дивизия, продвигаясь в район Крым, Султан-Салы, во взаимодействии с бронепоездами вела бой за станцию Синявку (схема 12).

В этот день 15-я и 16-я стрелковые дивизии 8-й армии, наступавшие в ростовском направлении по дороге Аграфеновка — Нахичевань, подверглись нападению с левого фланга кавалерийской группы противника. В результате боя обе эти дивизии понесли значительные потери и отступили за район расположения 4-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии.

Деникинское командование широко использовало этот свой частичный успех для того, чтобы прекратить поднявшуюся в Ростове среди белых панику. На другой день в Ростове было опубликовано воззвание с призывом к спокойствию. В воззвании сообщалось, что части Красной Армии не только остановлены, но и отброшены от Ростова более чем на сто километров. Белые возликовали, но их ожидало горькое разочарование.

Решающие бои на подступах к Ростову начались 8 января.

Белые, вероятно предполагая, что поражение, нанесенное ими 15-й и 16-й стрелковым дивизиям, обеспечило их безопасность с севера, в ночь с 7 на 8 января сосредоточили почти все свои силы пехоты в районе Генеральский Мост, Султан-Салы и перешли в наступление, рассчитывая нанести удар Конармии в направлении станицы Большекрепинской.

Утром 8 января между противником и 6-й кавалерийской дивизией, тесно взаимодействующей с 33-й стрелковой дивизией Левандовского, начался упорный встречный бой, длившийся почти двенадцать часов. Бурные контратаки 6-й дивизии и стрелковых полков 33-й дивизии сло-

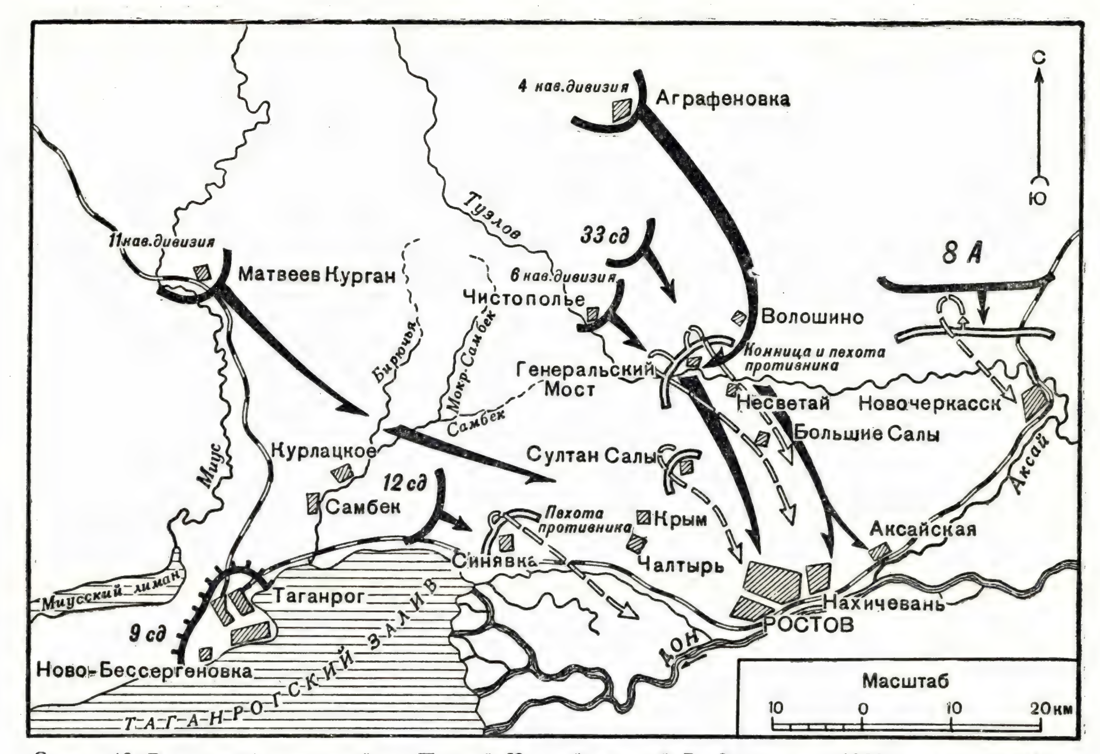

Схема 12. Разгром белогвардейцев Первой Конной армией 7—8 января 1920 года в районе Генеральский Мост и овладение Ростовом.

мили упорство белогвардейцев и принудили их перейти к обороне.

В это время 4-я кавалерийская дивизия, наступавшая вдоль дороги Аграфеновка—Нахичевань, почти беспрепятственно вышла в район хутора Ольгинский (Волошино) и, круто повернув на запад, нанесла сокрушительный удар по флангу и тылу противника в районе Генеральский Мост, Несветай.

Белые, втянутые в бой с 6-й кавалерийской и 33-й стрелковой дивизиями, неожиданно обнаружив в своем тылу 4-ю кавалерийскую дивизию, бросились в бегство на Большие Салы и Султан-Салы, но, атакованные со всех сторон, совершенно растерялись и стали сдаваться в плен.

В это время конница генерала Мамонтова стояла восточнее Большие Салы и только наблюдала, как Конармия громит пехоту белых. Не сделав никакой попытки выручить свою попавшую в беду пехоту, части Мамонтова повернули на восток и ушли в направлении Аксайской, а затем переправились через Дон и расположились в станице Ольгинской. Попавший в плен белогвардейский полковник, командир Дроздовской пехотной дивизии, показал, что когда его дивизия оказалась в тяжелом положении, он обратился за помощью к Мамонтову, но тот заявил:

«Я все вижу. Помогать вам поздно. Мертвому припарки не помогут. Я должен уходить, так как на Дону лед не прочный и кидаться ошалело на него я не могу».

Нашему успеху в этом бою очень помогли пулеметчики автоотряда имени Свердлова под командованием Аргира и автоброневики под командованием Войткевича. Они действовали впереди наших кавалерийских частей, перехватывая отступающие колонны белых и уничтожая их огнем при малейших попытках к сопротивлению.

Сыграл свою роль также выход 11-й кавалерийской дивизии в район Чалтырь, Крым и охват этой дивизией левого фланга противника.

Бой в районе Генеральский Мост, Несветай, Большие Салы решил исход Ростовской операции Первой Конной армии.

Вечером 8 января 4-я кавалерийская дивизия заняла Нахичевань, а 6-я кавалерийская дивизия ворвалась в Ростов.

Считая оборону на подступах к Ростову непробиваемым щитом, белогвардейское командование не подготовило оборонительных рубежей непосредственно на окраинах и в центре города. Поэтому 6-я кавалерийская дивизия ворвалась в Ростов совершенно беспрепятственно. Появление на улицах Ростова красной конницы было полной неожиданностью для белых, спокойно справлявших в эту ночь праздник рождества: ведь деникинское командование только что объявило, что красные отброшены от Ростова на сто километров.

Вот несколько картинок жизни в Ростове в ночь с 8 на 9 января. В трамвае едет группа белых офицеров. Они навеселе, рассказывают анекдоты. Вдруг на подножку вагонов вскакивают наши бойцы и выбрасывают офицеров из трамвая...

— В чем дело?! Какая наглость! — возмущаются офицеры. Один из них пытается ударить перчаткой по лицу нашего бойца, но другие уже догадываются, что они имеют дело с красными, и поднимают руки вверх...

В зале богатого особняка дамы и офицеры, чопорно раскланиваясь, танцуют мазурку, не подозревая, что рядом в столовой за накрытым столом уже располагаются конармейцы.

В другом особняке конармейцы застают офицеров за праздничной трапезой. Офицеры отбиваются кто чем может: кто оружием, кто бутылками и тарелками.

В гостинице «Палас-Отель» несколько генералов, пытаясь улизнуть от наших бойцов, забиваются в кабину лифта.

«Сюда нельзя, здесь господа офицеры живут» — так отвечали хозяева домов квартирьерам 6-й кавалерийской дивизии. В одном доме хозяйка не пускала командира 34-го полка этой дивизии, заявляя, что ее дом занят господином генералом. И действительно командир 34-го полка застал в этом доме деникинского генерала, удобно расположившегося на диване в обществе своих молодых офицеров.

Командир 2-й бригады 6-й дивизии доносил, что захватил белогвардейский бронепоезд, находившийся в «совершенно мирном расположении духа». Командир 1-й бригады этой же дивизии Книга докладывал, что бойцы его бригады «тихо сняли охрану с железнодорожного моста».

Еще утром 9 января юркие, как воробьи, ростовские мальчишки пытались сбыть с рук вчерашние номера белогвардейских газет, где под рубрикой «Сообщения с фронта» достопочтенные господа извещались о победах белых к северу от Ростова.

В этот день в городе завязались уличные бои с белогвардейскими частями, выбитыми 4-й дивизией из Аксайской и Нахичевани, а также с различными блуждающими подразделениями.

С помощью 33-й стрелковой дивизии Левандовского, которая к утру 9 января вошла в Ростов, сопротивление белых было подавлено, и 10 января в городе не осталось войск противника.

11 января Реввоенсовет Конармии отправил следующее донесение Реввоенсовету Южного фронта и В. И. Ленину:

«Красной Конной армией 8 января 1920 г. в 20 часов взяты города Ростов и Нахичевань. Наша славная кавалерия уничтожила всю живую силу врага, защищавшую осиные гнезда дворянско-буржуазной контрреволюции. Взято в плен больше 10 000 белых солдат, 9 танков, 32 орудия, около 200 пулеметов, много винтовок и колоссальный обоз. Все эти трофеи взяты в результате кровопролитных боев. Противник настолько был разбит, что наше вступление в города не было даже замечено врагом и мы всю ночь с 8 на 9 января ликвидировали разного рода штабы и воинские учреждения белых. Утром 9 января в Ростове и Нахичевани завязался уличный бой, длившийся весь день.

10 января города совершенно очищены и враг отогнан за Батайск и Гнилоаксайскую. Только страшные туманы и дожди помешали преследовать врага и дали ему возможность уничтожить небольшие переправы через реку Койсуг у Батайска и через р. Дон у Аксайской. Переправы через р. Дон и железнодорожный мост в Ростове целы.

В Ростове Реввоенсоветом Конной образован Ревком и назначен начгарнизона и комендант. В городе масса разных интендантских и иных складов, переполненных всяческим имуществом. Все берется на учет и охраняется.

Сегодня, 11 января, был смотр двум кавдивизиям, где присутствовало много рабочих Ростова и Нахичевани во главе с подпольной организацией коммунистов. Провоз-

глашены приветствия Красной Армии, Советской республике и вождям Коммунистической революции.

Реввоенсовет Конной от имени Конармии поздравляет Вас со славной победой и от всей души провозглашает громовое «ура» за наших вождей.

Да здравствует великая Красная Армия!

Да здравствует окончательная победа коммунизма!

Да здравствует мировая Советская власть!»[1].

Освобождением Таганрога и Ростова завершилось стратегическое разъединение деникинского фронта на две части.

Это была выдающаяся победа советских войск, победа, поставившая армию Деникина перед катастрофой.

Реввоенсовет Южного фронта по случаю освобождения Ростова прислал Реввоенсовету Конармии телеграмму, в которой говорилось:

«Беззаветное мужество и доблесть героев Конной армии вернули Советской России Ростов. Красное знамя развевается на стенах бывшего очага заклятых врагов русского трудового народа. Обнажаем головы перед могилами красных бойцов, павших в боях за уничтожение главного оплота южной контрреволюции. Братски жмем руку красным богатырям, несущим знамя освобождения Кавказу. Обнимаем товарищей Буденного, Ворошилова, Щаденко».[2]

3

После занятия Ростова и Таганрога Южный фронт был переименован в Юго-Западный, а Первая Конная армия передана в подчинение Юго-Восточного фронта.

10 января Реввоенсоветом Конармии была получена директива командующего Юго-Восточным фронтом от 9 января, в которой Первой Конной армии ставилась задача форсировать Дон на участке Батайск — Ольгинская и выйти на линию Ейск, Старо-Минская, Кущевская.

На основе этой директивы 10 января и был отдан приказ Конармии на преследование противника, но выполнение его было приостановлено в связи с оттепелью,

---

[1] ЦГАКА, ф. 246, оп. 4, д. 1060, л. 182.

[2] ЦГАКА, ф. 245, оп. 1, д. 9, л. 145.

Комиссар дивизии
А. В. Хрулев
(1920 г.)

Командир бригады
С. М. Патоличев
(1916 г.)

Конармейцы (под Майкопом, 1920 г.)

сильными туманами, ненадежностью льда и отсутствием достаточных для армии переправ через Дон.

1-я бригада 6-й кавалерийской дивизии, переправившаяся на левый берег Дона по железной дороге, вынуждена была вернуться назад, так как с наступлением оттепели и дождей болотистая местность на левом берегу Дона стала совершенно недоступной для кавалерии. На левом берегу, против Батайска, остались лишь два бронепоезда с небольшими подразделениями пехоты.

О причинах задержки наступления было послано донесение командующему фронтом Шорину. В нем говорилось:

«Части Конармии ведут рекогносцировку р. Дон, ввиду того что противником уничтожены все переправы на линии Нахичевань, Аксай. Осталась в целости переправа у Ростовского железнодорожного моста — плавучий мост, который годен для переправы всех родов войск. На р. Койсуг, что полторы версты севернее Батайска, переправы противником уничтожены и запружены автоброневиками и грузовиками. Все реки, как Дон, так и прилегающие к нему, покрыты льдом, который не держит не только кавалериста, но даже пехотинца. Кроме того, с 8 по 11 января 1920 года стоит очень сильный туман, который не позволяет совершенно развить наступление.

Даны указания мелкими частями конницы внезапно нападать на расположение противника. Приняты меры к исправлению мостов, уничтоженных противником, после чего будет приступлено к выполнению приказа по Конармии № 3» [1].

В ожидании указаний фронта Реввоенсовет Конармии приводил свои части в порядок и принимал меры по организации переправ через Дон. В частности наводилась большая переправа из местных средств (баркасов, катеров, лодок, бочек, бревен) в районе Нахичевани.

12 января в Ростов прибыл командующий 8-й армией Сокольников. В этот же день он собрал к себе на совещание начальников дивизий 8-й армии и пригласил также нас с Климентом Ефремовичем.

Открывая совещание, Сокольников заявил, что Ростов входит в полосу наступления 8-й армии, и, притворно улыбаясь, сказал, что он удивлен, как это Реввоенсовет

---

[1] Приказ на преследование противника от 10 января 1920 года.

Конной армии «не соизволил постучать, входя в чужой дом».

Я резко ответил Сокольникову, что Конармия заняла Ростов не по коммерческим соображениям, а исходя из общей задачи фронта, в интересах всей Красной Армии, в том числе и 8-й армии.

— Но есть же директива Реввоенсовета Южного фронта, — прервал меня Сокольников, — директива, которой определяются частные задачи армий. Согласно этой директиве Новочеркасск, Нахичевань, Ростов занимает 8-я армия, а ваша армия должна находиться в Таганроге и не врываться туда, куда не следует.

— Мы знакомы с директивой фронта от 3 января, кстати, доставленную нам с недопустимым запозданием по вашей вине, товарищ Сокольников [1],— сказал Климент Ефремович. — В этой директиве сказано, что 8-я армия должна занять Новочеркасск, Нахичевань и Ростов, а Первая Конная армия — Таганрог и Ростов.

— Следовательно, — добавил я, — Реввоенсовет Конармии вошел не в «чужой дом», а в свой. И если Конармия выбросила белогвардейцев из Ростова раньше, чем это могла сделать 8-я армия, то, видно, она лучше воевала.

Климент Ефремович сказал, что Реввоенсовет Конной армии считает свои действия правильными и не видит причин для претензий со стороны Реввоенсовета 8-й армии.

— В то время, когда вся страна радуется победе над белогвардейщиной под Ростовом, ваше недовольство Конармией по меньшей мере является странным, — добавил он.

Мы направились к выходу, а Сокольников нам вслед кричал, что он этого так не оставит, что он будет требовать, жаловаться, писать...

Когда мы вышли на улицу, Климент Ефремович упрекнул меня за резкий тон в разговоре с Сокольниковым.

— Каким же тоном говорить с такими людьми?! Видите ли, ему не нравится, что Ростов заняла Первая Кон-

[1] Доставка директивы Реввоенсовета Южфронта от 3 января 1920 г. Реввоенсовету Первой Конной армии возлагалась на командующих 8-й и 13-й армиями. Ни один из них своевременно не доставил указанной директивы в Конармию.

ная, а не 8-я армия. Учтите, Климент Ефремович: за недовольством Сокольникова кроется ненависть наших врагов, которые при каждом удобном и неудобном случае суют палки в колеса Конармии, стремятся принизить каждую ее победу. Кому это на пользу?..

— Ну, довольно бушевать, Семен Михайлович,— остановил меня Климент Ефремович. — Знаю, сейчас вспомнишь, что Конармию ничем не снабжают, что выздоравливающих конармейцев из госпиталей направляют в другие армии...

4

14 января состоялось заседание Реввоенсовета Конармии, посвященное предстоящему открытию 2-й партконференции армии. На заседании Реввоенсовета, а затем на партконференции армии был намечен план работы, которая должна была политически обеспечить выполнение дальнейших задач Конармии по окончательной ликвидации войск Деникина на Дону, Кубани и Северном Кавказе.

Укрывшись за Доном, деникинцы стали готовиться к упорной обороне на линии Азов, Койсуг, Батайск, Ольгинская, Манычская, используя выгодные для обороны рубежи рек Дон, Койсуг, Маныч. На фронте Азов, Батайск, Ольгинская деникинское командование сосредоточило свои главные силы — донские и кубанские конные корпуса, а также отдельные части Добровольческой армии, основная масса которой оказалась отрезанной на Украине.

Войска 8-й Красной армии к этому времени находились на правом берегу реки Аксай, от Нахичевани до Новочеркасска. Конная армия в основном была сосредоточена в Ростове и Нахичевани. В этих условиях командующий Юго-Восточным фронтом Шорин приказал начать выполнение ранее отданной им директивы. Согласно этой директиве Первая Конная армия должна была форсировать Дон на участке Батайск—Ольгинская, прорвать оборону противника и выйти на линию Ейск, Старо-Минская, Кущевская. 8-й армии приказывалось форсировать Дон в Ольгинском и Старочеркасском направлениях и выйти на линию Кущевская, Мечетинская.

Таким образом, Конармии предстояло нанести удар в лоб главным силам противника, сосредоточенным в Батайске и Ольгинской.

При оценке местности, положения и группировки противника мы пришли к выводу, что наносить удар на Батайск крайне нецелесообразно, так как Конная армия в этом случае попадет в очень невыгодные для себя условия.

Во-первых, наступлению на Батайск абсолютно неблагоприятствовала местность. При форсировании Дона Конная армия попадала в болотистую, даже в засуху труднопроходимую местность. К началу же боевых действий Конармии в этом районе поймы рек Дона и Койсуг, отделявшие нас от Ольгинской и Батайска, были затоплены водой и покрыты тонким льдом. К тому же артиллерия противника превращала эти топи в сплошное месиво грязи, льда и воды. Попытавшись наступать, мы не могли вытянуть за наступающими частями ни одной пушки, ни одной пулеметной тачанки. Конная армия лишалась своего главного качества — подвижности, лишалась маневра. Противник же, заняв выгодные рубежи обороны, имел возможность наносить нам контрудары сильными группировками в любом направлении.

Во-вторых, после длительного наступления подойдя к рубежам Дона и Маныча, 8, 9 и 10-я армии еще не успели перегруппировать свои силы и, следовательно, не могли поддержать Конармию активными действиями. Противник, не скованный соседними с нами армиями, имел полную возможность снимать свои войска с других участков фронта и создавать необходимую ему группировку сил против Конной армии.

Несмотря на очевидную нецелесообразность наступать на Батайск, мы вынуждены были выполнять директиву Шорина. 16 января был отдан боевой приказ Конармии на форсирование Дона и занятие Батайского плацдарма. Однако, начав 17 января наступление, Конармия даже в пешем строю не смогла развернуть в Батайских болотах свои части в боевой порядок, не смогла использовать ни артиллерии, ни пулеметов.

В этот день мы с Ворошиловым лично водили бойцов в атаки, несколько раз врывались на окраину станицы Ольгинская, но всякий раз наши атаки захлебывались в ураганном пулеметно-артиллерийском огне белогвардей-

цев. В одну из атак в направлении Батайска Ворошилов попал под сильный артиллерийский огонь противника. Целая очередь снарядов, обрушившаяся на атакующих, проломила лед, и Климент Ефремович вместе с лошадью оказался в воде. Бойцы под градом пуль помогли Ворошилову выбраться из воды и спасли его лошадь.

Не имея успеха, Конармия к ночи отошла в исходное положение.

Ночью мы обратились к командующему фронтом Шорину с просьбой либо отменить директиву о наступлении на Батайск, либо решительно поддержать Конармию наступлением частей других армий. Шорин отказался отменить свою директиву, но обещал дать указание о наступлении правофланговых дивизий 8-й армии.

С утра 18 января части Конармии снова форсировали Дон и пошли в наступление. В направлении Батайска наступали 12-я стрелковая и 6-я кавалерийская дивизии. Они весь день, при активной поддержке бронепоездов, вели тяжелые бои, но успеха не имели. По Нахичеваньской переправе перешли 4-я и 11-я кавалерийские дивизии. Совместными усилиями эти соединения при поддержке правофланговой 16-й стрелковой дивизии 8-й армии в упорном бою выбили противника из станицы Ольгинской и преследовали его до темноты в направлении станицы Хомутовской.

С рассветом 19 января 4-я и 11-я кавалерийские дивизии перешли в энергичное наступление, имея задачу выйти на линию Кагальницкая, Азов, Кулешовка, Койсуг, Батайск, Злодейский. 6-я дивизия использовалась для развития успеха 4-й и 11-й дивизий. Однако противник, заняв выгодные позиции у Батайска и сосредоточив крупные силы конницы, артиллерии и пулеметов, при активной поддержке бронепоездов сковал наши части сильным пулеметно-артиллерийским огнем и сорвал наступление.

На ночь дивизии отошли: 4-я в Нахичевань, 6-я и 11-я в Ольгинскую, куда к вечеру подошла и 16-я стрелковая дивизия 8-й армии.

Всю ночь с 19 на 20 января противник штурмовал Ольгинскую, стремясь выбить из станицы наши части. Ожесточенные бои на этом участке велись весь следующий день. Белые ударами своей конницы по флангам наших частей в Ольгинской стремились отрезать их от Нахичеваньской переправы. Благодаря упорству 6-й и

16-й дивизий и поддержке 4-й дивизии атаки противника оставались безуспешными. Однако к вечеру 20 января, под напором превосходящих сил белых, части Конармии и 16-й стрелковой дивизии оставили Ольгинскую и начали отходить за Дон. Обнаружив отход наших частей, белые усилили нажим, прорвались в стык 6-й кавалерийской и 16-й стрелковой дивизий и в колоннах устремились к Нахичеваньской переправе. Положение спасла брошенная в контратаку 4-я кавалерийская дивизия. Она отбросила противника, а одну из его колонн прижала к реке и уничтожила.

Жестокие бои разгорелись 21 января. На правом фланге была брошена в бой 9-я стрелковая дивизия, находившаяся ранее в армейском резерве. Полки этой дивизии, действуя юго-западнее Ростова, весь день штурмовали хутора Кумженский, Колузаево, Обуховка, Усть-Койсуг.

В центре перешла в наступление на Батайск 12-я стрелковая дивизия. 3-я бригада этой дивизии, несмотря на ураганный пулеметно-артиллерийский огонь противника и зыбучие болота, переправилась через реку Койсуг и цепями залегла в двух верстах от Батайска. Однако вследствие неуспешных действий остальных частей дивизии и под давлением во много раз превосходящих сил противника бригада отошла.

Особенно ожесточенный бой разгорелся на левом фланге армии, где в 6 часов утра две бригады 4-й кавалерийской дивизии и вся 6-я кавалерийская дивизия совместно с 31-й и 40-й стрелковыми дивизиями, возглавляемые лично Ворошиловым и мною, перешли в решительное наступление в направлении Ольгинской. Бурные атаки наших частей и контратаки противника следовали одна за другой. Весь день ухали артиллерийские орудия, не переставая строчили пулеметы. В результате длительного, исключительно напряженного и кровопролитного боя белые были выбиты из станицы Ольгинская. Однако, сгруппировав до десяти тысяч сабель конницы и крупные силы пехоты, противник перешел в контрнаступление и ценою больших потерь вытеснил наши части из Ольгинской и вынудил их на ночь отойти за Дон.

21 января был одним из самых тяжелых дней для Конармии. Действуя в крайне невыгодных для конницы условиях против превосходящих по численности враже-

ских сил (до пятнадцати тысяч сабель и десяти тысяч штыков), занимавших хорошую для обороны местность, части армии понесли большие потери.

Только люди, сильные своим революционным духом, не щадившие своей крови и самой жизни ради победы над врагом, могли выдержать эти неимоверно трудные испытания.

В боях 20 и 21 января бойцы, командиры и комиссары частей Конармии сражались с мужеством, доходившим до самопожертвования. Так, при наступлении на Ольгинскую командир взвода 21-го кавполка Линовский Александр Сергеевич бросился со своим взводом на три станковых пулемета белых, которые срывали наступление 2-й бригады 4-й дивизии. Уничтожив пулеметы противника, Линовский открыл бригаде путь вперед.

Помощник командира 32-го полка 6-й дивизии Голубовский в исключительно трудных условиях для наших частей, когда они, отходя к переправе, были атакованы конницей противника, бросился с одним эскадроном в контратаку на крупные силы белых и, ошеломив их своей отвагой, дал возможность частям дивизии переправиться через Дон.

Под станицей Ольгинской 21 января, когда 4-й дивизии под напором превосходящих сил противника пришлось отходить, был ранен командир 22-го полка и убита его лошадь. Он чуть было не попал в плен. Однако красноармеец Василий Маркович Ковальчук, несмотря на огонь противника, вернулся к командиру и под носом у белых вывез его с поля боя.

Красноармеец 21-го полка 4-й дивизии Владимир Лаврентьевич Марчук при отходе полка из-под Батайска заметил, что пулемет, прикрывавший отход, замолчал. Оказалось, что пулеметчики вышли из строя: наводчик убит, а подносчик патронов тяжело ранен. Марчук вернулся к пулемету, открыл огонь и прикрывал отход полка до тех пор, пока все его бойцы не переправились на правый берег Дона.

И сколько еще бойцов жертвовали собой, бросаясь на вражеские пулеметы, врываясь на позиции белогвардейских батарей!

Убедившись в бесполезности лобовых атак Батайска и Ольгинской, мы с Климентом Ефремовичем вновь обратились по прямому проводу к командующему фронтом

Шорину с просьбой отменить его приказ на атаку Батайска со стороны Ростова. Однако Шорин отклонил нашу просьбу и заявил, что Конармия утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах. Это неслыханное оскорбление, брошенное Шориным по адресу героических бойцов Конармии, возмутило нас до глубины души.

Мы заявили, что Конармия тонет и гибнет в Батайских болотах по вине командования фронтом и что до тех пор, пока он, Шорин, не приедет в Ростов, посылать армию в бесцельное наступление не будем.

22 января Реввоенсовет Конармии отдал приказ отвести все части за Дон, а утром 23 января послал следующую телеграмму, адресованную Сталину и председателю Реввоенсовета Республики Троцкому.

«В ночь на 9 января Конармия с боем заняла города Ростов-на-Дону и Нахичевань. Весь день 9 и полдня 10 января шел бой в городах и на переправах через Дон. Вследствие оттепели, дождей и уничтожения переправ противником Конармия была лишена возможности на плечах противника переправиться через Дон и занять Батайск и Койсуг. В течение восьми дней противник оправился и оттянул в район Азов, Койсуг, Ольгинская, Старочеркасская большие кавчасти и, занимая высоты по левому берегу Дона, сильно укрепился.

Мороз 17 и 18 января дал возможность Конармии приступить к выполнению директивы Юго-Восточного фронта от 9 января. Нами была занята станица Ольгинская и Н. Подполейский, но под давлением превосходных сил противника наши части вынуждены были оставить указанные позиции и отойти за Дон.

Снова наступившая оттепель превратила всю низменность на левом берегу р. Дон в непроходимые топи. Бои 20 и 21 января окончились для Конармии и 8-й армии полной неудачей. Причина наших неудач — отсутствие плацдарма для развертывания и маневрирования конницы и скверная погода. Конармии приходится барахтаться в невылазных болотах, имея в тылу единственную довольно плохую переправу через Дон.

В разговоре 22 января по прямому проводу Шорин, требуя во что бы то ни стало овладения г. Батайск, Койсуг, допустил несправедливые, оскорбительные и недопустимые выражения по адресу Конармии. Считаем своим нравственным долгом категорически протестовать против

подобных обвинений командующего фронтом, которому кто-то освещает положение в ложном свете.

Командующему фронтом Шорину нами (предложена) следующая комбинация: 8-я армия, оставаясь в Нахичевани и Ростове, берет на себя защиту этих городов, а Конармия перебрасывается в район станицы Константиновская, где, легко переправившись на левый берег р. Дон, форсированным маршем поведет наступление на юго-запад, уничтожая все на своем пути. За успех этих операций ручаемся нашими головами. Если же будем продолжать попытки овладеть г. Батайск от Ростова, Нахичевани, наша нравственная обязанность предупредить вас и в вашем лице Советское правительство, что мы уничтожаем окончательно лучшую конницу республики и рискуем очень многим.

Командующий фронтом Шорин с нашим планом не согласен. Просим вашего вмешательства, дабы не погубить Конармию и не ликвидировать успехи, достигнутые Красной Армией в этом направлении» [1].

На следующий день в Ростов приехал Шорин. Он остановился на станции в своем вагоне и принял сначала Реввоенсовет 8-й Красной армии, а затем уже нас: Ворошилова, Щаденко и меня. Надо думать, что Сокольников постарался убедить Шорина, что Конармия незаконно залезла в Ростов и что в Ростове нет никакой власти, а Ревком лишь «огород Ворошилова и Буденного», как он выражался, словом, сделать все, чтобы опорочить нас и отвлечь Шорина от существа дела.

Никто из нас троих Шорина лично еще не знал. Когда мы вошли в его вагон, он, сидя в кресле за столом, посмотрел на нас исподлобья. Доложив о состоянии и боевых действиях армии, я высказал свое недовольство тем, как она используется, и попросил отменить наступление на Батайск. При последних моих словах Шорин вскочил и начал кричать, повторяя клеветнические обвинения Конармии в пьянстве.

Мы молча выслушали его, и после этого Климент Ефремович предложил Шорину поехать в части Конармии, чтобы убедиться в том, что обвинения в пьянстве, предъявляемые ее бойцам и командирам, сущая клевета.

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 4, д. 201, п. 190.

Шорин согласился, и мы поехали. В это время части Конармии сосредоточивались у переправ, продвигаясь в колоннах. Мы остановились у проходящих колонн и осмотрели два полка 6-й и один полк 4-й кавалерийских дивизий. Конармейцы ехали молча, мерно покачиваясь в седлах. В строю соблюдался строгий порядок. Один боец, ехавший в хвосте колонны полка 4-й дивизии, обратился к нам:

— Нет ли у вас, товарищи начальники, табачку?

Оказалось, что в полку давно уже все томятся без курева.

Конечно, пьяных Шорин не нашел. Возвратившись к нему в вагон, мы спросили его, чем можно объяснить такое странное положение: в то время, когда Конармия штурмует Батайск и истекает кровью в болотах, остальные армии фронта, кроме двух малочисленных дивизий 8-й армии, стоят в бездействии.

Шорин ответил, что порядок использования армий он считает правильным и будет придерживаться этого порядка в дальнейшем. Конармия должна взять Батайск, как ей приказано.

— Тогда, — заявили мы, — требуем отстранить нас от командования армией, так как мы не можем своими руками губить ее.

— Отстранить вас от командования армией я не могу, — ответил Шорин. — Если вы не согласны со мной, пишите, жалуйтесь Реввоенсовету Республики.

На этом наш разговор с Шориным и закончился.

В этот же день мы обратились с телеграммой к Ленину, Сталину и Троцкому.

Мы докладывали, что командующий Кавказским[1] фронтом Шорин поставил Конную армию на грань гибели и совершенно не прислушивается к нашему мнению о наиболее целесообразном ее использовании и что в связи с этим Реввоенсовет армии вынужден просить Совет Труда и Обороны и Реввоенсовет Республики либо освободить его от руководства армией, либо снять Шорина с должности командующего Кавказским фронтом[1].

В этой же телеграмме мы предлагали поставить перед

---

[1] Юго-Восточный фронт был переименован в Кавказский фронт.

Конармией задачу нанести удар в стык Донской и Кубанской армий в общем направлении на Торговую (Сальск).

На следующий же день Главком, отмечая «трудность операции форсирования Дона на фронте 1-й Конной и 8-й армий при настоящей обстановке, что с достаточной очевидностью доказало наступление 21 января», приказал командующему Кавказским фронтом «отменить лобовые атаки на фронте 8-й и Конной армий»[1].

5

Бесцельные атаки на Батайск были прекращены, однако Шорин продолжал свою недоброжелательную к нам политику. Он вывел из подчинения Конармии 9-ю и 12-ю стрелковые дивизии, передал их 8-й армии, а ослабленную этим Конармию приказал перебросить в район Заплавской, Бессергеневской с задачей форсировать Маныч из района станицы Багаевской и нанести удар во фланг ростовской группировки противника.

8-й и 9-й армиям ставилась задача удерживать противника на фронте от устья Дона до Новочеркасска.

Таким образом, Конармия в составе трех кавалерийских дивизий снова бросалась в наступление без поддержки соседних армий. Весть о переброске Конармии дошла до деникинского командования, и последнее, пользуясь пассивностью 8-й и 9-й Красных армий, сняло с ростовского направления свои донские и кубанские конные корпуса и сосредоточило их в районе станицы Манычской для противодействия Конармии.

К 26 января Конармия, минуя станицу Бессергеневскую, заняла станицу Багаевскую, а затем хутора Ажинов, Кудинов, Елкин, Федулов и приступила к подготовке форсирования Маныча. К этому времени на левый фланг Конармии, в район хутора Маныч-Балабинский, вышел Конносводный корпус Думенко, входивший в состав 9-й Красной армии. Он состоял из трех кавалерийских бригад общей численностью в три тысячи триста сабель.

Мы обратились к командованию фронтом с просьбой подчинить в оперативном отношении корпус Думенко Конармии. После этого Думенко сейчас же по собствен-

[1] ЦГАКА, ф. 109, д. 391, л. 81.

ной инициативе перешел в наступление, видимо желая показать, что он и без Конармии может успешно действовать. Его корпус довольно удачно переправился по льду через Маныч, но у хутора Малая Западенка был контратакован противником. Бросив всю свою артиллерию и половину пулеметов, Думенко отступил за Маныч, а затем ушел дальше, в хутора Страхов и Топилин на реке Сал.

В дальнейшем корпус Думенко то появлялся на фланге Конармии, то внезапно уходил в тыл, подставляя под удар противника наши левофланговые части.

Такое поведение Думенко мы объясняли только его личными антипатиями к Реввоенсовету Конармии. Дело в том, что после занятия Конармией Ростова Думенко приезжал к нам в Реввоенсовет. Он привез тогда с собой знамя для вручения его Конармии в качестве дара Конно-сводного корпуса и обязательно хотел выступить перед конармейцами, но мы не могли этого разрешить ему, так как в его разговоре с нами проскальзывали очень подозрительные в политическом отношении нотки, и я давно уже знал, что он склонен к авантюризму.

Думенко уехал тогда обиженный на нас, и теперь упорно отказывался взаимодействовать с Конармией. Однако сложившаяся на фронте обстановка побуждала нас настоятельно просить о подчинении Конармии корпуса Думенко. Наконец на нашу просьбу было получено довольно оригинальное распоряжение командующего фронтом: «Распространить в пределах до хутора Мал. Западенка подчинение Конносводного корпуса Первой Конной армии».

От левого фланга Конармии до хутора Мал. Западенки было всего семь километров, и получалось так, что при выходе из этой семикилометровой зоны корпус Думенко выходил из подчинения Конармии — странное подчинение!

27 января был отдан приказ Конармии о форсировании Маныча и разгроме противника в районе хутора Мал. Западенка. На рассвете 28 января 6-я и 11-я дивизии форсировали Маныч по льду и атаковали белогвардейцев. Белые, бросив в хуторе Мал. Западенка тринадцать орудий, захваченных у Думенко, начали поспешно отступать к месту сосредоточения своих резервов — в хутор Булочкин.

В то время как 6-я и 11-я дивизии завязали ожесточенный бой с крупными силами белых у хутора Булочкин, 4-я дивизия, выведенная из армейского резерва, стремительным ударом в районе Княжеско-Леоновской разгромила 7-ю пехотную дивизию белых, захватив полторы тысячи пленных.

В этом бою отличились командир эскадрона 21-го кавалерийского полка Линик Николай Кузьмич и командиры взводов этого эскадрона — Годовиков Гавриил Пантелеевич и Гапонов Федот Федорович. Несмотря на ураганный огонь противника, они во главе своих подразделений стремительно бросились вперед на превосходящие силы конницы белых, прикрывающей фланги пехоты, и своим смелым примером увлекли полк, а затем и всю дивизию. За свои мужественные действия в этом бою Линик, Годовиков и Гапонов были впоследствии награждены орденами Красного Знамени.

Развивая достигнутый успех, 4-я кавалерийская дивизия повела решительное наступление в тыл противнику, занимавшему станицу Манычская. Белые, опасаясь окружения, отступили на юг, и в станицу Манычская вошла наша 21-я стрелковая дивизия, наступавшая с фронта.

28 и 29 января Конармия вела тяжелые бои на левобережье Маныча с превосходящими силами противника. К вечеру 29 января 4-я и 11-я кавалерийские дивизии под напором крупных сил белых были вынуждены отойти за Маныч и закрепиться в правобережных хуторах.

6-я кавалерийская дивизия в этот день сбила правый фланг наступающего противника и, перейдя в преследование, захватила девять орудий и тридцать пулеметов. Однако в связи с отходом 4-й и 11-й дивизий на правый берег Маныча 6-я дивизия оставила хут. Веселый и, переправившись через реку Маныч, сосредоточилась в хуторах Федулов, Маныч-Балабинский.

После боя у хутора Мал. Западенка пропал без вести комиссар 11-й кавалерийской дивизии Константин Иванович Озолин. Конармейцы, видевшие Озолина в бою, рассказывали, как он, будучи в самой гуще врага, энергично действовал револьвером и шашкой. Бой происходил в сильную метель, и что произошло потом с комиссаром, никто не знал. Предполагали, что он погиб и труп его занесло снегом. Однако эти предположения, к счастью, не оправдались. Позже, уже в марте, стало известно, что

Озолин жив, и через некоторое время он вернулся в Конармию. Оказалось, что уже после того как все бойцы, находившиеся рядом с ним, погибли, он еще отбивался от белогвардейцев шашкой, пока не упал с коня тяжело раненный, без сознания. Белогвардейцы сочли его за убитого, раздели и бросили. Ночью он пришел в себя и добрался до хутора Тузлуковский, где попал в хату старика, сын которого был в Красной Армии. Старик, выдав его за белого солдата, устроил в лазарет. Немного окрепнув, Озолин, опять же с помощью приютившего его старика, перешел линию фронта, добрался до Ростова и там окончательно выздоровел.

1 февраля я приехал в полевой штаб армии в первом часу ночи. Настроение было прескверное, чувствовалась страшная физическая и моральная усталость. Весь прошедший день части армии вели тяжелый кровопролитный бой, но к ночи, понеся большие потери, отошли в исходное положение.

По злой воле Шорина Конная армия, брошенная в наступление на превосходящего противника, без поддержки стрелковых частей и при пассивности наших войск на других участках фронта, истекала кровью в единоборстве с врагом.

Поговорив с С. А. Зотовым, который трудился над составлением оперативной сводки для штаба фронта, я пошел отдыхать. Но уснуть не мог. На сердце было тяжело, нервы напряжены до предела. Я ходил по комнате и думал: как спасти армию?

И как всегда, когда каждому из нас было трудно, мы мысленно обращались к тому, кого считали учителем и отцом нашей революции, человеком, способным больше других понять горе и радость, сердце и душу революционного солдата. Я решительно подошел к столу, взял карандаш и бумагу, пододвинул поближе фитиль и начал писать письмо.

«Станица Багаевская на р. Дон, 1-го февраля 1920 года.

Глубокоуважаемый вождь, Владимир Ильич! Простите меня за то, что обращаюсь к Вам с этим письмом. Я очень хочу лично Вас видеть и преклониться перед Вами как Великим вождем всех бедных крестьян и рабочих. Но дело фронта и банды Деникина мешают мне сделать это. Я должен сообщить Вам, тов. Ленин, что Кон-

ная армия переживает тяжелое время. Еще никогда так мою конницу не били, как побили теперь белые. А побили ее потому, что Командующий фронтом поставил Конную армию в такие условия, что она может погибнуть совсем. Мне стыдно Вам об этом говорить, но я люблю Конную армию, но еще больше люблю революцию. А конница еще очень нужна революции. Командующий фронтом тов. Шорин вначале поставил конницу в болото Дона и заставил форсировать р. Дон. Противник этим воспользовался и чуть было не уничтожил всю нашу конницу. А когда Реввоенсовет потребовал, чтобы изменить направление Конной армии, тов. Шорин лишил вверенную мне армию пехоты. Он передал две пехотные дивизии 8-й армии, а Конная армия была брошена одна на противника и вторично оказалась сильно помятой. За все мое командование подобных печальных явлений не было. А как только Шорин получил право распоряжаться вверенной мне армией, так и полились несчастья. Еще 26-го октября 1919 года, когда я был в подчинении тов. Шорина, он мне дал задачу, которая была вредна нам и полезна противнику. Тогда я по телеграфу ему об этом сказал, и он, наверно, обиделся и запомнил, а теперь все это отражается на общем нашем революционном деле. На сегодня получил задачу разбить противника и продвинуться вперед на 60 верст, а соседние армии стоят согласно приказу Шорина на месте и тем самым дают возможность противнику снимать свои части с фронта и бросать их против Конной Армии. Это явное преступление. Прошу обратить Ваше внимание на Красную Конную армию и другие армии, иначе они понапрасно погибнут от такого преступного командования.

Крепко жму Вашу руку. Командарм 1 Конной

Буденный».

Закончив письмо, я пригласил к себе Зотова и попросил его немедленно отправить письмо В. И. Ленину.

— Сделай, Степан Андреевич, так, чтобы письмо попало лично в руки Ильича.

Уже после гражданской войны я узнал, что Владимир Ильич Ленин получил мое письмо и лично расписался на конверте. Это письмо с пометкой Ленина хранится теперь в Институте марксизма-ленинизма.

1 и 2 февраля Конармия вновь форсировала Маныч и перешла в наступление. Вначале наступление шло

успешно. Белогвардейцы внезапным ударом Конармии были выбиты из левобережных хуторов, но затем, оправившись, перешли в контрнаступление и оттеснили наши части. Корпус Думенко, временно подчиненный Конармии в оперативном отношении, фактически не выполнял наших приказов. Правда, 1 февраля он вместе с Конармией форсировал Маныч и занял хутор Веселый. Однако в ночь на 2 февраля Думенко оставил Веселый и ушел за Маныч, в хутор Верхне-Соленый, не предупредив об этом нашу левофланговую 6-ю дивизию.

Конармия по-прежнему вела тяжелые бои с противником, лишенная всякой поддержки соседних с ней армий. Наши обращения к командованию Кавказским фронтом об активизации действий 8-й и 9-й армий оставались без ответа. Пассивность наших соседей позволила белым крупными силами захватить хутор Краснодворский и тем самым создать угрозу правому флангу и тылу Конармии. Пришлось снять с фронта одну бригаду 4-й дивизии и направить ее в тыл армии через станицу Кривянская, а также выдвинуть наши бронепоезда на участок Аксайская — Новочеркасск.

Вечером 2 февраля мы с Климентом Ефремовичем поехали в Ростов и передали Главкому С. С. Каменеву следующий доклад:

«На фронте Конармии и Конного корпуса Думенко противник сосредоточил крупные силы конницы, нами взято на учет пятьдесят два кавполка и шесть стрелковых. Сведения эти самые точные, получены от пленных и из письменных данных, добытых в боях в течение трехдневной ожесточенной операции.

Директивой командующего Кавказским фронтом Конармии и конкорпусу Думенко поставлена задача уничтожить противника, сгруппировавшегося в районе хут. Ефремов, что на левом берегу р. Маныч. Той же директивой 8 и 9-й армиям поставлены задачи пассивной обороны занимаемых позиций и активная деятельность разведывательных партий. Вследствие этого противник имел возможность снять с участков 8 и 9-й армий все кавчасти и бросить против нашей конницы.

1 февраля 1920 года Конная армия и Конкорпус вторично форсировали р. Маныч: по льду, весьма скользкому, достигающему в некоторых местах трех верст ширины, переправились на левый берег, заняв Манычскую,

Княжеско-Леоновский, Тузлуковский, Мал. Западенский, Поздеев, Проциков, Ефремов и Веселый.

На всей указанной линии противник был отброшен к югу, и наши части расположились на ночь в упомянутых пунктах. Противник всю ночь безрезультатно пытался атаками выбить наши части.

Сегодня, 2 февраля, с рассветом завязался на всем фронте конницы ожесточенный бой, и противник огромными конными массами, действуя на наши фланги и разрезая фронт, принудил нас отступить на правый берег р. Маныч. Противник понес серьезные потери, наши потери также значительны.

Во всей этой чрезвычайно серьезной операции 8 и 9-я армии никакого участия не принимали. Противнику предоставлена полная свобода маневрирования и накопления своих сил в нужных ему пунктах. Красная конница поставлена в чрезвычайно тяжелые условия полной изоляции от соседних армий.

Конармия с момента занятия Ростова и по сегодняшний день в ряде тяжелых и неудачных операций в сильнейшей степени изнурилась и понесла значительный урон людьми и в особенности конским составом. Фронтовое командование невнимательно и легкомысленно, даже преступно, поставило конницу в безвыходное тяжелое положение.

...убедительно просим, я и член Реввоенсовета Конной т. Ворошилов, сделать срочно необходимые распоряжения кому следует для облегчения положения Конармии.

К настоящему моменту Конармия и конный корпус Думенко занимают следующую линию: Багаевская, Хохлотовский, Федулов, Манычско-Балабинский, Н. и В. Соленый.

Довожу до вашего сведения, что вследствие халатного отношения 8-я и 9-я армии допустили противника численностью в 1 500 сабель занять хут. Краснодворский, что 12 верст южнее Новочеркасск. Противник из этого пункта не выбит и расположился там на ночлег. Не исключена возможность захвата противником к утру г. Новочеркасск. Командарм 9 предложил мне, действуя в тылу указанной группы, очистить упомянутый пункт. Помимо крайней усталости людей и лошадей, в этом районе на озерах и речках, покрытых голым льдом, действовать

конницей, и без того уже раскованной, не представляется никакой возможности»[1].

По правде говоря, после всех бед, лично я мало верил, что наш доклад Главкому изменит положение. Большие надежды у меня были на письмо, отправленное В. И. Ленину.

В тот же день в Ростов приехал и Щаденко, все последнее время находившийся в Таганроге, где его усилиями был создан Упроформ Конармии и формировалась из добровольцев 14-я кавалерийская дивизия, а кроме того, велась подготовка к открытию командной школы Конармии. Щаденко посоветовал нам, не ограничиваясь докладом Главкому, связаться со Сталиным, который, по его сведениям, должен быть в Курске.

Обсудив положение, мы решили было отправить Щаденко в Курск для доклада Сталину, но предварительно попробовали связаться с Курском по прямому проводу, и утром 3 февраля нам это удалось.

Подойдя к аппарату, я сообщил Иосифу Виссарионовичу, что положение на фронте и взаимоотношения 8-й, 9-й и Конной армий, созданное командованием фронта, внушают самые серьезные опасения. «Конармия, — продолжал я, — в тягчайших условиях совершенно изолированная, тает не по дням, а по часам. Атмосфера вокруг Конармии, созданная соседями и комфронта, совершенно лишает возможности работать. Сегодня должен был бы экстренно выехать к вам Щаденко с подробным докладом. Но ответственность момента требует нашего общего присутствия на фронте. Убедительная просьба нас всех немедленно приехать вам сюда для ликвидации создавшегося положения, что единственно может спасти фронт. Повторяем, на фронте неблагополучно. Сегодня собирались сдать Новочеркасск. Если не приедете вы или кто-нибудь равный вам в Ростов, здесь произойдет катастрофа. Еще раз обращаемся с просьбой немедленно выехать сюда, хотя бы на 2—3 часа...»

Выслушав дополнительно к этому сведения о численности противника и расположении Конармии, Сталин ответил:

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 4, д. 208, л. 147.

«Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, в день получения мной вашей шифротелеграммы, я добился отставки Шорина... В Ревсовет вашего фронта назначен Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии. Если у вас нет связи с Саратовом, мы можем вам каждый раз предоставлять провод для разговора с Орджоникидзе.., который безусловно поможет вам и поддержит вас.

Что касается моего выезда, я, вы знаете, не свободен, назначен председателем Совета труда Юго-западного фронта и без согласия Совета Обороны не смогу выехать. Во всяком случае же передам вашу записку Ильичу на заключение, если вы не возражаете. Окончательный ответ могу дать только после переговоров с Ильичем. Об одном прошу: берегите Конную армию, это неоценимое золото Республики. Пусть временно пропадают те или иные города, лишь бы сохранилась Конная армия».

Затем к аппарату подошел Ворошилов.

«Иосиф Виссарионович! — начал Климент Ефремович. — Положение настолько тягостное, что ваш приезд является единственным якорем спасения. Передайте нашу покорнейшую просьбу Ильичу, пусть он вас отпустит всего на день или полтора. Мы все несказанно рады, что смещен Шорин. Если приедете в Ростов, на месте убедитесь, что простого смещения, да еще с повышением, для него недостаточно. Мы все считаем его преступником. Его неумением или злой волей (в этом разберется суд) загублено лучших бойцов, комсостава и комиссаров более 40% и до 4 000 лошадей. Если почему-либо Ильич не согласится на ваш приезд, хотя он в интересах Республики необходим, настойте, пожалуйста, на немедленном выезде в Ростов Орджоникидзе... У нас связи с Саратовом нет и не было. С вами связались совершенно случайно. Одна и самая важнейшая просьба, не терпящая ни одного дня отлагательства: для сохранения остатков Конармии настойте на немедленном откомандировании в наше распоряжение 9-й стрелковой дивизии. Наше поражение являлось следствием отсутствия прикрытия пехотными частями флангов и закрепления достигнутых рубежей. Заодно вторая просьба: укажите на крайнюю необходимость срочного пополнения Конармии. Самая захудалая конница, болтающаяся в тылах Кавказского фронта, в наших руках сделается наилучшим боевым и ценней-

шим материалом для Республики. Обещанные вами 3 000 седел мы так и не получили» [1].

Поздно вечером этого же дня Реввоенсовет Конармии вновь соединился со Сталиным и спросил о результатах его переговоров с Москвой.

Сталин ответил:

«Результаты таковы, что я к вам пока выехать не могу, — это первое; второе — мы перебрасываем в район Иловайская две лучшие дивизии, из них одна Латышская; третье — мы сегодня или завтра выбросим Шорина из Дебальцева (в Дебальцево размещался полевой штаб Кавказского фронта — *С. Б.*); четвертое — я добиваюсь и надеюсь добьюсь отставки Сокольникова..; пятое — дней через восемь выеду к вам...» [2]

4 февраля состоялся разговор по прямому проводу между Сталиным и Орджоникидзе. Я привожу этот разговор, поскольку он ярко характеризует создавшееся положение.

«У аппарата Орджоникидзе.

Сталин. Здравствуй. Два дня ищу, в Саратове ли? Нашел. Дважды говорил с Конной армией. Выяснилось: 1. Шорин до сих пор продолжает командовать вопреки приказов. 2. Шорин ведет войну с Конной армией. За период последних операций отобрал у нее подчиненные ей в оперативном отношении две стрелковые дивизии. Командарм 8 Сокольников создал вокруг Конармии атмосферу вражды и злобы. 3. Саратовский штаб изолирован от Конной и 8 армий из-за Шорина, ввиду чего он рискует превратиться в фиктивный штаб. В результате всего этого — полная дезорганизация правого фланга.

Узнав все это, ЦК партии потребовал от меня немедленного выезда в район правого фланга для разрешения вопросов на месте, но я не мог выехать по некоторым причинам, о которых я здесь говорить не стану. По моему глубокому убеждению, ваш новый комфронт и члены Реввоенсовета должны принять следующие меры: 1. Немедленно удалить Шорина. 2. Выехать самим на правый фланг. 3. Объединить группу Думенко с Конармией в одну мощную силу, подчинив первую последней. 4. Передать Конармии в оперативное подчинение две стрелковые

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 4, д. 201, л. 87.
[2] Там же, л. 91.

дивизии для опоры на флангах. 5. Отставить командарма 8 Сокольникова без промедления... Обо всем этом считаю своим долгом сказать тебе на основании всех имеющихся у меня данных. Если хочешь, я могу потом передать копию одного из моих разговоров с Конной армией. Я кончил.

Орджоникидзе. Здравствуй. Все, что ты передал, я понимаю, но из-за отсутствия связи мы были не в силах изменить создавшееся положение. Шорин со вчерашнего дня уже не командует, приказ ему вручен в Купянске. Надеемся, все это удастся уладить, хотя с некоторым запозданием. Разговор с Конармией просим передать. Нельзя ли получить через вас Конную и 8-ю армии. Жду копию переговора с Конной армией. Лично я полагаю, что нам по приезде на место удастся живо покончить с этой бессовестной травлей.

Сталин. Прямую связь с Конармией по техническим условиям дать не можем, но можем связать вас с ней путем передачи нашей аппаратной. Через час вызову Конармию и сообщу ее ответ на вопросы, которые вы намерены ей поставить. Нужно только эти вопросы получить от вас предварительно. Ради бога, выезжайте только поскорей на фронт. Передаю для сведения разговор по прямому проводу с Конармией» [1].

5 февраля мы получили телеграмму от Реввоенсовета Кавказского фронта, подписанную Г. К. Орджоникидзе и М. Н. Тухачевским, следующего содержания:

«Сейчас ознакомились с вашим разговором с товарищем Сталиным и неприятно поражены сложившейся обстановкой в отношениях соседних армий и некоторых отдельных лиц с героической красной конницей. Мы глубоко убеждены, что старые дружественные отношения возобновятся и заслуги и искусство Конной армии будут оценены по достоинству. Завтра выезжаем в вашу армию» [2].

Вслед за этой телеграммой от Реввоенсовета Кавказского фронта поступило распоряжение о прекращении боевых действий Конармии в манычском направлении и о подготовке ее частей для переброски в другой район.

---

[1] ЦГАКА, ф. 287, оп. 1, д. 2, лл. 113—117, копия.
[2] ЦГАКА, ф. 109, д. 415, л. 26.

В ожидании новой директивы фронта Конармия приводила себя в порядок.

В это время как-то ночью бойцы сторожевого охранения 11-й кавдивизии подобрали раздетого, обмороженного и тяжело раненного человека, пробиравшегося в направлении хутора Федулов. Раненого доставили в полевой штаб армии и доложили о нем нам с Климентом Ефремовичем. Оказалось, что раненый — коммунист Кравцов, служивший в Конармии и совсем недавно назначенный начальником связи корпуса Думенко.

Кравцов рассказал, что в корпусе Думенко тайно действует какая-то банда — хватает ночью активных коммунистов, расстреливает и трупы бросает в прорубь на Маныче. Так вот и он, не успел еще по прибытии в корпус Думенко хорошенько ознакомиться с работой, как ночью был схвачен и с другими коммунистами уведен на Маныч. Бандиты долго водили их по льду Маныча, разыскивая прорубь. Но прорубь найти не удалось, так как был снегопад и лед занесло. Тогда, раздев коммунистов до нижнего белья, бандиты дали по ним залп и, считая всех убитыми, ушли... Среди погибших от рук бандитов — комиссар корпуса Миколадзе. Он, Кравцов, получив три пулевых ранения, случайно остался жив.

К этому страшному рассказу Кравцов добавил, что штаб Думенко укомплектован бывшими офицерами, или взятыми в плен или присланными из главного штаба Красной Армии, и упорно идет слух, что Думенко намерен увести корпус к белым и только ждет для этого подходящего момента.

Решив немедленно арестовать Думенко, мы поехали утром в его штаб, расположенный в хуторе Верхне-Соленом, взяв с собой пятьдесят конармейцев и две пулеметные тачанки.

К сожалению, Думенко мы не нашли. В хуторе Верхне-Соленом нам сообщили, что он где-то в пути на станицу Константиновскую, куда переезжает его штаб. Вернувшись к себе, мы послали Реввоенсовету фронта донесение о предательстве в корпусе Думенко. Дальнейшие события не позволили нам до конца разобраться в этом деле.

9 февраля была получена директива Реввоенсовета Кавказского фронта, положившая начало крупнейшей операции Конармии по разгрому деникинских войск на Северном Кавказе. В этой директиве отмечалось, что при

общей пассивности белых на других участках усилились действия их войск на ростовском направлении. Всем армиям Кавказского фронта приказывалось произвести перегруппировку сил и готовиться к решительному наступлению. 8-й армии, занимавшей Ростов, ставилась задача упорно обороняться по Дону и Манычу, удлинив свой фронт до станицы Манычской; 9-й армии — сосредоточиться в районе Садковский, Дальний, Балабин, 10-й армии — закрепиться на фронте Гремячий Колодезь, Великокняжеская, а Первой Конной армии приказывалось сосредоточиться в районе Шара-Булукский, Платовская.

Наконец-то был принят наш план. Конармия нацеливалась для удара на Тихорецкую, в стык Донской и Кубанской армий Деникина.

XIV. КОНЕЦ ДЕНИКИНЩИНЫ

1

После того как Красная Армия овладела Донецким бассейном и разгромила белогвардейские войска на Украине и Дону, основная тяжесть борьбы с деникинцами переместилась на Северный Кавказ.

Деникин к этому времени располагал «Добровольческим» корпусом генерала Кутепова, созданным из остатков разгромленной Добровольческой армии, Донской армией генерала Сидорина, самой крупной по численности, и Кубанской армией генерала Шкуро. По словам Деникина, к середине января 1920 года он располагал 54 тысячами солдат и офицеров, из них: 37 тысяч — Донская армия, 10 тысяч — Добркорпус, 7 тысяч — Кубанская армия. Кроме того, у Деникина было еще 10 тысяч человек для пополнения действующих частей.

Моральному состоянию своих войск и их тыла Деникин давал следующую оценку:

«Кончился 1919 год.

Трехмесячное отступление, крайняя усталость, поредение армий, развал тыла, картины хаотических эвакуаций произвели ошеломляющее впечатление на общественность, отозвались болезненно на состоянии духа ее и армии и создали благоприятную почву для пессимистических настроений и панических слухов».

«...В Донской армии последние два месяца было неблагополучно. Не только рядовым казачеством, но и частью командного состава был потерян дух...» [1]

И все же Деникин не считал свою авантюру проигранной. Отведя войска за Дон и Маныч, он надеялся под

---

[1] «Очерки Русской смуты», т. 5, стр. 268.

прикрытием их накопить резервы, получить материальную поддержку от Антанты и попытаться взять реванш.

Деникинским войскам на Северном Кавказе противостояли войска Кавказского фронта — 8, 9, 10, 11-я и Первая Конная армии. По общей численности они были примерно равны войскам Деникина, однако белые имели крупное превосходство в коннице, которой у них было еще свыше двадцати пяти тысяч сабель, а следовательно, и сохраняли преимущество в маневре.

Оценивая наши силы, Деникин полагал, что если красная конница «не потеряла боеспособности и активности», то пехота противника «деморализована и выдохлась совершенно». В отношении пехоты это было далеко не так. Никакой деморализации не было и не могло быть, так как советские войска, воодушевленные своими победами, повсеместно наступали. Однако напряженные наступательные бои последних месяцев, конечно, очень ослабили стрелковые соединения фронта. Вследствие быстрого продвижения боевых частей, особенно на фронте 9-й и 10-й армий, тыловые учреждения отставали, а некоторые вообще потеряли связь со своими войсками. Железнодорожный транспорт на юге страны был почти полностью разрушен. Он не мог обеспечить не только переброску пополнений для армий, но даже и подвоз крайне необходимых боеприпасов. Ко всему этому район боевых действий был окончательно разорен и охвачен страшной эпидемией тифа. Госпитали были забиты главным образом тифозными больными. Все это не могло не отразиться на боеспособности наших войск.

И все же, несмотря на усталость наших армий, сложившаяся обстановка требовала энергичного наступления с тем, чтобы не дать противнику отдышаться от пережитых им поражений, не позволить ему закрепиться на Северном Кавказе, помешать перегруппировать силы и перейти в контрнаступление. Деникинщина была основательно надломлена, но пока окончательно не разгромлена. Для этого требовалось еще одно усилие войск нашего фронта.

В соответствии с директивой Реввоенсовета Кавказского фронта Первая Конная армия 11 февраля начала свой марш в район Платовская, Шара-Булукский. Предварительно были подробно разработаны и объявлены в приказе маршруты движения каждой дивизии, пункты остановок на все дни перехода и указан порядок работы

тыла. Задача тыла была весьма сложной, так как Конармия отрывалась от своих баз снабжения на сто с лишним километров. Фактически можно было рассчитывать только на местные средства и на трофеи. Е. А. Щаденко со штабом армии и тыловыми учреждениями оставался в Таганроге.

Марш на Платовскую был исключительно трудным. Конармия шла без дорог по левому берегу Сала. Лошади выбивались из сил, артиллерия и обозы буквально тонули в рыхлом метровом слое снега. Пулеметные тачанки пришлось закрепить на санях.

Встречавшиеся по пути хутора были разорены белоказаками, а некоторые сожжены дотла. Особенно плохо дело обстояло с фуражом. В полосе движения Конармии действовали преимущественно конные части противника, и все местные запасы фуража были уже съедены. Нашим бойцам приходилось кормить своих коней главным образом неубранной пшеницей, вырывая ее из-под снега.

К вечеру 14 февраля, проделав статридцатикилометровый марш, Конармия вышла в район станицы Платовской, а 15 февраля, переправившись через Маныч в районе Казенного Моста, близ станицы Великокняжеской, повела наступление на станцию Шаблиевку.

4-я дивизия, продвигавшаяся в авангарде армии, в 22 часа 15 февраля неожиданно натолкнулась на 50-ю стрелковую дивизию 10-й Красной армии. Бойцы 50-й дивизии, возглавляемые начдивом Ковтюхом, лежали в глубоком снегу и вели бой с бронепоездом и пехотой противника, оборонявшими станцию Шаблиевку. Пользуясь темнотой, передовые части 4-й дивизии обошли белогвардейцев с юго-запада и совместным ударом с частями 50-й дивизии выбили их из Шаблиевки, захватив в плен батальон пластунов 1-го Кубанского корпуса генерал-лейтенанта Крыжановского.

Овладение Шаблиевкой явилось началом боевых действий Первой Конной армии на Северном Кавказе (схема 13).

Ковтюх сообщил нам, что в направлении Екатериновка, Новый Маныч и Бараники, кроме его дивизии, действуют отдельная кавалерийская бригада Курышко и 20, 32 и 34-я стрелковые дивизии 10-й армии.

Командующий 10-й армией А. В. Павлов потерял связь с этими дивизиями, и они действовали по собствен-

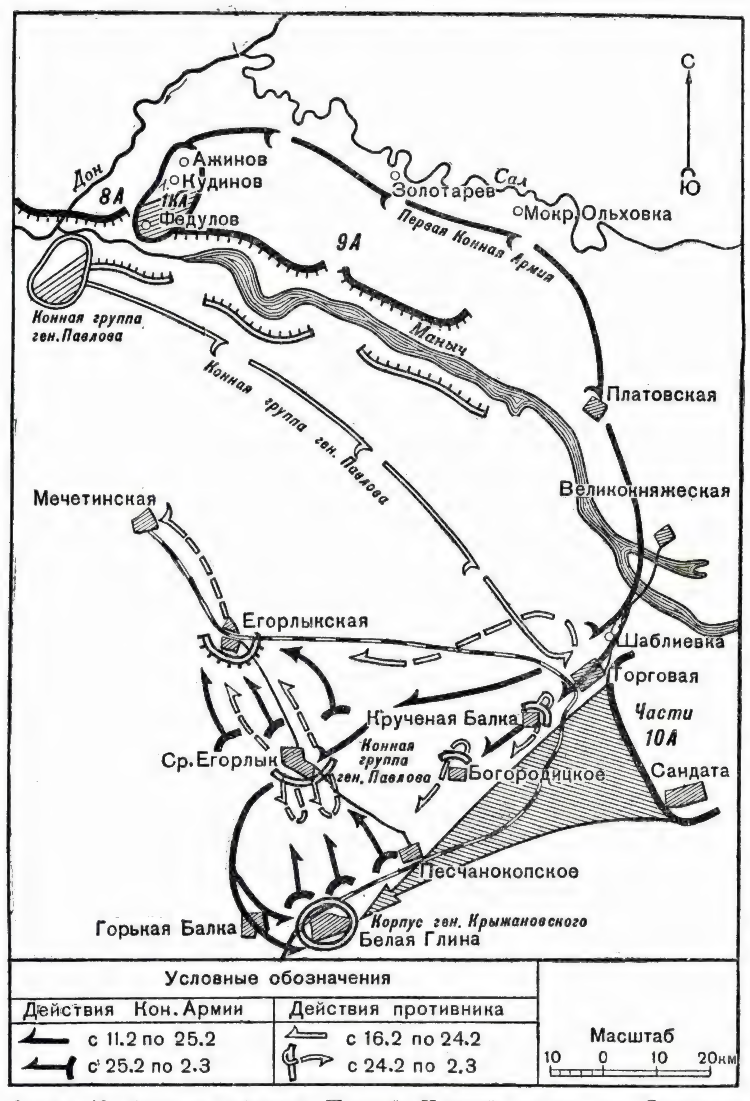

Схема 13. Боевые действия Первой Конной армии на Северном Кавказе.

ной инициативе. Посоветовавшись с Климентом Ефремовичем, мы решили в интересах выполнения задачи фронта временно подчинить в оперативном отношении стрелковые дивизии 10-й армии и кавбригаду Курышко Реввоенсовету Первой Конной армии. Приглашенные в Реввоенсовет начальники стрелковых дивизий выразили свое согласие с принятым нами решением. Непосредственное руководство пехотой 10-й армии было возложено на М. Д. Великанова — начдива 20-й стрелковой дивизии. Великанов принадлежал к славной плеяде талантливых советских военачальников, выдвинутых Коммунистической партией, воспитанных ею и закаленных в боях с врагами молодой Советской республики. Еще на Восточном фронте, в борьбе с колчаковскими полчищами, он проявил себя смелым, решительным и расчетливым командиром.

Хороший был у него и начальник штаба дивизии Б. В. Майстрах. Он не только вполне соответствовал своему назначению, но, как показали дальнейшие события, мог с успехом самостоятельно командовать дивизией.

Следует сказать, что 20-я стрелковая дивизия была одной из сильнейших и полнокровных стрелковых дивизий Кавказского фронта.

К тому времени, когда 6-я и 11-я кавалерийские дивизии подходили к Шаблиевке и Екатериновке, 20-я стрелковая дивизия согласно ранее отданному по дивизии приказу вела наступление на станцию Торговая (Сальск) и село Воронцово-Николаевка, обороняемые бронепоездами и пехотой корпуса генерала Крыжановского.

В помощь 20-й стрелковой дивизии была послана разведгруппа Конармии под командованием начальника разведотдела армии И. В. Тюленева. Разведгруппе ставилась задача обойти станцию Торговая с запада и юга и порвать железнодорожные пути на Батайск и Тихорецкую.

В ночь с 16 на 17 февраля станция Торговая и село Воронцово-Николаевка были очищены от белогвардейцев. Из трех действовавших там бронепоездов противника один был подбит нашей пехотой, а два ушли в направлении станции Развильное, в район сосредоточения основных сил 2-го Кубанского корпуса генерала Науменко.

18 февраля 4, 6-я кавалерийские, 20, 34 и 50-я стрел-

ковые дивизии сосредоточились в Торговой и в Воронцово-Николаевке.

К этому времени, после пасмурной, с большими снегопадами погоды, начались морозы, достигавшие двадцати семи градусов. Они сковали глубокие снега толстой ледяной коркой. Движение войск, особенно кавалерии, очень уставшей после большого перехода по бездорожью, в таких условиях было неимоверно трудным. Лошади проваливались в сугробах и резали ноги о ледяную корку; плохо одетые бойцы обмораживались.

Это заставило нас дать отдых всем частям Конармии и стрелковых дивизий. Всем начдивам были указаны участки для организации круговой обороны и расположения сторожевых застав. Время отдыха было решено использовать для пополнения частей за счет добровольцев, подтягивания обозов, распределения боеприпасов, продовольствия, фуража, обмундирования, для ковки лошадей.

Получив сведения о переброске Первой Конной армии для действий в стыке белогвардейских армий, белогвардейское командование сняло с фронта лучшие конные части и, объединив их в группу под командованием генерала Павлова, спешно начало перебрасывать эту группу в район станицы Великокняжеской с целью удара в тыл Конармии.

Вот как об этом писал Деникин: «26 января я отдал директиву о переходе в общее наступление северной группы армий с нанесением главного удара в новочеркасском направлении и захватом с двух сторон Ростово-Новочеркасского плацдарма. Наступление должно было начаться в ближайшие дни, и к этому времени ожидался выход на усиление Кубанской армии (быв. Кавказской) пополнений и новых дивизий...

В эти предположения вторглись два обстоятельства...

Первое — 30 января (ст. ст.) получено было сведение, что Первая Конная советская армия перебрасывается вверх по Манычу на тихорецкое направление; второе — неустойчивость Кубанской армии. Центр ее был прорван, и неприятельская конница 10-й армии пошла вверх по р. Б. Егорлык, в тыл Торговой, угрожая сообщениям с Тихорецкой.

Приходилось разрубать узел, завязавшийся между Великокняжеской и Торговой, — разбить там главные силы противника. Ген. Сидорин выделил наиболее силь-

ную и стойкую конную группу ген. Павлова (10—12 тысяч), которому была дана задача, следуя вверх по Манычу, совместно с 1-м корпусом ударить во фланги и тыл конницы Буденного...» [1]

16 февраля кавалерийская группа генерала Павлова опрокинула в районе хутора Веселый корпус Думенко и, отбросив его за Маныч, начала форсированный марш в район Великокняжеской. Продвигаясь по глубокому снегу, в стужу и метель, по бездорожному и безлюдному левобережью Маныча, генерал Павлов измотал силы своей конной группы и, не достигнув Великокняжеской, заблудился. Наконец ночью 18 февраля полузамерзшая, измученная блужданием по непролазным снегам конница Павлова подошла к селу Воронцово-Николаевке и столкнулась со сторожевыми заставами 4-й и 6-й кавалерийских дивизий. Следует сказать, что в связи с морозом не все наши части хорошо несли сторожевую службу, поэтому некоторые из них были застигнуты противником врасплох.

В это время мы с Климентом Ефремовичем в полевом штабе Конармии допрашивали двух полузамерзших белых казаков из передовых частей группы Павлова, которых только что притащили к нам разведчики 6-й дивизии. Пленные говорили, что уже трое суток генерал Павлов, заменивший Мамонтова, умершего от тифа, гонит свою группу по бездорожью и глубоким снегам. Кони выдохлись, люди два дня без горячей пищи и не держатся в седлах, многие обморозили руки и ноги.

Не успели мы еще закончить допрос, как прибежавшие в штаб ординарцы сообщили, что на 6-ю дивизию навалилась огромная масса конницы противника. Мы с Климентом Ефремовичем быстро вышли во двор и сели на коней. На северо-западных окраинах села слышался дробный стук пулеметов, временами заглушаемый ударами орудий. Жидкое нестройное «ура» гасло в залповой стрельбе.

На станции Торговой, где мы оказались через десять минут, противник уже был отбит частями 4-й дивизии. Лишь небольшие группы белоказаков маячили в серой

---

[1] А. И. Деникин. «Поход на Москву», стр. 237—238. Москва, 1928 г.

мглистой ночи, стараясь оттянуть застрявшие в снегу орудия и подобрать раненых.

Городовиков доложил нам, что белые отбиты, но ушли недалеко, остановились в колоннах и чего-то ждут. Он сказал, что казаки так замерзли, что ни стрелять, ни рубить как следует не могут.

Вдруг послышался слабый, затем все более нарастающий крик «ура». Белые шли в атаку. 1-я бригада 4-й дивизии во главе с Городовиковым бросилась в контратаку, прорвала жидкие цепи атакующих и рассеяла их. Однако, несмотря на то, что противник отходил, крики «ура» не смолкали.

Оказалось, что «ура» кричали обмороженные казаки, стоявшие в колонне. Так как в атаку они не могли идти, Павлов решил использовать их для психического воздействия. 1-я бригада на скаку врезалась в эту кричащую колонну. Началась давка, дикие вопли, беспорядочная стрельба. Белоказаки в ужасе разбегались или сдавались в плен.

В это время на участке 6-й дивизии завязался ожесточенный бой. Белоказаки, добравшись до окраины села, отчаянно цеплялись за каждый дом. Однако спешенные полки 6-й дивизии выбили противника из села, а затем, сев на коней, пытались перейти в преследование, но были остановлены огнем многочисленных пулеметов, под защиту которых ушли белоказаки. Подгоняемый лютым морозом, противник вновь и вновь атаковал позиции 6-й дивизии и каждый раз отходил в степь, оставляя на окраине села много убитых и раненых. Делали белогвардейцы попытки прорваться в село и на участках наших стрелковых частей, однако везде несли крупные потери и отходили.

К двум часам все стихло. В ночной дали полыхали одинокие костры, у которых обогревались казаки, сжигая свои обозы.

К утру генерал Павлов увел свою группу в сторону Крученой Балки и села Средний Егорлык. По данным разведотдела Конармии, в бою под Торговой в ночь с 18 на 19 февраля участвовали двадцать четыре кавалерийских полка противника общей численностью около десяти тысяч сабель.

Жуткую картину представляла степь, усеянная сотнями убитых и замерзших белоказаков. Среди брошенной

артиллерии и пулеметов, зарядных ящиков и разбитых повозок лежали замерзшие люди и лошади. Одни замерзли, свернувшись в клубок, другие на коленях, а иные, стоя по пояс в снегу рядом со своими застывшими лошадьми.

Впоследствии нами была организована специальная комиссия под председательством комиссара 4-й кавдивизии А. И. Детистова по обследованию поля боя. За время боевых действий в районе Торговая, Средний Егорлык согласно учету комиссии Детистова белые потеряли убитыми и замерзшими до пяти тысяч человек и две тысячи триста лошадей.

Утром 19 февраля Первая Конная армия и части наших стрелковых дивизий выступили в направлении Крученая Балка, Богородицкое, Лопанка, Средний Егорлык.

Отдельная кавбригада Курышко двинулась в район Сандата для обеспечения левого фланга Конармии и поддержки 32-й стрелковой дивизии, действовавшей в этом районе.

На пути движения наших передовых частей попадались отдельные части кавалерии белых. В районе Крученая Балка части 6-й кавалерийской дивизии настигли полк кавбригады генерала Голубинцева и разгромили его. В хуторе Сысоево-Александровское авангардные части этой же дивизии атаковали три полка белогвардейцев и, преследуя их, к вечеру заняли Лопанку.

Когда мы с Климентом Ефремовичем подъезжали к Крученой Балке, где решили остановиться на ночлег, к нам подскакал начальник бокового разъезда, высланный от подразделения прикрытия полевого штаба армии, и доложил, что влево в лощине замечена группа белых. Мы с подразделением прикрытия поехали к указанному месту, чтобы атаковать противника. Но атака не состоялась — там все белоказаки оказались мертвыми. Они, видимо, хотели обогреться, стали растаскивать большую скирду сена, но увязли в снегу и замерзли.

Утром к нам в Крученую Балку стали поступать донесения из дивизий. 4-я дивизия донесла, что заняла Богородицкое. При этом произошел интересный случай. Поздно вечером, когда бойцы 4-й дивизии накормили своих лошадей и укладывались спать, в Богородицкое приехали квартирьеры белых. Они заходили в дома и ру-

Командиры эскадронов Леонид и Емельян Буденные
(1920 г.)

Конармейцы
(1920 г.)

Реввоенсовет 1-й Конной армии с командным и политическим составом Конармии;
слева направо: Бахтуров, Тимошенко, Ворошилов, Буденный, Зотов, Городовиков, Детистов;
стоят: Грунин, Рожков, Дундич, Левда, Блиох, Горбачев, Степной-Спижарный, Харитонов, Косогов;
внизу: Лакотош, Максимеладзе (г. Майкоп, март 1920 г.)

гались, обвиняя наших бойцов в том, что они самовольно расположились тут. И наши и белые называли одни и те же номера полков и поэтому не подозревали, что являются противниками. В одном из домов белогвардейцев, очевидно, особо резко выругали и прогнали. Тогда они, узнав, где разместился штаб дивизии, пришли к начальнику штаба Косогову с жалобой. И только тот, когда его назвали «ваше благородие», понял, что к нему обращаются белые. Обезоружив казаков, Косогов выяснил, что у белых есть 4-я дивизия 2-го Донского корпуса с такими же номерами полков, как и в нашей 4-й дивизии.

6-я дивизия, овладевшая Лопанкой, донесла, что белые бежали в Средний Егорлык, в Песчанокопское, а также в Белую Глину, где, по данным разведки, разместились главные силы и штаб 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского.

От разведки 11-й кавалерийской дивизии, находившейся в армейском резерве, было получено печальное известие о разгроме белыми наших 28-й стрелковой дивизии и Кавказской кавалерийской дивизии Гая.

Эти две дивизии, наступавшие в направлении станции Целина, оказались в полосе движения конной группы генерала Павлова. Попавшая первой под удар, кавдивизия Гая после короткого ожесточенного боя была отброшена белыми за Маныч. В худшем положении оказалась 28-я стрелковая дивизия. Окруженная белоказаками, эта дивизия почти полностью погибла. Погиб смертью храбрых и начальник дивизии Азин.

В это же утро была получена директива командующего 10-й армией А. В. Павлова, в которой он подтверждал свое согласие на подчинение стрелковых дивизий его армии Реввоенсовету Первой Конной армии. Павлов благодарил Реввоенсовет Конармии за то, что он своевременно взял руководство над его стрелковыми дивизиями, потерявшими связь со штабом 10-й армии. Такой покладистый командарм попадался нам впервые. Командармы 8, 9 и 13-й армий обычно были очень недовольны, когда их дивизии попадали к нам во временное подчинение.

2

К 21 февраля обстановка на фронте Конармии и стрелковых дивизий 10-й армии сложилась следующая:

Конная группа генерала Павлова, понесшая большие потери в боях и от сильных морозов, отошла на запад, в станицу Егорлыкскую, и прикрылась двумя бронепоездами. На главном операционном направлении Конной армии, вдоль железной дороги Торговая — Тихорецк, занимал оборону 1-й Кубанский пехотный корпус генерал-лейтенанта Крыжановского, расположившего свои части под прикрытием трех бронепоездов в Песчанокопском и Белой Глине. Восточнее корпуса Крыжановского, в районе Рассыпное, Жуковка, Латник, оборонялся 2-й Кубанский кавалерийский корпус генерала Науменко.

К этому времени 4-я и 6-я кавдивизии сосредоточились в Среднем Егорлыке, а 11-я кавдивизия, по-прежнему составляя резерв армии, располагалась в Лопанке, 50, 20 и 34-я стрелковые дивизии вышли в район Богородицкого. Таким образом Конармия нависала над правым флангом Донской армии. Но с юга, то есть слева от Конармии, в районе Белая Глина, Рассыпное, Жуковка, сосредоточились пехотные и кавалерийские корпуса Кубанской армии противника, которые нацеливались нанести удар Конармии в левый фланг и тыл. Поэтому Реввоенсовет Конармии принял решение разгромить противника, угрожавшего нашему левому флангу, и овладеть Белой Глиной.

С этой целью 32-й стрелковой дивизии и Отдельной кавбригаде Курышко было приказано усилить нажим на расположение корпуса Науменко, отвлекая его внимание от действий на участке корпуса Крыжановского. 20, 34 и 50-й стрелковым дивизиям ставилась задача развить стремительное наступление в направлении Белой Глины, занять Развильное, Песчанокопское и, прочно удерживая их, сковать с фронта противника, расположенного в Белой Глине.

4-я и 6-я кавалерийские дивизии, составлявшие главные силы армии, должны были выйти из района Среднего Егорлыка через Горькую Балку на фланг корпуса Крыжановского и, порвав железную дорогу у разъезда Горький, нанести белым удар с тыла, охватывая Белую Глину с запада и юга.

Намеченная Реввоенсоветом армии операция была сложной по своему маневру и требовала максимальной быстроты. Надо было не допустить объединения сил противника и громить его по частям.

22 февраля 4-я, 6-я кавалерийские, 20, 34 и 50-я стрелковые дивизии одновременно перешли в наступление.

Мы с Климентом Ефремовичем были в авангарде 4-й кавалерийской дивизии, наступавшей на Горькую Балку. Стоял ясный морозный день. Кругом, насколько охватывал глаз, лежала однообразная заснеженная степь. Почти вплотную за колонной 4-й дивизии двигалась 6-я дивизия, и вдалеке, скрываясь за горизонтом, темной массой двигались части 11-й кавалерийской дивизии. В Среднем Егорлыке, для прикрытия операции Конармии с севера от группы генерала Павлова, оставалась бригада 11-й дивизии под командой комбрига С. М. Патоличева.

При подходе к селу Горькая Балка передовые части 4-й дивизии натолкнулись на сторожевое охранение пехоты противника. 2-я бригада 4-й дивизии (комбриг Мироненко) с ходу развернулась и на плечах противника ворвалась в село, где располагалась ранее неизвестная нам сводно-гренадерская дивизия корпуса Крыжановского. Гренадеры не успели развернуться, да, видно, и не пытались это делать. Перестреляв своих офицеров, они воткнули штыки в землю и сдались в плен. Успел лишь ускакать раздетым на неоседланной лошади генерал — командир гренадерской дивизии. Таким образом, без боя было взято в плен около трех тысяч солдат с обозами, пулеметами и артиллерией.

Обезоружив белых гренадеров, 4-я кавалерийская дивизия двинулась в юго-восточном направлении, порвала железную дорогу у разъезда Горький и начала выходить в тыл 1-му Кубанскому корпусу. В это время 6-я кавалерийская дивизия захватила станцию Белоглинскую и ворвалась в село Белая Глина. Все, что было у противника в Белой Глине, — артиллерия, пулеметы, большие обозы с боеприпасами, вещевым имуществом, в частности, с сапогами, в которых мы так нуждались,— все попало в наши руки. Лишь штаб 1-го Кубанского корпуса во главе с генералом Крыжановским укрылся в бронепоезде и предпринял попытку прорваться на юг, в сторону Тихорецкой.

Однако путь отхода на юг был уже отрезан.

Бронепоезд дошел до места, где железнодорожное полотно было разрушено, и остановился. Генерал Крыжа-

новский, начальник артиллерии его корпуса генерал Стопчин и все офицеры штаба перебрались на бронеплощадки и стали отчаянно отбиваться.

Сначала бронепоезд сосредоточил огонь по наседавшей на него в конном строю 2-й бригаде 4-й дивизии. Затем он дал задний ход и пошел на Белую Глину, где попал под удар 35-го кавполка 6-й дивизии. Во время атаки был убит командир этого полка Константин Усенко. Весть о гибели любимого командира подняла полк в яростную атаку. Бронепоезд начал уходить на юг и снова был встречен 2-й бригадой 4-й дивизии. И здесь Конармию постигла новая тяжелая утрата. Вражеская пуля оборвала жизнь одного из наших лучших комбригов — Григория Митрофановича Мироненко. Как всегда, этот отважный, безгранично любимый бойцами командир мчался на врага впереди своей бригады. Белогвардейцы подпустили конармейцев на близкое расстояние и открыли огонь из всех пулеметов. Первая же пулеметная очередь сразила Мироненко. Бригада залегла. Некоторые бойцы начали отходить. Но вот на место убитого комбрига встал совсем молодой голубоглазый комиссар бригады Федор Мокрицкий.

— Товарищи, вперед, за мной! Отомстим за любимого комбрига!

И бригада при поддержке подоспевшей конной батареи бросилась в атаку. Комиссар был тяжело ранен, но не вышел из строя и сражался до конца боя.

Бой кончился тем, что генерал Крыжановский покинул бронеплощадку. Вместе с группой своих штабных офицеров и командой бронепоезда он пытался бежать, но был окружен, и ему пришлось закончить свой путь самоубийством. Начальник штаба 1-го Кубанского корпуса полковник Генштаба Даниленко сдался в плен.

Бои Конармии 22 февраля закончились разоружением уцелевших частей 1-го Кубанского корпуса белых.

На следующий день на центральной площади Белой Глины мы хоронили павших в бою смертью храбрых комбрига Мироненко и командира полка Усенко. Бойцы и командиры 2-й бригады 4-й дивизии и 35-го полка 6-й дивизии пришли проститься со своими боевыми товарищами и любимыми командирами. Много было сказано на могиле горьких прощальных слов. Говорил Ворошилов, говорил и я. Мироненко и Усенко я знал очень

близко. Хорошие были командиры, люди неиссякаемой энергии и высокого мужества. У Мироненко были все задатки, чтобы стать выдающимся военачальником. Решено было его имя присвоить одному из захваченных у противника бронепоездов.

3

В Белой Глине оказалась в исправности связь со штабом Деникина. Благодаря этому с помощью пленного полковника Даниленко мы получили очень много интересных и ценных для нас сведений. Не подозревая, что корпуса генерала Крыжановского уже не существует, штаб Деникина продолжал давать в Белую Глину разные информационные сводки и директивные указания.

Мы узнали из них, что деникинцы спешно усиливают группу генерала Павлова. В район станицы Егорлыкской стягивались крупные силы конницы и пехоты, частью сформированной из тыловых работников и буржуазии, бежавшей на Северный Кавказ.

Штаб Деникина информировал штаб генерала Крыжановского о том, что «Добровольческим» корпусом оставлен Ростов, войска отведены за реки Дон и Маныч с целью высвобождения части сил и сосредоточения их в станице Егорлыкской, станции Атаман для борьбы против Первой Конной армии. О том, что белые занимали Ростов, а затем оставили его, мы до этого никаких сведений не имели. Даниленко подтвердил ранее известные нам данные о том, что в помощь Павлову должен быть переброшен из-под Батайска 3-й конный корпус генерала Юзефовича. Одновременно стягивались силы и в район Тихорецкой. Для обороны этого важного железнодорожного узла перебрасывалось до шести тысяч отборной пехоты, наполовину состоящей из офицеров-добровольцев под командой генерала Марченко-Амросьева. Даниленко, кроме того, рассказал нам, что в штаб корпуса поступила информация о том, что при занятии Ростова войсками белых, был убит командарм Конной — Буденный. Труп Буденного выкраден большевиками, но его личность установлена по документам.

Для нас стал очевиден замысел белогвардейского командования: усилив за счет ослабления фронта на участках 8-й и 9-й армий группировку генерала Павлова, нанести ею удар из района Егорлыкской во фланг и тыл

Конармии, в то время как Кубанская армия будет сковывать нас на тихорецком направлении.

И действительно, 23 февраля части группы Павлова нанесли удар из района станицы Егорлыкской по нашему заслону с севера — бригаде С. М. Патоличева, занимавшей Средний Егорлык. В течение нескольких часов полки бригады отбивали яростные атаки белогвардейцев. Дважды раненный в плечо и ногу, доблестный комбриг Семен Михайлович Патоличев оставался в строю, своим мужеством поднимая боевой дух конармейцев.

Однако противник, используя свое превосходство в численности, окружил бригаду. И тогда совершает геройский подвиг начальник политотдела 11-й дивизии, исполняющий обязанности военкомдива, Андрей Васильевич Хрулев. С горсткой храбрецов он прорывается через кольцо вражеского окружения и вызывает помощь. Вскоре, поддержанная другими частями 11-й кавдивизии, бригада Патоличева вышла из окружения. Однако группа Павлова все более активизировалась.

Положение становилось очень серьезным. Конная армия с группой стрелковых дивизий 10-й армии по существу оказывалась перед главными силами Деникина. Мы чувствовали, что предстоящие операции Конармии должны были решить судьбу всего Кавказского фронта. К этому времени связь со штабом фронта опять прервалась, и нам приходилось действовать, как говорил Климент Ефремович, «по нашему революционному чутью». Прежде чем решить вопрос о наших дальнейших действиях, мы созвали совещание командования всех дивизий совместно с полевым штабом и Реввоенсоветом Конармии.

Обычно мы с Климентом Ефремовичем не были сторонниками такого рода совещаний, считая, что чем меньше людей знают об оперативном замысле, тем лучше. Но на этот раз обстановка была особо сложной, и надо было информировать о ней командный состав дивизий и услышать его мнение.

Перед нами были два возможных решения: первое — разгромив группировку противника в районе Средний Егорлык — Егорлыкская, дать возможность войскам 8-й и 9-й армий форсировать реки Дон и Маныч и совместно с ними перейти в решительное наступление по всему фронту. И второе — воспользовавшись поражением, нанесенным противнику в Белой Глине, развивать наступле-

ние на юг, овладеть станцией Тихорецкая и нанести удар в тыл деникинским войскам, действующим на ростовском направлении.

И в том и в другом случаях исход операции должен был решить судьбу всего фронта — либо мы разгромим противника и тем самым ликвидируем деникинские войска на Северном Кавказе, либо белые разобьют Конармию и, используя весеннюю распутицу, задержат советские войска на рубеже рек Дон, Маныч, соберут резервы, получат новые средства от Антанты, наведут порядок в своем тылу, расстроенном зимними неудачами, и к лету перейдут в контрнаступление.

Выступали почти все участники совещания. Большинство высказалось за наступление на Средний Егорлык — Егорлыкская, против главной по существу ударной группы деникинских войск на Северном Кавказе.

Однако и сторонники наступления на Тихорецкую приводили в поддержку своего мнения весьма веские доводы. Они указывали, что, разгромив корпус Крыжановского, мы открываем себе путь к Тихорецкой, а захватив этот железнодорожный узел, перерезаем важнейшую железнодорожную коммуникацию, питающую войска белых на ростовском направлении, и окончательно разъединяем Донскую армию генерала Сидорина и Кубанскую армию генерала Шкуро.

Нельзя было не согласиться с тем, что удар на Тихорецкую мог быстрее решить задачу, поставленную Конармии последней директивой Реввоенсовета фронта. Однако в конкретной обстановке этот удар был связан с большим риском. Армия, углубившись на юг, могла оказаться между двух огней — между противником, оборонявшим Тихорецкую, и группой генерала Павлова.

После обмена мнениями Реввоенсовет армии принял единодушное решение — разгромить группировки противника каждую в отдельности, и в первую очередь — группу генерала Павлова, как наиболее опасную и сильную, угрожающую тылам Конармии.

24 февраля был подписан приказ Конной армии, которым 4, 6, 11-я кавалерийские и 20-я и 50-я стрелковые дивизии круто поворачивались на север и северо-запад для нанесения удара противнику в направлении Средний Егорлык.

6-й кавалерийской дивизии, составлявшей авангард

Конармии, приказывалось наступать через село Горькая Балка и атаковать противника в Среднем Егорлыке с запада и северо-запада.

4-я кавалерийская дивизия должна была продвигаться за авангардом армии и оказать поддержку 6-й дивизии атакой противника в Среднем Егорлыке с юга и юго-запада.

11-й кавалерийской дивизии ставилась задача обеспечить правый фланг 20-й и 50-й стрелковых дивизий и совместно с ними атаковать противника в Среднем Егорлыке с востока и северо-востока. 34-я стрелковая дивизия должна была занять оборону в Белой Глине, прикрывая операцию Конармии со стороны Тихорецкой.

В 7 часов утра 25 февраля Конармия и подчиненные ей стрелковые дивизии приступили к выполнению поставленных задач.

В серое морозное раннее утро 6-я кавалерийская дивизия выступила из села Горькая Балка в направлении на Ново-Роговский. 4-я кавалерийская дивизия, выступив со станции Белоглинская, двинулась по проселочной дороге строго на север, в направлении Среднего Егорлыка. 11-я кавалерийская дивизия продвигалась на Песчанокопское, откуда совместно с 20-й стрелковой дивизией поворачивалась на северо-запад в направлении восточной окраины Среднего Егорлыка. В голове каждой дивизии двигались артиллерийские дивизионы и значительная часть пулеметов. Артиллерия и пулеметы были выдвинуты вперед на случай встречного столкновения с противником.

В 10 часов утра разъезды передовых частей 6-й дивизии примерно на полпути между Белой Глиной и Средним Егорлыком обнаружили медленно двигающиеся конные колонны противника. Это был 4-й Донской корпус группы Павлова. Белые, видно, твердо уверенные в том, что Конармия наступает на Тихорецкую, в колоннах без разведки, двигались к Белой Глине.

По команде Тимошенко 6-я дивизия, укрывшись в лощине, подпустила к себе колонны противника и, накрыв белогвардейцев сильным артиллерийским огнем, перешла в решительную атаку. Белые растерялись, начали беспорядочно метаться в разные стороны и, наконец, смятые конармейцами, пустились в паническое бегство. Дивизия перешла в преследование.

В то время как 4-й Донской корпус белых, смятый 6-й кавдивизией Конармии, в беспорядке отступал,

2-й Донской корпус, лично руководимый генералом Павловым, столкнулся с авангардными частями 20-й стрелковой дивизии, продвигавшимися из Песчанокопского на Средний Егорлык. Обнаружив нашу пехоту, Павлов остановил свой корпус с намерением развернуть его и атаковать 20-ю стрелковую дивизию. Однако это намерение осталось неосуществленным. Неожиданно на правый фланг 2-го Донского корпуса вышла 4-я кавалерийская дивизия Конармии и внезапно обрушила на колонны белогвардейских полков огонь всей своей артиллерии. Вслед за артиллерией были пущены в ход пулеметы. Пулеметные тачанки на карьере выскакивали на фланги и вперед и, развернувшись, с дистанции триста — четыреста метров поливали пулеметным огнем ошеломленных белогвардейцев. Воспользовавшись замешательством противника, начдив 4-й кавалерийской дивизии Городовиков с ходу развернул 2-ю и 3-ю бригады и лично повел их в атаку. Началась жестокая рубка. Мы с Климентом Ефремовичем возглавили атаку 1-й бригады, стремясь обойти правый фланг противника и отрезать ему путь отхода на Средний Егорлык.

Поняв наш замысел, белоказаки начали пятиться, а затем, смятые 2-й и 3-й бригадами, побежали в панике, сбивая друг друга, бросая орудия и пулеметы и подставляя свои спины под клинки конармейцев. Белогвардейцы настолько резво уходили на Средний Егорлык, что 1-й бригаде никак не удавалось отрезать им путь бегства. Поминутно захлестывая фланг белоказаков, мы мчались параллельно им к Среднему Егорлыку. Во время этой погони ко мне подскакал Климент Ефремович, на ходу обнял меня, поцеловал и, улыбаясь, сказал:

— Правильно решили бить на Егорлык. Вон как мы их хватили! — И, захваченный азартом преследования противника, прибавил аллюр лошади.

Белогвардейские корпуса, потерпев жестокое поражение во встречном бою, бежали в направлении станицы Егорлыкская и станции Атаман. В общем итоге на поле боя противник оставил до пятисот казаков убитыми, много ранеными и свыше тысячи человек пленными. Конармия захватила двадцать девять орудий, около ста пулеметов и обоз первого разряда обоих белых корпусов.

В числе пленных оказался начальник штаба одной из

дивизий 2-го Донского корпуса, который на допросе показал:

— Как только была обнаружена ваша пехота, генерал Павлов приказал остановить корпус и вызвать к нему на совещание командиров дивизий и их начальников штабов. Когда это было исполнено, Павлов заявил, что Конная армия Буденного, как и нужно было ожидать, пошла на Тихорецкую, выдвинув против нас заслон из своей пехоты. Наша задача разгромить пехоту красных, и путь на тылы конницы Буденного будет открыт. Павлов еще что-то хотел сказать, но не успел... ваша артиллерия накрыла нас... Потом неожиданно появилась ваша конница. Все растерялись. Командиры дивизий бросились было к своим частям, в которых началась суматоха от артогня, но, не восстановив порядка, вернулись к Павлову спросить его, что делать. Павлов сказал: «Здесь должна быть выдержка». Однако выдержки не получилось. Ваши полки развернулись и пошли в атаку. Заметив обход с флангов, Павлов, а за ним и весь собранный при нем командный состав бросились бежать, сея на своем пути панику. Дивизии, оставшиеся без командования и смятые вашими частями, последовали примеру своих командиров...

Остановившись на ночь в Среднем Егорлыке, мы в 11 часов вечера послали донесение в штаб Кавказского фронта о поражении, нанесенном 2-му и 4-му Донским корпусам. Утром 26 февраля мы получили следующую радиограмму:

«Реввоенсовет Кавказского фронта поздравляет Вас и доблестные части Конной армии со славной победой над армиями издыхающей контрреволюции.

Реввоенсовет фронта верит, что доблестная, покрывшая себя неувядаемой славой Красная армия окончательно сломит упорного врага и приблизит час окончательного торжества Советской власти на всем Кавказе...» [1]

4

Накануне подул теплый южный ветер. А к утру 26 февраля, когда поднялось солнце и разогнало серый туман, затемнели в поле грязно-рыжие проталины и черные гряды земли.

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 1, д. 47, л. 325.

На Дону и Ставрополье начиналась весна 1920 года.

С утра в Среднем Егорлыке было шумно. По улицам сновали всадники, продвигались колонны конных полков, месили жидкую грязь подразделения пехоты, гулко громыхали артиллерийские упряжки. Кругом говор, ругань, смех.

Части Конармии выступали из Среднего Егорлыка, вытягиваясь на большую, размокшую дорогу, ведущую на северо-запад. Впереди была станица Егорлыкская, где сосредоточились главные силы группы белогвардейских войск под командованием генерала Павлова.

Мы торопились, чтобы не дать оправиться группе Павлова после понесенного ею поражения. Однако, продолжая наступление, наши передовые части натолкнулись на сильную круговую оборону станицы Егорлыкской, умело прикрытую бронепоездами. Тогда мы решили закрепиться на исходных рубежах, подтянуть стрелковые части и тылы и после небольшого отдыха атаковать противника в Егорлыкской.

Нашей разведкой было установлено, что в район станицы Егорлыкской и станции Атаман дополнительно перебрасываются части 1-го Донского корпуса, Терско-кубанские конные дивизии, отборная пехота из Добровольческого корпуса генерала Кутепова и вновь созданные из стариков-казаков пластунские части генерала Чернецова. Сюда же из-под Ростова направлялись два бронепоезда. Общая численность белогвардейцев, по нашим сведениям, исчислялась до двадцати пяти тысяч сабель и трех тысяч штыков. «Егорлыкская крепость», «Белый Петроград» — так именовали белогвардейцы станицу Егорлыкскую, о которую, как они надеялись, должны были разбиться наши войска.

Вечером 29 февраля Реввоенсовет Конармии решил 1 марта предпринять энергичное наступление на Атаман-Егорлыкскую силами Конармии и 20-й стрелковой дивизии.

Наступление началось на рассвете. Погода неблагоприятствовала. Дороги были исключительно тяжелыми. Артиллерия, пулеметные тачанки, повозки с боеприпасами и медикаментами вязли в густой цепкой грязи. Особенно было трудно продвигаться на спусках и подъемах балок. Лошади артиллерийских упряжек выбивались из сил. Приходилось в помощь им давать дополнительные уносы лошадей.

К 10 часам 4-я и 6-я дивизии Конармии сосредоточились в лощинах южнее станицы Егорлыкской. Плотный туман еще не рассеялся, закрывая серой пеленой притихшую станицу, до которой оставалось несколько километров. Между тем с юго-востока к Егорлыкской подходила 20-я стрелковая дивизия и развертывалась в боевой порядок. Вскоре на юго-востоке станицы застрочили пулеметы, началась сильная залповая стрельба. Это 20-я стрелковая дивизия вступала в бой с пластунами генерала Чернецова. Наши пехотинцы цепями, с винтовками наперевес, при поддержке сильного пулеметного и артиллерийского огня, упорно продвигались вперед, тесня пластунов противника.

Тем временем 4-я и 6-я кавалерийские дивизии развертывались для атаки. Казачьей конницы вначале не было видно. Но с отходом пластунов Чернецова началось поспешное движение крупных масс кавалерии на западной и южной окраинах станицы. Наиболее крупная группа конницы белых, сосредоточившись на западной окраине Егорлыкской, перешла в атаку в обход левого фланга Конармии. Замысел противника, очевидно, состоял в том, чтобы захлестнуть наши кавалерийские дивизии с левого фланга, смять боевые порядки частей и отбросить Конармию на северо-восток, к железной дороге, под огонь бронепоездов и пластунов генерала Чернецова.

Парировать удар обходной колонны противника было приказано 6-й кавалерийской дивизии. Перейдя в контратаку, 6-я дивизия сбила направление атакующего противника и завязала с ним упорный бой. В это время 4-я кавалерийская дивизия перешла в решительную атаку. Темная масса полков дивизии широкой лавой стремительно неслась на неприятельскую конницу, выдвинувшуюся на южную окраину Егорлыкской. Как-то все вдруг приутихло, и только тысячный топот коней конармейцев шумно разносился по степи. Белогвардейская конница начала было развертываться для атаки, но когда грянуло «ура» конармейцев, она быстро свернулась и, выбросив вперед пулеметы, отошла на окраину станицы.

Пулеметы белых открыли ураганный огонь по атакующим полкам 4-й дивизии и принудили их к отходу. Не успела 4-я дивизия отойти и перестроиться, как белогвардейская конница перешла в атаку против левого

фланга 20-й стрелковой дивизии. Для ликвидации угрозы, нависшей над флангом нашей пехоты, две бригады 4-й дивизии круто повернули вправо и перешли в контратаку, сильным ударом отбрасывая конницу белогвардейцев. При этой схватке на флангах центр фронта Конармии оказался ослабленным. Этим воспользовались белые, бросив в атаку на центральный участок фронта Конармии крупную группу конницы. Нескончаемой волной катилась конница белых на участок, занимаемый лишь 19-м кавалерийским полком 4-й дивизии. Впереди атакующей конницы белых мчался офицерский конный полк, построенный взводными колоннами. Положение было очень опасное. Белые могли легко прорвать фронт 19-го полка и выйти на артиллерийские позиции и штабы 4-й и 6-й дивизий, а затем нанести удар Конармии в тыл.

Офицерский полк с гиком и свистом прорвался через слабую цепь 19-го полка и устремился вперед. И в этот момент блестящий пример хладнокровия и мужества проявил начальник 4-й кавалерийской дивизии Городовиков. Пропустив вперед зарвавшийся полк белых, он приказал всем пулеметчикам и конноартиллерийскому дивизиону открыть в упор огонь по главным силам атакующего противника. Это приказание было немедленно выполнено. Исключительно четко работали наши артиллеристы и пулеметчики. Десятками замертво ложились белоказаки на истоптанную тысячами копыт сырую весеннюю степь. Понеся огромные потери, противник отпрянул назад, а затем покатился к Егорлыкской. Зарвавшийся офицерский полк белых был полностью изрублен.

Между тем 6-я кавалерийская дивизия, отбросив правофланговую группу белых на западную окраину Егорлыкской, вышла во фланг противника, отступавшего перед 4-й дивизией, и нанесла ему сильный фланговый удар. Под ударом 6-й дивизии с фланга и частей 4-й дивизии с фронта расстроенные ряды белой конницы отступили в Егорлыкскую, под прикрытие своей артиллерии и пулеметов.

Одновременно с острыми схватками огромных кавалерийских масс на открытой равнине не переставая кипел жаркий бой между 20-й стрелковой дивизией и пехотой противника, засевшей под прикрытием бронепоездов на юго-восточной окраине станицы Егорлыкская и станции

Атаман. Сковывая здесь противника непрерывными атаками, наши доблестные пехотинцы прочно обеспечивали правый фланг Конармии.

К вечеру, подтянув свежие силы конницы, белые вновь перешли в атаку. По всему фронту началась артиллерийская и ружейно-пулеметная стрельба, засверкали тысячи клинков, загремело многоголосое «ура», заколыхались десятки знамен и сотни разноцветных флажков эскадронов. Снова началась упорная борьба за фланги, жестокая кавалерийская сеча.

К концу дня 6-я кавалерийская дивизия отбросила противника на левом фланге в пос. Иловайский, 4-я дивизия вышла к южной окраине Егорлыкской, 20-я стрелковая дивизия при поддержке 11-й кавалерийской дивизии и подошедших дивизий Гая и имени Блинова заняла станцию Атаман и северо-восточную окраину станицы Егорлыкской.

Противник продолжал оказывать упорное сопротивление, отчаянно цепляясь за каждый дом, за каждый сарай станицы. Многие улицы белогвардейцы забаррикадировали повозками, плугами, бочками, бревнами, санями и отчаянно отбивались. По всей станице шел ожесточенный кровопролитный бой. Лишь во второй половине ночи белогвардейцы были выбиты из Егорлыкской и наши части полностью овладели станицей.

Этой же ночью, когда кавалерия белых, бросая орудия, зарядные ящики, повозки, беспорядочно отступала из Егорлыкской на юго-запад, на помощь им в Егорлыкскую из Мечетинской спешила белая пехота, в основном пластунские части, спешно сформированные из казаков-стариков. Вероятно, деникинскому командованию, отправлявшему казаков-пластунов в Егорлыкскую, не было известно, что она занята красными. А наши части, утомленные тяжелым боем, отдыхали в станице и не заметили, как к северо-западным окраинам ее подходила белогвардейская пехота. На рассвете, обнаружив белых у себя под боком, части 4-й кавалерийской дивизии перешли в атаку, смяли пластунские части казаков, не успевшие принять боевой порядок, и обратили их в паническое бегство. Казаки-бородачи, несмотря на свой солидный возраст, так бойко удирали, что их бегу в лучшее время позавидовали бы молодые. Ну, а теперь завидовать было нечему. «Марафонский бег» казаков приносил им только

позор. В распутицу бежать было трудно, особенно если учесть, что белоказаки были одеты по-зимнему тепло. Преследуемые конармейцами, они бросали в грязи валенки и улепетывали босиком. Насколько охватывал глаз в сторону станицы Мечетинской, в вязкой глине дороги и ее обочин торчали, как обгорелые пни, казацкие валенки.

Так закончилось это большое сражение между советскими войсками и лучшими частями деникинских войск на Северном Кавказе, в котором с обеих сторон участвовало только кавалерии до сорока тысяч сабель.

Если говорить об этом сражении, как испытании боевой зрелости и боевого духа Конармии, то я с полным правом могу сказать, что испытание было выдержано блестяще всеми соединениями и частями нашей армии. Геройски сражались и умело руководили дивизиями начдивы 4, 6 и 11-й кавалерийских дивизий Городовиков, Тимошенко и Степной-Спижарный. Примером личной храбрости воодушевляли бойцов комиссары дивизий Бахтуров, Детистов и Хрулев. Тюленев, сменивший на посту погибшего Мироненко, раненный в бою, руководил 2-й бригадой 4-й дивизии до конца сражения. Нельзя было не восхищаться стойкостью в бою наших артиллеристов и пулеметчиков. Храбро сражались бойцы, командиры и комиссары доблестной двадцатой стрелковой дивизии.

Трудно назвать всех героев этого сражения, потому что чудеса храбрости, лихой отваги и товарищеской взаимовыручки в бою показали сотни бойцов, командиров и политработников. Приведу несколько характерных подвигов конармейцев, награжденных за заслуги в боях под Егорлыкской орденами Красного Знамени.

При атаке противника, обходившего фланг 20-й стрелковой дивизии, помощник командира взвода 22-го кавалерийского полка 4-й дивизии Быков Михаил Александрович бросился к вражескому пулемету, открывшему внезапный фланговый огонь по нашей пехоте, и уничтожил белогвардейских пулеметчиков. Подвиг Михаила Быкова спас десятки жизней красноармейцев.

Командир взвода этого же полка Агеев Георгий Николаевич первым ворвался в ряды белогвардейцев, приготовившихся к атаке, застрелил двух офицеров и, захватив пулемет, открыл из него огонь по противнику.

Бойцы Петрушин Петр Максимович и Ромов Федор Данилович прорвались к неприятельской батарее, зарубили двух офицеров и, овладев батареей, немедленно использовали ее против белогвардейцев.

Командир взвода 22-го кавполка 4-й дивизии Журавлев, попав раненным в плен, во время атаки белых подобрался к их пулемету, перебил его прислугу и, открыв огонь по белогвардейцам, сорвал их атаку.

Геройский подвиг совершила медицинская сестра Таисия Плотникова, спасая раненых конармейцев. Когда конный полк белых прорвался в тылы 4-й дивизии, она, вскочив на коня, повела бойцов в контратаку и первая, ворвавшись в ряды противника, застрелила офицера.

По сути дела сражение под Егорлыкской было завершающей операцией по ликвидации деникинщины.

Воспользовавшись успехами Первой Конной армии и стрелковых дивизий 10-й армии, перешли в наступление 8-я и 9-я армии. Части этих армий заняли Азов, Батайск, Койсуг, Хомутовскую, Мечетинскую. 11-я армия овладела Ставрополем...

«Дух был потерян вновь», — писал Деникин, характеризуя состояние своих войск после поражения, понесенного ими у Торговой, Белой Глины, Среднего Егорлыка и Егорлыкской. Однако он еще рассчитывал задержать свои войска на рубеже рек Кубань, Лаба и Белая.

«Необходимо было оторваться от врага, поставить между ними и собой непреодолимую преграду и «отсидеться» в более или менее обеспеченном районе, — первое время, по крайней мере, пока не сойдут маразм и уныние с людей, потрясенных роковыми событиями», — писал Деникин [1].

Однако деникинские войска были уже не способны к организованному сопротивлению. Белое казачество окончательно разлагалось. Донцы разбегались или сдавались в плен, не желая отступать на Кубань. Кубанских казаков они не любили, называли их «хохлами» и добра от них не ожидали. А те действительно не проявляли гостеприимства к своим собратьям по казачеству.

— Проворонили свой Тихий Дон и убирайтесь куда хотите. Прятаться на Кубани нечего, — говорили кубанцы донцам.

---

[1] А. И. Деникин. «Поход на Москву», стр. 239—240.

Один взятый нами в плен старый донской казак сказал, что он вместе с другими беженцами двигался на Кубань в своей бричке, на своей лошади.

— Ну и где же твоя лошадь и бричка? — спросил я его.

— Где? Отобрали кубанские казаки. Дали вот палку в руки и говорят: проваливай туда, откуда приехал...

Началась дружная весна. Отступление в распутицу — тяжелое дело. Дороги так развезло, что движение по ним, особенно артиллерии и колёсного транспорта, стало совершенно невозможным.

Части разбитых донских корпусов, лишенные единого и твердого командования, рассыпались на группы, бросали орудия и пулеметы, бросали больных и раненых, бросали исхудалых, выбившихся из сил лошадей. Наши любители сравнений говорили, что деникинская армия в это время была похожа на армию Наполеона, бежавшую в 1812 году по старой Смоленской дороге. Разница была лишь в том, что французы бежали на запад в зимнюю стужу, а деникинцы на юг в весеннюю распутицу.

Положение белых было бы еще хуже, если бы Конармия и части 10-й армии неотступно продолжали преследование.

Однако мы, к сожалению, преследовать противника не могли, и не только потому, что мешала непролазная грязь. Конармия и стрелковые дивизии 10-й армии были крайне утомлены непрерывными и напряженными боями. Нужно было дать частям отдых, надо было подтянуть тылы, пополниться всем необходимым для боя и жизни, произвести учет захваченных трофеев, сдать пленных или обратить их на пополнение наших частей.

Конармия расположилась на отдых в станице Егорлыкской, на станции Атаман и в прилегающих хуторах. В этом же районе расположилась 20-я стрелковая дивизия, а также 1-я кавказская кавалерийская дивизия и 2-я кавалерийская дивизия им. Блинова, которые, кстати говоря, вместе с Донской (впоследствии 9-й) и 12-й кавалерийскими дивизиями были объединены во 2-й Конный корпус 10-й армии и директивой Реввоенсовета Кавказского фронта от 3 марта 1920 года переданы в оперативное подчинение Конармии. В дальнейшем обстановка показала, что надобности в этом подчинении нет, и 31 марта 2-й Конный корпус был передан 10-й армии.

50-я стрелковая дивизия оставалась в Среднем Егорлыке, а 34-я — в Белой Глине.

32-я стрелковая дивизия и отдельная кавалерийская бригада Курышко занимали населенные пункты восточнее Белой Глины.

5

Когда части Конармии расположились на отдых, мы с Климентом Ефремовичем поехали на захваченном у противника бронепоезде в Ростов — надо было организовать подвоз в армию необходимого интендантского имущества, продовольствия, фуража и боеприпасов. По дороге в Батайске мы узнали, что на станции стоит служебный вагон командующего Кавказским фронтом Тухачевского. Лично мы его еще не знали. Слышали только, что он командовал армией на Восточном фронте, потом был в резерве Реввоенсовета республики, а затем назначен командующим войсками Кавказского фронта. Мы решили представиться Тухачевскому, доложить о состоянии армии и узнать о новой задаче.

Войдя в вагон, мы встретились с Тухачевским в узком проходе перед салоном.

После того как мы представились ему, он строго спросил:

— Почему вы не выполнили моего распоряжения об ударе в направлении станицы Мечетинской и повели Конную армию в район Торговой?

Меня удивила молодость командующего фронтом. На вид ему было не более двадцати пяти лет. Он держал себя солидно и даже грозно, но чувствовалось, что это у него напускное, а на самом деле он просто молодой человек, красивый, румяный, который не привык еще к своему высокому положению.

На строгий вопрос Тухачевского я спокойно ответил ему, что удар Конармии из района Платовской строго на запад в направлении Мечетинской в конкретно сложившейся к тому времени обстановке был нецелесообразным по следующим причинам:

Конармия, утомленная форсированным маршем, не могла наступать по степи, заваленной глубоким снегом, где нельзя было найти ни жилья, ни фуража.

Но главное — начались сильные морозы, при которых оставлять армию в степи означало сознательно погубить ее, что и подтвердила участь группы генерала Павлова.

Поэтому Реввоенсовет Конармии решил несколько уклониться вправо — в населенные районы, где можно было достать фураж и обогреть людей, а затем во взаимодействии со стрелковыми соединениями 10-й армии разгромить противника и продолжать движение в указанном направлении. События показали, что решение Реввоенсовета армии было оправданным.

Пока я говорил это, к нам подошел черноглазый и черноусый плотно сложенный мужчина средних лет с орлиным носом и, немного послушав, добродушно улыбаясь, с заметно кавказским акцентом сказал командующему:

— Брось придираться. Нужно радоваться. Ведь противник разбит. Разбит в основном усилиями Конармии. А ты говоришь... Даже Екатерина Вторая сказала, что победителей не судят, — и он обернулся к нам. — Будем знакомы — Орджоникидзе.

Григорий Константинович поздоровался с нами и пригласил нас в салон.

В салоне Тухачевский спросил меня:

— Вы как здесь очутились?

— Едем в Ростов.

— Почему без моего ведома?

— Мы едем в свой штаб и о вас узнали чисто случайно. А узнав, решили представиться.

— Ну хорошо, — сказал Тухачевский, — но я же вам в Ростов ехать не разрешал.

— А разве бывает такой командующий армией, который каждый раз, как ему есть надобность ехать в свой штаб, спрашивает о том командующего фронтом?

— Прав он, — отозвался своим звонким баритоном Орджоникидзе.— Чего ты к нему придираешься?— повторил он и заговорил с нами. — Мы сами собирались добраться до вас, посмотреть на ваши дела. Очень хорошо, что приехали. А то мы точно не знали, где вас искать — в Белой Глине, в Торговой или в Мечетинской. Ну рассказывайте, каковы ваши дела, как Конармия.

Мы доложили со всеми подробностями о боях Конармии и о положении на фронте.

— Войска Деникина, — заключил Григорий Константинович, — практически разгромлены. Это большая победа. Народ вам спасибо скажет.

Тухачевский поговорил еще с нами, но уже в другом тоне — чувствовалось, что после нашего доклада мнение его о нас и о Конармии изменилось, а потом куда-то ушел.

К Орджоникидзе мы как-то сразу прониклись доверием. Его душевная простота располагала к откровенности, и, когда Тухачевский ушел, мы попросили Григория Константиновича рассказать нам о новом командующем фронтом.

Он сказал, что Тухачевского мало знает, так как с ним работает совсем недавно, может сказать только, что по социальному происхождению Тухачевский из дворян, окончил Александровское пехотное училище в Москве, затем служил в Петрограде взводным офицером, принимал участие в мировой войне, но в первые же дни попал в плен к немцам, пытался бежать, два раза его ловили, но третий раз побег удался; прибыв в Россию, предложил свои услуги Советской власти...

— Вот и все, что я о нем знаю. Личное мое мнение о нем такое: воевать может и хочет. Живой, подвижный, не плохо подготовленный в военном отношении, начитанный, особенно знает и почитает Клаузевица. Но вот молодой, горячий, не все иногда додумывает до конца. И что особенно заметно — мало учитывает политическую обстановку и особенности гражданской войны.

Орджоникидзе не скрыл от нас, что Тухачевский был недоброжелательно настроен к Конармии, в частности, ко мне — повлияла нездоровая атмосфера, созданная некоторыми лицами вокруг Конармии. Он познакомил нас с телеграммой, полученной им от Ленина, из которой очевидно было, что и Владимира Ильича кто-то неверно информировал о Конармии.

Ленин писал, что он «крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте», в частности «...полным разложением у Буденного...» [1]

Мы с Климентом Ефремовичем были очень взволнованы, узнав об этой телеграмме Владимира Ильича.

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, стр. 261.

Ясно было, что в центре кто-то злостно и безнаказанно лжет на нас.

Орджоникидзе успокоил нас, сказав, что он в тот же день ответил Ленину, что разговоры о разложении Конармии не основательны.

Ворошилов попросил Орджоникидзе подробно информировать Владимира Ильича об истинном положении дел в Конармии и передать ему наш горячий конармейский привет.

— После вашего обстоятельного доклада, — сказал Орджоникидзе, — у меня не остается и тени сомнений относительно боеспособности вашей армии и правильности принятых вами решений. И обещаю вам сообщить об этом лично Ленину.

Вернулся Тухачевский. Мы еще долго говорили о фронтовых делах и очередных задачах Конармии. Нам предстояло форсированное наступление на юг, к Черному морю, в полосе Туапсе, Сочи. Главное было не дать противнику закрепиться на реках Кубань и Лаба.

Тухачевский сказал, что директива с постановкой задачи Конармии будет отдана позже. В связи с тем, что стрелковые дивизии 10-й армии нам предстояло передать в подчинение командарма десятой, мы попросили одну из дивизий, в частности 20-ю, оставить в Конармии. Тухачевский не согласился, сославшись на то, что он не может ослаблять 10-й армии. Однако он обещал подчинить нам в оперативном отношении 22-ю стрелковую дивизию 9-й армии. Кроме того, мы получили разрешение на использование в завершающих операциях бригады Левды 14-й кавалерийской дивизии, которую Е. А. Щаденко формировал в Таганроге.

Простившись с Орджоникидзе и Тухачевским, мы поехали в Ростов, где 11 марта Ворошилов выступил с докладом о действиях Конармии на собрании представителей партийных и советских организаций города.

Будучи в Ростове, мы поддерживали постоянную связь с Зотовым, находившимся с полевым штабом армии в станице Егорлыкской. Он доложил нам, что дивизии, в том числе и стрелковые, привели себя в порядок, отдохнули и готовы к наступлению, что командующим 9-й армией передана в оперативное подчинение Конармии 22-я стрелковая дивизия и начдив этой дивизии Овчинников с начальником штаба были у него и просили поставить

задачу. Зная уже общее направление наступления армии, мы приказали Зотову поставить частные задачи дивизиям на продвижение в район Тихорецкой.

Между прочим, в Ростове я установил, откуда шла очень посмешившая нас информация о гибели «красного командарма Буденного», которую незадолго до этого белые распространили по своим войскам. Как-то вечером ко мне зашел брат Емельян Михайлович. Вся голова его была забинтована, лишь один, уцелевший после первой мировой войны глаз тускло блестел... Я знал, что в боях за Ростов он был ранен и отправлен на излечение в госпиталь.

— Это тебя под Ростовом так угораздило? — спросил я.

— Это, — Емельян показал на свою голову, — в Ростове, да так, что до сих пор, не верю, что живой остался... Из Таганрога я поехал в Ростов, в штаб армии, — рассказывал Емельян. — Думаю, узнаю, где вы, да и в свой полк махну. С вокзала отправился пешком: хотелось пройтись по городу, посмотреть, как он выглядит после хозяйничанья белых. Иду. И вдруг окружает меня белоказачий патруль. Так неожиданно... Я ведь не знал, что белые в эти дни захватили Ростов. Хватаюсь за наган, но поздно. Офицер уложил меня выстрелом в лицо. Что они со мной делали — не знаю, только очнулся я в медицинском пункте вокзала, куда попал как белый солдат. Затем меня положили в белогвардейский госпиталь, который деникинцы бросили, когда уходили из Ростова. Вот какая история! — заключил Емельян. Он очень сокрушался, что белые раздели его до белья. — Ну и все: документы, наган, шашку, верхнюю одежду — все забрали.

Вот, оказывается, в чем дело — деникинцы воспользовались документами Емельяна, чтобы оповестить о моей гибели.

6

13 марта, когда мы уже возвратились в Егорлыкскую, была получена директива Реввоенсовета Кавказского фронта от 12 марта, в которой Первой Конной армии приказывалось выйти в район Усть-Лабинская, Ладожская, форсировать реку Кубань и к 19 марта овладеть районом Белореченская, Гиагинская.

После занятия станции Тихорецкой стрелковые дивизии 10-й армии были возвращены в подчинение своего командарма, но в дальнейшем по-прежнему с нами взаимодействовали.

14 марта в Конармию приехали командующий Кавказским фронтом Тухачевский и член Реввоенсовета фронта Орджоникидзе. Они осмотрели несколько частей армии и остались довольны их состоянием.

В дополнение к полученной нами раньше директиве Конармии дано было распоряжение наносить фланговые удары противнику, расположенному перед фронтом 9-й армии, чтобы облегчить этой армии захват Екатеринодара (Краснодара). Необходимость этого была вызвана тем, что в направлении Екатеринодара продвижение 9-й армии затруднял конный корпус князя Султан-Гирея. 16 марта в районе Усть-Лабинской 4-я кавалерийская дивизия столкнулась с этим корпусом силой до пяти тысяч сабель. Султан-Гирей стал отходить к Кирпильскому и в восьми километрах от этого поселка попал под удар 6-й кавалерийской дивизии, наступавшей на станицу Усть-Лабинскую. Началась жестокая рубка. Не выдержав ее, белые начали отходить. Значительная часть их, прижатая к реке Кубань, бросилась на мост, который уже успели захватить конармейцы. Пытаясь спастись, белые прыгали в реку, но либо тонули, либо уничтожались огнем наших пулеметов.

Разгромив корпус Султан-Гирея, Конармия продолжала наступление. Белогвардейцы уничтожили большинство переправ через реку Кубань, но это уже не могло удержать наши войска. Взорванные мосты ремонтировались, наводились понтонные переправы, разыскивались пригодные броды. Форсировав Кубань, Конная армия устремилась к реке Лабе.

19 марта была получена директива Реввоенсовета фронта, в которой Первой Конной армии ставилась задача занять 21 марта Майкоп и выделить часть сил для овладения районом Туапсе. Во исполнение этой директивы вечером того же дня был отдан приказ по Конармии с постановкой боевых задач дивизиям. Майкоп охватывался войсками армии с северо-запада и северо-востока. Для действий в направлении Туапсе направлялась бригада под командованием Левды, или, как она тогда именовалась, бригада упраформа Конармии.

20 марта 4-я кавалерийская дивизия, наступая в направлении Майкопа, в районе станицы Гиагинской встретила упорное сопротивление противника, перешедшего в контратаку при поддержке трех бронепоездов. Контратака была отбита. Противник, понеся большие потери, отступил.

6-я кавалерийская дивизия 21 марта после ожесточенного боя овладела станцией Белореченской, взяв в плен около тысячи белоказаков и захватив большие трофеи. Остатки белогвардейских частей скрылись в горах.

Утром 22 марта Конармия вступила в Майкоп. В городе уже находились представители так называемой «зеленой» армии во главе с Шевцовым. Эта армия, насчитывавшая в своем составе около пяти тысяч штыков, представляла собой соединение кавказских и причерноморских краснопартизанских отрядов. Она активно содействовала наступлению войск Кавказского фронта и за период своих боевых действий разгромила до шести полков белых и помогла нашим войскам овладеть Сочи и Туапсе.

Серьезную помощь войскам фронта оказал также краснопартизанский отряд чеченцев, ингушей и других кавказских народностей, действовавший в районе грозненских нефтепромыслов. Мы много наслышались рассказов, похожих на легенды, о командире этого отряда, грозненском рабочем Гикало, умном и осторожном партизанском вожаке, пользовавшимся большой популярностью среди горских народов.

Вступив в Майкоп, мы сейчас же организовали охрану нефтепромыслов, а вечером того же дня получили специальное распоряжение Реввоенсовета фронта по этому вопросу со ссылкой на телеграмму Ленина, предписывающую сохранность нефтяных промыслов. Нам рекомендовалось для организации охраны промыслов и формирования маршрутных составов с нефтью в центр страны вызвать из Таганрога Щаденко.

Майкопская операция была последней серьезной операцией Первой Конной армии на Северном Кавказе.

После занятия Майкопа боевые действия главных сил Конармии прекратились. По труднопроходимым горным дорогам и тропинкам, пробиваясь к побережью Черного моря в направлении Туапсе, Гагры, действовали лишь

отдельные эскадроны, главным образом бригады Левды. Эти эскадроны при активной помощи отрядов «зеленой» армии Шевцова вылавливали скрывавшихся в горах белогвардейцев и отправляли их в пункты сосредоточения основных сил армии. Белые уже не оказывали серьезного сопротивления и в большинстве своем сдавались в плен группами и целыми частями. Так, в районе станицы Кореневской сложила оружие и изъявила желание сражаться на стороне красных казачья бригада трехполкового состава под командованием Шапкина. В районе Туапсе, Красная Поляна сдалась в плен дивизия белых под командованием генерала Морозова. Эта дивизия отходила по Черноморскому побережью в Грузию. Однако грузинские меньшевики не пустили ее к себе.

Три дня уже Конармия стояла в Майкопе и его окрестностях. В городе царил порядок и спокойствие. Созданный с приходом Конармии Ревком при нашей помощи и при участии рабочих активно занимался городскими делами. Трудящиеся города по-братски принимали конармейцев, делились с ними последним куском хлеба. Одно нас беспокоило: в городе не было фуража, а наши фуражные запасы кончались.

К этому времени нам уже было известно, что собираются грозные тучи на западе: Пилсудский с помощью Антанты сколачивал в Польше большие, хорошо оснащенные вооруженные силы для похода против Советской республики.

Еще 14 марта Орджоникидзе, будучи у нас, говорил:

— Я думал, что теперь мы возьмемся за работу на трудовом фронте, а видно еще придется воевать и с белополяками.

И он показал нам телеграмму Ленина:

«Очень рад Вашему сообщению, что скоро ожидаете полного разгрома Деникина, но боюсь чрезмерного Вашего оптимизма.

Поляки, видимо, сделают войну с нами неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт. На этой задаче сосредоточьте все усилия. Используйте пленных архиэнергично для того же» [1].

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, стр. 274.

Орджоникидзе высказал тогда предположение о переброске Конармии к западным границам республики. Вскоре он заговорил об этом определенно.

В связи с предстоящей переброской Ворошилов и я должны были выехать в Реввоенсовет фронта, а оттуда в Москву. Однако 24 марта из Реввоенсовета фронта была получена телеграмма, в которой наша поездка временно отменялась. На следующий день мы разговаривали по прямому проводу с Орджоникидзе. Привожу этот разговор с некоторыми сокращениями:

Буденный. У аппарата Ворошилов и Буденный. Здравствуйте, Григорий Константинович. В расположении нашей армии спокойно. Противник, разбитый наголову, жалкими кучками разбрелся по лесам и горам. По имеющимся данным войсковой разведки, незначительные части противника и ускользнувшие с Белореченской четыре бронепоезда сгруппировались в районе Хадыженская, Кабардинская. В этом направлении двинута наша 34-я пехотная дивизия, кроме того, пехотная дивизия поддерживает передовые части 6-й кавдивизии в районе ст. Индюк (на карте нет), что в 30—40 верстах северо-восточнее Туапсе.

Сгруппированы значительные силы «зеленокрасноармейцев», которые организовались в армию во главе с Реввоенсоветом... Армия именуется «Красная армия Черноморья». Этой армией занята вся восточная часть Черноморской губернии, за исключением Новороссийского района, где оперируют только отряды этой армии и посланные ею значительные подкрепления. Один из членов Реввоенсовета армии Черноморья т. Шевцов по занятии нами Майкопа был в городе; фактически Майкоп был занят ими после оставления его белыми. Тов. Шевцов очень хороший, вполне свой человек, мы с ним столковались относительно дальнейшего существования Красной армии Черноморья и ближайших оперативных заданий. Вся армия Черноморья состоит приблизительно из пяти тысяч штыков, имеет двадцать два орудия и восемьдесят пулеметов. Вся она целиком вольется в 34-ю дивизию, как только последняя подойдет в район ст. Индюк. У нас имеется доклад Реввоенсовета армии Черноморья, и мы сейчас воздержимся от дальнейших вопросов по этому поводу, по приезде в Ростов подробно доложим.

Для сведения сообщаем, что далее Хадыженская наши кавчасти двигаться не могут как по причинам топографическим, так и вследствие отсутствия в этом районе фуража. Мы передовыми частями достигли следующих пунктов: Гурийская, Тверская, Ширванская, Самурская, Нижегородская, Каменкомостская, Баракаевская, Подгорная. Во всех указанных станицах противника нет, за исключением Гурийская, Тверская, где противник ведет активную разведку. Мосты на железнодорожной линии Белореченская — Туапсе до Тверская все взорваны.

Тов. Шевцов сообщил, что первый тоннель у ст. Новогиагинская зелеными испорчен настолько, что движение по нему ранее чем через 7—10 дней невозможно. Между первым и последним тоннелями имеется много составов с различным имуществом, о чем доводим до вашего сведения и просим по этому поводу срочных распоряжений. Во всем районе расположения Конармии дело с фуражом и продовольствием более чем скверно. Через неделю или дней через десять все речки наполнятся водой, и мы на значительное время будем совершенно отрезаны от севера. Если нам предстоят новые задачи, примите указанное во внимание и сделайте соответствующее и немедленное распоряжение до нашего отъезда, чтобы мы смогли сделать все необходимое в смысле отвода хотя бы резервных частей за Кубань.

Вчера получена телеграмма, которой временно отменялась наша поездка. Сейчас обстоятельства изменились; сообщите, должны ли мы выезжать и если выезжать, то когда?

Точные сведения о количестве нефти и состоянии промыслов дадим не ранее 22 часов, к этому времени мы будем иметь точные данные. В исполнение Вашего распоряжения мною вызван товарищ Щаденко из Таганрога и приняты меры к конструированию маршрутного поезда и сбору всех необходимых для нас сведений.

Орджоникидзе. У аппарата Орджоникидзе. Вы приезжайте сюда, я буду ожидать. Относительно всех вопросов, поднятых вами, получите ответ сегодня же, после переговоров с комфронтом. Выехать вам нужно будет, как только приедет Щаденко, а если вы считаете возможным выехать до его приезда, выезжайте немедленно, решайте сами. Ревсовет черноморцев мне персонально весь известен, ребята очень хорошие, старые партийные

работники. Не откажите передать им привет от Ревсовета Кавказского фронта...

Буденный. Сейчас мы лишены возможности исполнить ваше приказание, так как единственный член Ревсовета т. Шевцов с двумя отрядами, находившимися вблизи Майкопа, двинулся по шоссе на Хадыженскую.

Орджоникидзе. Прошу при первой возможности.

Буденный. С нами вы или кто-либо другой из фронта едет?

Орджоникидзе. В Москву поедете вы одни... Я, к сожалению, лишен возможности... Если других вопросов у вас нет, я жму вашу руку» [1].

Через несколько дней мы с Климентом Ефремовичем отправились в Ростов, откуда нам предстояло ехать в Москву.

Весна была в разгаре. Много солнечного света, много тепла и весенних цветов. Впереди нас ждали новые тяжелые испытания, но настроение у нас было хорошее, приподнятое, вызванное чувством удовлетворения успешной боевой работой Первой Конной армии, сознанием, что в боях с деникинцами она с честью выполнила свое предназначение и свой долг перед Коммунистической партией и советским народом.

На Южном фронте, усиленная двумя стрелковыми дивизиями, Конармия, будучи ударной группой войск, мастерски решила основную оперативно-стратегическую задачу главного командования по разъединению деникинских войск на две изолированные группировки. На Кавказском фронте, в тесном взаимодействии с пехотой 10-й армии, она разгромила наиболее боеспособные силы Деникина и тем самым решающим образом способствовала окончательной победе советских войск.

Созданная с великим трудом, в ходе жестокой борьбы с многочисленными полчищами врагов, Конармия доказывала жизненность армейского объединения кавалерии и свое право на существование в суровых условиях классовой войны. Она не только выдержала все испытания, но и показала классические образцы крупных операций, связанных с практическим решением сложных оператив-

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 3, д. 2/с, лл. 271—278. Телеграфная запись.

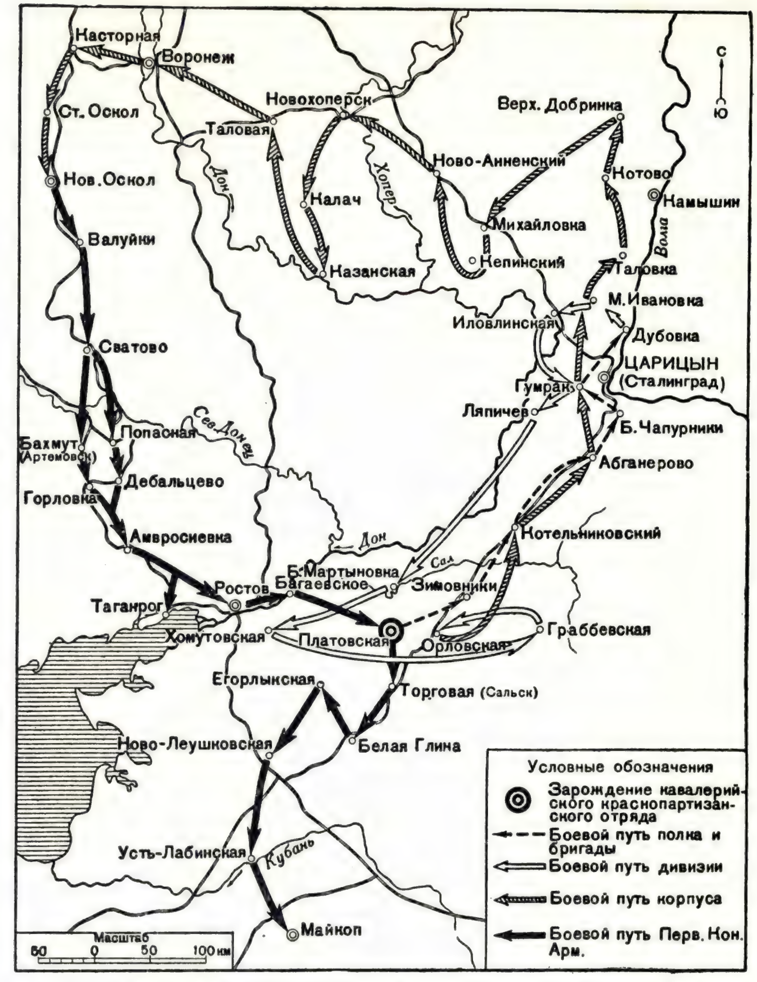

Схема 14. Боевой путь кавалерийского полка — Первой Конной армии с июня 1918 года по март 1920 года.

ных задач и огромным напряжением физических и моральных качеств личного состава. Убедительным доказательством этому служат Воронежская, Касторненская, Донбасская, Ростовская, Белоглинская, Егорлыкская и другие операции.

Гибкость маневра и быстрота перегруппировок, сосредоточение превосходящих сил и средств на направлении главного удара, внезапность нападения и четкое взаимодействие частей и соединений, постоянная поддержка конных атак огнем, активная разведка, широкая инициатива бойцов и командиров — все это было характерным для Конармии.

Бойцы, командиры и комиссары частей и соединений армии, воодушевленные Коммунистической партией на священную борьбу против эксплуататоров и их наемной силы, спаянные единством воли и ясностью целей, шли на врага, проявляя в боях чудеса храбрости и отваги. В лютую стужу и палящий зной, в весеннюю распутицу и холодную, сырую осень, ночью и днем, часто голодные, плохо одетые, слабо вооруженные, но сильные боевым духом и революционным сознанием, они одерживали победу за победой. Золотые были люди — не жалевшие во имя революции ни своей крови, ни самой жизни.

Конец первой книги.

★

СОДЕРЖАНИЕ

☆

Буденный Семен Михайлович.
Пройденный путь

Редактор полковник *Крутиков А. И.*
Художник *Смирнов В. И.*
Технический редактор *Аникина Р. Ф.*
Корректор *Павлова Е. А.*

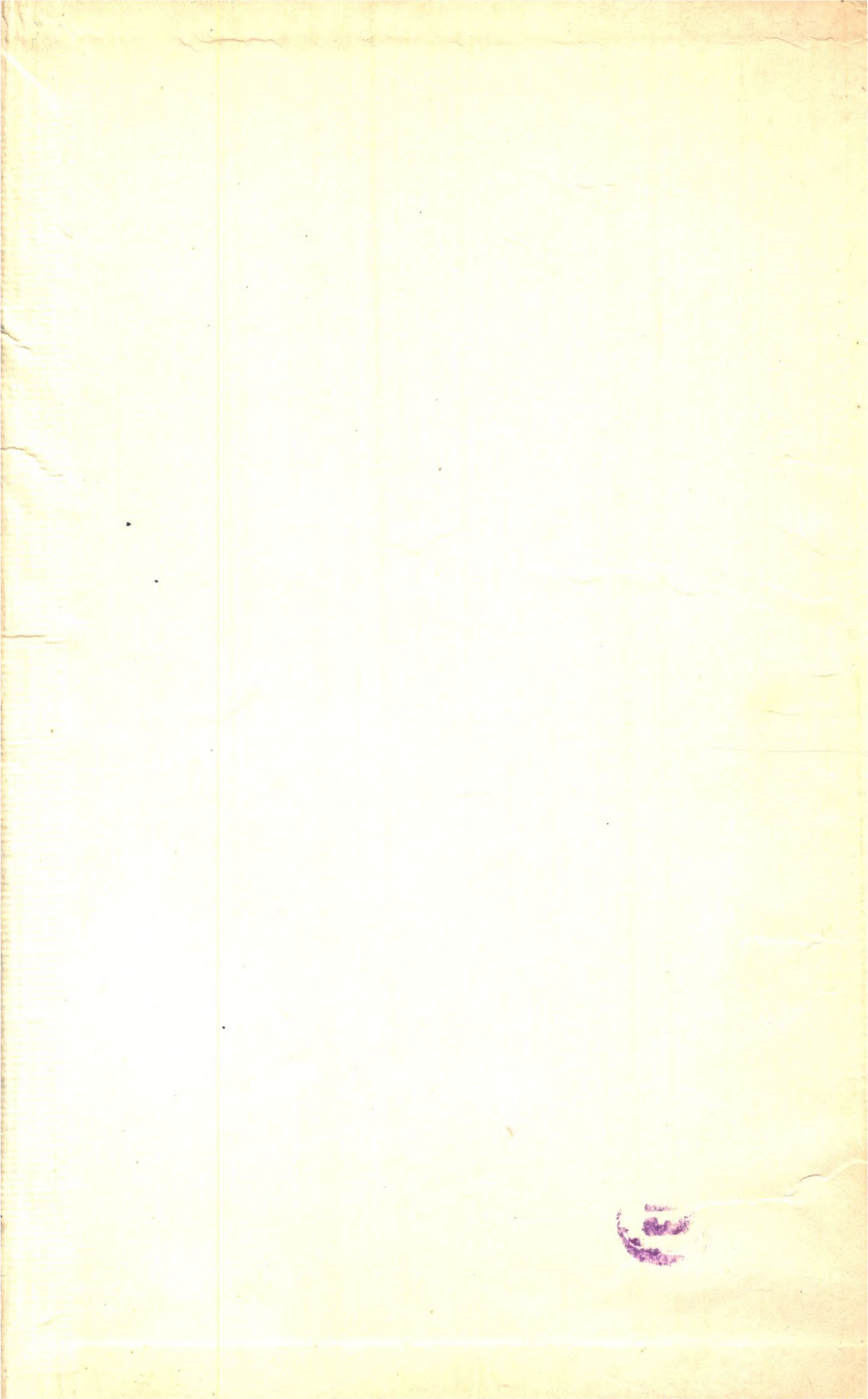
Г-44614 Подписано к печати с матриц 20.2.59 г.
Формат бумаги 84×108 1/32 — 14 печ. л. = 22,75 усл. печ. л.
+ 6 накидок 3/4 печ. л. = 1,23 усл. печ. л. + 1 вкл. 1/16 печ. л. = 0,103 усл. печ. л.
23,955 уч.-изд. л.
Военное издательство
Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-9, Тверской бульвар, 18
Изд. № 12/1693 Зак. № 109

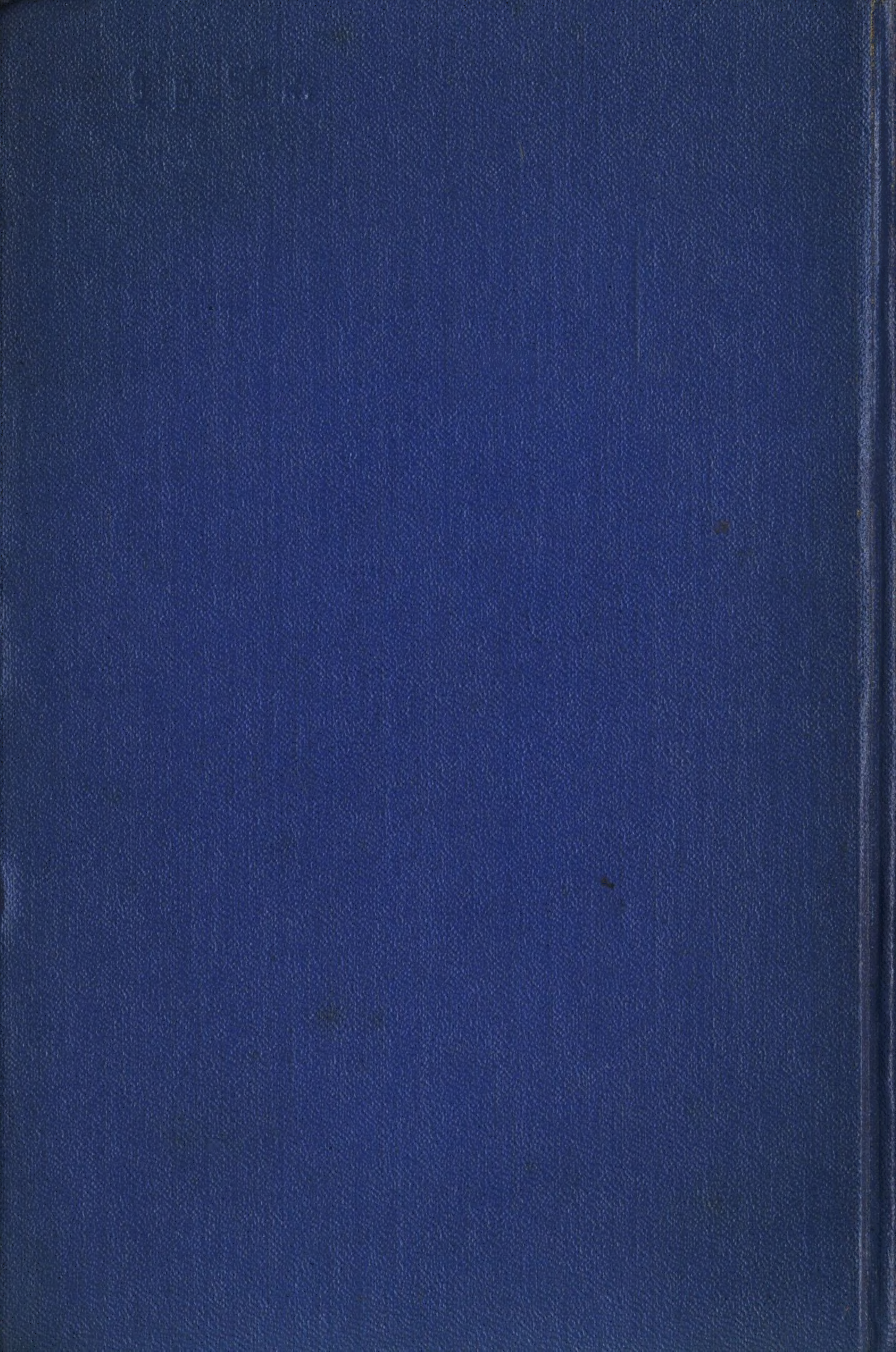
Отпечатано с матриц во 2-й типографии
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10
Цена в переплете № 7 — 9 руб. 50 коп.

г.

л.

109

С. М.
БУДЕННЫЙ

★

ПРОЙДЕННЫЙ
ПУТЬ

